

13(2P5)
СЗ41

**СИБИРЬ
НА ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
В РОССИИ**

(XIX - НАЧАЛО XX ВВ.)

**Материалы международной
научной конференции**

Новосибирск

2002

Л.А. Голишева, В.А. Соловьева, М.Э. Черняк, Э.И. Черняк (Томск)

ИСТОРИКИ ПО ЗОВУ ДУШИ:

И.М. РАЗГОН И Л.М. ГОРЮШКИН – УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК*

Член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, многие годы возглавлявший Институт истории СО РАН, Леонид Михайлович Горюшкин, несомненно, принадлежит к числу крупнейших историков страны. В плеяду молодого поколения историков он вошел с приездом в конце 40-х гг. в Томск известного историка-ученого, Лауреата Сталинской премии первой степени (ныне Государственной) и любимого педагога студентов Московского университета Израиля Менделевича Разгона. Именно с ним Леонид Михайлович связывал свой путь в историческую науку. "Я с детства впитывал в себя рассказы о переселенцах, о сибирских партизанах. – отмечал он в интервью. – Этот интерес мог бы и не получить усиления. Но его развил в Томском университете, где я учился, мой научный руководитель профессор И.М. Разгон. Большая удача, когда в юности тебе выпадет хороший учитель"¹.

Первая встреча ученика и учителя состоялась в ноябре 1949 г. Ученик был студентом IV курса исторического отделения ИФФ Томского университета. Учитель – маститый ученый, в проработочные времена борьбы с буржуазным объективизмом и космополитизмом причисленный вместе с академиком И.И. Минцем и другими известными историками (О.Л. Вайнштейном, Г.А. Дебориным, А.М. Дебориным, Л.И. Зубоком, В. Ланом, Н.Л. Рубинштейном и др.) к ведущим "космополитам" и освобожденный в марте 1949 г. от преподавательской, исследовательской и просветительской деятельности в столичных вузах и научных учреждениях (Секретариате "Истории гражданской войны, Историческом музея, обществе "Знание", Главполитиздате и др.). Более полугода был без работы и лишь в конце октября 1949 г. получил назначение в Томский университет заведующим кафедрой истории СССР на историко-филологическом факультете.

Спустя не один десяток лет его ученик Л.М. Горюшкин, выступая в 1995 г. с докладом "И.М. Разгон – ученый, педагог, человек" на Всероссийском симпозиуме, посвященном памяти профессора, отмечал исключительнейшее его влияние после приезда в Томск на развитие исторической науки в сибирском и дальневосточном регионах России и подготовку научно-педагогических кадров профессиональных историков для высшей и общеобразовательной школы². "В Томске, – говорил Леонид Михайлович, выразив тем самым свое благоговейное отношение и к своему учителю, и к его появлению на томской земле, – появился ученый высокого

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ

класса, крупный общественник и высококвалифицированный педагог с большим опытом работы в вузах"³.

Конечно, понимание значения появления в Томске крупного ученого и педагога И.М. Разгона, его вклада в развитие исторической науки и гуманитарного образования в сибирском и дальневосточном регионах пришло к Леониду Михайловичу с годами. Однако то, что студент Леонид Горюшкин не воспринял профессора как "безродного космополита", а это имело место у некоторых студентов-историков на факультете, говорит о понимании им сложности общественно-политической ситуации в стране (его отец был незаконно репрессирован в 30-е годы) и трудностей в судьбе ученого. Так уже в студенческие годы у Леонида Михайловича стал проявляться дар ученого и талант исследователя – историческое предвидение.

Его учеба на историческом отделении ИФФ Томского университета выпала на первые послевоенные годы – 1946–1951. Исторический факультет в ТГУ был вновь открыт в 1940 г. В военные годы учебный процесс обеспечивался в основном учеными и преподавателями, эвакуированными из Москвы, Киева, Харькова. Однако в 1944/1945 г. все они покинули университет, и ИФФ оказался в крайне затруднительном положении. "Особенно остро нуждается в профессорско-преподавательских кадрах ИФФ," – отмечалось в отчете Томского университета за 1945/1946 учебный год⁴.

В 1946–1948 гг. в коллектив ИФФ влилась блестящая плеяда молодых ученых, успешно защитивших кандидатские диссертации в Московском и Ленинградском университетах – историк А.И. Данилов, философ П.В. Копнин, филологи Н.Ф. Бабушкин, Н.А. Гуляев, Ф.З. Канунова, а также переведшийся из Красноярского пединститута А.П. Бородавкин. Бывшие фронтовики, они внесли в жизнь студенческого и преподавательского коллективов факультета особую атмосферу творческого поиска и увлеченности наукой.

В эту атмосферу и окунулся поступивший в 1946 г. на историческое отделение Леонид Горюшкин. Высокий, спортивного сложения юноша, с виду немного застенчивый, он вскоре становится заводилой многих начинаний и на факультете, и в университете. Учебу он сочетал с работой заведующего студенческим клубом. Уделяя большое внимание организации досуга и отдыха студенческой молодежи, занимался проведением вечеров отдыха, смотров художественной самодеятельности, танцевальных вечеров и т. п. В весенне-летнее время по инициативе Леонида организовывались походы и выезды на природу.

Для университетского студенчества особо привлекательными были окрестности Томска, береговые пейзажи и речная рябь Томи и ее притоков – Басандайки и Ушайки. Здесь готовились к экзаменам, перебрасывались шутками, обыгрывали допущенные кем-то оплошности. Не только

организатором, но и душой многих коллективных походов был Лёня Горюшкин. Но главным для него все же была учеба. Проявляя упорство и трудолюбие, он увлеченно и настойчиво овладевал знаниями по всем учебным дисциплинам и курсам всеобщей и отечественной истории. Активно участвовал в работе студенческого научного общества, выступал с докладами в студенческом научном кружке и на научных конференциях. Благодаря прекрасному преподавательскому составу, у любознательного студента от курса к курсу развивалась и укреплялась любовь к истории. Импульс же в понимании сложностей истории и ее завлекательности дала встреча, а в дальнейшем и многолетняя дружба с профессором И.М. Разгоном.

Уже первыми прочитанными в Томском университете для студентов-историков лекциями профессор И.М. Разгон поразил студентов своими познаниями, сумел внушить им подлинную любовь к исторической науке. Спустя 45 лет, делясь своими впечатлениями о первой лекции Израиля Менделевича, Л.М. Горюшкин рассказывал: "Он энергично вошел в аудиторию, повесил пиджак на спинку стула и, расхаживая, начал увлекательно говорить. Знания как бы распирали его, и некоторым лекция казалась не всегда стройной – за ним, дескать, нелегко записывать. Большой знаток источников, хорошо знавший всех видных историков своего времени и иногда еще живых исторических деятелей, он убедительно подтверждал выдвигаемые положения большим фактическим материалом и портретными характеристиками. Запомнилась его независимая манера интеллигента-профессора называть Деникина, Колчака и других белых генералов по имени-отчеству, что казалось необычным для 1949 г., когда противникам революции отказывали во все человеческом⁵. Как видно, любознательного студента в профессоре И.М. Разгоне привлекали интеллигентность, громадная эрудиция, опыт ученого и педагога, порядочность и простота поведения. Исключительно глубокое уважение студента Л. Горюшкина, как и многих, в профессоре вызывала общая культура как следствие пытливости ума и души, ненасытного стремления к расширению кругозора, к духовному обогащению. Начитанность Израиля Менделевича, широта и глубина его знаний, простирающихся на самые разнообразные сферы гуманитарных наук, и поражала, и завораживала, и воспитывала уважительное отношение к исторической науке.

Когда же встал перед студентом IV курса Леонидом Горюшкиным вопрос о выборе специализации, он, не задумываясь, записался в спецсеминар И.М. Разгона, в котором и получил основательную профессиональную подготовку, выполняя под его руководством курсовые и дипломные сочинения. Интерес к спецсеминару только что появившегося на факультете профессора проявили и другие однокурсники Л.М. Горюшкина – 16 человек IV курса (123-я группа) изъявили желание специализироваться у Израиля Менделевича⁶.

Более 350 студентов-историков в Томском университете получили профессиональную подготовку через спецсеминары профессора И.М. Разгона, выполняя под его руководством курсовые и дипломные работы.

На занятиях, в личном общении профессора с учениками Леонид Михайлович, как и его сокурсники, да и студенты последующих поколений, получали навыки самостоятельной работы: умения работать с исторической литературой и источниками, критически анализировать их, сопоставлять факты, явления, обосновывать концептуальные подходы, выводы и предложения. Щедро делясь с учениками своими исключительно богатыми знаниями, увлеченностью, пробуждая в них инициативу, увлекая творческими замыслами и привлекая к исследовательской работе, мудрый учитель, исходя из собственного опыта, наставлял: "Работоспособность и терпение – самое главное для историка. Самостоятельность мышления. Она вырабатывается в труде. Умение самому искать и находить"⁷. Довольно часто он говорил: "Горько слышать от студентов: "Мы этого не проходили, мы этого не знаем". Историк должен знать все. Я требую и жду от своих учеников, от своих студентов неутомимости в познании нового"⁸.

Педагог университетского типа, Израиль Менделевич учил студентов глубокому и всестороннему исследованию исторического факта. Почти каждый из учеников, участников спецсеминара, курсовиков, дипломников в свой адрес получал, хотя и доброжелательную, критику учителя: "Никакое глубокомыслие и никакое остроумие не могут возместить незнание фактов".

Живительную атмосферу исторического познания спецсеминара проф. И.М. Разгона передает письмо одного из его учеников (1949–1951 гг.) В.Т. Фоменко⁹: "Я часто вспоминаю спецкурсы и семинары Изр. Менд. (он ведь много – как никто другой – возился с нами – 135 группой) и до сих пор удивляюсь, где он брал силы для всегдашней жизнерадостности, общительности, индивидуализированной внимательности к каждому, – писал Владимир Трофимович своим сокурсникам и друзьям Людмиле Григорьевне и Анатолию Константиновичу Сухотиным¹⁰ уже после кончины своего учителя. – А как он смеялся, если мы на семинарах скрещивали штыки и перехлестывали! Удивительно умел он поддерживать задор, поощрял поиски, самостоятельность суждения, приходил в восторг от сообразительности. Нам чертовски здорово повезло!". Повезло не только студентам 135-й группы, но и сотням из других групп. Повезло и Леониду Михайловичу, бывшему в конце 40-х – начале 50-х гг. еще Лёней Горюшкиным.

В спецсеминаре известного ученого Л. Горюшкин проявил способности, показал себя трудолюбивым и любознательным студентом. С первых же занятий с глубоким интересом начал изучать взятую для разработки проблему по истории российского крестьянства в первые годы Советской власти – коллективное земледелие в годы гражданской войны. В настоящее время тема разработана довольно полно и освещена в исторической

литературе. В конце же 40-х – начале 50-х гг. аграрная история союзного государства и отдельных регионов в годы революции послереволюционного периода была в числе слабо изученных проблем. Лёне Горюшкину пришлось начать поисковую работу по сбору материала для доклада, курсового и затем дипломного сочинений. Увлеченно работая он в Научной библиотеке ТГУ с газетами, журналами, статистическими другими документальными публикациями, знакомился с исторической литературой по своей тематике. Его учитель, заметив в ученике трудолюбие и способности, увлеченность исторической наукой, как истинный ученый педагог, сумел разглядеть талант исследователя. После проведения нескольких первых занятий своего спецсеминара (123 гр.) профессор делает в списке его участников пометку о Л. Горюшкине, которую можно расшифровать: "способствовать развитию дарования"¹¹.

Для ученика же общение с учителем – высокообразованным ученым способствовало расширению познания, обогащало и образовательный, культурный уровень. От учителя и наставника он усвоил и умение не только зарождал в учениках, студентах жажду знаний, но и утолять ее. Таким образом, уже в студенчестве в Л.М. Горюшкине зарождался новый ученый с своими научными направлениями и школой.

Как ученый-исследователь и профессор-педагог, Леонид Михайлович формировался в творческой атмосфере научных поисков, особенно активно внедрявшихся в учебный процесс на ИФФ после приезда в Томск Израил Менделевича. Его дипломное сочинение "Коллективное земледелие в год гражданской войны", выполненное на основе выявленных и опубликованных и неопубликованных материалов и документов периодической печати, представляло собой самостоятельное исследование.

Определившись еще на студенческой скамье его научные интересы области аграрной истории становятся в дальнейшем и темами его кандидатской и докторской диссертаций, разделами коллективных фундаментальных исследований, монографий, статей и т. п.

Важным этапом на пути в большую историческую науку стали для Л.М. Горюшкина годы аспирантуры. В 1958 г. он становится аспирантом профессора И.М. Разгона по кафедре истории СССР Томского университета (до 1967 г. на ИФФ ТГУ была единая кафедра истории СССР, которую возглавлял профессор И.М. Разгон, с 1967 г. он стал заведовать кафедрой истории СССР советского периода, ныне – кафедра современной отечественной истории). Хотя Леонид Михайлович поступил в аспирантуру спустя семь лет после окончания ИФФ ТГУ, в жизнь факультета он вошел сразу же, как будто и не было долголетнего перерыва, и оставил яркий след в истории факультета, да и университета в целом, как исследователь, педагог, общественник, друг и товарищ.

Те, кто встречался, общался с ним в годы его пребывания в аспирантуре, ощущали в нем сочетание незаурядного ума, разносторонней эрудиции

тактичности. Как и его учитель, Л.М. Горюшкин был дружелюбным, отзывчивым, активным по складу характера человеком. Всех всегда поражала живость его восприятия, точность суждений, меткость и образность речи. Как и его учитель, он был начисто лишен равнодушия к людям, научным проблемам, общественной жизни, ко всему, что происходило вокруг. Никогда не отказывался от поручений – ни общественных, ни научных.

Учитель и ученик – талантливые, жизнерадостные, веселые, они любили жизнь во всех ее проявлениях. Любили шутку, острое слово, застольные встречи с друзьями. Сколько за три года в Научной библиотеке, на факультете, кафедре прозвучало остроумных, брызжащих весельем шуточных сравнений, кличек, дружеских записок, розыгрышей и т. п.

Так, Л.М. Горюшкин и его сотоварищи по партийному бюро ИФФ ТГУ (Н.Н. Киселев, Б.Г. Могильницкий, В. Тюнин) поручали парторгу кафедры истории СССР разработать лекцию для студентов и населения о борьбе с мухами. В начале 60-х гг. в Китае эта работа велась на государственном уровне. Поэтому и задание парторгом было воспринято как важное партийное поручение. Стопка литературы о мухах и борьбе с ними росла на столе в преподавательском зале Научной библиотеки, мучительно обдумывался план лекций. В конце концов шутники не выдержали и признались в своем розыгрыше, который на многие годы в университете стал притчей во языцех. Подобных розыгрышей было немало. Инициатором большинства их был Леонид Михайлович.

Вокруг Л.М. Горюшкина, как и его учителя профессора И.М. Разгона, всегда была "зона людского притяжения". Многие завязавшиеся на томской земле научные связи и дружеские отношения сохранялись долгие годы, с некоторыми – до кончины кого-то из дружеской когорты. Не один десяток лет он получал от своих друзей и подруг, которых часто называл "ше-пе" (швой парень), поздравительные письма, открытки, телеграммы за подписью "и твои три ухажерки – Вера, Валя, Любочка"¹². И все годы – около четырех десятков лет – его исследовательский и педагогический деятельности в институте истории СО РАН и Новосибирском университете к нему на историческом факультете, в проблемной лаборатории по истории Сибири ТГУ относились как к члену коллектива. Не случайно в ноябре 1997 г., в честь 70-летия со дня его рождения, кафедра современной отечественной истории ТГУ избрала Леонида Михайловича почетным членом кафедры.

Историк по зову души, в аспирантские годы Леонид Михайлович много, упорно и увлеченно трудился в архивах и библиотеках Сибири, Москвы, Ленинграда, неустанно занимался обработкой собранных материалов, набрасывал страницы исследовательских статей и кандидатской диссертации. Уже в аспирантуре ярко проявился у него исследовательский дар, выразившийся в широком подходе к формированию корпуса источников по теме диссертации. Продолжая разрабатывать взятую еще в студенчестве проблему о социалистических преобразованиях в сибирской деревне в

первые годы Советской власти, аспирант при исследовании социально-экономических и политических предпосылок социалистической революции в сибирской деревне углубился в исследование вопроса о развитии капитализма в сельском хозяйстве Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. Опубликовав ряд исследовательских статей о создании первых коллективных хозяйств в Томской губернии, кандидатскую диссертацию он выполнил по теме: "Сельское хозяйство и крестьянство Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв."

Научные успехи одного из любимых учеников, глубина и широта приобретаемых им знаний, смелость в решении стоящих исследовательских задач импонировали учителю. Видел он в какой-то мере в ученике самого себя, в молодые годы входящего в большую историческую науку. Это, видимо, явилось для Израиля Менделевича причиной рекомендовать после окончания аспирантуры своего ученика в Отдел гуманитарных исследований Института экономики и организации промышленного производства, впоследствии преобразованного в Институт истории, филологии и философии СО АН СССР. Как истинный ученый, И.М. Разгон понимал, что развитие исторической науки в Сибири требует укрепления связей вузовской науки с академической. В Л.М. Горюшкине он видел ученого, который и будет укреплять этот союз.

Известный как крупный специалист в области истории сибирского и российского крестьянства, его историографии, источниковедения, политической ссылки и общественной жизни Сибири конца XIX – начала XX вв., создатель нового научного направления по аграрной истории Сибири и исторической школы, Леонид Михайлович Горюшкин принадлежит к числу выдающихся учеников широко известной научной школы профессора И.М. Разгона.

Для Леонида Михайловича Горюшкина Израиль Менделевич был человеком старшего поколения. Со студенчества ученик стремился следовать примеру учителя – его преданности науке, душевной щедрости, такту. Даже став директором Института истории СО РАН, ученик во всем чувствовал себя младшим и соответственно вел себя, хотя совместная работа над "Историей Сибири" их еще более сблизила и сдружила. Теми же достоинствами, что и учитель и старший коллега, обладал и Леонид Михайлович. Учитель и ученик могут служить примером настоящего ученого-историка, настоящего интеллигента

Разные по возрасту, да и по характеру, ученик и учитель все годы вплоть до кончины Израиля Менделевича постоянно общались. Их встречи стали долголетней и доброй традицией. Происходили они в "выездной обстановке" – на научных конференциях, сессиях, симпозиумах, семинарах и в домашних условиях. Во время встреч и бесед с учеником Израиль Менделевич оживлялся. Учитель и ученик как бы "заряжали" друг друга. Их глубоко объединяли научные интересы и взаимная привязанность.

Восприняв от своего учителя лучшие традиции университетского образования и исторической науки, Леонид Михайлович достойно нес звание ученика профессора И.М. Разгона, был его помощником, соратником и последователем в научной, образовательной, организаторской сферах деятельности: в создании фундаментального пятитомного труда "История Сибири", исследований по истории сибирского крестьянства и других проблем сибирской истории, подготовке и проведении всесоюзных, региональных научных и краеведческих конференций и симпозиумов.

Не один десяток лет Л.М. Горюшкин был заместителем главы сибирской секции Научного Совета АН СССР по комплексной проблеме "Великая Октябрьская социалистическая революция" – учителя и друга профессора И.М. Разгона. После его кончины Леонид Михайлович, возглавив сибирскую секцию, продолжил дело своего учителя, доводя до завершения начатое и задуманное им. После ухода из жизни И.М. Разгона в свет вышли любимые его детища: двухтомная коллективная монография "Победа Великого Октября в Сибири" и "Хроника установления Советской власти в Сибири". Л.М. Горюшкин принимал участие в их создании, будучи одним из авторов разделов коллективного исследовательского труда и став после смерти учителя фактически соредактором "Хроники установления Советской власти в Сибири", вышедшей под грифом Томского университета и Института истории СО АН СССР.

Между прочим, научные и дружеские связи и отношения Леонида Михайловича с томскими учениками профессора И.М. Разгона не нарушались благодаря постоянному его вниманию и разносторонней помощи ученикам и коллегам учителя. Так, например, он поддержал и дал высокую оценку первой в России (в 9 томах) публикации материалов съездов, конференций, совещаний социально-классовых, политических, национальных и религиозных организаций в губерниях и областях Сибири (март 1917 – ноябрь 1918 гг.), подготовленную в 1991–1993 гг. сотрудниками Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ. Составители, воспитанники научной школы профессора И.М. Разгона, проделали огромнейшую работу по обновлению корпуса источников по социально-политической истории, отразив полный спектр общественно-политических процессов в сибирском регионе в достаточно драматичный период его истории. Леонид Михайлович назвал это издание оригинальным, не имеющим в России аналогов, во многом восполняющим не отражавшиеся в документальных публикациях и замалчивавшиеся в исторической литературе пласты социальной, политической и культурной истории Сибири.

Советами, консультациями, дружеской поддержкой профессор Л.М. Горюшкин оказывал помощь в завершении и диссертаций – кандидатских и докторских, и исследовательских проектов ученикам Израиля Менделевича. Таким образом, в ученике и учителе в едином сплаве соединены, в единый тугой узел завязаны Ученый, Педагог, Организатор,

Человек. В научно-педагогической деятельности ученик воплощал лучшие традиции университетского образования и исторической науки, развивал преемственность поколений. На титульном листе книги – подарке "Крестьянское движение в Сибири. 1861–1907 гг. Хроника и историография"¹³ читаем: "Дорогому Израилю Менделевичу, учителю, от учеников первого и второго поколений (Горюшкин Л.М., Кучер В.В., Ноздрин Г.А.)". Как истинный ученый и педагог, Л.М. Горюшкин, понимая и зная место научной преемственности в историческом познании, представил учителю своих учеников как уже второе поколение учеников профессора И.М. Разгона, подчеркивая, тем самым, последовательность в развитии исторической мысли научной школы ученого.

Каждая дарственная надпись других трудов – подарков, полученных И.М. Разгоном от любимого ученика, выражает чувство уважения и преемственности, доверия и любви ученика к учителю. И эти чувства он сохранял до самой кончины. На титульном листе вышедшей к 70-летию со дня рождения библиографии научных трудов Л.М. Горюшкина¹⁴, будучи уже тяжело больным и находясь на больничной койке, он подтвердил свои глубокие чувства к учителю следующей дарственной надписью: "Преданному другу, единомышленнику Л.А. Голишевой в память о нашем общем друге и учителе И.М. Разгоне с дружескими чувствами. Леонид. 26.9.97".

Учитель и ученик: лауреат Государственной премии СССР профессор Израиль Менделевич Разгон и член-корреспондент РАН, профессор Леонид Михайлович Горюшкин – выдающиеся ученые, замечательные, талантливые и мудрые люди. Каждый из них был и продолжает оставаться в памяти поколений яркой личностью.

¹ Сов. Сибирь (Новосибирск). 1987. 22 ноября.

² Горюшкин Л.М. И.М. Разгон – ученый, педагог, человек // Из истории революций в России (первая четверть XX в.). Материалы Всероссийского симпозиума, посвященного памяти профессора И.М. Разгона. Томск, 13-15 апреля 1995 г. Вып. 1. Томск, 1996. С. 10.

³ Там же. С. 8.

⁴ Томский университет. 1880-1980. Изд-во ТГУ. Томск, 1980. С. 24.

⁵ Горюшкин Л.М. И.М. Разгон – ученый, педагог ... С. 7.

⁶ Список спецсеминара IV курса (123 гр.): Коломин [Д.В.], Куценко [О.И.], Храмков [А.А.], Горюшкин [Л.М.], Марина [Г.П.], Пашинина [О.Д.], Краснова [В.Я.], Кучмас [В.Я.], Мальцева [Ф.В.], Перевалова [А.С.], Гуртмков [И.Н.], Бурдыченко [Г.Е.], Михайлова [М.С.], Елов [А.И.], Тен Дан-ок, Паничев [А.С.], Мосина [И.Г.] – Личный архив (домашний) профессора И.М. Разгона. Из записной книжки.

⁷ За Советскую науку. Многотиражная газета Томского госуниверситета. – 1985. – 11 апреля.

⁸ Там же.

⁹ Фоменко В.Г. – ученик И.М. Разгона, бессменный в студенческие годы (1947–1952) староста 135-й группы ИФФ ТГУ, остающийся им и поныне. Кандидат исторических наук, пенсионер, проживает в г. Омске.

¹⁰ Сухотины: Людмила Григорьевна, выпускница ИФФ 1952 г., историк, доктор исторических наук, профессор ТГУ; Анатолий Константинович, выпускник ИФФ ТГУ 1950 г., доктор философских наук, профессор ТГУ.

¹¹ Сведения о спецсеминаре IV курса (123 гр.). Записная книжка профессора И.М. Разгона. Личный архив профессора И.М. Разгона.

¹² Вера – Вера Михайловна Яценко – филолог, до 2000 г. доцент ТГУ, ныне проживает в Бердске, доцент Новосибирского электротехнического университета; Валя – Валентина Алексеевна Соловьева – историк, до ухода на пенсию старший преподаватель кафедры истории СССР советского периода; Любочка – Любовь Александровна Голищева – историк, канд. ист. наук, доцент ИФ ТГУ.

¹³ Крестьянское движение в Сибири. 1861-1901 гг. Хроника и историография. Новосибирск: Наука. Сиб. отд.-ние, 1985.

¹⁴ Член-корреспондент РАН Горюшкин Леонид Михайлович. Библиография научных трудов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997.

Н.М. Щербин, О.Н. Шелегина, Г.М. Запороженченко (Новосибирск)

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ФОНД Л.М. ГОРЮШКИНА В МУЗЕЕ СО РАН

На протяжении десяти лет в Музее СО РАН ведется работа по программе "История сибирской науки в лицах: музееведческий аспект". В ее рамках в музее формируются персональные фонды выдающихся сибирских ученых, среди которых имеются материалы представителей общественных наук, в частности д-ра. ист. наук, проф. Н.Я. Гущина и первого директора Института истории чл.-кор. Л.М. Горюшкина. Фонд Л.М. Горюшкина начал создаваться в период подготовки и празднования 70-летия со дня его рождения. Сегодня персональный фонд Л.М. Горюшкина насчитывает 66 единиц хранения.

Первая презентация этого фонда состоялась во время проведения региональной научно-практической конференции "Музеи Сибири: теория, история, современность" в декабре 1997 г. В настоящее время часть фонда экспонируется на выставке, посвященной 45-летию Сибирского отделения. Из музейных предметов, хранящихся в этом фонде, особый интерес представляют труды Л.М. Горюшкина, среди которых – монографические издания с его автографами и дарственными надписями Музею. Важное место в персональном фонде занимают фотографии Л.М. Горюшкина, среди которых – комплекс фотоснимков, запечатлевших его в дни работы первого съезда русских промышленников, проходившего в мае 1992 г. в Музее СО РАН.

Ценным музейным экспонатом является видеокассета с записью праздничных мероприятий в день 70-летия Л.М. Горюшкина, проходивших в

ноябре 1997 года в больничной палате, где оказался Леонид Михайлович по воле тяжкого недуга. Видеоматериалы запечатлели теплую атмосферу общения ученого с коллегами самых разных рангов и научных направлений.

Обширный комплекс документов составляют поздравительные материалы, преподнесенные Л.М. Горюшкину в день его 70-летия. Особое место здесь занимает Почетная грамота от Мэрии города Новосибирска. Большое количество поздравительных адресов от различных научных организаций и вузов Новосибирска и других городов содержат слова признания значительных достижений ученого в различных областях истории Сибири, в профессорско-преподавательской деятельности и в деле руководства Институтом истории СО РАН. Среди поздравлений есть и стихотворные строки, посвященные Л.М. Горюшкину сотрудниками Музея СО РАН:

В кулуарах Вы – политик,
В кадрах и финансах – спец,
Всех вопросов – аналитик,
Всем сотрудникам – отец.

Вы – ученый и учитель,
Трудолюб и прогрессист,
Вы – музея покровитель
И наш главный оптимист!

В.И. Пронин (Новосибирск)

ПРОБЛЕМЫ АГРАРНОГО РЫНКА СИБИРИ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Л.М. ГОРЮШКИНА

В современной историографии нет, пожалуй, другой крупной темы, которая до сих пор не пользуется должным вниманием, как аграрный рынок Сибири. На XXIII сессии Всесоюзного симпозиума (1991 г.), посвященной проблеме "Аграрный рынок в его историческом развитии", по истории Сибири периода капитализма не было представлено ни одного концептуального доклада. По сибирской тематике было сделано три сообщения¹, но они только подтверждают, что аграрным рынком Сибири специально никто всерьез не занимается.

В большом научном наследии Л.М. Горюшкина по аграрной истории Сибири также нет специальных работ по аграрному рынку. Было бы неправильно на этой основе вообще подвергать сомнению и тем более отрицать вклад Л.М. Горюшкина в разработку отдельных его сторон. Прежде всего, обращают на себя внимание работы, в которых решаются принципиальные вопросы аграрной истории Сибири, имеющие важное методологическое значение для всех, кто занимается аграрным рынком Сибири в период капитализма. С этой проблемой в 1960-х гг. увязывалась острая дискуссия среди сибирских историков о путях развития капитализма в сельском хозяйстве. В концепции прусского типа аграрной эволюции Сибири брался явный крен на обоснование его отсталости, противоположная сторона (сторонники американского пути) впадали в другую крайность. Л.М. Горюшкин принял активное участие в этой дискуссии. Им была

опубликована интересная статья, рецензия на известную книгу П.И. Малахинова "О двух типах аграрной эволюции" (Улан-Удэ, 1962), в соавторстве с М.М. Громыко, и отведена целая глава в монографии².

В спорах между прямо противоположными сторонами он занял особую точку зрения, считая, что в Сибири не было американского пути развития "в чистом виде", здесь "элементы прусского образца" ограничивали "элементы фермерства, не позволяя им вылиться в победу". Фермерство в собственном смысле слова в России, включая Сибирь, не сложилось. Его победа связывалась с победоносной буржуазно-демократической революцией и уничтожением не только помещичьих хозяйств, но и всех феодально-крепостнических пережитков в центре и на окраинах³. Однако основу сельскохозяйственной эволюции, по мнению Л.М. Горюшкина, "составляло не помещичье хозяйство и не кабинетское или государственное, а крестьянское". "Фермерское направление составляло основное экономическое содержание аграрной эволюции Сибири"⁴. Основным фоном, на базе которого набирала силу аграрная эволюция фермерского типа, являлось перерастание патриархального хозяйства крестьян в мелких товарных производителей, из которых формировались более многочисленная по сравнению с Европейской Россией сельская буржуазия, экономически сильное среднее крестьянство и широкая масса пролетариев и полупролетариев.

Раскрывая несостоятельность аргументации П.И. Малахинова о прусском пути развития сельского хозяйства Сибири, Л.М. Горюшкин выступил как против преувеличения роли колониальной зависимости и "челябинского тарифного перелома" на характер аграрной эволюции, так и против преуменьшения степени товарности капиталистического зернового производства в Сибири и отрицания рынка для сбыта сельскохозяйственной продукции. Он рекомендовал исследовать такие вопросы, как арендные и товарно-денежные отношения в деревне, внутренний рынок и разложение крестьянства, перерастание незрелых форм капитализма в развитие и проникновение монополистического капитала в экономику сельского хозяйства, так как они позволяют судить о типе аграрной эволюции. На утверждение о существовании государственного феодализма до начала XX в. (точка зрения Л.Г. Сухотиной) и даже до 1917 г. (Л.Ф. Скляров) Л.М. Горюшкин резонно заметил, что этот вывод отрицает капиталистический период в истории Сибири и в корне "противоречит фактическому положению вещей в сибирской деревне"⁵.

С рассматриваемой проблемой тесно связан вопрос о развитии капитализма вглубь и вширь. Он обстоятельно раскрыт Л.М. Горюшкиным в большой статье, опубликованной в журнале "История СССР" (1974 г., № 2) и в специальной главе монографии⁶. Важное значение в типологии окраин и колоний, предложенной автором, является отнесение Сибири и Дальнего Востока (без национальных районов) к колониям в экономическом смысле

данного понятия (южные и юго-восточные окраины Европейской России, в основном заселенные и сравнительно экономически развитые, к началу XX в. уже утратили таковые черты). Что же касается Кавказа, Казахстана и Средней Азии, то они являлись колониями 2-го типа (полными колониями), где коренное население испытывало все виды гнета, включая национальный, но свободных земель для колонизации, кроме Северного Казахстана, не было⁷.

Двум типам колоний соответствовали два варианта развития капитализма вширь. В Сибири и на Дальнем Востоке, а во второй половине XIX в. также в южных и юго-восточных окраинах Европейской России капиталистические отношения распространялись вширь путем массовой колонизации незанятых земель, на Кавказе и Средней Азии — в результате разрушения натуральных форм хозяйства. Значит, и зрелость аграрного рынка в Сибири была несравненно выше, чем в "чистых колониях", но ниже по сравнению с ушедшими вперед в своем развитии южными и юго-восточными окраинами европейской части страны.

При изучении любого вопроса истории Сибири периода капитализма приходится учитывать характер ее колониальной зависимости и в соответствии с этим оценивать анализируемые факты и явления. С колониальной зависимостью Сибири напрямую связаны вопросы освоения Сибири, развития капитализма вширь и формирование внутреннего рынка. Естественно, этой проблеме Л.М. Горюшкин уделял пристальное внимание. Он возвращается к ней в ряде работ⁸ и в докторской диссертации.

В непосредственной связи с аграрным рынком находится проблема разложения крестьянства, которое, с одной стороны, расширяет внутренний рынок на товары различного назначения, а с другой, выделяет из среды крестьянства сельскую буржуазию и сельский пролетариат. Без преувеличения можно утверждать, что в изучении проблемы разложения крестьянства Сибири среди сибирских историков наибольший вклад внес Л.М. Горюшкин: он далее других продвинулся вперед в решении этого вопроса, так как отказался от традиционного количественного подхода к анализу статистического материала, сводящегося к выделению трех социальных групп крестьянских хозяйств по одному из хозяйственных признаков. Л.М. Горюшкин выделял три компонента для раскрытия содержания и основных тенденций процесса разложения крестьян: его стадию, широту и степень (глубину). "Зачаточный" и новейший капитализм в сельском хозяйстве он соотносил с двумя стадиями в капиталистическом разложении крестьянства: начальной и развитой. Первая характеризовалась появлением на противоположных полюсах разорившейся, кабально зависимой, но не потерявшей связи с наделом бедноты и торговоростовщической буржуазии, вторая связана с формированием сельских пролетариев и капиталистов — предпринимателей. Основу перехода от первой

стадии ко второй составлял процесс вытеснения кабалы вольным наймом, а торгово-ростовщического капитала – производительным⁹.

Конкретный анализ разложения крестьянства Сибири проведен с учетом его порайонных особенностей. Данные карточек подворного обследования переписи 1916 г. сгруппированы по отдельным волостям и природно-климатическим зонам. Для получения более полной картины о степени разложения Л.М. Горюшкин осуществил анализ социальной структуры крестьянства, в которой и воплощаются успехи раскрестьянивания деревни. С этой целью, используя различные материалы и довольно сложные подсчеты, он определил внутrigрупповую структуру крестьянской бедноты, среднего крестьянства и сельской буржуазии Томской губернии. Такой подход позволил определить переходные группы в каждом слое крестьян и тем самым наглядно представить движение крестьянских дворов по социальным стратам. Социальная структура томской деревни предстала во всем своем многообразии и развитии¹⁰. Анализ материала показал, что процесс раскрестьянивания и образование на этой основе новых типов сельского населения в томской деревне не получил завершенного выражения. Получается, что основным поставщиком хлеба на сибирский рынок были мелкобуржуазные слои деревни.

Изучая социальную структуру сибирской деревни, Л.М. Горюшкин не мог пройти мимо проблемы многоукладности экономики, по которой в 1960-х – начале 1970-х гг. шла дискуссия. В нее включились и сибирские историки. Л.М. Горюшкин дал свое видение экономическому укладу, считая, что при этом надо обязательно учитывать производственные отношения (это содержание уклада) и формы его выражения, которыми являются конкретные типы хозяйства. Он насчитывал в сибирской деревне четыре уклада: патриархальный, мелкотоварный, капиталистический и феодальный. Первые три уклада возражений не вызывают. Они определены в соответствии с общераспространенными взглядами о них. Что же касается феодального уклада, то к нему отнесено казенное и кабинетное землевладение. Но казна и кабинет не имели своего хозяйства. Землей пользовались крестьяне, за что с них взимались оброчные платежи, которые Л.М. Горюшкин причислял к феодальной в своей основе ренте. От этого страдало все крестьянство, но "в меньшей степени, ибо в совокупности переплетавшихся экономических отношений крестьян, феодальные играли меньшую роль, чем мелкотоварные или капиталистические"¹¹. Если к этому добавить, что все крестьяне в зависимости от типа их хозяйства относились к патриархальному, мелкотоварному или капиталистическому укладам, то ни о каком феодальном укладе не может идти речь. В данном случае Л.М. Горюшкин противоречил себе, проигнорировав форму выражения уклада через определенный тип хозяйства.

В наследии учёного монография "Сибирское крестьянство на рубеже веков" – единственная работа, в которой специально рассматриваются такие

важные для историков вопросы, как товарное производство зерна, сель торговля и внутренний рынок Сибири. Дореволюционная статистика не необходимых сведений, чтобы определить товарное производство зер сибирской деревне. Сталкиваясь с этой проблемой, историки вычисляют товарность зернового хозяйства. Л.М. Горюшкин вышел за ра традиционных приемов при расчетах чистых избытков хлеба в сибир деревне. Он подсчитывает их на основе данных о валовом производ продовольственной, кормовой и посевной потребности самих крестьян. отличие от других исследователей, дает их в комбинации с данными о вы хлеба и, что особенно важно, с учетом внутридеревенской торговли им. таком более полном учете потребления хлеба в местах производства изб зерна в западносибирской деревне составляли в среднеурожайные годы 2 а при высоких урожаях – 30 %. В предвоенном 1913 г. Томская и Тоболь губернии могли поставить на рынок 62 млн пудов зерна¹². Вывс внутренний рынок не могли поглотить такое количество. Это приводи тому, что рынок (по крайней мере, в Томской губернии) находился влиянием избытков хлебных запасов.

Важным компонентом рынка является земля, рабочая сила, орудия т и рабочий скот. В работах Л.М. Горюшкина большое внимание уделя раскрытию характера земельной собственности в Сибири. Здесь так сформировался более или менее значительный фонд частновладельче земель. Собственником земли являлось государство и кабинет. сельскохозяйственные угодья находились во владении общин, а пользова ими крестьяне. Разрыв между владением, использованием и распоряже землей породил большие разногласия и споры между историк Л.М. Горюшкин смог преодолеть крайности в подходе к данной пробл Его точка зрения сводилась к признанию влияния казенно-кабинет собственности на землю, на реальные экономические процессы. Но отнюдь не означало, будто социально-экономический строй крестьянс хозяйства и производственные отношения в сибирской деревне опреде юридическая собственность на землю государства и каби. Определяющая роль в этом вопросе, считал он, принадле капиталистическому способу производства. Экономическая при собственности на землю казны и кабинета все более приспособлявала условиям капиталистического развития, тогда как юридическая форма еще "оставалась феодальной"¹³.

Оборот земли в Сибири был не велик: землю продавали час землевладельцы, офицеры казачьего войска и казна. Но казна предлага продаже необжитые и неудобные земли, которые покупать никто не хот частновладельческих и офицерских земель было мало, да к тому же про последних была со временем запрещена без ведома войскового правле. Надо также иметь в виду, что в условиях многоземельной Сибири у крес не было особой необходимости в приобретении земли в част

собственность, так как при необходимости ее можно было взять в аренду у казны и кабинета по цене в 5–10 раз ниже, чем в Европейской России. В этих условиях говорить о земельном рынке в Сибири не приходится.

На вопрос, была ли в Сибири крестьянская собственность на землю, Л.М. Горюшкин дал отрицательный ответ. Крестьяне не могли распоряжаться землей как юридической собственностью. Она находилась в их индивидуальном пользовании. Однако население выработало такие порядки в этом вопросе, что они мало чем отличались от собственности. В обход действующему законодательству обрабатываемая земля сдавалась в аренду и, более того, под видом долгосрочной аренды продавалась другим лицам. Сельские общества продавали ее в пользование переселенцам под видом взимания платы за приписку. Землеустройство укрепило еще в большей степени веру крестьян в их праве на землю. В известном официальном издании "Азиатская Россия" отмечалось, что "ни одно общество, земли которого уже отграничены от общей с казною дачи, ничуть не сомневается в неотъемлемом своем праве на эти наделы и, кроме отчуждения в чужие руки, распоряжается ими совершенно полноправно"¹⁴.

Рынок рабочего скота не являлся предметом исследования Л.М. Горюшкина, зато к продаже сельскохозяйственных машин он возвращался неоднократно. Его интересовали такие вопросы, как применение машин и социальные результаты, которые они вызывали в деревне. Учитывая, что сложные уборочные машины ввозились из-за границы, эта проблема затрагивалась и в работах по иностранному капиталу.

По мнению Л.М. Горюшкина, торговля машинами и сливочным маслом составляла основу товарного обращения в сибирской деревне¹⁵. На территории от Урала до Тихоокеанского побережья раскинулась разветвленная сеть торговых учреждений по продаже сельскохозяйственных машин, которая включала 200 переселенческих складов и отделений, 330 кредитных товариществ – посредников в сбыте машин, 600 торговых пунктов иностранных и отечественных фирм, большое количество комиссионеров и разъездных агентов и субкомиссионеров из местных торговцев, которые занимались сбытом сельскохозяйственной техники. В итоге можно безо всяких натяжек сделать вывод, что рынок сельскохозяйственных машин в Сибири к Первой мировой войне сложился. К этому времени железные плуги и уборочные машины проникли в самые отдаленные и глухие места Сибири.

Большой интерес Л.М. Горюшкин проявлял к формированию рынка рабочей силы. Вопрос непростой, если учесть, что нет удовлетворительных данных для определения численности сельских рабочих. Косвенным путем, используя различные сведения и методические приемы, он смог вычислить количество сельских годовых и сроковых рабочих в Сибири накануне Первой мировой войны, которое составляло 260 тыс. чел., в том числе 220 тыс. – преимущественно сельскохозяйственных наемных рабочих и 40 тыс. – несельскохозяйственных. Вместе с поденными общее число лиц,

прибегавших к заработкам на стороне, в сибирской деревне было в 2–3 раза больше¹⁶. Этим данным, полученным в результате многих допущений и предположений, не следует придавать абсолютное значение. Важно другое: несмотря на впечатляющие данные о численности наемных рабочих Л.М. Горюшкин считал, что в сибирской деревне спрос на рабочие руки был более высоким по сравнению с их предложением, "процесс создания единого регионального рынка не завершился", перелив наемной рабочей силы из одного локального района в другой носил ограниченный характер¹⁷.

Будет написано много новых работ по аграрной истории Сибири. И можно не сомневаться, что научное наследие Л.М. Горюшкина навсегда останется в человеческой памяти как символ высокого служения науке крупного ученого.

¹ Аграрный рынок в его историческом развитии. XXIII сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докладов и сообщений М., 1991.

² Горюшкин Л.М. Об освещении в советской исторической литературе вопроса пути развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири // Методологические историографические вопросы исторической науки. Томск, 1965. Вып. 3; Он же. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск, 1967; См.: Изв. СО АН СССР. Серия общественных наук. Вып. 2. 1967. № 1.

³ Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство... С. 354, 361; Он же. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 89.

⁴ Он же. Сибирское крестьянство... С. 361.

⁵ Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (Конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1984. С. 187.

⁶ Горюшкин Л.М. Аграрные отношения... С. 72–96.

⁷ Там же. С. 75, 76.

⁸ Горюшкин Л.М. Историография вопроса о колониальной зависимости Сибири конца XIX – начала XX в. // Бахрушинские чтения. Новосибирск, 1965. С. 32–38; Он же. О характере колониальной зависимости Сибири в эпоху капитализма // Бахрушинские чтения, 1971. Вып. 2. Новосибирск, 1972. С. 69–77.

⁹ Он же. Сибирское крестьянство... С. 97.

¹⁰ Он же. Аграрные отношения... С. 211.

¹¹ Горюшкин Л.М. О многоукладности экономики сибирской деревни периода империализма // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. Вып. 2. № 1. Новосибирск, 1973. С. 109.

¹² Он же. Сибирское крестьянство... С. 144, 147.

¹³ Горюшкин Л.М. Аграрные отношения... С. 256, 258, 269.

¹⁴ Азиатская Россия, т. 1. СПб., 1914. С. 534.

¹⁵ Горюшкин Л.М. Аграрные отношения... С. 245.

¹⁶ Там же. С. 236.

¹⁷ Там же. С. 218, 221.

В.А. Скубневский (Барнаул)

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ТРУДАХ Л.М. ГОРЮШКИНА

Леонид Михайлович Горюшкин является одной из крупнейших фигур в сибиреведении второй половины XX в. Он известен прежде всего как ученый-аграрник, но в своем творчестве Л.М. Горюшкин разрабатывал и многие другие темы. В их числе транспортное и промышленное развитие региона, торговля и банковская система, роль иностранного капитала, сибирский город начала XX в. и многие другие.

В числе проблем, которым Горюшкин уделял значительное внимание — история предпринимательства в Сибири. Эта тема стала особенно популярной в постсоветский период в связи с попытками перейти к рыночной экономике. Академики А.П. Деревянко и Н.Н. Покровский совершенно справедливо отметили, что "Л.М. Горюшкину принадлежит постановка актуальной в условиях перехода России к рыночным отношениям проблемы предпринимательства в азиатской части страны досоветского периода и разработка подходов к ее освещению, получивших одобрение научной общественности"¹.

Отметим, что ученый фактически начал заниматься этой темой значительно раньше, когда она вовсе не относилась к приоритетным, хотя и не обозначал ее в названиях работ. Как аграрника его закономерно интересовала предпринимательская деятельность крестьян. Крупнейшими трудами Горюшкина по истории сельского хозяйства и крестьянства Сибири являются монографии "Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне" (Новосибирск, 1962), "Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX — начало XX" (Новосибирск, 1967), "Аграрные отношения в Сибири в период империализма (1900—1917 гг.)" (Новосибирск, 1976).

Первая из указанных книг была издана еще до защиты Горюшкиным кандидатской диссертации, но стала заметным явлением в сибиреведении. В числе центральных тем данной монографии были вопросы о развитии капитализма в сельском хозяйстве Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. и разложении крестьянства.

В данной монографии еще не употребляются термины "предпринимательство" и "предприниматель". Однако, решая проблему уровня развития капиталистических отношений в сибирской деревне, автор не только анализирует развитие производительных сил, но и большое внимание уделяет формированию рыночных отношений, в том числе связи региона с общероссийским и мировым рынками. Отмечая, что "факт широкого развития и роста капиталистических форм в сельском хозяйстве Сибири уже во второй половине XIX в. бесспорен" (с. 49) и что в пореформенный период "вполне сложились предпосылки для связи

экономики Сибири с мировым рынком" (с. 56), автор обращает внимание на то, что именно со строительством Сибирской железной дороги эти предпосылки вылились в постоянные и широкие связи (с. 56). В книге рассматривается рост торгового земледелия, в первую очередь зернового хозяйства и маслоделия, большое внимание уделяется вопросам применения сельскохозяйственной техники и наемного труда, а также вовлечению земель в торговый оборот, что проявлялось в аренде и замаскированной продаже земель. Автор показывает предпринимательство в сфере хлебной, масляной торговли и сбыте сельскохозяйственной техники.

Многие вопросы, раскрытые в первой монографии ученого, посвященные сельскому хозяйству и крестьянству Сибири, были в дальнейшем углублены и развернуты в последующих его трудах².

В монографии "Сибирское крестьянство на рубеже двух веков..." Л.М. Горюшкин продолжил изучение вопросов товарности сельского хозяйства. В частности, он уточняет, что, по данным Департамента торговли и мануфактур, сибирские крестьяне в начале 90-х гг. XIX в. около 40 % сбора хлебов производили на продажу, и отмечает, что ко времени пуска в эксплуатацию Транссиба сельское хозяйство Сибири носило в немалой степени товарный характер³.

В данной монографии получила дальнейшее развитие тема роста производительных сил в сельском хозяйстве, особенно после пуска железной дороги. обстоятельно освещается вопрос формирования хлебного и масляного рынков Западной Сибири, показывается предпринимательство в данной сфере обращения, раскрывается деятельность крупного капитала, в том числе и монополий, таких как "Сибирская компания" (Дания) в скупке сливочного масла и Международная компания жатвенных машин (США) в сфере сбыта сельскохозяйственной техники.

Вместе с тем автор показывает не только позитивные стороны развития рыночных отношений, но и негативные. Так, хлебной торговле мешали Челябинский тарифный перелом, бездорожье, особенно в удаленных от железных дорог и крупных пристаней волостях, отсутствие в Сибири элеваторов. В маслоторговле и при сбыте сельскохозяйственной техники иностранные компании получали сверхприбыли, а покупатели-крестьяне нередко на годы оказывались в положении должников, практиковалось завышение цен на технику и, напротив, скупка масла по заниженным ценам.

В указанной монографии Л.М. Горюшкин выделяет слой предпринимателей в деревне. Так, он пишет: "Вместе с тем "капиталисты", "торгующие крестьяне" уже не ограничивают свою деятельность скупкой крестьянской продукции. Они постепенно начинают развивать производство..." (с. 78). Он подчеркивает, что на зажиточном полюсе деревни неразвитые формы капитала перерастают в развитые, торговоростовщический капитал вытесняется производственным, "растет предпринимательство сельской буржуазии" (с. 85).

Одним из важнейших условий сельского предпринимательства, как отмечает Л.М. Горюшкин, было состояние кредита. Он показывает процесс возникновения сельских "банков", ссудо-сберегательных касс и кредитных товариществ. К 1909 г. в Сибири существовало 226 учреждений мелкого кредита, и они в основном были доступны наиболее крупным сельским предпринимателям; основные массы крестьянства были лишены возможности получать кредиты (с. 199).

Дальнейшая разработка вопросов расслоения крестьянства и в частности доли предпринимателей в их составе, социальной сущности сельского предпринимательства нашли отражение в монографии "Аграрные отношения в Сибири периода империализма". Зажиточные крестьяне подразделяются Л.М. Горюшкиным на ряд категорий. Так, показывая социальную структуру крестьянства Томской губ. накануне 1917 г., он подразделяет сельскую буржуазию (125,3 тыс. хозяйств, или 18,4 % всех хозяйств) на торговцев и ростовщиков (13,6 тыс. хозяйств, или 2 %), "мелких аграриев" с преобладанием торгово-ростовщических операций предпринимательства (72,2 тыс. хозяйств, или 10,6 %) и предпринимателей (39,5 тыс. хозяйств, или 5,8 %) (с. 211). Автор дает характеристику каждой из названных групп, в частности, отмечая, что если торгово-ростовщическая буржуазия богателя "на грабеже других производителей", то сельские предприниматели использовали капитал в сфере производства, широко применяли технику и наемный труд. Он подчеркивает: "К предпринимателям мы относим хозяйства с посевом 10 дес., с 10 и более коровами и рабочими лошадьми. Владельцы этих хозяйств имели промышленные заведения..., а также поденных и сдельных рабочих" (с. 204).

Сельское предпринимательство, по Горюшкину, одно из важнейших проявлений аграрной эволюции в Сибири, черта фермерского пути. Он, в частности, писал: "От патриархального и натурального хозяйства через мелкотоварное производство экономика деревни эволюционизировала в сторону хозяйства фермерского типа с более многочисленной по сравнению с Европейской Россией прослойкой сельских предпринимателей, экономически сильным средним крестьянством и широкой массой пролетариев, полупролетариев и мелких крестьян"⁴.

В трудах Л.М. Горюшкина есть немало интересных данных о развитии сибирской обрабатывающей промышленности, особенно мукомольной; банковской системы; транспорта, которые, учитывая аграрный характер экономики региона, были тесно связаны с сельским хозяйством. Рассматривая вопрос о переработке сельскохозяйственной продукции, прежде всего зерна, он отмечает, что накануне Первой мировой войны доля мукомольной промышленности составляла 55-60 % всего фабрично-заводского производства Западной Сибири (30 млн пуд. муки ежегодно, в том числе на долю Новониколаевска приходилось 11 млн пуд.)⁵.

Позже вместе со своими учениками Г.А. Бочановой и Л.Н. Цепляевым Леонид Михайлович издает книгу по истории дореволюционного Новониколаевска⁶. Фактически это было первое научное исследование по истории дореволюционного Новосибирска, одно из лучших в сибирском городоведении (в хронологических рамках капиталистического периода) на период издания книги. В работе нашли должное место сюжеты о формировании Новониколаевска как промышленного и крупнейшего в Западной Сибири транспортного и торгового центра, о деловой жизни города, формировании крупной буржуазии, складывании первых монополий, участии предпринимателей в общественной жизни города.

Вопросами истории предпринимательства Л.М. Горюшкин стал более активно заниматься в начале 90-х гг. Он выступил одним из инициаторов и организаторов проведения ряда конференций по истории предпринимательства в Сибири (в Новосибирске и Барнауле), написал ряд статей для научных и научно-популярных изданий, посвященных проблемам предпринимательства, сделал серьезную попытку осмыслить теоретически феномен предпринимательства, очертить его этапы и особенности в Сибири.

В совместном с В.А. Ламиным и Д.Я. Резуном докладе на Всероссийской конференции по экономическому развитию Сибири в 1993 г. выделяются этапы предпринимательства в Сибири, начиная с конца XVI в.⁷ В докладе на Всероссийской конференции в Новосибирске в 1995 г. Горюшкин предложил удачную формулировку термина "предпринимательство": "Предпринимательство – это инициативная деятельность людей по производству и сбыту товаров, финансовым операциям и оказанию услуг в материальной и духовной сферах в условиях развивающегося рынка"⁸. Позже эта же формулировка, как весьма удачная, была предложена в статье "Предпринимательство" в "Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири" (Новосибирск, 1997. Т. 3. Кн. 3. С. 54). В выступлениях на упомянутых выше конференциях, в ряде последних статей Л.М. Горюшкин фактически наметил программу комплексного изучения истории предпринимательства в Сибири, многое из которой уже начинает реализовываться, а многое еще предстоит сделать.

В 90-е гг. Леонид Михайлович вновь обращается к теме "иностраннный капитал в Сибири"⁹, намечая новые подходы в его исследовании. Горюшкин отмечает, что необходимо не только изучать деятельность иностранного капитала в экономике, но рассматривать воздействие иностранцев на культуру, благотворительность и др.; определяет этапы деятельности иностранного капитала в Сибири за 100 лет, с 90-х гг. XIX в. до 90-х гг. XX в. Он дает взвешенные оценки деятельности иностранного капитала в Сибири; не идеализируя ее, но отмечает недопустимость показа исключительно "грабительского характера" иностранного капитала в Сибири (подобные оценки встречались в некоторых работах советского периода). Статья "Иностраннный капитал в Сибири: история и современность" важна и тем, что

автор не только обобщает важнейшие результаты исследования иностранного капитала в Сибири, но и высказывает очень актуальные суждения по вопросу о деятельности иностранного капитала на современном этапе.

¹ Деревянко А.П., Покровский Н.Н. Вместо предисловия // Сибирь в XVI–XX веках: Экономика, общественно-политическая жизнь и культура. Новосибирск, 1997. С. 9.

² См.: Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск, 1967; Он же. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976.

³ Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков... С. 75.

⁴ Там же. С. 361.

⁵ Там же. С. 149.

⁶ Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Цепляев Л.Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978.

⁷ См.: Горюшкин Л.М., Ламин В.А., Резун Д.Я. Исторический опыт развития предпринимательства в Сибири // Всероссийская конференция по экономическому развитию Сибири. Секция "Предпринимательство в Сибири". Новосибирск, 1993. С. 1–20.

⁸ Горюшкин Л.М. Предпринимательство в Сибири: объект и предмет исследования // К истории предпринимательства в Сибири (материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 1995). Новосибирск, 1996. С. 3.

⁹ Горюшкин Л.М. Иностранный капитал в Сибири: история и современность // Зарубежные экономические и культурные связи Сибири (XVIII–XX вв.): Сб. науч. тр. Новосибирск, 1995. С. 47–70.

АГРАРНОЕ ОСВОЕНИЕ СИБИРИ И ЕЁ СПЕЦИФИКА

М.В. Шиловский (Новосибирск)

Л.М. ГОРЮШКИН О СПЕЦИФИКЕ КОЛОНИЗАЦИИ И ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В СИБИРЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. И ДАЛЬНЕЙШАЯ РАЗРАБОТКА ЭТОЙ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫМИ ИСТОРИКАМИ*

"При всей широте своих научных интересов Л.М. Горюшкин прежде всего – историк аграрных отношений в Сибири". Так кратко и исчерпывающе сформулировали особенность его творчества академики А.П. Деревянко и Н.Н. Покровский¹. В рамках изучения указанного направления особое внимание Горюшкин уделял анализу процесса заселения региона как главного условия аграрного освоения его. Безусловно, его подходы и выводы не были статичными, изменяясь во времени. Нас в данном случае будет интересовать их состояние к концу жизни. С этой целью взяты четыре препринта 1988–1990 гг., представляющие собой изложения докладов выдающегося исследователя-аграрника на различного рода международных исторических форумах, аккумулировавшие и обобщившие его представления по поводу поставленных в заголовок сюжетов².

Итак, Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв. была окраиной "колонией в экономическом смысле, имевшей свободные земли, заселенные переселенцами, и специализировавшейся на производстве сельскохозяйственного сырья, получая в обмен на него промышленные товары". Заселение территории осуществлялось "на буржуазно-капиталистической основе", прежде всего в результате разложения крестьянства на сельскую буржуазию и пролетариат.

В развитии переселенческого движения выделяется несколько этапов 1861–1885 гг., в условиях правительственной политики его сдерживания 1886–1895 гг., при наличии "некоторых уступок"; 1896–1900 гг., под воздействием строительства железной дороги; 1901–1905 гг., под влиянием русско-японской войны и всплеска революционных настроений крестьян в Европейской России; 1906–1914 гг., при форсированном переселении и стремлении "выселить революционно настроенных крестьян"; 1914–1916 гг. в условиях сокращения потока переселенцев, появления в регионе беженцев выселенцев, военнопленных. "Среди переселенцев имелись крестьяне различных социальных групп, но примерно до 80-х годов численно преобладали середняки. Позже и особенно с открытием Сибирской железной

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 02-01-00344а.

дороги растет удельный вес бедняков, которые в начале XX в. составили большинство новоселов".

В плане размещения, в 60–80-е гг. XIX в. основная часть новоселов получала землю и приписывалась к селениям старожилов, имея возможность получить помощь от общины. В начале XX в. основная их часть выбирала вновь образуемые переселенческие поселки. "Для создания переселенческого земельного фонда правительство изымало у старожилов и аборигенов землю сверх 15-десятинной нормы на мужскую душу, для чего казахи, горно-алтайцы, буряты и хакасы волевыми актами были объявлены перешедшими от кочевого скотоводства к оседлому образу жизни". Переселения увеличивали социальные группы сельских пролетариев и полупролетариев, которые после адаптации "пополняли мелкобуржуазный уклад, наиболее распространенный в Сибири".

Крестьянская колонизация оказывала большое влияние на рост численности и социальный состав населения региона, давая в начале XX в. 2/3 всего его прироста. Переселенцы способствовали развитию земледелия и увеличению сбора зерновых, изменению структуры посевов (лен, просо, гречиха, подсолнечник), применению более совершенных технологий и сельскохозяйственных орудий. Росло поголовье скота, на этой основе развивалось маслоделие. Новоселы "расширяли уже существовавшее в Сибири ремесленное производство и создавали новые промыслы, вовлекая в них старожильское население".

В конечном счете, "в результате колонизации и освоения Сибирь стала неразрывной частью России, населенной преимущественно русскими". Взаимодействие новоселов и старожилов определило складывание "тесного единения материальной и духовной культуры русского крестьянства Европейской России и Сибири". Однако переселенческое движение "не ослабило земельную тесноту и не предотвратило свержения самодержавия в России, а скорее способствовало его приближению".

Следует заметить, что в формировании изложенной концепции колонизации Сибири приняли участие и внесли вклад многие исследователи помимо Горюшкина, которых он постоянно упоминал, с которыми постоянно дискутировал в своих трудах: Л.Ф. Скляр, В.Г. Тюкавкин, Е.И. Соловьева, В.А. Степынин, Г.П. Жидков и др. В последнее время отдельные ее аспекты получили дальнейшее развитие, по другим идет дискуссия, к некоторым утрачен научный интерес. Определились и новые направления изучения.

По-прежнему актуален вопрос о статусе Сибири в составе российского государства. Большинство ведущих исследователей отмечают, что аграрная политика самодержавия в регионе не выражала интересы его населения³. Не было единства среди высокопоставленных чиновников по отношению к переселению, хотя большая часть губернаторов Европейской России в 60–80-е гг. XIX в., как установила Н.Н. Родигина, считала его неизбежным, требующим государственного регулирования, "так как нет возможности его

остановить"⁴. Как замечают М.А. Винокуров и А.П. Суходолов, "Сибирь являлась своеобразным донором, безвозмездно передавшим часть своих ресурсов в Центральную Россию"⁵. В последней по времени выхода нашей публикации, посвященной данному вопросу, подтверждается положение Горюшкина об особом статусе сибирской территории, "близкого по положению к колонии, прежде всего экономической"⁶.

Продолжается дискуссия о социальном составе переселенцев. Ее участники соглашались, что переселенческая деревня не отличалась однородностью. По мнению В.А. Ильных, "массовое переселение привело к нивелировке сибирской деревни на более низком уровне. Переселенцы, заводя в момент вселения относительно небольшие хозяйства, существенно увеличивали удельный вес бедноты"⁷. Н.Ф. Иванцова на материалах Барнаульского уезда приходит к выводу, что "низшая и средняя группа переселенческих хозяйств была лучше обеспечена крупным рогатым скотом, чем бедняки и середняки-старожилы" и, главное, "переход из низшей группы в среднюю и высшую у переселенцев осуществлялся довольно быстро"⁸. Дополняя ее и ссылаясь на данные бюджетных обследований 1911–1915 гг., В.Г. Тюкавкин утверждает о более высоком уровне жизни новоселов по сравнению с жителями районов их выселения⁹.

В связи с этим целесообразно поставить вопрос об уровне жизни крестьян Сибири в начале XX в. с точки зрения воздействия на него первого витка российской модернизации. В одной из своих публикаций мы обобщили выводы по этому поводу В.К. Алексеевой, З.П. Горьковской, О.Н. Катникова, В.А. Бузановой и др., сводящиеся к признанию того, что в регионе "сельское хозяйство не гарантировало стабильного образа жизни"¹⁰. На общероссийском уровне к подобному же выводу приходит В.В. Зверев, который предполагает, что основная тяжесть модернизации конца XIX – начала XX вв. "ложила на плечи деревни, и этот груз оказался в конечном итоге непосильным"¹¹.

Известный консенсус достигнут по вопросу о характере землевладения и землепользования сибирских крестьян. Н.Ф. Иванцова и В.И. Пронин пришли к выводу о сохранении в регионе государственной и отчасти кабинетской собственности на землю, при которой сельские обыватели являлись владельцами и пользователями ее¹². Реальная практика земельных отношений в Сибири начала XX в. опровергает декларации современных политиков о решающей роли института частной собственности на землю в мотивации деятельности крестьян по наращиванию товарного производства. На примере сельчан Бердской волости Барнаульского уезда Г.А. Ноздрин показал, что последние, став крупными производителями хлеба, являлись пользователями кабинетских земель. Следовательно, "для увеличения производства сельскохозяйственной продукции на первом этапе достаточно передать часть государственной земли лишь в пользование крестьян, что позволит избежать спекуляции землей"¹³. Вывод сей не нов. Еще в самом

начале XX в. один из лидеров кадетской партии томский профессор Н.В. Некрасов замечал: "В этом вопросе необходимо отделить принципиальную сторону — желательность изменения титула владения и самый способ осуществления такой перемены. Несомненно, что замена права пользования правом собственности чрезвычайно желательна в целях ограждения интересов старожильского населения", — но земля станет объектом купли-продажи, а "следствием этого легко может явиться значительная мобилизация земельной собственности в Сибири по исключительно низким ценам и сосредоточение больших количеств земли в руках отдельных кулацких элементов сибирской деревни"¹⁴.

Еще одна проблема, только затронутая Горюшкиным, начала активно разрабатываться сравнительно недавно. Речь идет о влиянии переселений на процесс седентаризации аборигенных этносов лесостепной зоны Сибири (казахов, бурят, алтайцев, хакасов). Заметим, что до сих пор нет ответа на вопрос, насколько исчерпал себя кочевой образ жизни и хозяйственной деятельности в плане цивилизационного развития к концу XIX в. Отношение же к самой правительственной акции, направленной ускоренными темпами перевести кочевников-скотоводов на 15-десятинный надел, дифференцированное. Негативно ее оценивают историки из числа представителей коренных народов¹⁵. Обобщая их позицию, Л.И. Шерстова заявляет: "В целом землеустройство и административные преобразования тюркоязычных волостей южной Сибири закончились к 1915 г. В результате этого аборигены утратили большинство своих особых прав, позволяющих им как-то нейтрализовать внешние "размывающие" факторы и сохранять этнопоказательный, хотя и деградированный комплекс признаков"¹⁶.

В противовес указанной формируется и другая позиция. Суть ее сводится к более сдержанной оценке деятельности царской администрации по проведению землеустроительных работ у кочевников. В публикациях Д.В. Кузнецова раскрывается сложный и кропотливый процесс выделения земельных излишков, который учитывал прежде всего экономические интересы последних и жестко ограничивал самовольные переселения крестьян на уголья скотоводов¹⁷.

И последнее соображение, касающееся развития концепции Л.М. Горюшкина по анализируемой проблеме. Нам представляется, что взаимоотношения старожилов и новоселов не выглядели столь буколически, как это подается в его работах по аграрной истории Сибири. В кандидатских диссертациях М.И. Паклина, В.И. Шашкова, одной из наших публикаций¹⁸ констатируется обострение отношений старожилов и новоселов прежде всего по земельному вопросу, приписке к сельским обществам.

Таким образом, осуществленный нами анализ одного из аспектов творческого наследия Л.М. Горюшкина показывает, что разработанная при его деятельном участии концепция истории колонизации и переселения в Сибирь во второй половине XIX — начале XX вв. творчески развивается,

вводя в научную разработку новые сюжеты и подводя под гипотетические предположения солидную источниковую базу.

¹ Деревянко А.П., Покровский Н.Н. Вместо предисловия // Сибирь в XVI – XX веках. Экономика, общественно-политическая жизнь и культура. Новосибирск, 1997. С. 6.

² Горюшкин Л.М. Общее и особенное в аграрном развитии Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Доклад, заслушанный на межд. науч. конф. историков "Аграрные структуры в XIX веке". (Канада, Монреаль, 24–26 мая 1984). Препринт. Новосибирск, 1988; Он же. Переселенческое движение и сельское хозяйство Сибири во второй половине XIX – начале XX веков. Препринт. Новосибирск, 1989; Он же. Экономическое развитие Сибири в конце XIX – начале XX веков. Доклад, заслушанный на межд. науч. конф. историков "Сибирь в XX веке. Социальное и экономическое развитие". (Великобритания, Глазго, 4–8 сентября 1989 г.). Препринт. Новосибирск, 1990; Он же. Переселенческое движение и народонаселение Сибири во второй половине XIX – начале XX веков. Доклад, заслушанный на межд. науч. конф. историков "Сравнительное изучение экономического развития России и Японии" (Япония, Токио, 19–23 сентября 1989 г.). Препринт. Новосибирск, 1989.

³ Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск, 1986. С. 262; Островский И. В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991. С. 267; Ремнев А.В. Административное единство Сибири в исторической ретроспективе (XIX век) // Вопросы социально-политической истории Сибири (XVII–XX века). Новосибирск, 1999. С. 100.

⁴ Родигина Н.Н. Российские губернаторы о переселении крестьян в Сибирь 1860–1880 гг. // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории XVII–XX вв. Новосибирск, 1999. С. 48.

⁵ Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири 1900–1928. Новосибирск 1998. С. 222.

⁶ Шиловский М.В. К вопросу о колониальном положении Сибири в составе русского государства // Европейские исследования в Сибири. Томск, 2001. Вып. 3. С. 15.

⁷ Ильиных В.А. Социальная мобильность сибирского крестьянства в конце XIX, первой трети XX вв. // Аграрное и демографическое развитие Сибири... С. 68.

⁸ Иванцова Н.Ф. Западно-сибирское крестьянство в 1917 – первой половине 1918 гг. М., 1992. С. 39.

⁹ Назаров В.Д., Федоров В.А., Тюкавкин В.Г. Крестьянство // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. М., 2000. Т. 3. С. 149.

¹⁰ Шиловский М.В. Некоторые аспекты изучения условий жизни крестьянства Сибири второй половины XIX – начала XX вв. // Аграрное и демографическое развитие Сибири... С. 64.

¹¹ Зверев В.В. Власть, похоже, ничему не научилась // Россия в условиях трансформаций. Историко-политологический семинар. Материалы. М., 2001. Вып. 14. С. 31.

¹² Иванцова Н.Ф. Указ. соч.. С. 47; Пронин В.И. Землевладение и землепользование сибирских крестьян в начале XX в. в контексте аграрной политик

царизма в регионе // Опыт природопользования в Сибири в XIX – XX вв. Новосибирск, 2001. С. 203.

¹³ Ноздрин Г.А. Бердские фермеры // Алтайский сборник. Вып. 16. Барнаул, 1995. С. 115, 116.

¹⁴ Некрасов Н. Экономические проблемы сибирской жизни // Русская мысль. 1911. № 4. С. 32, 33.

¹⁵ Абуев К.К. Кокшетау. Исторические очерки. Кокшетау, 1997. С. 57; Елаев А.А. Бурятия: путь к автономии и государственности. М., 1994. С. 21; Андреев Ч.Г. Коренные народы Восточной Сибири во 2-й половине XIX – начале XX века. Улан-Удэ, 2001. С. 117.

¹⁶ Широкова Л.И. Этнополитическая история тюрков южной Сибири. XVII – начало XX вв. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1999. С. 40.

¹⁷ Кузнецов Д.В. Образование переселенческих участков в областях Степного края в начале XX в. // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII – XX вв.). Омск, 1998. С. 93-96; Он же. О некоторых аспектах изучения казахского землепользования в связи с колонизацией Степного края в конце XIX – начале XX вв. // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII – XX вв.). Омск – Кокшетау, 2001. С. 76-78.

¹⁸ Паклин М.И. Производственно-хозяйственная деятельность русского крестьянства Алтайского горного округа в пореформенный период (60-90-е гг. XIX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. С. 28; Шашков В.И. Политические настроения сибирского крестьянства в годы первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. С. 27; Шиловский М.В. Специфика политического участия сибирского крестьянства в социальных катаклизмах начала XX в. // Социокультурное развитие Сибири. XVII – XX вв. Новосибирск, 1998. С. 66, 67.

Е.И. Соловьева, О. Н. Сидорчук (Новосибирск)

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ В XX В.

Актуальность темы исследования обусловлена прежде всего тем, что в современных условиях реформирования властных структур и поиска оптимального соотношения регионального и общегосударственного начал в управлении необходимо не только изучить историю местного самоуправления, но и современное состояние в отдельных областях России особенно.

По мнению большинства историков и политологов, термины "местное самоуправление" и "управление" при всей несхожести не всегда различаются в определении. Традиционно главный отличительный признак "местного самоуправления" – выборность. Считается, что органы местного самоуправления – это те органы, которые избираются непосредственно

гражданами. Местное же управление – это органы, назначаемые центральной властью.

Для того чтобы разобраться в практике местного самоуправления, выявить и показать перспективы его развития, необходимо рассмотреть следующие вопросы:

1. Определить правовую основу деятельности органов местного самоуправления на протяжении XX в.

2. Сравнить функции сельских сходов на различных этапах определенного нами хронологического периода на примере обсужденных и решаемых ими вопросов.

3. Выяснить степень влияния сельских сходов на жизнь сельчан, региона и страны.

4. Определить, каким образом административно-властные структуры оценивали и оценивают деятельность сельских сходов, перспективы их существования, роль в решении локальных и общегосударственных вопросов.

5. Сравнить деятельность выборных лиц в различные периоды XX в. на примере работы сельских старост. Составить социально-психологический портрет сельского старосты на разных этапах изучаемой эпохи.

6. Выявить степень участия в местном самоуправлении представителей социальных групп и слоев деревни.

7. Определить механизмы воздействия властных структур и деятельность выборных лиц.

8. Определить, какие традиции общинного самоуправления были привнесены в сибирскую общину в начале XX в. переселенцами из европейской части страны.

9. Выяснить роль самоуправления в социально-психологической адаптации беженцев и вынужденных мигрантов, проживающих в сельских районах Западной Сибири.

Решение этих задач подразумевает использование методик, разработанных в рамках исследовательского русско-британского проекта "Социальная структура российского села" (инициатор проекта – профессор Манчестерского университета Теодор Шанин), работа над которым началась в октябре 1990 г. и продолжается в настоящее время. Мы взяли за основу положение, что задачи нашего исследования, как и задачи проекта "Социальная структура российского села" не могут быть выполнены только лишь на основе данных, накопленных за изучаемый период официальной статистикой, научными исследователями и содержащихся в архивных источниках. Перспективным представляется сбор новой первичной информации, которой возможен в ходе общения с людьми, для чего необходимы особые формы организации исследовательской деятельности. Воспользовавшись идеей создания вопросников, предлагаем включение в них ряда вопросов, которые могут появиться в беседе или диалоге. Учитывая, что

одним из элементов, сохраняющих стабильность сельской жизни, обеспечивающих существование самого сельского сообщества, является сельская школа, мы предлагаем обратиться с просьбой к учителям, с которыми мы сотрудничаем, собрать сведения в тех сельских населенных пунктах, где они живут и работают. Это, полагаем, позволит получить достоверную информацию об истории и современном состоянии сельского самоуправления Западной Сибири.

Для выяснения места и значения проблем местного самоуправления в общественном мнении жителей изучаемого региона в различные периоды XX в. предполагается предпринять количественный анализ публикаций региональных журнальных изданий по вопросам сельского самоуправления. Планируется сделать контент-анализ статей и сообщений по обозначенной проблематике за период с 1905–1917 гг. и за последнее десятилетие XX в. Выбор начальной грани обусловлен усилением общественной активности крестьянства, широким обсуждением в прессе проблемы введения земского самоуправления в Сибири. Количественный анализ сибирской газетной прессы последнего десятилетия позволит составить представление об отношении современников к местному самоуправлению, о проблемах и перспективах сельского самоуправления в Сибири.

Проблема местного самоуправления вызывает стабильный интерес отечественных и зарубежных исследователей, проявлением которого стало проведение симпозиумов и конференций в Вологде, Калуге, Москве, Новосибирске, Тамбове, Твери, Челябинске и других городах России.

В дореволюционной деревне местное самоуправление осуществлялось в рамках общины. Американский политолог В. Маганя показал на основе изучения литературы о крестьянстве Англии, Франции, России и ряда других стран, что понятие "община", или "общество", включает в себя те черты, которые отличают крестьян от других сословных и социальных групп.

Вопросы, касавшиеся всех сторон жизни общины, решались на сельских сходах. Как справедливо указывал И.Д. Ковальченко, "...к сожалению, в советской историографии длительное время не уделялось должного внимания всестороннему изучению крестьянской общины, хотя досоветская историография оставила по этому сюжету большое научное наследие. Лишь в последнее время интерес к истории крестьянской общины в России значительно возрос. И, говоря словами Л.В. Милова, ученые стали переходить к "более тонким манерам", таким как ментальность, социальная психология, различные мировоззренческие и поведенческие аспекты социальной истории. Эти сюжеты нашли отражение в работах М.М. Громыко, Е. Козловой, С.В. Лурье, П.И. Симуша.

Современные исследователи подчеркивают огромную жизнеспособность крестьянской общины. После Февральской революции реальной низовой властью становились сходы – революционные по отношению к любому другому властному центру, консервативные по своей замкнутости на делах

общины. Л.В. Данилова и В.П. Данилов отметили, что несмотря на внутреннее разложение в пореформенное время и целенаправленное разрушение в период столыпинских реформ, община сумела вновь окрепнуть, поглотив в 1917–1922 гг. на волне аграрно-крестьянской революции свыше 9/10 сельскохозяйственных угодий. Проблемы сибирской общины этого периода требуют, по нашему мнению, дальнейшего изучения на фоне осмысления прошлого и настоящего ощущается явный дефицит реальных фактических данных о том, что и почему происходило и происходит в деревне, когда речь идет о местном самоуправлении.

В настоящее время предпринимаются попытки возродить местное самоуправление в более полном объеме. Но прогнозы, даваемые социологами и политологами, далеко не оптимистичны: высказывается мнение о том, что "нет достаточных оснований надеяться на местное самоуправление как на самовоспроизводящуюся систему" (Ефремова, Лаптева, 1993, с. 152). Материалы, которыми мы располагаем, убеждают в правомерности пессимистических оценок современного состояния местного самоуправления. Однако подавляющее большинство сельских жителей подчеркивает необходимость существования и совершенствования системы местного самоуправления, отводя при этом большую роль сельским сходам.

Любое социально-духовное обновление невозможно без утверждения новых форм общественных, экономических, культурных и цивилизационных структур и отношений. При этом следует иметь в виду, что без учета исторических традиций, социальной психологии, ментальных установок россиян (в числе которых приверженность к общинному самоуправлению) любая преобразовательная деятельность обречена на непоследовательность, половинчатость, а в конечном итоге и провал. Необходим постоянный диалог власти и крестьянства, востребованность памяти социального опыта для саморазвития для саморазвития реформ.

Таким образом, полученные результаты исследования могут быть адресованы региональным политологам и политикам-практикам для определения стратегии развития сельского самоуправления в Новосибирской области и Сибирском федеральном округе в начале XXI в.

И.С. Кузнецов (Новосибирск)

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И СУДЬБА РОССИЙСКОГО И СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Одной из приоритетных тем современного исторического познания остается история российского крестьянства "советского периода", в том числе на региональном уровне. По-прежнему актуальным остается вопрос о том, как отразились на его судьбе такие фундаментальные реалии отечественной истории XX века, как "советский строй" и "коллективизация".

Еще совсем недавно казалось, что здесь внесена полная ясность, поскольку, как многим представлялось, история вынесла свой приговор коммунизму. Однако в последнее время дискуссии о нашем "советском" прошлом как бы обретают второе дыхание. Сейчас мы наблюдаем в этой области острое противостояние разных концепций, конфронтацию несовместимых и полярных трактовок.

Можно сказать (естественно, отбрасывая огромное количество немаловажных деталей), что сейчас фигурируют три основных подхода к истории "советского периода" и соответственно – истории крестьянства.

1. Негативная оценка в контексте концепции тоталитаризма. В качестве наиболее крупной публикации последнего времени в русле такого подхода можно назвать работу И.В. Павловой¹. В рамках данной концепции коллективизация расценивается как абсолютное зло, а крестьянство – как жертва тоталитаризма.

2. Прямо противоположный подход рассматривает "советский строй" как закономерный, вытекающий из цивилизационной специфики России. При этом мы не имеем в виду собственно коммунистическую версию нашей истории, поскольку из этого лагеря за последнее время не появилось ничего заслуживающего внимания. В качестве наиболее фундаментального выражения данной концепции следует указать книгу известного политолога С.Г. Кара-Мурзы². В его трактовке коллективизация носила исторически оправданный характер, а "колхозный строй" соответствовал условиям страны и менталитету отечественного крестьянства.

3. "Советская история" рассматривается в контексте концепции модернизации, трактуется как тяжелый, мучительный, но в известной мере закономерный и оправданный процесс. Более ярким выражением такого подхода является книга А.Г. Вишневского³.

Представляется, что третья версия является наиболее объективной, позволяющей понять наше "советское" прошлое во всей его сложности и необычайной противоречивости. В полной мере это относится и к истории крестьянства.

Вряд ли можно согласиться с авторами, подобными С.Г. Кара-Мурзе, которые, "отвлекаясь" от фундаментальных реалий соответствующего периода, вольно или невольно идеализируют прошлое. Ведь он доходит до того, что в известной мере оправдывает "раскулачивание", и даже голод 1932–1933 гг. рассматривает как некую "техническую ошибку". Понятно, что такая позиция продиктована прежде всего неприятием современной ситуации. Но разве несостоятельность нынешней политики дает основания для идеализации прошлых порядков? Если в наше время "деколлективизация" привела к развалу сельского хозяйства и нищете крестьян, то какие основания отсюда идеализировать "коллективизацию" и "колхозный строй"? Это "логично" в той же мере, как в противовес

"коллективизации" заниматься апологией аграрного строя дореволюционной России.

Нет сомнений, что "советский" вариант модернизации имел наиболее тяжелый и мучительный характер, был отягощен наибольшими жертвами и потерями, в том числе и в сравнении с тем, который осуществлялся в дореволюционные годы. Подвергать его какой-то апологии совершенно нет оснований.

В то же время, видимо, нет оснований отвергать в нашей "советской" истории модернизационный аспект, рассматривать ее (как это делает И.В. Павлова и подобные ей авторы) лишь как историю гнета и террора. В конечном итоге страна совершила мощный цивилизационный рывок, что в немалой степени коснулось и крестьянства. Появление в деревне современной техники, скачок в уровне образования, повышение социального статуса женщин – все это очевидные выражения модернизации. Напомним, что к 1941 г. в МТС Сибири работало около 43 тыс. тракторов и 23 тыс. комбайнов. К 1939 г. число грамотных среди сельского населения в возрасте от 9 до 49 лет достигло в Западной Сибири 83,4 %, в Восточной Сибири – 82,95 %.

Нельзя не вспомнить о целой когорте талантливых и инициативных людей, выдвинувшихся в 30-е годы из толщи сибирского крестьянства. Это и инициатор движения за повышение культуры земледелия М.Е. Ефремов, и такие известные стахановцы, как В.М. Бахолдина, М.И. Кострикина и И.А. Многолетний.

Другое дело – какой ценой все это было достигнуто. Самое же главное – каковы были перспективы созданной общественной системы. Возможно, на каком-то этапе она имела историческое оправдание с точки зрения задач форсированной индустриализации и обороны страны. В последующий же период необходима была ее своевременная и разумная трансформация.

Не исключено, что наиболее оптимальной здесь могла бы стать не "деколлективизация", а максимальное развитие так называемого "личного подсобного хозяйства" в комбинации с колхозно-совхозным производством (разумеется, с предоставлением права "фермеризации" для желающих). Это, наверное, в наибольшей степени соответствовало бы условиям страны и менталитету нашего крестьянства. К сожалению, такая историческая возможность, реальная только в короткий период после смерти Сталина, была упущена. Возможно, именно в этом и состоял главный "грех коммунистического режима, а не в "коллективизации" самой по себе...

¹ Павлова И.В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001.

² Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Кн. 1-2. М., 2001.

³ Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1991.

В.А. Ильиных (Новосибирск)
ЕДИНОЛИЧНИКИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(КОНЕЦ 1920-Х – НАЧАЛО 1940-Х ГГ.):
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ, СТРАТИФИКАЦИЯ

Наименее исследованным аспектом аграрной истории России в целом и Сибири в частности являются социальные процессы, происходившие в рамках единоличного крестьянства. В связи с этим в представляемом докладе проводится анализ основных тенденций социально-экономического и демографического развития единоличников Западной Сибири, а также предпринимается попытка их стратификации. В качестве базовых источников используются результаты налогового учета и сельскохозяйственная статистика.

Процесс раскрестьянивания, социально-классовое содержание которого сводится к трансформации крестьянства в новую социальную общность, прежде всего проявляется в сокращении его численности и удельного веса в сельском населении. В условиях капитализации экономики раскрестьянивание происходит за счет превращения крестьян в сельских уржуа (фермеров) или пролетариев, а также интенсивной миграции в город. 1920-е гг. капиталистическое раскрестьянивание сибирской деревни было фактически остановлено, а миграционные процессы перекрывались естественным приростом.

Переход большевистского режима к политике сплошной коллективизации изменил ситуацию. В ходе его первого этапа было фактически ликвидировано более половины крестьянских хозяйств Сибирского края. Однако кризис сельского хозяйства и угроза всеобщего крестьянского восстания вынудили руководство страны дезавуировать насильственные методы коллективизации. Крестьяне стали в массовом порядке из колхозов выходить. Процент коллективизации в регионе к лету 1930 г. снизился в 2,6 раза.

Отступление режима носило тактический характер. Отказавшись от одномоментного штурма, власти приступили к планомерной, но тем не менее относительно скоротечной осаде единоличной деревни. На 1 января 1931 г. в Западной Сибири насчитывалось 965 тыс. единоличных хозяйств (77,5 % от общего числа крестьянских дворов), на 1 января 1932 г. – 489 тыс. (39,3 %), а 1 июля 1935 г. – 197 тыс. (17,1 %), на 1 июля 1938 г. – 58 тыс. (5,8 %), на 1 июля 1940 г. – 20 тыс. (2,2 %). По переписи населения 1939 г. доля единоличников в сельском населении региона составляла 1,7 %.

Параллельно с сокращением численности единоличников уменьшались размеры их хозяйств. По данным налогового учета, в территориальных рамках Западно-Сибирского края на одно единоличное хозяйство в среднем приходилось 5,02 га посева, 1,55 голов рабочего скота, 2,72 голов КРС, в 1930 г. – соответственно 2,92 га, 1,27 и 1,38 голов, в 1934 г. – 1,99 га, 0,60 и

0,50 голов; в территориальных рамках Алтайского края и Новосибирской области в 1938 г. — 0,45 га, 0,29 и 0,44 голов, в 1940 г. — 0,26 га, 0, 11 и 0,42 голов. Общая направленность имущественных сдвигов очевидна — обеднячивание, а затем обнищание (пауперизация).

Наиболее наглядным мерилom пауперизации крестьянства является увеличение в их составе удельного веса безлошадных и бескоровных дворов. Весной 1929 г. рабочих лошадей не имело 8,0 %, а коров — 6,4 % крестьянских хозяйств Сибири. В территориальных рамках Западно-Сибирского края в 1932 г. доля безлошадных и бескоровных единоличных дворов составляла 33 и 48 %, в 1934 г. — 40 и 45 %, в 1936 г. — 80 и 72 %; в территориальных рамках Алтайского края и Новосибирской области в 1938 г. — соответственно 71 и 56 %, в 1941 г. — 90 и 51 %. В первой половине 1930-х гг. дворов без лошадей было меньше, чем без коров. Это объясняется значимостью рабочего скота для производственных возможностей крестьянского хозяйства. Кроме того, лошадь позволяла единоличнику найти заработок на стороне. Во второй половине десятилетия безлошадных дворов стало больше, чем бескоровных. Это свидетельствует об углублении раскрестьянивания единоличников. Занятие сельским хозяйством для них в этот период приобретает преимущественно подсобный, потребительский характер.

Сокращение размеров единоличных хозяйств, принудительное отчуждение у них значительной части произведенной продукции приводило к сокращению доходов, получаемых крестьянами от ведения сельского хозяйства. Значительная часть единоличников в связи с этим переориентировалась на неземледельческие заработки. В 1927 г. в Западной Сибири удельный вес дворов, имеющих подобные заработки, составлял 16,6 %, в 1931 г. — 41,6 %. По данным налогового учета, в 1933 г. неземледельческие занятия принесли западносибирским единоличникам 58,8 млн, а продажа сельхозпродуктов на рынке — 37,8 млн руб. Большую часть неземледельческих доходов единоличники получали от работы на лошади вне своего хозяйства.

В 1936–1938 гг. значение неземледельческих заработков как источника получения доходов резко возросло. В Новосибирской области в 1938 г. их размеры в 3,5 раза превышали рыночные. В 1939–1941 гг. в связи с увеличением доли безлошадных дворов размеры и значимость несельскохозяйственных доходов несколько снизились. Однако они по-прежнему существенно превосходили доходы от рыночной торговли.

Происходящие с единоличным крестьянством социально-экономические изменения сопровождались трансформацией его демографических параметров. Коллективизация ускорила процесс сокращения людности дворохозяйства. По данным налогового учета, средние размеры единоличной семьи в Западно-Сибирском крае в 1930 г. составляли 4,97 чел., в 1933 г. — 4,21, в 1936 г. — 4,01 чел. Главной причиной сокращения размера семей были

их дробление. В ряде случаев оно отвечало задачам снижения тяжести налогообложения. Гораздо чаще раздел вызывался конфликтом поколений. Старшие члены семьи предпочитали оставаться единоличниками, а несогласные с ними молодые вступали в колхозы. Распространенным был и переезд (бегство) части членов семьи (прежде всего молодых) из деревни. Данный характер дробления дворов приводил к увеличению в их населении удельного веса лиц старших возрастов. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. в Западной Сибири более 40 % единоличников, отнесенных к категории занятых, составляли лица старше 60 лет. Именно они формировали наиболее малочисленные дворы, которые представляли собой осколки некогда многолюдных семей.

В конце 1930-х — начале 1940-х гг. темпы снижения людности единоличных семей и увеличения в их составе лиц старше трудоспособного возраста увеличивались. Так, удельный вес дворов, освобожденных от уплаты сельхозналога ввиду преклонного возраста всех их членов, в Новосибирской области в 1937 г. составлял 14,6 %, в 1938 г. — 24,8, в 1939 г. — 44,1, в 1940 г. — 56,8, в 1941 г. — 60,8 %. В итоге наиболее распространенным типом единоличного двора становится такой, который состоял из двух пожилых и вследствие этого нетрудоспособных членов, не способных вести крестьянское хозяйство.

Состав семьи, фиксация основного источника дохода и места в общественном разделении труда, обеспеченность скотом используются как базовые критерии предлагаемой нами стратификации западносибирских единоличников. Представителей первой из выделяемых страт можно назвать термином *пауперы*. Наименее состоятельную их часть составляли семьи (одиночки), не владеющие скотом. Близкое к ним положение занимали дворы, располагавшие только небольшим количеством мелкого скота (1–2 головы). Условием отнесения в категорию пауперов являются отсутствие у семьи доходов от продажи сельхозпродуктов на рынке и от работы вне своего хозяйства. Поэтому мы включаем в состав данной группы и безлошадные дворы, которые имели корову, но также не получали рыночных и неземледельческих доходов. Абсолютное большинство дворов единоличников-пауперов имели только приусадебных участок.

В общественном разделении труда пауперы занимали место аутсайдеров, поскольку находились как вне сферы производства, так и вне сферы услуг. Их хозяйство удовлетворяло только минимальные потребительские нужды или вообще их не обеспечивало. Слой единоличников-пауперов главным образом состоял из семей престарелых сельских жителей, которые ранее вели крестьянское хозяйство, в условиях коллективизации его ликвидировали, но не могли покинуть деревню и по психологическим мотивам не желали вступать в колхоз.

В следующую из выделяемых нами страт входят хозяйства, основным источником существования которых было сельскохозяйственное

производство. Это *единоличники-крестьяне*. В свою очередь, их можно разделить на две подгруппы: 1) крестьян, имеющих полевой посев, но ведущих фактически натуральное хозяйство и отчуждающих произведенную продукцию только для исполнения денежных и натуральных обязательств перед государством; 2) крестьян, продающих произведенную продукцию на рынке. В числе последних были представлены как единоличники, имеющие полевой посев, так и единоличники, называемые нами "огородниками" которые имели только приусадебный участок (огород), но, проживая в пригородной зоне, активно торговали выращенной на нем продукцией на рынке. Подобные хозяйства могли иметь скот, включая продуктивный, и также реализовывать животноводческую продукцию на городском рынке или вразнос ("молочницы").

Третьей из выделяемых нами страт мы дали название *единоличников-некрестьян*. Это бывшие крестьяне, основным источником дохода которых стали неземледельческие занятия, а сельхозпроизводство приобрело подсобное, потребительское значение. Данную страту также можно разделить на ряд подгрупп. Наиболее многочисленной из них была та, которая объединяла единоличников, получавших большую часть своих доходов от работы на лошади вне своего хозяйства. В отдельные подгруппы входят рабочие и служащие, размеры личных подсобных хозяйств которых превышали установленные нормы, кустари и ремесленники, облагаемые сельхозналогом, сельские жители, промышленяющие преимущественно охотой или рыбной ловлей. Большая часть единоличников-некрестьян была занята не в сфере производства, а в сфере услуг.

Таким образом, основные направления социальных и демографических сдвигов внутри слоя единоличников заключались в: а) сокращении численности индивидуальных хозяйств и их удельного веса в составе сельского населения; б) снижении людности и увеличении в их составе доли лиц старших возрастных групп; в) сокращении имущественных размеров дворохозяйств; г) увеличении доли несельскохозяйственных заработков в совокупном доходе семьи. Эти изменения отражали процесс трансформации крестьянского хозяйства в некрестьянское. При этом часть единоличников ранее бывших крестьянами, превращалась в пауперов, а часть — самостоятельных работников, занятых в несельскохозяйственных отраслях (главным образом в сфере услуг).

Указанные количественные и качественные изменения реализовывались как во времени, так и в географическом пространстве с различной степенью интенсивности. Цикл превращения крестьянского хозяйства в некрестьянское быстрее всего завершался в районах форсированной коллективизации (зона развитого зернового хозяйства). При этом преобладающим фактором стратификационных сдвигов выступала пауперизация крестьян, вступавших в колхозы. В отдаленных районах с низкими темпами коллективизации единоличники имели больше возможностей для

переориентации на неземледельческие заработки. Значительно дольше там сохранялись и собственно крестьянские хозяйства. Однако число последних постоянно уменьшалось, и к началу 1940-х гг. индивидуальное крестьянское хозяйство в том виде, в каком оно существовало в Сибири со времени начала российской аграрной колонизации, было фактически ликвидировано.

А.А. Николаев (Новосибирск)

КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА И МАСЛОДЕЛЬНАЯ КООПЕРАЦИЯ В СИБИРИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Первые работы по истории возникновения маслодельных артелей в Сибири были написаны современниками по горячим следам событий. Благодаря работам А.И. Грудзинского, Н. Макарова, А.А. Мурашкинцева, М. Трегубова, В.Н. Чайковского и др.¹ был введен в научный оборот и систематизирован фактический материал по разнообразным направлениям развития молочной кооперации: борьба кооператоров с частным предпринимательством, деятельность иностранного капитала, роль государственных учреждений в поддержке маслоделия, взаимодействие крестьянских обществ и кооперации и т. д. Вместе с детальным описанием процессов и обобщением исторических фактов авторы выделили некоторые узловые проблемы и поставили теоретические вопросы, ставшие предметом историографических дискуссий на последующих этапах. В частности, были заявлены противоположные суждения по оценке взаимодействия крестьянской общины и маслодельной кооперации. Краинский указал в своей специальной работе на несовместимость социально-экономических принципов поземельной общины и кооперации. Последняя, по его мнению, должна основываться на свободном предпринимательстве крестьян и частной собственности, как в Западной Европе². Известный экономист Н. Макаров пришел к заключению, что в Западной Сибири община не только сосуществовала с кооперацией, но и даже помогала ей³. Он акцентировал внимание на хозяйственно-психологической стороне деятельности сельских обществ в Сибири. Процедуры уравнивания интересов в ходе земельных переделов (при отсутствии жеребьевок, характерных для Европейской России), опыт финансирования хозяйственных общественных проектов (питейные заведения, общинные маслодельные заводы и т. д.) облегчали проникновение кооперации в деревню. В то же время А.А. Мурашкинцев в более ранней работе отмечал, что общественные крестьянские заводы и заведения создавались под давлением крестьянских начальников для облегчения сбора налогов. Это принципиально отличало их от кооперативных заводов, которые не подлежали юрисдикции крестьянской

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 02-01-00446а).

администрации⁴. Палитра мнений отражала реальное многообразие экономической действительности и многоканальность взаимодействия общины и кооперации.

В 70-е годы проблемы маслодельной кооперации нашли отражение в работах В.К. Алексеевой, Л.М. Горюшкина и других⁵. В 90-е годы интересное коллективное исследование подготовили краеведы Кургана⁶. Однако специально проблема взаимодействия сельских обществ и маслодельной кооперации была обозначена только в работах Л.М. Горюшкина. Он отметил, что отрицательная сторона влияния общины на кооперацию была преобладающей. Артельные маслозаводы делали значительные отчисления в мирской капитал, а получаемая прибыль шла на погашение недоимок, что сковывало хозяйственную самостоятельность и предприимчивость. Многие артельно-общинные заводы распались или преобразовались в кооперативы⁷. Фактически данная позиция была близка к точке зрения А.А. Мурашкинцева.

В настоящее время существуют как противоположные, так и условно компромиссные позиции по данному вопросу. Н.Н. Покровский, отмечая высокую экономическую эффективность маслодельной кооперации дореволюционной Сибири, связывал ее успехи с сельской крестьянской общиной. По его мнению, общинные традиции, основу которых составляли не уравнилельные тенденции, а нормы трудового права, в которых уважительно заработанный достаток, могли бы помочь постепенному и умелому внедрению после революции выгодных для крестьянства форм кооперации. В.В. Кабанов в целом обосновал теоретическую конструкцию, согласно которой кооперация и община являлись антиподами. Тождество носило внешний символический характер⁹. Община, в сущности, являлась основой консервативного традиционного уклада, где преобладали элементы принудительно-вынужденного объединения и эгалитарной психологии и производных коллективного землепользования. Ей были присущи отношения круговой поруки, детерминирующие экономическое поведение крестьянских хозяйств и формирующие низкую степень экономической свободы. Ограничиваясь применением к Сибири В.В. Кабанов занял более сдержанную позицию, учитывая мнение академика Н.Н. Покровского.

При аргументации точки зрения о поддержке крестьянскими общинами маслодельной кооперации ссылаются на факты вступления в кооперацию целых обществ. Но они все же носили единичный характер и отмечались в конкретных обстоятельствах: наличии предбанкротных мирских заведений (например, питейных), давлении крестьянских начальников, преследующих фискальные цели, конкретной обстановки в данном обществе. Само вступление целых обществ в маслодельную кооперацию являлось исключениями. Нормой являлась другая ситуация: сельское общество вступало в кооперацию на долевых условиях (деньгами, постройкой, арендой земли и т. д.), но чаще вступала в кооперацию отдельная ч

стьянских хозяйств на индивидуальной основе. И вся проблема как раз состоит в выявлении картины соприкосновения сельского крестьянского хозяйства с кооперацией.

Теоретически следует четко разводить понятия "артель" и "кооперация". Это позволяет структурировать кооперативное движение, выделяя в нем два специфических уровня – артельный и кооперативный. Первый был связан с историческими традициями русского крестьянства, которое истари начало формировать в своей среде трудовые и производственные артели. Артели принимали правовые и этические нормы сельской общины. Собственно кооперативный уровень начал формироваться после отмены крепостного права в форме кредитных и потребительских обществ. Рост кредитной и потребительской кооперации протекал под влиянием развития капитализма и опыта западноевропейской кооперации¹⁰.

Первые артельные сыроварни в Тверской, Ярославской, Новгородской, Вологодской губерниях и Пермской области в 1860–1870-е годы учреждались помещиками и на средства земств. Инициаторы вынуждены были обращаться за поддержкой и к сельским обществам, так как это гарантировало регулярные поставки молока и получение кредита под залог подписчиков. Подписи в приговоре сельского общества о создании артели влекли за собой материальную ответственность. Подписчики, осуществлявшие финансирование, принимали построенное здание, становились первыми членами артели и приглашали других участвовать в сыроварне припасами молока. Заведовал артелью староста, который вел бухгалтерию и принимал молоко¹¹. Все эти сыроварни распались. Причины неудач крылись в низком уровне технологии и отсутствии опытных специалистов, а также общей неподготовленности деревни к столь сложному производству. Насаждаемое помещиками и интеллигенцией хорошее дело ложилось на непригодную почву.

Во второй половине 90-х годов аналогичная организационная схема была приложена к более простому в технологическом отношении масляному производству. В 1895 г. в Вологодской губернии открылись Братковская и Вятогорская маслодельные артели. Созданные по инициативе помещиков с участием крестьян, они вскоре также распались.

По моему мнению, в экономическом плане кооперация и община являлись типологами. И эту точку зрения достаточно логично обосновал В.В. Кабанов. Община возникла исторически как способ коллективного выживания русского крестьянства в экстремальных условиях. Этот социальный институт привлекал всех и выполнял поистине универсальные функции, порождая порой неоправданные иллюзии и надежды. Не случайно он активизировался в экстремальных условиях революции и гражданской войны, зачастую подменяя кооперацию. Кооперация же явилась способом эффективной реализации экономических интересов индивидуальных крестьянских хозяйств, минуя общину. Социально-психологический план

взаимодействия, напротив, мог нести позитивный заряд, связанный с устойчивостью и надежностью отношений. Свидетельством этого являлось отсутствие ссудо-залоговых операций в маслодельной кооперации¹².

¹ Трегубов М. Экономическое исследование маслоделия в Сибири. Харьков, 1906; Макаров Н. Крестьянское кооперативное движение в Западной Сибири. М., 1910; Мурашкинцев А.А. О производстве и сбыте экспортного масла в Западной Сибири. СПб., 1902.

² Краинский. Община и кооперация. 1907.

³ Макаров Н. Крестьянское кооперативное движение в Западной Сибири. М., 1910. С. 100.

⁴ Мурашкинцев А.А. О производстве и сбыте экспортного масла в Западной Сибири. СПб., 1902.

⁵ Алексеева В.К. К вопросу о сибирской маслодельческой кооперации в период Октябрьской революции и Гражданской войны // Научные труды Новосиб. гос. университета. 1973. Вып. 6. С. 15–19; Она же. Влияние маслодельческой кооперации (конец XIX – начало XX в.) // Развитие производительных сил Сибири в XIX – начале XX в. Бахрушинские чтения. Новосибирск, 1983. С. 148–153; Горюшкин Л.М. Крестьянская община и маслодельная кооперация в Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Крестьянское население Сибири XVIII – начала XX в. (классовая борьба, общественное сознание и культура). Новосибирск, 1975. С. 187–206; Он же. Кооперация в сибирской деревне в годы Первой мировой войны // Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XIX – XX вв.). Новосибирск, 1979. С. 141–155.

⁶ Емельянова Н.Ф., Пережогина И.Н., Семенова О.Г. Крестьянский социализм в Зауралье при капитализме. Курган, 1994.

⁷ Горюшкин Л.М. Крестьянская община и маслодельная кооперация... С. 199, 205–206.

⁸ Покровский Н.Н. Мирская и монархическая традиции в истории российского крестьянства // Новый мир. 1989. № 9. С. 229.

⁹ Кабанов В.В. Судьбы кооперации в советской России: проблемы, историография // Кооперативные планы: иллюзии и действительность. М., 1995. С. 22–24; Он же. Крестьянская община и кооперация в России XX века. М., 1997.

¹⁰ Николаев А.А. О влиянии крестьянской общины на развитие маслодельной кооперации в Сибири // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Сб. науч. тр. Ч. 1. Омск, 2002. С. 130–134.

¹¹ Сборник материалов об артелях. Вып. 2. М., 1874. С. 158–159.

¹² Серова Е.В. Сельскохозяйственная кооперация в СССР. М., 1991. С. 51.

И.А. Якимова (Барнаул)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОРЕФОРМЕННОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ В СИБИРИ В ТРУДАХ ИСТОРИКОВ-СИБИРЕВЕДОВ 60-90-Х ГГ. XX В.

В условиях аграрно-традиционного общества великорусское крестьянство не одно столетие осуществляло воспроизводство своего хозяйственного уклада в рамках локальной социальной общности – общины. Несмотря на определение реформ 60-70-х гг. XIX в. как буржуазных по своему характеру, они имели целью в том числе и законодательное укрепление крестьянской общины как поземельного и фискального союза с элементами самоуправления и независимого судопроизводства. Но объективные последствия эпохи "великих реформ", нередко вопреки воле реформаторов, создавали в России условия для разрушения векового аграрно-традиционного уклада, для торжества индустриальной цивилизации. Характерным признаком последней было утверждение машинного производства, которое, как казалось, вытеснит крестьянское хозяйство как тип экономического уклада, ликвидирует крестьянство с его традиционной общиной как элемент социальной структуры общества. В российском варианте процесс индустриализации не успел завершиться в рамках капиталистического производства. Социалистическая индустриализация, несмотря на принципиально иные средства и методы, по сравнению с капиталистической, в глобальном масштабе завершила процесс становления в нашей стране индустриального общества. Поэтому не случайно, что в середине прошлого века в исторической науке, которую весьма условно, но все-таки можно разделить на марксистское и антимарксистское направления, господствовало представление об индустриальном обществе будущего (и капиталистического, и социалистического) как о "мире без крестьян". Представления о неизбежном отмирании объекта исследования – крестьянства, объективно снижали актуальность научного интереса к общинной проблематике и в социалистических, и в капиталистических странах.

Отечественные историки послеоктябрьского периода до конца 60-х гг. XX в. не выделяли историю крестьянской общины в Сибири периода капитализма в качестве специального объекта исследования. Отдельные аспекты проблемы рассматривались в русле преобладавшей социально-экономической тематики в связи с изучением социального расслоения, классовой борьбы в деревне, исследования вопросов земельной собственности и аграрной политики правительства, при решении спора о преобладании "прусского" или "американского" пути развития капитализма в сибирской деревне. В результате сложился достаточно односторонний взгляд на общину как административно-фискальный орган, оцениваемый, в духе ленинских высказываний как реакционный пережиток феодализма.

Сравнивая сибирскую общину с великорусской, исследователи отмечали главным образом незавершенность формирования в ней поземельных отношений. Долгое время многие из них даже не употребляли термин "общинное землевладение" применительно к крестьянской общине Сибири.¹

Во всем этом прослеживалась определенная недооценка влияния общины на эволюцию аграрных отношений в Сибири. Известный исследователь аграрной политики самодержавия в Сибири В.Н. Худяков считал номинальным характер власти общины над поземельными отношениями сибирского крестьянства даже при переходе к регулируемому общиной землепользованию.² Другие исследователи (Дулов В.И., Тюкавкин В.Г.) наоборот, отмечали тенденцию усиления вмешательства общины в земельные отношения сибирской деревни, но оценили это вмешательство резко отрицательно, определяя его как полукрепостническое, мешающее свободному развитию капиталистических отношений в сибирской деревне "по фермерскому" пути, убежденными сторонниками которого являются эти авторы.³

Более объективная, на наш взгляд, характеристика социально-экономической роли общины в эпоху капитализма содержится в исследованиях И.А. Асалханова и Л.М. Горюшкина. Их взгляды нашел выражение и в коллективных монографиях по истории Сибири и сибирского крестьянства.⁴ Во многом благодаря усилиям этих авторов в современной исторической литературе утвердилась эволюционная схема сибирской поземельной общины, разработанная в конце XIX — начале XX в. исследователем-народником С.П. Швецовым. Признавая формальное юридическое право собственности Казны и Кабинета на землю в Сибири, эти авторы выделяют и вполне самостоятельную роль общины в регулировании землепользования крестьянских дворов. Отмечая, но не преувеличивая пережитки феодальных отношений в сибирской общине, исследователи оценивают усиление ее поземельных функций, в том числе и появление уравнительных переделов земли, как явление прогрессивное с точки зрения интересов развития крестьянского хозяйства, объективно-обусловленное капиталистической эволюцией аграрных отношений в регионе.

Специальный научный интерес к общинной тематике активизируется в связи с подготовкой многотомной "Истории Сибири с древнейших времен до наших дней". На ноябрьском 1969 г. симпозиуме по истории рабочего класса и крестьянства Сибири в докладах З.Я. Бояршиновой, Л.М. Горюшкина, М.М. Громыко, Г.П. Жидкова впервые была поставлена задача комплексного изучения историками-аграрниками местной крестьянской общины. Сформулированы наиболее перспективные направления этой работы: эволюция форм общинного землевладения и землепользования, соотношение административно-податных и поземельных функций крестьянской общины на разных этапах ее развития, связь общины с развитием производительных

ил и социальной структурой сибирской деревни, община и аграрная политика царизма в Сибири. Исследователи призывали к необходимости районного изучения общины для написания ее обобщающей истории.

Отдельные проблемные вопросы общинной тематики нашли разрешение в статьях, частично опубликованных в первых тематических сборниках — "Крестьянская община в Сибири XVII — начала XX в." (Новосибирск, 1977) и "Община и семья в сибирской деревне XVIII — начала XX вв." (Новосибирск, 1989).

Первая попытка обобщающего исследования по истории крестьянской общины в Сибири периода капитализма была предпринята в диссертационном исследовании Л.В. Котович. На основе введенного в научный оборот богатого фактического материала автор пытается решить комплекс проблемных задач, связанных с эволюцией сибирской общины с X-XI вв. XIX в. и до 1917 г. — раскрыть важнейшие функции общины, ее роль в нормировании поведения крестьян, организации сельского самоуправления, выявить соотношение административной и податной общины и социально-экономические факторы, определившие эволюцию форм общины в Сибири. В решении этих вопросов Л.В. Котович удалось преодолеть односторонность подхода к общине как чисто хозяйственному союзу, в ее исследовании сибирская община предстает как динамично развивающийся социальный организм, который, несмотря на элементы дезорганизации, до 1917 г. продолжал оказывать значительное воздействие на жизнь сибирской деревни — от организации производства в условиях совместного землепользования до нормирования поведения крестьян в быту.

На наш взгляд, дальнейшее изучение крестьянской общины продолжает быть актуальным как для определения главных черт и закономерностей ее собственного развития, так и для характеристики ее влияния на весь ход аграрно-капиталистической эволюции в России. Эту эволюцию, по нашему мнению, невозможно свести к простому преобладанию черт "прусского" или "американского" пути развития в отдельных регионах страны именно в силу повсеместного сохранения общинных отношений. Возможно, что устойчивость общинной организации определила самобытный путь развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве пореформенной России.

¹ См.: Прудникова Т.П. Крестьянское землепользование в Сибири в пореформенный период (по материалам бывшего Томского округа) // Тезисы IV научной конференции Новосибирского пединститута. Т. 1. Новосибирск, 1957; Сухотина Л.Г. Формы пользования, земельные системы и орудия труда в сибирской деревне второй половины XIX в. // Вопросы истории Сибири. Вып. 3. Томск, 1967. С. 64; Она же. К вопросу о характере и формах крестьянского землепользования в Томской губернии в конце XIX — начале XX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г. Рига, 1963.

² См.: Худяков В.Н. К вопросу о собственности на землю в Сибири XIX в. // Экономические и социальные проблемы истории Сибири. Сб. ст. Томск 1984. С. 55–56; Он же. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск, 1986.

³ См.: Тюкавкин В.Г. Формы землевладения в Сибири в начале XIX века // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1964 г. Кишинев, 1964. С. 713; Он же. Сибирская деревня накануне Октября (к вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции). Иркутск, 1966. С. 80, 98; Дулов В.И., Тюкавкин В.Г. О путях развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири // Вопросы истории. 1964. № 4. С. 51.

⁴ См.: Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX вв. Новосибирск, 1975; Горюшкин Л.М. Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне. Об уровне и особенностях развития капитализма в сельском хозяйстве Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. Новосибирск, 1962; Он же. Сельское хозяйство и крестьянство Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1964; Он же. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск, 1967; История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т., 1968. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма; История крестьянства Сибири. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983.

Л.В. Котович (Новосибирск)

ПРИНЯТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ПО ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ СЕЛЬСКИМИ СХОДАМИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Информационный потенциал приговоров сельских сходов мы сгруппировали по трем направлениям. В первом объединены приговоры вопросам, которые решались на сельских сходах. Их можно разделить на следующие группы:

1. Поземельно-хозяйственные; 2. Податные; 3. Кооперативные; 4. Административные; 5. Охраны порядка внутриобщинной дисциплины; 6. Вопросы культуры; 7. Культурно-просветительные; 8. Защита интересов крестьянства и организация коллективного протеста; 9. Вопросы, связанные с чрезвычайными обстоятельствами.

Второе направление связано с причинами принятия решений. Свои решения крестьяне объясняли:

1. Необходимостью создать условия для ведения хозяйства.
2. Причинами морально-этического характера, отражающими крестьянские представления о правде, справедливости, порядочности.
3. Причинами, связанными с выполнением обязательств перед государством и однообщественниками.
4. Сохранением безопасности в сельском обществе.

5. Сохранением природных богатств.
6. Стремлением защитить материальные интересы однообщественников.
7. Необходимостью помощи сельскому обществу.
8. Необходимостью исправить ошибки, допущенные всем сельским обществом или его отдельными членами.
9. Выгодным вложением средств.
10. Урегулированием спорных вопросов внутри сельского общества.
11. Стремлением иметь сведения о государственных решениях, касающихся крестьян.
12. Необходимостью учитывать изменившиеся обстоятельства.
13. Причиной принятия сельским сходом решений было недоверие к властям и поиск новых, демократических структур, которые помогут решить насущные вопросы.

Обратим внимание еще на один вопрос – кому адресовались решения сельских сходов: во-первых, насколько конкретной была адресация, во-вторых, насколько широк круг адресатов.

Отвечая на первый вопрос, можно совершенно определенно говорить, что принятые решения имели конкретного адресата. В приговоре сельского схода четко указывалось, какому лицу (лицам) или учреждению адресуется данное решение. В крайне редких случаях (можно сказать, как исключение) в приговорах встречалась формула "ходатайствовать перед всеми должностными лицами" или "ходатайствовать перед начальством".

Кому же адресовались решения сельских сходов? Проанализировав приговоры сельских сходов, мы выделили шесть групп адресатов:

1. прежде всего, это сами члены данного сельского общества.
2. конкретные представители сельского общества;
3. лица, не приписанные к сельскому обществу, но ведущие с ним дела;
4. соседние сельские общества;
5. органы власти;
6. члены Государственной думы (примета начала XX в.).

Круг источников по истории крестьянской общины Западной Сибири в исследуемый нами период позволяет фиксировать, что решения сельских сходов реально влияли на жизнь сельчан.

Выделим основные направления этого влияния: во-первых, решения касались имущественного положения домохозяев (передел общинных угодий, раскладка податей и повинностей, раздел "мирского" капитала, исполнение выборной должности); во-вторых, оказывали влияние на авторитет общинника (обсуждение проступков на сходе, наказание однообщественников, выбор на престижные и непрестижные должности по делам самоуправления), в-третьих, влияли на авторитет данного сельского общества среди других сельских обществ в волости.

В.М. Рынков (Новосибирск)

**СЕЛЬСКОЕ РОСТОВЩИЧЕСТВО, КООПЕРАЦИЯ, ОБЩИНА:
К ВОПРОСУ ОБ ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ В СИБИРИ
В ПЕРВОЕ ДВАДЦАТИЛЕТИЕ XX В.***

Вопрос о границах понятия "кооперация" сохраняет свою актуальность. последнее время даже усилился интерес к тому, чтобы определиться дефинициями, которыми раньше историки оперировали по привычке, поре не задумываясь над их смыслом.

Чем кооператив отличается от акционерного общества? Имеет ли кооперативная деятельность природу, отличную от предпринимательства? На этом поводе много писали "отцы-основатели" и теоретики дореволюционной кооперации. Но исследователь должен руководствоваться реальной ситуацией, а не самооценками. Часто кооперацию определяют и способ адаптации крестьянского хозяйства к рынку, его "мягкого" вхождения в рынок. При этом рынок понимается как разделение труда, и, следовательно, кооперация — не переходная стадия от традиционного хозяйства капиталистическому, а самостоятельный путь в индустриальное будущее. Из этих рассуждений становится понятно, что не менее актуально определить, где заканчивается традиционный экономический уклад и начинается кооперация. Какие признаки отличают кооперацию от общины и артели? В этом направлении в последние годы отечественными историками и довольно много сделано. Попытаемся и мы внести свою лепту в изучение вопроса. Сразу оговоримся, что по мере возможности мы рассмотрим сибирскую кооперацию от истоков, с начала XX в., однако основной массив источников приходится на период 1914–1919 гг.

В годы революции и гражданской войны бытовало мнение, что в атмосфере упадка предпринимательской этики, всеобщего надувательства, спекуляции только некоммерческие хозяйственные организации, прежде всего кооперативные, сохранили способность действовать в общественных интересах. Именно это типично мессианское чувство подпитывало антибуржуазный пафос кооперативной прессы. Но могло ли быть действительно так? Неужели разрушительное влияние тотального дефицита не коснулось кооперативных организаций? Отнюдь нет. Скорее наоборот: этот период наряду с этатизацией кооперативного движения обозначилась прямо противоположная тенденция — коммерциализация.

Традиционно историки недооценивали роль частнопредпринимательского фактора в кооперативной деятельности. Кооперативы и деревенские торговцы не только конкурировали друг с другом, но и взаимно дополнили

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 01-01-00377а.

поддерживали друг друга. Широко распространенное явление — бывший купец в роли артельщика, работающий на процент с кооперативного оборота. Другой вариант — складчина купца и сельского общества, причем не только капиталом, но и товарами. Конечно, возникало много соблазнов. Часто артельщик продолжал оставаться "по совместительству" деревенским купцом, торгуя в кооперативной лавке своим товаром или наоборот, сбывая кооперативные товары на сторону.

Даже если артельщик раньше торговлей не занимался, он быстро превращается в явного, а часто "подпольного" деревенского купца, использующего кооперативную собственность. Этому способствовало то, что деревня относилась к должности артельщика как к общественной повинности, не назначая за неё приличного вознаграждения. К тому же "справных" мужиков, тянувших свои хозяйства, старались от этого хозяйства не отрывать и редко назначали артельщиками. Так что только "навар" и мог привлекать на эту должность. Нередко артельщики сколачивали себе капитал разными путями: задерживая и прокручивая полученную от союза оплату за сданную пайщиками продукцию, устанавливая дополнительные надбавки и т. д. Но самым нехитрым способом было воровство товаров и денег из кооперативной кассы. Учитывая, что в большинстве кооперативов отчетность либо вообще не велась, либо велась хаотично, сделать это было несложно. Кстати, в значительной части сибирских кооперативов не правление, а артельщики единолично заправляли всеми делами. Во многих кооперативах правление даже не выбирали.

В сибирской деревне начала XX в., как и в России в целом, сильны были позиции ростовщического капитала. Более того, в российской глубинке такой вид предпринимательства был органичен, соответствовал уровню развития царивших там частнособственнических отношений. Зимой ростовщик ссужал крестьян товарами в счет будущей продукции, которую забирал у них осенью по заниженным ценам. Без него было трудно. В годы первой мировой войны ростовщический капитал свернул свою деятельность. Освободившуюся нишу в значительной мере заняли кооперативы.

Исследователи всегда старались найти границу, отделявшую российскую кооперацию от акционерного общества. На наш взгляд, это не самый показательный пример соотношения кооперативной и предпринимательской деятельности. На русской почве следует постараться разглядеть соотношение кооперации и сельского ростовщичества. Тогда станет ясно, что, яростно конкурируя, они в то же время представляли тесный симбиоз, переплетение и взаимозаменяемость.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в период 1914—1919 гг. происходила примитивизация кооперации. Постоянно действующее предприятие с паевыми взносами, дивидендами и другими атрибутами кооперативов во многих местах существовали только на бумаге. Реально же во многих деревнях процветала система авансов на одну поездку. После

сельского схода артельщик обходил жителей, собирая со двора по 50–100 рублей, и получал задание, что ему покупать в городе. Собрав тысячу–две, отправлялся в город на рынок и в магазины. Кооперативная организация при этом фактически оставалась не задействованной. Она просто оказывалась неэффективна.

Во-вторых, наблюдалось сближение функций кооперативов и сельского общества. Уже с 1917 г. заметным явлением стало механическое включение в кооператив всех жителей села. Причем практически повсеместно отпуск товаров производился всем жителям деревни поголовно, независимо от их членства в кооперативе. Хотя не члены товарищества чаще всего получали товар в ограниченном количестве. В районе действия Алтайского союза кооперативов в конце 1917 – начале 1918 г. 91,5 % товариществ обслуживали все население, и лишь 8,4 % отпускали товары только своим членам. Но и в этой последней группе во многих кооперативах членами состояли все жители поголовно. По отчетам же Енисейского губернского потребительского союза, на начало 1919 г. официальными пайщиками потребительских обществ состояло лишь 1/10 населения. Зато каждое потребительское общество обслуживало поголовно все население тех пунктов, в которых находилось. Причем треть товариществ вообще не вела учет членов, автоматически считая ими всех жителей.

Уравнилительные тенденции проявлялись еще и в другой форме. Если до революции в потребительских кооперативах обычно не ограничивалось количество паев, то в 1917–1919 г. такие ограничения были введены в большинстве товариществ. Причем эгалитаристские настроения преобладали в кооперативах новой формации, возникшей на гребне революционной волны. Сибирская кооперативная пресса того времени, кстати, дает многочисленные примеры противостояния, даже вражды старых и новых членов внутри одной кооперативной организации. Новички неизменно выступали за уравнивание.

Проблема соотношения кооперации и общины для отечественной историографии пока еще остается темой роковых заблуждений. В советское время в общине пытались искать истоки колхозного строя – высшей формы кооперативного объединения. В постсоветское время пришли к выводу противоположности природы этих двух понятий. Думается, диалектика истории заключается в том, что эти два, несомненно, разных явления на русской почве продемонстрировали не столько борьбу, сколько диалектическое единство противоположностей.

Сибирский материал великолепно демонстрирует, что основанные в сельской местности низовые кооперативные организации впитали в себя общинные традиции. Вопреки всем правилам, предписывавшим демократическую процедуру выборов правления, центральной фигурой сельского кооперативного товарищества был доверенный (или артельщик), не избранное правление. Должность эта воспринималась сельчанами к

общественная повинность (по аналогии с мирскими должностями). Распространенным явлением в дореволюционной сибирской кооперации был сбор товаров в долг — своеобразная аналогия крестьянских помочей.

Общинные установки сельских кооператоров, в представлениях которых интересы сельского общества и товарищества сливались воедино, с особой очевидностью обнажились в период 1917–1919 гг. Значительное количество кооперативов, как уже отмечалось выше, считало своими членами все сельское общество, т. е. сливалось с мирской организацией. Иногда не имея, сельский мир диктовал товариществу свои порядки. Члены кооперативов часто выбирались на сходах и сами считали правомочным не собрание пайщиков, а сельский сход. Известны случаи, когда паевые взносы в деревенское потребительское общество не собирались добровольно, а разверстывались по количеству едоков. Попытки ввести нормальные кооперативные принципы внесения паев вызывали протест и грозили распадом общества. Весьма распространенное явление — существование потребительских кооперативов не на деньги пайщиков, а на капиталы сельского общества или даже волостного земства. В таких кооперативах сельский сход не просто заменял собрание пайщиков; с юридической точки зрения именно сход являлся учредителем данного кооператива. Известны случаи, когда потребительское общество, подменяя мирскую организацию, содержало на свои деньги сельское духовенство.

Деятельность кредитных товариществ в деревне практически замерла. Если кредиты и давались, то они либо шли на продовольственные закупки малообеспеченных семей, либо на помощь семьям, попавшим в форс-мажорные обстоятельства (пожар, падеж скота и т. д.), т. е. носили потребительский или страховой характер. В последнем случае, кстати, учреждения кредитной кооперации выступали в качестве обычных мирских асс.

Изучая кооперацию в 1917 — начала 20-х гг., необходимо помнить, что это было время своеобразной общинной революции. На фоне примитивизации юрм кооперативной деятельности общинные представления неизбежно роникали в кооперативную этику интенсивнее, чем раньше. Сельская кооперация еще сильнее пропиталась духом моральной экономики.

Подводя некоторые итоги, уместно вспомнить о двоякой сущности кооперации. В ней борьба с рынком и приспособление к нему шли рука об руку. В деревне кооперация часто не противостояла общине, а вырастала из неё, конечно, в весьма специфической форме. По мере углубления экономического кризиса в годы первой мировой и гражданской войны усилилась интенсивность борьбы, но и формы приспособления к рынку становились изощреннее. Однако и то и другое, в конечном счете, оставалось способом обывательского выживания. При этом общий вектор развития, если мы посмотрим развитие не теории кооперации, а недр её экономической жизни, был задан достаточно четко — по пути упрощения

общественных связей. В этом смысле кооперация, как и многие другие общественные структуры, претерпела в революционную эпоху кардинальную трансформацию, стала одним из проявлений "восстания масс".

Мы можем с большей или меньшей степенью успеха определять, что отличает кооперацию от общины с одной стороны, и от обычного частного акционерного общества, с другой, но это будет справедливо только, если мы будем находиться в координатах идеального типа. Как только мы попытаемся провести четкую границу между этими явлениями в реальной исторической практике, вся наша теоретическая конструкция рассыплется, как карточный домик. Помня о специфике взаимодействия гуманитарного знания с реальностью, мы не должны чертить жестких границ.

В.Л. Барсуков (Новосибирск)

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО РАЗРЕШЕНИЯ

Россия — страна континентальной земледельческой цивилизации, течение веков не имевшая разведанных залежей полезных ископаемых выхода к тёплым, незамерзающим, морям. Поэтому исторической основой народного хозяйства до середины XX в. здесь являлось сельское хозяйство подавляющее большинство населения страны жило в деревне, а типичным жителем всегда являлся крестьянин. Главным и определяющим развитие всех процессов социально-экономической жизни всегда был аграрный вопрос. Крестьянское устройство общества предполагает администрирование натуральной системы производительных сил и превалирование обмена природой над обменом в обществе. Главной проблемой крестьянской семьи всегда было право на существование — универсальный моральный принцип сельского общества. Экономические ориентиры крестьян определяются прежде всего их представлениями об опасности оказаться за нижними пределами потребления. При возникновении угрозы праву на существование каждый раз в крестьянском восприятии ситуации происходит качественный сдвиг в пользу сохранения традиционных ценностей.

Между тем в начале XX в. Россия неизбежно должна была пережить тектонические сдвиги. Реформа 1861 г. направила её по типичному пути колониально зависимых стран, а развитие русского крестьянства — в направлении характерной для последних пауперизации. Относительно медленная индустриализация не могла ни освободить деревню от избыточной рабочей силы, ни обеспечить необходимое накопление капитала. В мире мелких товаропроизводителей это приводит к скрытой безработице, аграрному перенаселению, падению душевого дохода и нарастающей нужде. Между тем именно в это время Россия вступила в процесс модернизации, т. е. в процесс цивилизованного дистанцирования от собственной исторической традиции в пользу западной. По мнению Н.Д. Кондратьева, на рубеже

0-90-х гг. XIX в. началась "повышательная" волна столетнего экономического цикла. А ее закономерностями являются значительные изменения в условиях хозяйствования — нововведения в технике, обмене, денежной системе. Но суть и значимость аграрного вопроса состояла в том, что для шага по пути в индустриальное общество сельское хозяйство России должно было отказаться от просуществовавшей около четырех веков трехпольной системы земледелия. Ранее этого сделать было нельзя, так как не существовало техники, пригодной к использованию в условиях России. К началу XX в. эта техника была создана.

Но наименьшую способность перейти к новой системе земледелия всегда демонстрируют крупные земельные собственники, которые к тому же являются элитой общества и потому составляют стержень структуры государственного аппарата. Следовательно, начать переход к новой системе земледелия можно было только с насильственного уничтожения старых крупных хозяйственно-управленческих структур, и все без исключения политические силы России того времени суть аграрного вопроса видели в сохранении дворянского землевладения и крестьянской общины. Разногласия же заключались только в путях и способах их уничтожения. В начале XX в. были выработаны варианты двух возможных путей: эволюционного, сторонниками которого являлись либералы и часть правящей элиты во главе с С.Ю. Витте, затем П.А. Столыпиным, — и революционного, наиболее полно разработанного в программах РСДРП и ПСР. Несколько обстоятельств с неизбежностью обеспечили грядущую победу революционеров.

1. Либерализм родился как идеология городской буржуазии периода первоначального накопления и искоренения крестьянства путем перекачки его в города и колонии. Поэтому либеральная программа и крестьянство, включая кулачество, изначально не были совместимы.

2. Уничтожение крупной хозяйственной единицы и дробление ее в массу мелких собственников — только начало перехода к новой системе земледелия. Очень быстро страну охватывают два коллапса — демографический, как следствие голода и гражданской войны, вызванной низкой эффективностью мелкого хозяйства, и гравитационный (распад государственного аппарата, включая армию). Что влечет за собой иностранную интервенцию. Поэтому аграрный вопрос окончательно разрешается, и новая система земледелия побеждает лишь тогда, когда массы мелких собственников насильственным образом объединяются в крупные, но уже не те, что были прежде.

Эту неизбежность предвидели правительство и революционеры. Именно поэтому стержнем реформы П.А. Столыпина стала попытка сохранения дворянских имений как очагов будущего объединения, но это же обеспечило неприятие реформы крестьянством, ведь доходы помещиков начали сокращаться, и последние, пытаясь выжить, перекладывали всю тяжесть на плечи крестьянства. В итоге оно подвергалось усиленному давлению и со

стороны рынка, и со стороны крупных собственников земли, что приводило к экономике выживания и требованиям раздела земли.

Революционные же партии имели необходимый для гражданской войны кадровый аппарат и ясно видели неизбежность и пути проведения второго этапа аграрных преобразований.

Аграрный вопрос в виде неизбежности перехода к новой системе земледелия и сопутствующих этому процессу преобразований собственности в начале XX в. встал перед Россией в третий раз за ее более тысячелетнюю историю и был решен типичным, закономерным для страны путем.

Б.Т. Тулеуова (Караганда, Республика Казахстан) **АГРАРНОЕ ОСВОЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА** **И КАЗАХСКОЕ ОБЩЕСТВО** **ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Во второй половине XIX в. продолжилось (в результате обострения земельных отношений в Европейской части России) аграрное освоение Степного края, начатое еще в начале XIX в. Уставы о сибирских и оренбургских казаках (1822–1824 гг.) открыли простор правительственной и частной колонизации Степного края, в том числе Центрально-Казахстанского региона. Практиковалось и вольное крестьянское переселение, но при условии зачисления крестьян в казачье сословие.

Сельские поселения на территории Центрально-Казахстанского региона состав которого входили Акмолинский и Атбасарский уезды Акмолинской области и Каркаралинский уезд Семипалатинской области, начали появляться лишь во второй половине XIX в. с приходом русско-украинских переселенцев, в определенной степени знакомых со спецификой ведения хозяйства в степных областях.

В пользование крестьянам выделялись не свободные от кочевий земли наиболее пригодные для крестьянского хозяйства. Так, колониальная практика официальных властей, лишая казахов лучших пастбищ, ограничивая тем самым кочевое скотоводческое хозяйство, вынуждала закреплять за собой угодья путем образования оседлых поселений. Переход к оседлому состоянию и занятие земледелием нередко становилось единственным средством существования для местного населения. Кроме этого, зажиточная часть казахского общества увлеклась земледелием из-за выгоды и доходности данного занятия и возможности расширения хозяйственных и торговых связей с Россией. Однако хлебопашеством в основном занимался в основном беднейший слой казахского общества (егинши, жатаки), так как состоятельные баи считали для себя бесчестью приниматься за земледелие.

Переселенцы приносили в Казахстан не только сельскохозяйственные

ыт, но и опыт жизни в рыночных условиях того времени. "Переселенец плетется, прежде всего, учителем киргиза в области хозяйственной. Он учит пахать, сеять, косить, молотить и даже потреблять хлеб. Всюду, где только появились посе́вы, непременно это первый шаг делается под влиянием и при содействии крестьянина"¹.

Если крестьяне-переселенцы способствовали овладению казаками вы́ком подъема степей, то казахи помогали переселенцам овладевать опытом поливного земледелия. Кочевники-казахи, особенно беднейшая их часть, в степных континентальных условиях нашли возможность приспособить земледельческую культуру даже там, где попытки казаков и переселенных солдат оканчивались неудачей. Причины таких первоначальных неудач кроются в подневольном характере поселения, в незнании особенностей поливного земледелия, в условиях несения службы и полубоевой обстановки среди малоизвестной природы². Так, в 1883 г. урожай крестьян в Каркаралинском уезде составил сам-5,5, а у кочевников – сам-1, а в 1892 г. по официальным данным по казахскому землепользованию в Атбасарском уезде урожай у местного населения составил сам-6,6, в Акмолинском уезде – сам-9,2⁴.

Вследствие сложных почвенно-климатических условий региона земледелие не везде получило одинаковое распространение. Акмолинский и Атбасарский уезды можно отнести к районам, где скотоводство и земледелие имеют примерно равное значение (в 1896–1897 гг. в этих уездах сеющие хозяйства составляют 65 % и 31 % соответственно), Каркаралинский уезд – к районам, где земледелие носит подсобный характер (в 1899 г. сеющих хозяйств здесь – 28,8 %) ⁵.

Вместе с тем, аграрное освоение Центрального Казахстана не привело к сокращению скотоводства, а, напротив, стимулировало его рост. "Как ни странно, – указывается в источнике, – но с расширением размеров посевных площадей, а, следовательно, с уменьшением числа кочующих хозяйств увеличилось количество скота и площади сенокосов. Все это вместе взятое в выгодном образом отражалось на экономическом положении населения уезда"⁶.

Таким образом, аграрное освоение Центрального Казахстана имело свои национальные природно-климатические и социально-экономические особенности, в сравнении, например, со степным Приишимьем, Приобьем. Следует подчеркнуть и то общее свойство, которое было характерно для всех районов аграрного освоения Западной Сибири и Казахстана. Это общее свойство заключалось в том, что аграрное освоение второй половины XIX – начала XX вв. происходило в контексте распространения рыночных отношений и потому являлось существенным фактором адаптации русского общества к рыночным условиям.

¹ Цит. по: Сундетов С. Проникновение и развитие капиталистических отношений в казахский аул в конце XIX – начале XX вв. Алма-Ата, 1969. С. 29.

² Козина В. Население Центрального Казахстана (конец XIX в. – 30-е годы XX в.). Алматы, 2000. Кн. 1. С. 33.

³ Шмидт С. Очерк киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела Акмолинской области (1888–1889 гг.). СПб., 1889. С. 127.

⁴ Шмидт С. Указ. соч. С. 127.

⁵ Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX вв. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, 1980. С. 192.

⁶ Цит. по: Сундетов С. Указ. соч. С. 36.

Е.А. Строгова (Якутск)

СЕРЕДИНА ДЕРЕВНЯ (О СЕМЕЙНОМ СТРОЕ ПРИЛЕНСКИХ КРЕСТЬЯН КОНЦА XVIII В.)

Вопросы изучения семейного строя русских поселенцев являются частью общей проблемы формирования постоянного русского населения в Якутии. Изучение семейного строя и его особенностей дает важный материал для характеристики этого сложного процесса. Особенности семейного строя русских на разных этапах заселения края позволяют судить как о процессе освоения новых территорий и его интенсивности, так и об основных формах деятельности различных групп русского населения в различных районах Якутии.

Изучение семейно-брачных отношений сопряжено с определенными трудностями, которые связаны в первую очередь с характером источников. Дозорные и переписные книги, материалы ревизий и различные ведомости, составленные на их основе, содержат материал преимущественно о мужском населении, поэтому о составе семей можно судить лишь с некоторой долей условности.

Впервые в историографии Якутии мы предпринимаем попытку очертить семейный строй русских крестьян территории в конце XVIII в. Основой для нашего исследования послужили списки крестьян Витимской слободы Пеледуйской деревни, составленные в 1797 г. по материалам V (1795 ревизии)¹.

Витимская и Пеледуйская деревни возникли во второй половине XVII в. 1678 г., например, на устьях Витима и Пеледуя проживало 12 пашенных крестьян². В 1702 г. в Витиме и Пеледуе проживало уже около 100 человек обоного пола, через тридцать лет – около 200, а в 60-е годы XVIII в. уже около 300³. Сравнительно медленный на протяжении полутора столетий рост населения этих деревень объясняется, во-первых, низким естественным приростом, который у русского населения Якутии, по данным В.М. Кабуза был ниже, чем в Западной Сибири⁴; а во-вторых, практическим отсутствием

а Лене вольных крестьян-переселенцев, которые играли основную роль в приросте русского населения на первоначальном этапе земледельческого освоения Сибири. В 70-х годах XVIII в. начинается активное принудительное переселение в этот район крестьян из Сибири и России для обслуживания гавшего государственным Иркутско-Якутского тракта. Это вызвало резкое увеличение количества русского крестьянского населения по берегу р. Лена, однако у крестьян-старожилов этих мест темпы прироста сохранились. По нашим подсчетам, в Витимской слободе и Пеледуйской деревне вместе с яготеющими к ним заимками в 1797 г. проживало около 400 крестьян обоого юла.

Изначально русское крестьянское население приленского края не имело емей, так как состояло в основном из промышленных или гулящих людей, севших здесь. Однако в дозорной книге Пеледуйской деревни за 1672 г. упоминаются уже 5 крестьянских семей⁵. К 1797 г. количество семей юзросло почти до ста. Большое количество одиночек объясняется тем, что среди крестьян проживало много ссыльных, приписанных к крестьянскому обществу, а также бессемейных переселенцев-ямщиков, хотя последних в основном старались переселять семьями. Много среди одиночек и представителей местных "коренных" фамилий. Это, скорее всего, люди, в действительности имевшие жен и дочерей, попавшие при нашем подсчете в разряд одиночек, так как в переписи женщины не показаны. Большой процент составляют семьи, состоящие из одного поколения. Это семьи переселенцев, а также отделившиеся от больших неразделенных семей. Среди неразделенных семей количественно преобладают "братские" семьи, то есть семьи, где вместе живут женатые и (или) неженатые братья. В основном это семьи в два поколения. По мнению В.А. Александрова, сохранение неразделенной семьи братьями после смерти отцов характерно для русских уроженцев Сибири. Например, Степан Афанасьевич Корнилов возглавлял семью, состоявшую из его холостого брата, двоих сыновей и сестры с тремя сыновьями, Алексей Григорьевич Корнилов жил также с холостым братом, сестрой, имеющей сына, и имел своего двухлетнего малыша и т. д.

Наиболее яркий пример образования неразделенной семьи и ее дальнейшего развития представляет собой семейство Серединых, проживавшее в Пеледуде. В самой Пеледуйской деревне жил Евдоким Федорович Середин 85 лет, возглавлявший семью из трех женатых сыновей (Андрея 52, Льва 49, и Саввы 31 года). Каждый из них имел своих взрослых сыновей, а Андрей и Савва уже и внуков. Еще один сын Евдокима Середина Иван (51 год) выделился из семьи и основал Середину деревню, где проживал одной семьей со своими тремя сыновьями и тремя внуками. В этой же деревне обосновался и их родственник Афанасий Середин с годовалым сыном и вскормленником 10 лет. Другой родственник Григорий Иванович Середин (61 год) основал Тупицыну деревню, где поселился со своими

четырьмя сыновьями и двумя внуками, причем отдельное хозяйство вел только сын Василий 34 лет. Здесь же хозяйство вемое, видимо, вдовс матерью, возглавлял Егор Ларионович Середин 6 лет отроду.

Однако в некоторых семьях не менее ярко прослеживается тенденция дроблению. Так, например, Шалагина деревня состояла из 9 семи Кушмелевых (семи родных братьев Федоровичей и двух братья Трифоновичей), которые вели отдельные хозяйства, даже будучи одиноки (или все же имея дочерей?). Нередки случаи проживания отдельнь хозяйством вдов с малолетними детьми.

Как показали исследования семейного строя крестьян Сибири Забайкалья⁶, для крестьянского старожилого населения Сибири характерн большие неразделенные семьи. Существование таких семей было вызва особенностями хозяйственной деятельности и экономического положен сибирского крестьянства. Имеющиеся у нас документы отражают различн тенденции развития семьи у приленских крестьян в XVIII в., и в хс дальнейших исследований нам предстоит выяснить, какая из них б наиболее характерна для семейного строя крестьян Якутии этого времени.

¹ НА РС(Я). Ф. 6. Оп. 1. Д. 26. Л. 6-11.

² Райский В. Заметки из дел Якутского архива // Записки СОРГО. Кн. VI. 1890 39.

³ Сафронов Ф.Г. Русские крестьяне в Якутии в XVII – нач. XIX в. Якутск, 1989. С. 15.

⁴ Кабузан В.М. Русские в мире. Динамика численности и расселение (17 1989 гг.). СПб., 1996. С. 49.

⁵ Сафронов Ф.Г. Указ. соч. С.15.

⁶ Александров В.А. Русское население Сибири XVII – нач. XIX в. М., 1 Лебедева А.А. Семья и семейный быт русских Забайкалья // Быт и искусство русс населения Восточной Сибири. Ч. 2. Новосибирск, 1975, и др.

Т.С. Мамсик (Новосибирск) БЕРДСКАЯ ВОЛОСТЬ ПО МАТЕРИАЛАМ ОКЛАДНОЙ КНИГИ 1822 Г.*

Работа с Окладными книгами (далее ОК) ряда волостей, располагавш в дореформенный период на территории нынешней Новосибирской обла показала, что сельское хозяйство той эпохи хотя и было основан традиционных технологиях, но отличалось достаточно высоким ур развития. Товарный характер животноводческой и зерновой отря

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Админист
15.02.01.00533a/T

ельничное дело и пчеловодство сочетались здесь со сложной социальной структурой дворохозяйств, достаточно зрелой в социальном плане для индустриальной эпохи. И это при том, что крестьянство рассматриваемых местностей наряду с сельскохозяйственной деятельностью несло на себе тяготы по обслуживанию Алтайской горнозаводской мануфактуры вспомогательными видами труда.

По мере постепенного освоения массива статистической информации ОК все с большей очевидностью вырисовывается разнообразие экономического и социального быта сибирской деревни, его зависимость от природно-климатических условий, географического расположения, времени заселения, этнокультурных параметров старожильческой элиты и т. д. Приоткрываются также "тайны" социальной организации сибиряков, посредством которых им удалось обеспечивать успех и стабильное развитие хозяйства в непростых условиях суровой сибирской природы и государственных "натуральных" мобилизаций. Выясняется, в частности, что медленному и неуклонному развитию товарного хозяйства в целом по буржуазному пути не только не мешал, но и способствовал "патриархальный" характер общественных отношений в деревне. Под ним имеется в виду значимая роль в поддержании стабильного уровня аграрного производства большой (или расширенной) семьи и "клановой" системы взаимоотношений.

Бердская волость располагалась в центре пересечения водных и наземных транспортных путей, т. е. в зоне, благоприятной не только для сельскохозяйственного, но и внеаграрного предпринимательства, а, следовательно, и для "разложения" традиционной системы взаимоотношений. Между тем, по материалам самой ранней из известных ОК (1822 г.)², именно эта волость выступает, на первый взгляд, как наиболее патриархальная в сравнении с рассмотренными нами прежде локасами Приобья — Кайлинским (ныне Тогучинский и отчасти Мошковский и Болотненский районы) и Кривошековским (ныне в основном городская и пригородная зона Новосибирска).

На 1822 г. волость состояла из 23 селений. В их числе было только одно село — Бердское (центр волости), — прочие имели статус деревни, а именно: *Луговая, Камышин лог, Ельцовская, Сосновская, Мильтюшская, Наейкова, Удыбина, Чутина, Бородавкина, Веснина, Горевская, Локтинская, Гилева, Верхмильтюшская, Хлопунова, Стольниковая, Бурмистова, Гуселетова, Тулинская, Бороздина, Атаманова, Завьялова.*

Общая численность семейных ячеек на 1822 г. составляла 739 единиц, в которых числилось 2 166 р. д. м. п., в т. ч. 1 206 работников м. п.³. Жители волости пахали 6 083 дес., держали 6 327 лошадей и 6 763 головы рогатого скота. В расчете на хозяйство средневолосяные демографические показатели равнялись: 6,5 едоков, 1,6 работников, хозяйственные — 8 дес., 8,5 лош., 9 гол. рог. скота.

При группировке населения волости по методикам с учетом социального параметра (голов скота и десятин пашни на одного семейного работника) была получена следующая статистическая модель социальной структуры дворохозяйств: богатые 8 % (59 дворов), зажиточные 16 (118), середняки (276), бедняки (148) 20 %. Прочие, маргинальные или "некрестьянские" (пролетарское, полупролетарское, пауперское и не имевшие работников) 19 %.

Из этих показателей специфику волости отражают два — малая, процентная, группа богатых (против 12 % в упомянутых соседних волостях) и столь же относительно малое по уд. весу количество бедняков. Совокупная численность бердских середняков равнялась 53 %, что выглядит достаточно значимо против 35 % в Кайлинской и даже 43 % в Кривошековской волостях. В 5 деревнях — Завьяловой, Тулинской, Хлопуновой, Стольниковой, Улыбиной — уд. вес богатых и середнячко-зажиточных семей превышал 70 %. В Улыбиной богатые дворы составляли четвертую часть от общего числа.

Хозяйство богатого крестьянина выглядело так: 6,8 душ едоков, 1,5 работников, 14,2 дес. пашни, ок. 40 голов скота (с преобладанием лошадей). Двор бедняка существенно отличался и по составу семьи (7,4 едока, 0,5 работника), и по хозяйственным параметрам: 5,9 дес., 4,4 лош., 5,4 голов скота. Даже в наиболее аграрной Кайлинской волости эти "бедняцкие" показатели выглядели скромнее: 5,6 дес. и до 7 голов скота соответственно.

Очевидно, что Бердская волость развивалась в хозяйственном отношении успешно и по социальному составу относилась к типу аграрно-середняцкой. В то же время наш опыт работы с хозяйственными документами рассматриваемого времени подсказывает, что вывод об архаичности социального быта бердчан (в сравнении с кайлинцами и кривошековцами) на основании статистики только ОК может оказаться не вполне адекватной действительности. Дело в том, что ОК фиксировали хозяйственные параметры исключительно аграрной сферы. Поэтому вовсе не исключено, что богатые бердские крестьяне-предприниматели могли получать основную часть дохода вне аграрной сферы. Таковыми могли быть подряды по перевозу грузов гужевым и водным путями, мельничное дело и пчеловодство. Известно, что в таких случаях скотоводство и пашню использовали в качестве подсобных отраслей и гарантов стабильности экономического состояния семьи. Если наш допуск справедлив, то определенная доля бердских предпринимательских (богатых) дворов "скрывалась" в массах зажиточных и середняцких хозяйств.

Полагая, что для обработки пашни требовалось на каждые 2 дес. поля более 1 лошади, можно считать, что из имевшихся только в крестьянских дворах 6 тыс. лошадей половина (примерно 5 на каждый двор) оказывалась "излишней" и, следовательно, эксплуатировалась вне хозяйства. В сам Бердске ОК отмечает, в частности, более десятка беспосевных дворов в наличии лошадей и рогатого скота. В их числе середняки Кузнецов Семья

братья Игумновы, богатый хозяин Макаров Василий. Первые держали по 8-10 лошадей, а последний 30 (при таком же числе коров). И у крестьян других селений: Ташкина Козьмы (д. Мильтюши), Атаманова Петра (д. Наеикова), Чернавина Елисея (д. Тулинская) во дворах также имелось большое число лошадей, — соответственно 17, 10 и 11 голов, но пашни они тоже не пахали.

Часть богатых хозяев явно специализировалась на скотоводстве, отводив пашне потребительскую роль. Так, Шибанов Тимофей (д. Улыбина), локтевцы Долгушин Дорофей, Яковлев Максим, Кулаков Дмитрий (д. Гилева), Загряков Семен (д. Бороздина), Ильиных Петр (д. Бурнистова) при наличии 15-20 лошадей и таком же количестве рогатого скота пахали только по 6-8 дес. пашни. Лошади использовались, конечно, и для выполнения заводских работ, но последние имели сезонный характер, а кроме того, нередко выполнялись наймом.

Косвенные данные подтверждают также, что бердчане, в отличие от соседей, уже в 20-е годы интенсивно занялись пчеловодством. Местные пчеловоды к 1825 г. имели здесь 814 пчелиных семей, в 2 раза больше, чем кайлинцы. На тот же год в волости имелось 63 мельницы⁵. Из числа потомков бердчан, имевших статус середняков и зажиточных в 1822 г., к 1858 г. сохранили или выстроили новые мельницы 28 человек. Все это — свидетельства того, что, помимо аграрных хозяйств высшей группы, в волости было немало крестьян-предпринимателей, которые наряду со скотоводством, коневодством и пашенным хозяйством вкладывали деньги и подряды, пчеловодство и мельничное дело.

Анализируя структуру бердских дворохозяйств, можно отметить и еще один интересный момент. ОК рассматриваемой волости, как и следовало ожидать, фиксирует значительный слой семей, в которых не было мужчин работоспособного возраста. Для сравнения возьмем кривошековцев, в составе которых в 1822 г. было 46 таких семей: 26 имели полноценное хозяйство (с пашней), 20 выращивали только скот. Численности аналогичных дворов "без работника" в Бердской вол. достигала 52, из них 32 были "полноценными", 20 имели только скот. По параметрам "животноводческая" группа бердчан от кривошековцев не отличалась. В среднем каждая семья держала до 2 лошадей и 2-3 коровы. Что касается первой группы, то в ней на двор в среднем приходилось ок. 4,5 дес. пашни и до 12 голов скота, в то время как у соседей оба показателя равнялись 3,6 и 9,7.

До 10 бердских семей из названных 32, при отсутствии "домашних" работников имели на рев. душу показатель пашни, превышающий аналогичный в высшей группе (4,5 дес.), а количество скота в них превосходило средний показатель высшей группы в 1,5 и даже в 2 раза. Так житель д. Тулинской 72-летний Иван Новиков держал 16 лошадей, 10 голов рогатого скота и пахал 11 дес. пашни. Его односельчанин, 58-летний Алексей Чернавин имел 6 лош., 14 коров и 7 дес. пашни; 60-летний Иван Кузнецов

(д. Чупина) и 57-летний Иван Шилов (д. Атаманова) держали по 20 лошадей, 10 коров, первый пахал 8 дес., а второй — 4 дес. пашни. Названные хозяйства, судя по их экономическим характеристикам, конечно, принадлежали к высшей группе. В отличие от богатых дворов, где наем работников со стороны лишь дополнял трудовые затраты семейных, в этих дворах должна была использоваться посторонняя рабочая сила. Очевидно, что столь эффективный характер хозяйствования поддерживался в перечисленных и других, менее состоятельных (равнозначных средняцким), дворах, также не имевших полноценных работников, благодаря использованию труда сородичей.

Работа с ОК Бердской волости в очередной раз подтвердила адекватность методик микростатистического анализа (с ориентацией на волость, селение и каждый индивидуальный двор) сущности традиционного крестьянского хозяйства. В отличие от макрорегионального (губерния, уезд, природно-климатическая зона), микрорегиональный подход позволяет "уловить" не только специфику социально-экономического развития отдельных локусов, но и Сибири в целом.

¹ Мамсик Т.С. Западносибирская приписная деревня в системе товарно-денежного хозяйства: Кайлинская волость по материалам окладных книг 1827 г. Новосибирск, 1998. С. 20–36; Она же. Западносибирская приписная деревня в системе товарно-денежного хозяйства: Кайлинская волость по материалам окладных книг 1857 г. Новосибирск, 2001. С. 25–30; Она же. Село Кривошековское и его округа: опыт локально-регионального исследования по материалам волостной статистики 1823 г. (Приготовлено к печ.).

² ЦХАФ АК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 197. Л. 1–121 об.

³ В эту совокупность не вошли выморочные и выбывшие (в частности, в рекруты) семьи, в числе 12, за которых "общество" продолжало выплачивать налог до последующей ревизии.

⁴ Подробно о методике см.: Мамсик Т.С. Западносибирская приписная деревня в системе товарно-денежного хозяйства: Кайлинская волость по материалам окладных книг 1857 г. Новосибирск, 2001. С. 25–30.

⁵ См.: Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и Джунгарской Киргизской степи. Новосибирск, 1993. С. 356.

Е.Ф. Фурсова (Новосибирск)

РУССКИЕ ПЕРВОПОСЕЛЕНЦЫ СУЗУНСКОГО РАЙОНА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ (ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА ИНТЕГРАЦИИ АРХИВНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ)

В процессе сбора этнографических материалов методом биографического и тематического интервью этнографами создается база данных о первых поселенцах конкретных деревень, сел, на основе которых можно дать историко-культурную характеристику населения, этнографических или

этноконфессиональных групп и т. д. Вместе с тем, в этнографической науке наряду с характерными для нее полевыми, собираемыми в ходе экспедиционных работ, материалами довольно часто используются в качестве дополнительного источника статистические, биографические и пр. данные архивов (местных районных, государственных и т. п.). В этой связи весьма плодотворно привлекать в качестве необходимого инструмента архивные материалы переписей, "списков переселенцев", "списков земледельческого населения" и т. п. как изучаемого периода, в данном случае конца XIX – первой четверти XX в., так и второй половины XVIII в., вследствие чего исследователь получает возможность подтвердить и уточнить сообщения информаторов, а, значит, сделать более убедительными выводы. Продемонстрируем метод интеграции архивно-этнографических источников на примере жителей Сузунского района Новосибирской области. В процессе полевых этнографических исследований 1980–1990 гг. в роли наших информаторов выступали М.С. Сотникова (1907 г.р.) в д. Тарадоново; М.В. Чанова (1913 г.р.), А.А. Агарина (1899 г.р.), М.М. Портнягин, Н.Н., К.А., О.И. Клочихины в д. Мереть; А.С. Агарина (1899 г.р.), Л.П. Дедюхина (1907 г.р.), А.А. Маркова (1922 г.р.) в д. Верх-Сузун; А.А. Некрасова (1910 г.р.), М.А. Усольцева (1898 г.р.), Е.Н. Ельсина (1904 г.р.) в д. Малышевой и пр. Из сообщений удалось извлечь информацию о первых поселенцах-основателях сузунских деревень, которые образовали здесь целые семейные гнезда, называвшиеся по-местному "косяками" или "колодами".

Для получения дополнительных и сравнительных данных по этнографическому составу населения территории правобережья Оби, которая в конце XIX – начале XX в. входила в состав Сузунской, Малышевской, Болтовской, Бобровской, Аллакской, Меретской волостей Барнаульского округа Томской губернии, были привлечены материалы нескольких архивов. Весьма ценным и вполне достоверным источником для идентификации мест выхода, а также хозяйственно-бытового уклада сибиряков, старожилов и переселенцев, послужили для нас анкеты "Всероссийской сельскохозяйственной, земельной и городской переписи 1916–1917 годов", которые сохранились в собраниях ЦХАФ АК. В селениях по р. Верхний Сузун, где, согласно нашим материалам, сложились и бытуют до последнего времени старожильческие, по местной терминологии, "чалдонские" и "кержацкие" традиции, переписью зафиксировано абсолютное большинство старожильческих домохозяйств (в д. Верх-Сузун – Агариных – 2 двора, Дедюхиных – 33 двора, Ермаковых – 33 двора, Карповых – 4 двора, Мурзинцевых – 31 двор, Портнягиных – 42 двора, Сотниковых – 23 двора, Чановых – 10 дворов, Юшковых – 1 двор и др.; в д. Нижний Сузун – Мурзинцевых – 2 двора, Портнягиных – 1 двор, Чановых – 1 двор, Шелегиных – 10 дворов и др.). При этом принимался во внимание факт диалектологических особенностей при написании фамилий, поскольку

фамилии одного и того же звучания нередко записывались различно (например, "Клотчихины" и "Клочихины", "Окараковых" и "Окороковых"); в зависимости от образованности писаря по-разному записывались отчества, в одних случаях с окончанием "ич", в других ограничиваясь суффиксом "ов" (Булгаков Петр Амелянов или Афанасьев Ксенофонт Фролович; Бадаев Анисим Егоров, Бирюков Федор Савельев и т. д.). Из сообщенных Портнягиным фамилий, по данным анкет, только Сейдоровы оказались не старожилами, а переселенцами 1895 г. из Вологодской губернии; все остальные подтверждены как старожильческие.

Ретроспективный анализ сделал необходимым изучение дел Сузунской Горной Канторы в ГАНО. В "Деле об увольнении из казны и предписания" содержатся ведомости, росписи служителей о выдаче "провианта", "разного звания служителей", "служительским женам и семейству их", списки крестьян, которым выписаны в расход деньги за перевозку дров, доставку дегтя и смолы, рубку дров, за перевозку флюсов за 1848—1849 гг. (ф. Д13). Перевозкой руд и выжиганием угля занимались преимущественно крестьяне д. "Городищенской", впоследствии Камышенки (Иван Чанов), с. Малышевского (Иван, Григорий, Павел Ржаниковы), с. "Мередского" (Николай и Иван Агарины), д. Тарадановой (Семен Сотников), д. Верхне-Сузунской (Нестор Нечунаев, Василей и Емельян Дедюхины). Сравнивая с указанным выше списком конца XIX в., нетрудно заметить совпадение абсолютного большинства фамилий, за исключением некоторых, например, Ржаниковых. Весьма вероятно, что ввиду рукописных списков и особенностей грамоты писарей эта фамилия встречается в "ведомостях" на выдачу провианта за 1849 г. под обозначением "Аржениковы". Если обратиться к Журналу Горного Совета при Нижне-Сузунском заводе за 1785—1788 гг., то в "имянном списке" "служителей женах и детях", то здесь также встречаются указанные фамилии Зулиных, Клотчихиных (многочисленные), Кузнецовых, Мурзинцевых (многочисленные), Окараковых, Ощепковых, Портнягиных, Соколовых (многочисленные), Чановых. Таким образом, носители указанных фамилий просматриваются по материалам второй половины XVIII в., середины и конца XIX в., а также начала XX в. в качестве, действительно, старожильческих.

Использование метода интеграции архивно-этнографических источников позволяет получить достоверные сведения о происхождении населения старожилов и переселенцев, служащие для исследования "первичным" материалом, а, значит, уточнить полученную от непосредственных носителей информацию, что в итоге дает возможность проследить этнокультурные процессы в каждом конкретном случае (для старожильского или переселенческого населенного пункта, с учетом преобладающего массива носителей тех или иных традиций). Исходя из статистических архивных материалов, а также данных биографического интервьюирования, можно предположить бытование в традиционн

культуре жителей сузунских старожильческих деревень рубежа XIX – XX вв. наличие северно-русского, поволжского компонентов, что и было подтверждено полевыми этнографическими исследованиями.

А. И. Татарникова (Новосибирск)

СЕТЬ ПОСЕЛЕНИЙ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ДАННЫМ "СПИСКОВ НАСЕЛЁННЫХ МЕСТ" ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

Хозяйственное развитие любого региона, его земледельческое и промысловое освоение во многом зависят от уровня развития поселенческой сети. Между тем история складывания и развития ее на востоке России изучена слабо. Наше сообщение подводит итоги решения следующих исследовательских задач: проанализировать структуру поселений на примере Томской губернии второй половины XIX – начала XX в., выявить количественное соотношение поселений разного типа, динамику этого соотношения во времени, определить результаты изменений к концу изучаемого периода. Главным источником по изучению образования и развития поселенческой сети на территории Томской губернии для нас стали "Списки населённых мест" за 1859, 1893 и 1911 гг.¹

Источники показывают, что во второй половине XIX – начале XX в. общее число населенных пунктов в пределах территории быстро увеличивалось. В 1859 г. из 2 399 поселений губернии на долю Томского округа приходилось 686 (или 28,6 %), второе место принадлежало Барнаульскому округу, в котором был 581 населенный пункт (24,2 %). За ними следовали округа Кузнецкий – 403 (16,8 %), Бийский – 322 (13,4 %), Каинский – 284 (11,9 %) и Мариинский, где располагалось 123 поселения различного типа (5,1 %). В 1859 г. в губернии насчитывалось 1 738 деревень, 273 инородческих юрта, 206 сёл, 23 станицы и 159 населенных пунктов других типов (выселков, займок, аулов и т. п.).

Следующий срез данных, полученных по "Спискам населенных мест", относится к 1893 г. В период с 1859 по 1893 г. количество поселений в Томской губернии увеличилось на 818, или в 1,3 раза, и составило 3 217. К рубежу столетий округа Томской губернии по числу населенных пунктов распределялись следующим образом: первое место занимал Барнаульский округ (682 поселения, или 21,1 % от общего числа), за ним шли Бийский (673, или 20,9 %), Кузнецкий (672, или 20,9 %), Томский (589, или 18,3 %), Каинский (399, или 12,4 %) и Мариинский (202, или 6,2 %) округа.

В 1893 г. в губернии насчитывалось 394 села. По сравнению с 1859 г. их удельный вес вырос на 3,6 %. Количество деревень увеличилось по сравнению с 1859 г. в 1,1 раза, но при этом их доля в общем числе населенных пунктов губернии сократилась на 12,9 %. Инородческих

поселений в губернии насчитывалось 525. Появились посёлки и засёлки — новые для губернии типы поселений.

С 1893 по 1911 г. количество населенных пунктов в Томской губернии увеличилось на 1 753 (т. е. в 1,5 раза) и составило 4 970. Если взять период 1859—1911 гг., то получаем увеличение количества поселений на 2 571, или почти в 2 раза!

Судя по "Спискам населенных мест" за 1911 г., из 4 970 населенных пунктов Томской губернии 1 380 (27,7 %) располагалось в Томском уезде 1 058 (21,23 %) — в Барнаульском; 738 (14,8 %) — в Каинском; 571 (11,5 %) — в Кузнецком; 435 (8,7 %) — в Бийском; 424 (8,5 %) — в Мариинском и 374 (7,5 %) — в незадолго до этого образованном Змеиногорском уезде.

Удельный вес сёл как крупных населенных пунктов увеличился с 1893 по 1911 г. в 1,8 раза, а за период 1859—1911 гг. — в 3,5 раза. Прослеживается снижение доли деревень, но продолжается увеличение доли поселков в общем числе поселений. К 1911 г. в губернии размещалось уже 511 переселенческих поселков, что составляло 42,6 % от общего числа поселков. Поселки для переселенцев образовывались в плановом порядке уездной администрацией, поэтому их было больше всего среди переселенческих поселений. К 1911 г. в губернии имелось 282 инородческих поселения.

В целом образование и развитие поселенческой сети на территории Томской губернии во второй половине XIX — начале XX в. проходило очень быстрыми темпами. Преобладающей по статусу среди населенных пунктов на протяжении всего периода оставалась деревня, но неуклонно рос удельный вес сёл и посёлков. Велико было количество инородческих поселений, однако к концу изучаемого периода стала наблюдаться тенденция сокращения их доли в общей численности населенных пунктов. Складывающаяся и развивающаяся сеть поселений, на наш взгляд способствовала хозяйственному развитию губернии, формированию ее социальной инфраструктуры, увеличению торгово-промышленного значения в границах Сибири и Российской империи в целом.

¹ Далее все цифры подсчитаны по следующим источникам: Томская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1868. Т. 60; Список населенных мест Томской губернии за 1893 г. Томск, 1893; Список населённых мест Томской губернии за 1911 г. Томск, 1911.

Н.Н. Родигина (Новосибирск)

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОБЩИННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Мнения современников о состоянии и проблемах общинного самоуправления в регионе на ключевом этапе модернизации российского общества представляются продуктивными не только в связи с разработкой очередной реформы местного самоуправления, но и в контексте изучения восприятия россиянами второй половины XIX в. трансформации общины как одного из институтов традиционного общества.

В работах И.А. Полторанина, В.Н. Шульгина рассматривались взгляды А.А. Кауфмана, С.П. Швецова, изучавших быт переселенцев "на новых местах" и их влияние на общинную жизнь и сельское самоуправление в Сибири в изучаемую эпоху¹. Однако до сих пор нет специальных исследований, посвящённых анализу суждений специалистов второй половины XIX в. об особенностях общинного самоуправления в регионе.

Теоретической основой настоящего исследования является концепция модернизации традиционного общества, достаточно подробно сформулированная в работах отечественных и зарубежных историков. Для нас представляют первоочередной интерес выводы методологов о кардинальных изменениях под влиянием модернизации в сфере социальной психологии и массового сознания людей: установки общинного (коллективного) сознания заменяют индивидуальные приоритеты; на смену стремлению "жить без греха" приходит психология достижения, успеха; переход от отношений иерархической подчиненности и вертикальной зависимости к отношениям равноправного партнёрства, построенных на основе взаимного интереса.

Данные изменения предопределили эволюцию общинного самоуправления в изучаемую эпоху и были зафиксированы в исследованиях современников. В работах С.Л. Чудновского, С.П. Швецова, И. Овсянкина, Н.Е. Петропавловского, В.А. Остафьева, занимавшихся изучением положения сельскохозяйственных мигрантов в Сибири, поднималась проблема взаимоотношений переселенческого и старожильского населения в рамках крестьянской общины, анализировались различные представления о функциях общинного самоуправления как причина конфликтов между сибиряками и новоселами². Названные авторы отмечали индивидуализм сибиряков-старожилов, отсутствие у них положительной мотивации к участию в общинном самоуправлении, объяснявшиеся замкнутым способом землепользования.

С.Л. Чудновский выдвинул предположение о влиянии переселения, новых условий жизни в местах водворения на изменение социально-

психологических установок в отношении степени влияния "крестьянского мира" на частную жизнь и хозяйственную деятельность сибиряков и переселенцев. Он, в частности, писал об ослаблении "общинного духа" и заметном развитии индивидуализма, о приоритете семейных интересов над мирскими у переселенцев, несколько лет живущих в Сибири³.

Об изменении общинных традиций новоселов в ходе адаптации к жизни на новых местах писал А.А. Кауфман. В ходе дискуссии о влиянии переселений на хозяйственное и культурное развитие сибирского региона, развернувшейся на страницах периодической печати в начале 1890-х гг., он высказал мнение об ассимиляции новоселов среди старожильского населения в процессе хозяйственного и культурного взаимодействия с последним, об адаптирующем воздействии сибирской общины на переселенцев⁴. Точка зрения его оппонентов была наиболее полно сформулирована в работах А.А. Исаева, рассматривавшего переселенцев как представителей высшей культуры, носителей общинного духа, способных преобразовать отсталую окраину⁵.

Исследователи крестьянских миграций в Сибирь второй половины XIX в. были единодушны в том, что под влиянием массового переселенческого движения, стимулировавших модернизационные процессы в регионе, происходит изменение значения и функций общинного самоуправления. Под влиянием социальной дифференциации, начавшейся урбанизации община начинает оказывать меньшее социокультурное, нормативное воздействие на крестьян, сохраняя своё значение в области хозяйственной деятельности (перераспределение земли, раскладка податей; приём новых земледельцев в свой состав).

³ См. напр.: Полторанин И.А. Переселенческий вопрос и община в трудах А.А. Кауфмана. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1970; Шутьгин В.И. С.П. Швецов — исследователь-аграрник // Историография аграрной истории дореволюционной России. Калининград, 1982. С. 120—138.

² См.: Чудновский С.Л. Переселенческое дело на Алтае: Статистико-экономический очерк. Иркутск, 1889; Швецов С.П. Переселенческое движение на Алтае // Сиб. вестник. 1891. № 7; Он же. Старожилы и переселенцы в Сибири // Сиб. вестник. 1891. 14, 21, 28 февраля; Петропавловский Н.Е. По Ишиму и Тоболу // Зап. ЗСОРГО. 1886. Кн. 8. Вып. 1; Остафьев В. А. Переселенцы в Сибири // Юридический вестник. 1891. № 5—6. С. 111—137, № 7—8. С. 397—436.

³ См.: Чудновский С.Л. Алтайская поземельная община // Сиб. вестник. 1888. № 1. С. 174—184.

⁴ См.: Кауфман А.А. Влияние переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства и общинной жизни в Сибири // Сиб. вестник. 1891. № 4. С. 27—52; Он же. I вопросу о культурной роли переселенцев в Сибири и их отношении к сибирякам старожилам // Путь-дорога. СПб., 1893. С. 513—530 и др.

⁵ См.: Исаев А.А. Как относятся в Сибири к переселенцам // Русская мысль. 1891. № 12. С. 180—181.

Е.И. Корнильева (Новосибирск)

ВЛИЯНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В. НА ПРОМЫСЛОВОЕ ОСВОЕНИЕ СИБИРИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ИСТОРИКОВ ПОСЛЕОКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА

Колонизация имела огромное значение для развития экономики Сибири. В хозяйственную жизнь края были вовлечены новые трудовые ресурсы, обладающие многовековыми навыками земледельческого и промыслового труда. Однако в силу того что крестьянские переселения носили преимущественно аграрный характер, основное внимание историков было обращено к изучению проблемы земледельческого освоения Сибири. Крестьянская промышленность этого периода и влияние переселений на ее развитие долгое время освещалась исследователями попутно с решением других вопросов. Между тем, кустарная промышленность зачастую служила серьезным подспорьем в крестьянском хозяйстве. А с приходом переселенцев ее роль еще больше возросла, так как новоселами были заведены в Сибири множество новых, ранее неизвестных промыслов, усовершенствованы уже существующие.

В современных условиях, когда прилагаются значительные усилия для возрождения и сохранения народных трудовых традиций, поставленная проблема привлекает к себе все больше внимания исследователей. Данное обстоятельство побудило нас предпринять попытку историографического анализа проблемы.

Окончание Октябрьской революции 1917 г. ознаменовало начало нового этапа в развитии исторической науки. Проблематику исторических исследований 1917 – середины 1930-х гг. определяла необходимость восстановления народного хозяйства страны. В результате в печати появилась целая серия работ, посвященных оценке уровня развития отдельных отраслей и общему обзору сибирской промышленности с целью выяснения перспективности их дальнейшего развития¹. Для нас эти работы интересны предпринятой попыткой определения уровня развития различных отраслей мелкой промышленности Сибири. Все исследователи были едины во мнении о низком уровне развития сибирской промышленности при огромных природных богатствах края. Особый интерес для изучения поставленной проблемы представляет специальная монография о крестьянской промышленности пореформенной России А.А. Рыбникова². Среди причин медленного развития, а иногда и упадка отдельных отраслей мелкой промышленности автор выделяет такие, как бездорожье и малая скученность населения. Таким образом, переселения, по мысли исследователя, увеличивая плотность населения, способствовали совершенствованию форм промыслового хозяйства.

В период середины 1930 – середины 1950-х гг. внимание исследователей к изучению проблемы влияния переселений на промышленное освоение Сибири было ослаблено. Идеологизация исторической науки, обстановки культа личности суживала возможности для научного творчества историков. Лишь в начале 1950-х появились работы В.В. Покшишевского, Т.М. Макеева, в которых параллельно с изучением основных задач исследования были рассмотрена и поставленная нами проблема. Исследователи правильно оценили роль переселений как явления способствовавшего привнесению новых промыслов, орудий труда, развитию мелкого производства в целом.

Следующий этап в изучении поставленной проблемы – середина 50-х – середина 80-х гг. XX в. В этот период был ослаблен идеологический прессинг над исторической наукой, следствием чего явилось широкое обсуждение кардинальных проблем развития капитализма. Необходимость пристального изучения мелкой промышленности, ее роли и места в экономике крестьянского хозяйства, развитии и разложении мелкотоварного производства, а также факторов, способствовавших ее развитию, определила дискуссия о роли и месте мелкотоварного производства в России⁴.

Непосредственная связь мелкой промышленности с явлениями социальной экономической жизни Сибири побуждала историков в рамках их исследований поднимать и в какой-то мере освещать отдельные вопросы кустарной промышленности⁵.

Первое конкретное исследование крестьянской промышленности Сибири пореформенного периода принадлежит Е.И. Соловьевой⁶. В этой диссертации, впервые на основе широкого круга источников были изучены конкретные примеры влияния переселений на промышленное освоение Сибири, показано их значение для экономики края. Е.И. Соловьева проследила влияние переселений на образование новых промыслов и усовершенствование уже существующих, исследовала процесс перерастания домашней промышленности в ремесло и мелкотоварное производство и базу для роста капиталистических элементов.

Проблема влияния переселений изучалась автором в тесной связи с развитием капитализма и разложением крестьянства. Рассматривая новоселов как распространителей готовых форм промышленной культуры, Е.И. Соловьева отметила взаимовлияние производственного опыта старожилов и переселенцев, находившее выражение в единении материальной культуры, развитии мелкой промышленности Сибири. Е.И. Соловьева заложила основы изучения проблемы влияния переселений на промышленное освоение Сибири.

Дальнейшую разработку поставленной проблемы получила в работах З.П. Горьковской и Г.А. Бочановой⁷. На конкретных примерах исследования показали влияние переселений на развитие и усовершенствование промысловых трудовых традиций сибирских крестьян в период капитализма.

С середины 80-х гг. XX в. начинается новый этап в изучении проблемы Провозглашение курса на деидеологизацию исторической науки, поворота исторической правде не привело к качественным изменениям в изучении поставленного вопроса. Доминирующий тип исторических трудов этого периода – это небольшие частные исследования⁸.

Время серьезных обобщающих трудов еще впереди. На сегодняшний день необходима дальнейшая разработка проблемы по отдельным регионам и промыслам с целью выяснения особенностей влияния переселений.

¹ Сол. Н-ль. Маслоделие в Сибири // Жизнь в Сибири. 1922. № 1. С. 61-65
Спиртовик. Винокурная промышленность // Жизнь Сибири. 1925. № 6. С. 60-68
Вольф М.Б. Географическое размещение русской промышленности. М., 1927; и др.

² Рыбников А.А. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства. М., 1922.

³ Покшишевский В.В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951; Макеев Т.М. К истории развития промышленности на Алтае (1727–1917). Барнаул, 1951.

⁴ Рындзюнский П.Г. О мелкотоварном укладе в России XIX в. // История СССР 1961. № 2; Ковальченко И.Д. Некоторые вопросы генезиса капитализма в крестьянском хозяйстве России // История СССР. 1962. № 6; Анфимов А.М. С мелкотоварном производстве в сельском хозяйстве в пореформенной России // История СССР. 1963. № 2.

⁵ Асалханов А.И. Социально экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ, 1963; Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966; Степанин В.А. Колонизация Енисейской губернии. Красноярск, 1962; и др.

⁶ Соловьева Е.И. Крестьянская промышленность Сибири во второй половине XIX в. Новосибирск, 1975. Дис. ... д-ра. ист. наук; Она же. Роль промысловых традиций крестьянства в хозяйственном освоении Сибири эпохи капитализма // Участие крестьянства в освоении восточных окраин России. Новосибирск, 1990. С. 27–37.

⁷ Горьковская З.П. Трудовые традиции русских крестьян Сибири в промыслах периода капитализма. Новосибирск, 1983. Дис. ... канд. ист. наук; Она же. Влияние переселений на трудовые традиции крестьянства Сибири в эпоху капитализма // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1980. С. 110–125; Бочанова Г.А. Влияние переселений на традиции в обрабатывающей промышленности Сибири конца XIX – начала XX в. // Трудовые традиции сибирского крестьянства (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1982. С. 73-88; и др.

⁸ Метельникова Т.Л. Влияние переселений на промысловое развитие Степного края в конце XIX – начале XX в. // Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1991. С. 137–144; Старцев А.В. Пушной промысел и пушная торговля в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Томск, 1987; Южакова Т.Л. Промыслы русского сельского населения Степного края во второй половине XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1994; и др.

Л.Н. Смирнова (Новосибирск)

УЧАСТИЕ СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ОБСУЖДЕНИИ ОРГАНИЗАЦИИ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СИБИРИ

Вопрос о введении земского самоуправления на территории сибирских губерний настойчиво обсуждался местной интеллигенцией в конце XIX – начале XX веков. Введение земского самоуправления непосредственно коснулось бы крестьянского населения региона, изменило организацию его жизни. Опубликованный 3 апреля 1905 г. Высочайший рескрипт императора Иркутскому генерал-губернатору Кутайсову давал призрачную надежду на введение земства в сибирских губерниях, но предлагал трудный и нереальный путь обсуждения его основных принципов в среде "заинтересованных лиц" с обработкой его итогов губернскими чиновниками и представления, в свою очередь, уже их соображений в МВД.

13 мая 1905 г. Кутайсов обратился к населению Сибири со специальным посланием, в котором пригласил жителей свободно высказать свое мнение о земстве. Центром обработки материалов стала канцелярия генерал-губернатора. Крестьяне и инородцы в обсуждении земского вопроса должны были участвовать таким образом: на волостных сходах и инородческих сугланах избирались от двух до четырех человек на уездный съезд уполномоченных. На уездных съездах должны быть избраны представители на совещание о земской реформе, организуемое генерал-губернатором. Предполагалось, что по Иркутской губернии крестьян будут представлять 14 человек, инородцев 14 человек; по Енисейской губернии 22 представителя от крестьян и 3 представителя инородцев.

В Енисейской и Иркутской губерниях крестьянскими начальниками организовывались специальные волостные сходы и крестьянские съезды. Заключительное совещание по вопросу о земской реформе не состоялось в Красноярске, а в Иркутске произошло явочным порядком из-за обострения политической обстановки в октябре 1905 года.

Трудности обсуждения вопроса в крестьянской среде состояли в том, что они были мало осведомлены о принципах и целях земского самоуправления. Об этом свидетельствуют и местные чиновники, занимавшиеся организацией сходов и съездов, и интеллигенция (сельские учителя), на которых пытались опереться городские либеральные деятели с целью популяризации идей земского самоуправления. Решить эту проблему пытались, привлекая сельских учителей для пропаганды земства в среде крестьян, посылкой литературы о земстве в села. Инициатива со стороны крестьян была редчайшим явлением (например, в Верхотенском уезде Иркутской губернии).

Бурятское население, в отличие от крестьян русского происхождения, приняло активное участие в обсуждении вопросов образования местного земства, проявляло собственную инициативу в проведении съездов по этой

проблеме, в разработке принципов организации земских учреждений в регионе.

Томский и Тобольский губернаторы опубликовали обращения к общественности. Тобольский губернатор в мае-июне 1905 г. предпринял поездку по губернии и провел ряд бесед с выборными представителями крестьян от волостей по поводу введения земства в Сибири. В Томской губернии обсуждение в селе происходило вяло, было плохо организовано.

Крестьянское население отнеслось к призывам администрации пассивно, принимало участие в съездах по обсуждению проблемы большей частью по принуждению. Причиной этому были плохая осведомленность крестьянского населения о принципах и задачах земского самоуправления, недоверие крестьян по отношению к введению изменений в их жизни со стороны администрации, низкий уровень образования и гражданского самосознания.

Н.К. Байжуманова (Бийск)

К ВОПРОСУ О РОЛИ СОБИРАТЕЛЬСТВА В ХОЗЯЙСТВЕННОМ УКЛАДЕ КУМАНДИНЦЕВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В конце XIX – начале XX в. собирательство представляло собой одно из главных средств существования кумандинцев. Продукты собирательства составляли пищу кумандинцев и уплату налогов. Это доказывает и замечание П.М. Юхнева о том, что "скотом кормится и одевается кочевник, а орехом – уплачивает ясак, выполняет все обязательные расходы и повинности, приобретает все необходимое для жизни, бедняк же – даже предметы питания"¹.

Собирательство в конце XIX – начале XX в. у кумандинцев превращается в промысел. По данным исследований 1897 года, преобладающее место в ряду других промысловых занятий стало занимать собирательство кедрового ореха. По статистическим данным? в конце XIX – начале XX в. из 5 836 обследованных хозяйств Горного Алтая, в заготовке кедрового ореха принимали участие 3 024, в том числе 2 799 кочевых и полукочевых хозяйств. В черневом, Челушмано-Телецком и Коксинском районах орехованием промышляло более 90 % хозяйств². Н. Богатырев также утверждает, что "главными же источниками существования кумандинских инородцев служат неземледельческие промыслы – ореховый, зверовой и лесной"³.

Центром промысла считалась черневая тайга. Здесь только в районе местечка Бежельбик, расположенного на правом берегу р. Кара-Кокши, в урожайные годы скупалось до сорока тысяч пудов кедрового ореха. По свидетельству наблюдателей, сборщик ореха окружался замкнутой и тесной атмосферой забот о нем его эксплуататора-скупщика. Поздней зимой или весной, когда основная масса кумандинцев испытывала нужду в продуктах,

скупщики на очень выгодных условиях под обязательство уплаты орехом из будущего урожая давали в долг ячмень, чай, свинец, порох.

Сбор долгов обычно производился непосредственно в районе заготовок ореха. Здесь же по спекулятивным ценам в обмен на орех заготовители могли приобрести у скупщиков кирпичный чай, готовую обувь, листовый табак, сухари, мясо, мануфактуру, спиртные напитки. Торговля и спекуляция с кумандинцами, отмечал М.Н. Ядринцев, считалась "самым соблазнительным занятием"⁴. Основная масса собирателей ореха находилась в зависимости от разбогатевших на спекуляции торговцев.

Проникновение товарно-денежных отношений разрушало натуральное хозяйство кумандинцев, способствовало становлению и развитию новых общественных отношений, основанных на капиталистической эксплуатации.

¹ Юхнев П.М. Горный Алтай и его население. Барнаул, 1903. Т. 1. Кочевники Горного Алтая. Вып. II. Неземледельческие промыслы кочевников Бийского уезда С. 50.

² ЦХАФ АК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 991. Л. 25.

³ Богатырев Н. Об ореховом и зверовом промыслах Кумандинских инородцев Бийского уезда. Алтайский сборник. Барнаул, 1908. Т. IX. С. 10.

⁴ Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб 1891/ С. 99.

А.В. Новашов (Кемерово)

ТОМСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ О ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ П.А. СТОЛЫПИНА

Реакционный характер и слабый интерес к социально-экономической проблематике обусловили непопулярность казенных повременных изданий Сибири у массового читателя.¹ Возможности использования официозной прессы начала XX в. в качестве источника по истории колонизации восточной окраины весьма ограничены. Тем не менее, на страницах общецерковного и миссионерского отделов неофициальной части Томских Епархиальных Ведомостей (далее – ТЕВ) можно найти информацию о быте новосёлов и о тех изменениях, которые произошли в жизни старожилого автохтонного населения региона в связи с переселением. Взгляды рядовых священников, сотрудничавших в названных выше отделах епархиального органа, значительно отличались от воззрений церковных иерархов. Корреспонденты ТЕВ обращают внимание читателей на ненормальные условия существования приходов. После проведения Сибирской железной дороги в переселенческих посёлках за счёт казны (фонд императора Александра III) устраиваются храмы, причтовые дома, школьные помещения, устанавливается казенное жалование причту. В начале же XX века, когда миграция в Сибирь достигла беспрецедентных масштабов, "гражданская

властями" в деле удовлетворения духовных нужд переселенцев "не делается ровным счётом ничего". Крестьяне, помня прежний порядок вещей, отказываются платить ругу и ремонтировать церковные постройки. Протоиерей И. Беневольский констатировал: "прежний строй церковно-приходской жизни в епархии разрушен, а новый не создан".² На страницах ТЕВ неоднократно помещались письма священников переселенческих посёлков, в которых последние просили пожертвовать на храм "хоть малую лепту", помочь св. утварью, церковно-богослужебными книгами. Вопрос о духовных потребностях сибирских крестьян поднимался и на страницах Томских Губернских Ведомостей. Однако эта газета не уставала подчеркивать, что для удовлетворения материальных нужд переселенцев "сделано уже много, слишком много".³ Духовенство иначе характеризует положение новосёлов. Например, в "Воззвании" о. Иоанна из села Тевриз Тарского уезда Тобольской губернии говорится: "Переселенцы селятся в непроходимых сибирских урманах (лесах), селятся вдали от всего живого... Тяжелая участь выпадает на их долю, особенно в первые годы переселения: живут они в землянках, в берестяных шалашах, в коих зимою терпят сорокаградусные морозы, по целым неделям остаются без пищи и т. д., так как они часто отрезаны бывают от старожилов большими глубоководными реками и непроходимыми болотами...".⁴ Официальная точка зрения на значение переселений для сибирских инородцев также не разделялась рядовыми представителями клира. Последние считали, что подчинение землеустройства алтайцев задаче расширения колонизационного фонда подрывает авторитет христианских миссионеров на Алтае и способствует переходу инородцев в бурханизм.⁵

Политика правительства П.А. Столыпина по отношению к Сибири не встретила поддержки у сотрудников местной либеральной прессы. Критически оценивали существующую постановку переселенческого дела и те служители церкви, которые знали жизнь сибирских крестьян и аборигенов не понаслышке.

¹ Горюшкин Л.М. Источники по истории крестьянства и сельского хозяйства Сибири во второй половине XIX – начале XX века. Новосибирск, 1988. С. 83.

² Томские Епархиальные Ведомости. 1907. 15 октября. Неоф. часть. С. 26.

³ Томские Губернские Ведомости. 1909. 1 февраля.

⁴ Томские Епархиальные Ведомости. 1909. 15 июня. Неоф. часть. С. 539.

⁵ Томские Епархиальные Ведомости. 1908. 1 января. Неоф. часть. С. 8.

Т.Г. Недзелюк (Новосибирск)

П.А. СТОЛЫПИН О ЗНАЧИМОСТИ ПОДДЕРЖКИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИМ УПРАВЛЕНИЕМ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ-КАТОЛИКОВ В СИБИРИ

Первого мая 1910 г. в своем докладе правительству начальник Переселенческого Управления отметил, что среди сотен тысяч переселенцев водворенных в губерниях и областях Сибири и Степного края за последние 4 года, имеется множество выходцев из Могилевской, Минской, Витебской Виленской и Гродненской губерний – крестьян католического исповедания. Будучи лишены возможности пользоваться для удовлетворения своих религиозных потребностей общением с родною им церковью, целые соседские общества в ряде приговоров и прошений ходатайствовали об оказании им помощи в этом деле¹. П.А. Столыпин, как председатель Совет Министров, признавая желательность и целесообразность удовлетворения действительных религиозных нужд инославных переселенцев Сибири заметил, что он "счел бы желательным, дабы ... римско-католическим церквам и причтам Сибири ... отводились земельные участки и отпускался лесной материал на церковностроительные надобности"².

Вопрос об образовании особой Сибирской католической епархии поставил перед Министерством внутренних дел епископ Иоанн Цепляк совершивший в 1909 г. инспектирование католических приходов региона.

Предложение епископа было отклонено на основании того, что "представленный в Государственную Думу законопроект о римско-католических монастырях и конгрегациях не рассмотрен еще законодательными учреждениями"³. 17 мая 1910 г. по инициативе главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина состоялось совещание по вопросу о возможности содействия переселенца-католикам. Участники совещания пришли к выводу о целесообразности возможно широкого развития польско-католической колонизации Сибири "так как колонизация эта, отвлекая поляков из Западных губерний и русских местностей Привисленского края, несомненно, ослабляет польское влияние указанных окраинах России и вместе с тем не представляет опасности для Сибири с её подавляющим не-польским населением"⁴. Более того переселение поляков-католиков, по мнению участников совещания представлялось полезным как в целях ослабления земельной тесноты, так и в видах заселения малолюдных сибирских пространств лицами, усвоившими как это наблюдалось в среде польского крестьянства, основы земледельческой культуры и искони отличавшимися трудолюбием.

Проведением одного совещания интерес руководства Переселенческого управления к водворению католиков на новых землях не был исчерпан. А.В. Кривошеин особенно отмечал, что "даже в случае постройки костелов или молитвенного дома устройство церковно-приходской жизни не

поселков не подвигается вперед без нравственного руководства со стороны церкви, столь необходимого для культурного преуспевания переселенцев на новой родине"⁵. Благодаря увеличению переселенческого движения и в особенности развитию группового хождения в последние годы, утверждал руководитель Управления земледелия и землеустройства, заметно усиливается образование в местах их водворения отдельных небольших центров, в которых группируется население; требуемые же на первое время средства для увеличения числа священников невелики. Не имея однако законного основания отнести такой расход на переселенческие кредиты, было решено для покрытия указанного расхода изыскать финансирование из остатков средств на содержание католического духовенства западной части империи. (Римско-католическое духовенство Западного края и Царства Польского получали жалованье от казны в качестве эквивалента доходов с секуляризованных церковных имуществ и капиталов)⁶.

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 690. Л. 1.

² Там же. Л. 12.

³ Там же. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Там же. Л. 10.

⁶ Там же. Л. 10, 12.

Ж.О. Хасенова (Астана, Республика Казахстан)

О ВВЕДЕНИИ ПОДВОРНОГО И ХУТОРСКОГО ХОЗЯЙСТВА НА ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ УЧАСТКАХ АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЕ XX В. (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Вопрос о подворных и хуторских формах крестьянского землевладения имел место в Степном крае еще до столыпинской реформы. Как известно, 22 июня 1900 г. были установлены "Временные правила о подворном и хуторском устройстве на переселенческих участках в Сибири и Степном генерал-губернаторстве". Издание этих "Временных правил" было вызвано стремлением правительства способствовать переселенцам, "прибывшим из губерний, где преобладают подворные и хуторские формы владения землею, ввести надобные порядки и на новом месте жительства"¹. Российские власти решили оказать этому желанию крестьян правительственную поддержку, так как считали, что "подворное и хуторское владение имеет "очевидные преимущества перед общинным"². Однако приоритет этим формам владения землей отдавался в тех случаях, когда земельные участки переселенцев фактически никогда не обрабатывались. В свою очередь, это требовало со стороны новоселов преодоления значительных трудностей, особой энергии и предприимчивости.

По свидетельству источников, введение подворного и хуторского устройства в Акмолинской области было делом вполне возможным, так как земли, отошедшие в наделы переселенческих участков, "используются водворенными переселенцами на праве общинно-захватном, и население не имеет поводов к взаимным столкновениям, так как пока хватает земли". Но, тем не менее, — указывается в источнике, — "это состояние не может продолжаться неопределенное время"³. Очевидно, что по мере увеличения населения растут и потребности в земле. Поэтому "...в Акмолинской области необходимо, — по мере возможности... способствовать переселенцам к переходу от общинного к подворному хозяйствованию"⁴.

Таково мнение власти. Но это только одна сторона проблемы крестьянского землевладения. Взгляды самих крестьян-переселенцев не всегда совпадали с подходами государства. Свидетельством этого служат сохранившиеся в архивах многочисленные приговоры крестьянских сходов.

По "...Правилам" первым условием для положительного приговора схода крестьян было то, что "установление подворного или хуторского устройства допускается лишь на заполненных переселенческих участках"⁵. Очевидно, что в степной Акмолинской области такие условия могли быть далеко не везде. Так или иначе, но крестьянам, претендующим на установление подворного или хуторского владения, необходимо было сначала заполнить переселенческий участок и лишь потом рассматривать на сходе вопрос о приемлемых формах землепользования. На незаполненных участках преобладающим оставалась общинное землепользование.

Важно то, что крестьяне (на заполненных переселенческих участках) в силу своего менталитета, привычек и сложившихся внутриобщинных отношений весьма часто не желали принимать подворное и хуторское устройство. Так, например, приговор Григорьевского сельского схода свидетельствует: "...предоставленную нам землю, находящуюся в настоящее время в общинном нашем пользовании, делить никак не желаем"⁶.

Почему же правительство стремилось (еще в достопыпинское время!) введению подворного и хуторского устройства на переселенческих участках Степного края? Причиной этого являлось опасение, что по мере практического ознакомления крестьян-переселенцев с отведенной и наделной землей они выделяют в ней равноценные площади — по качеству почвы, степени отдаленности селения и т. д. При общинном пользовании каждая из этих площадей подлежит разделу на пай по числу душ. Таким образом, в Акмолинской области создастся та дробность и чересполосность участков, которая уже имела место в Центральной России. Одни российские власти не желали, чтобы этот процесс повторился в Западной Сибири и Степном крае. "Временные правила" 1900 г. должны были предотвратить "повторение этой ошибки". И, как полагали чиновники, "переход от существующего ныне в области общинно-захватного землепользования к подворному несравненно легче, чем от общины

чересполосного"⁷. Но все же этот (объективно правильный) правительственный подход не вполне учитывал менталитет крестьян, для которых общинное землепользование представляло существенную ценность.

Предпринятое изложение вопроса о введении подворного и хуторского устройства в Акмолинской области в начале XX века (до 1906 г.) показывает, что здесь имелись различные, противоречивые аспекты. Задача исследователя — рассмотреть все стороны и варианты решения этой малоизученной (для Степного края) проблемы. И одним из главных здесь является вопрос о влиянии политики государства на развитие подворных и хуторских хозяйств, а также о соотносимости этой политики с крестьянскими традициями.

¹ ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 8673. Л. 1.

² Там же.

³ Там же. Л. 11.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 3.

⁶ Там же. Л. 72.

⁷ Там же. Л. 11.

Е.Э. Казаков (Новосибирск)

ЛИДЕР КООПЕРАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ А.Н. БАЛАКШИН

Как известно, Сибирь являлась до 1917 г. крупнейшим в мире центром маслоделия и вторым после Дании экспортером масла. Стоимость вывозимого по Транссибу сибирского сливочного масла была выше стоимости среднегодовой добычи золота всей империи. Иностранная валюта ручьями текла в российские банки. Накануне первой мировой войны из Сибири ежегодно вывозили свыше пяти миллионов пудов сливочного масла.

Широкое распространение в маслоделии получила кооперация. Кооперативные формы позволяли использовать преимущества крупного производства и сбыта. Глубинными причинами возникновения кооперативного маслоделия, по мнению Л.М. Горюшкина, являлись, прежде всего, развитые капиталистические отношения, в конце XIX в. В начале XX в. вся российская кооперация насчитывала свыше 60 тысяч первичных объединений различных видов и типов. Вместе с членами семей кооператоры составляли не менее половины всего населения страны.

Российская кооперация по своим количественным параметрам являлась перед революцией 1917 года самой крупной в мире. Она имела своих достойных идеологов и организаторов. Во главе кооперативного движения стояли либеральные деятели, которые видели в нем источник изменения жизни. Благоклонно к начинаниям кооператоров относилось правительство,

широко финансировавшее кооперативы, но в то же время державшее их под неусыпным контролем.

Лидером российского кооперативного движения в начале XX века стал предприниматель из Кургана Александр Николаевич Балакшин. Он родился в Ялуторовске Тобольской губернии в купеческой семье. Отец его дружил с декабристами, они жили в доме отца Александра Николаевича. В середине 70-х г. XIX в. А.Н. Балакшин создает отделение Московского общества сельского хозяйства и становится его председателем. В 1901 г. выдвигает задачу создания центрального учреждения для организации новых и помощи существующим крестьянским артелям Тобольской губернии. А.Н. Балакшин постоянно информировал российских министров, в частности С.Ю. Витте, о состоянии земледелия и маслоделия в Сибири, о путях преобразования края. В своей деятельности А.Н. Балакшин следовал декабристской программе всестороннего подъема Сибири через укрепление материального благосостояния народа. Для развития промышленности региона он считал необходимым знакомить русское общество и сибиряков с огромными богатствами края, привлекать капиталы российских и сибирских купцов для разработки этих богатств.

На первом съезде сибирских молочных хозяев и деятелей по молочному хозяйству (1901 г., г. Курган) идеи А.Н. Балакшина получили поддержку. Через полгода Министерство финансов, обсудив вопрос о мерах содействия производству и сбыту сибирского масла, выделило кредит в размере 7 тысяч рублей для развития сибирского маслоделия и разрешило создание организации по устройству маслодельных кооперативных товариществ. Председателем "Организации" был утвержден А.Н. Балакшин.

За пять лет своей деятельности "Организация", а в ее штате было всего пять человек, способствовала открытию 273 маслодельных заводов, объединивших 52,5 тысячи крестьянских хозяйств. На этих заводах производилось масла на сумму 5 млн руб. в год (корова тогда стоила в среднем 15 руб.). "Организация" сыграла важную роль в истории сибирского маслодельной промышленности, подготовив себе преемника в лице Союз сибирских маслодельных артелей, созданного в 1907 г. А.Н. Балакшиным.

Главной задачей объединения являлось устранение посредничества в торговле маслом и выход на зарубежные рынки. Начальный оборотный капитал Союза в 1907 г. составил 21 тыс. рублей, но уже спустя десятилетия оборот Союза превысил 160 млн золотых рублей. Союз объединял около 3 тысяч артелей и кооперативов.

Характерная особенность сибирского маслоделия, как отмечает Л.М. Горюшкин в своей монографии "Сибирское крестьянство на рубеже двух веков" (с. 166), "состояла в том, что оно росло не столько в результате повышения производительности труда и увеличения объема производства существующих предприятиях (хотя и это, разумеется, имело место), сколько благодаря увеличению числа мелких заводов".

Выйдя на мировой рынок, А.Н. Балакшин поставил задачу потеснить продавцов масла из Дании и Франции. Для этого он сближается с английскими фирмами, заключает с ними договоры, предлагает им создать акционерное общество для продажи сибирского масла. В 1912 г. на паевых началах Союз и фирма Лонсдейль организуют Союз Сибирских кооперативных ассоциаций с ограниченной ответственностью, или, кратко, "Юнион". А.Н. Балакшин переезжает в Лондон и ведет дела Юниона, организации, юридически оформленной агентом Союза по реализации масла на рубежом. А руководителем Союза становится сын А.Н. Балакшина — Андрей (будущий член Сибирской областной думы 1918 г., выдвигавшийся коллегами на пост председателя Совета министров в правительстве адмирала (олчака)).

Юнион развернул сеть филиалов во многих странах мира. С появлением Юниона исчез еще один посредник—оптовик на мировом рынке, что дало огромную прибыль сибирским маслоделам.

В годы революции и гражданской войны Союз сибирских маслодельных предприятий сыграл огромную роль в обеспечении населения продуктами и овами первой необходимости. Новая власть сделала все, чтобы революционная кооперация прекратила свое существование. Неприятие советской власти сибирскими кооператорами вызвало ответную реакцию большевистского руководства. Декреты комиссаров и их мероприятия разрушили фундамент сибирской кооперации. А.Н. Балакшин умер в Лондоне в 1921 г. Его могила находится недалеко от могилы Карла Маркса.

М.О. Тяпкин (Барнаул)

ЛЕСНАЯ СТРАЖА АЛТАЙСКОГО ОКРУГА В 1911–1917 ГГ.

Вопрос о деятельности лесной стражи в Алтайском округе на всех этапах существования остается малоизученным. Единственной специально посвященной данной теме работой можно назвать статью Т.Н. Соболевой, рассматривающую преобразования лесной стражи в Алтайском округе 1907–1911 гг..

В 1911 г. в Алтайском округе была реализована административно-хозяйственная реформа, в ходе которой был осуществлен принцип отраслевого и комплексного подходов к организации земельно-лесного хозяйства. Округ был разделен на 47 лесничеств (с 1914 г. — 57) и 3 арендных юна. За административными преобразованиями и реформированием лесной стражи последовало изменение локального законодательства. 26 июня 1911 г. высочайше утверждаются новые "Правила по лесной части", в следующем году на их основе был выработан "Наказ лесной страже"². Большую роль в развитии института лесной стражи сыграла разработка и принятие в 1911 г. "Инструкции по комплектованию, обучению, регистрации

лесной стражи, вооружению и довольствию ее, а также установлению за нею надзора"³.

После произведенных и намеченных трансформаций развитие лесной стражи происходило по следующим направлениям: неукоснительно реализовывался принцип комплектования объездчиков из нижних воинских чинов, была подтверждена необходимость содержания временных летучих отрядов для охраны лесов от самовольных порубок и пожаров, продолжалось строительство кордонов в пределах охраняемых территорий, обустройство наблюдательных постов для борьбы с лесными пожарами, больше внимания стало уделяться вопросам набора, снабжения и довольствия лесной стражи.

Число объездчиков из нижних армейских чинов продолжало возрастать в середине 1910-х гг. достигало 93 % от общей численности лесной стражи. Однако принцип исключительного комплектования лесной стражи из нижних запасных чинов обернулся серьезными проблемами для лесоохраны округа. К началу Первой мировой войны в лесничествах округа состояло 1 100 старших и 1 100 младших объездчиков (всего 1 280 чел.), из них 6 мобилизован 1 061 чел.⁴. К началу 1915 г. численность старших и младших объездчиков удалось довести до довоенного уровня (1 277 чел.), однако в этом году было призвано 1 030 чел.⁵. В 1916 г. усилился штат полицейской стражи, что позволило в какой-то мере компенсировать недостаток объездчиков. После мобилизации постоянной лесной стражи возросло число нанимаемых временных объездчиков и летучих отрядов, а к секвестру самовольно вырубленного леса стали привлекаться не только полиция, но и воинские команды. Социальный состав лесной стражи значительно изменился: в 1915 г. процент объездчиков из местных крестьян значительно возрос и составил 57,6 % от общего числа⁶. В ходе ревизии лесничеств в 1915–1916 гг. отмечалось, что лесная стража сильно ослабла мобилизацией, а "новые объездчики неопытны и не знают своих обязанностей"⁷.

Опыт массовых самовольных порубок 1905–1907 гг. подтвердил необходимость наличия в имениях (лесничествах) вооруженных конных отрядов. В ходе работы комиссии Е.Н. Волкова были утверждены отряды двух видов. Первые численностью 5–15 чел. под командованием управляющего имением (лесничего) или старшего объездчика, нанимавшиеся на период наиболее массовых самовольных порубок – с октября до начала весенних полевых работ. Ко второму типу относились более крупные (25 чел.) под началом полицейских офицеров. Эти отряды предназначались для подавления массовых несанкционированных порубок и секвестра самовольно вырубленного леса. При необходимости несколько отрядов могли сливаться в один большой. В 1910–1911 гг. в округе было создано 12 отрядов⁸.

Основную работу по тушению лесных пожаров выполняла постоянная действующая лесная стража, но на пожароопасный период нанимались конные пожарные отряды и сторожа на наблюдательные вышки. Пожар

отряды, состоявшие из 3–6 человек, были наиболее мобильной силой при обнаружении и ликвидации пожаров. Отряды, базировавшиеся при центральных вышках, в случае пожара были первыми, кто прибывал на тушение. Их подвижность позволяла захватывать пожар в самом начале, что является решающим фактором в борьбе с огнем. Кроме непосредственной борьбы с пожарами конные отряды выполняли вспомогательные лесные работы.

Единые для всего округа правила постройки кордонов для объездчиков были утверждены в 1911 г.⁹ Оговаривалось, что кордоны необходимо строить в виде крестьянских двухквартирных домов, в которых жили два объездчика с семьями, что было более безопасно в случае нападения на кордон. В 1911 г. число кордонов достигло 405, 1913 г. – 737, 1915 г. – 772, к 1916 г. – 799¹⁰.

В 1910 г. Главное управление выработало особый тип пожарных вышек. До этого немногочисленные (16 во всем округе) вышки не имели единого стандарта. На 1916 г. пожарных вышек в округе насчитывалось 188¹¹. В обязанности сторожей на пожарных вышках входило круглосуточное дежурство, своевременное обнаружение лесного пожара и оповещение об этом лесной стражи, чинов лесной или сельской администрации. Сторожа и объездчики, отправляясь к месту пожара, старались "затушить таковой собственными силами; при недостаточности сил один из объездчиков отправляется за народом, а остальные продолжают тушение"¹².

В 1911 г. увеличивается оклад старшим объездчикам до 35 руб. В 1910 г. был поднят вопрос об устранении низших окладов для младших объездчиков путем их повышения до средней нормы. Намеченное преобразование было осуществлено лишь в 1914 г., когда оклады всех младших объездчиков были определены в 25 руб.¹³ Кроме оклада объездчики, не имевшие кордонов, получали деньги на квартиры по 2 руб. 50 коп. в месяц. Помимо денежного довольствия, объездчикам предоставлялся в служебное пользование 15-десятинный надел покосных и пахотных земель. В местах, где отвод надела был невозможен, объездчику предоставлялась денежная компенсация, исходя из существовавшей в данной местности арендной платы.

На вооружении объездчиков состояли револьверы "Смит и Вессон" и винтовки системы "Бердана". Револьверы были признаны основным оружием благодаря своей компактности и надежности. Винтовки же выдавались в случае усиленных морубок и сопротивления лесной страже. На обязанности объездчика лежал уход за оружием и поддержание его в состоянии боеготовности. В случае порчи оружия объездчик возмещал затраты на ремонт или замену из своего жалования.

Впервые в "Наказе" и "Инструкции по комплектованию..." была подробно описана форма одежды объездчиков. Вводилось армейское обмундирование образца Сибирских казачьих войск, подразделявшееся на зимнее и летнее. Объездчики покупали обмундирование за свой счет, а на поддержание формы в порядке им ежегодно выдавалось по 5 руб. Нагрудный

знак и герб выдавались бесплатно. Наличие униформы способствовало повышению дисциплины у объездчиков и их авторитета в глазах местного населения.

Таким образом, в период с 1911 по 1917 гг. в Алтайском округе продолжали реализовываться меры по реформированию совершенствованию деятельности лесной стражи, обозначенные в ход комиссии 1907 г. К 1917 г. лесная стража превратилась в эффективный инструмент реализации лесоохранной политики Кабинета на Алтае, «одна революционные события 1917 г. и последовавшие за ними изменения практически разрушили сложившуюся систему лесного хозяйства в целом деятельности лесной стражи в частности.

¹ Соболева Т.Н. Реорганизация лесной стражи Алтайского округа в 1907–1911 гг. // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: Мат. конф. Барнаул. С.220–225.

² Правила по лесной части Алтайского округа ведомства Кабинета Е.И.В. 1911 г. Сборник правил, приказов и циркуляров по Алтайскому округу. Барнаул, 1913. Т. I. С. 427–437; Наказ лесной страже Алтайского округа ведомства Кабинета Е.И.В. 1912 г. Барнаул, 1912.

³ Сборник правил, приказов и циркуляров...Т. I. С. 567–574.

⁴ ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4482. Л. 3.

⁵ Обзор деятельности Алтайского округа за пятилетие (1911–1915 гг.). Барнаул 1916. С.122.

⁶ ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4482. Л. 3.

⁷ Там же. Д. 4550. Л. 21.

⁸ Там же. Д. 4150. Л. 2.

⁹ Сборник правил, приказов и циркуляров...Т. I. С. 591–593.

¹⁰ Обзор деятельности...С. 124; ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4407. Л. 24 об; Там же. Д. 4482. Л. 3 об.

¹¹ Обзор деятельности...С. 133.

¹² Сборник правил, приказов и циркуляров...Т. I. С. 689.

¹³ ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4407. Л. 25.

С.Е. Поляков (Барнаул)

РЕАКЦИЯ КРЕСТЬЯНСТВА АЛТАЙСКОГО ОКРУГА НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1917 Г.

Изучению социально-экономической и политической жизни российской деревни в период революционных событий 1917 г. в отечественной историографии уделялось значительное место. Не осталось без внимания алтайское крестьянство, участие которого в революционных событиях довольно полно освещено в работах Л.М. Горюшкина, Г.П. Жидкова, Н.Ф. Иванцовой и др. Ими изучались аграрная политика правительств

вопросы создания и деятельности крестьянских организаций, динамика крестьянских выступлений, формы, масштабы и направленность крестьянского движения и т. п. Однако действия сельского населения воспринимались чаще как составная часть политических процессов, направленных на захват власти с целью достижения справедливости в распределении природных богатств страны. В то же время необходимо учитывать личные, меркантильные интересы людей, которые особенно обостряются и становятся преобладающими в периоды политического безвластия. Таким образом, психологический фактор занимает не последнее место при исследовании тех или иных действий социальных групп, особенно в условиях кризиса. В Алтайском округе его действие было особенно сильным, что было связано с владельческой принадлежностью региона. Происходившее в регионе невозможно объяснить только политической борьбой, так как на местах наблюдалась полная анархия, грозившая экологической катастрофой, справиться с которой не могли ни Временное правительство, ни Советская власть в первые годы своего существования.

Алтайский округ, являясь собственностью правящего российского императора, представлял собой ведомственное административно-территориальное образование. Управление регионом осуществлялось через государственный орган – Кабинет, который входил в состав Министерства императорского двора. Все это способствовало формированию своеобразных отношений между населением и местной администрацией. Последняя воспринималась населением как агент царя, а не государства, что делало ее уязвимой в годы политического кризиса. Таким образом, владельческая принадлежность региона определила его связь с судьбой монархии, падение которой сразу же негативно отразилось на округе, активизируя недовольство и разжигая страсти вокруг накопившихся здесь проблем. Проводившаяся в предшествующие годы земельная и лесная политика Кабинета соответствовала интересам собственника и мало учитывала интересы местного населения, что спровоцировало конфликт между крестьянством и ведомственной администрацией, особенно ярко проявившийся в 1917 г., когда сельские общества стали выносить решения о возвращении имущества, отобранного Кабинетом в предыдущие годы. Ущемление прав населения в земле- и лесопользовании при наличии огромных ресурсов и привычки бесплатно ими пользоваться приводило к хищническому отношению со стороны крестьянства к природным дарам региона, особенно лесу. В результате после Февральской революции ведомственная администрация стала заложницей настроений алтайской деревни, негативный потенциал которых усиливался по мере роста кризисных процессов.

В сложившейся исторической ситуации единственным действенным способом стабилизации положения была передача 27 марта 1917 г. кабинетских имуществ государству. Однако Временное правительство не пошло по пути радикальных преобразований. Ведомственная система

управления была сохранена, а округ так и не был включен в общегосударственную структуру власти, что не позволило изменить ситуацию в округе в лучшую сторону. Деятельность окружной администрации вскоре перестала носить активный характер, являясь лишь реакцией на конкретные события.

Таким образом, Февральская и Октябрьская революции 1917 г. ввергли Алтайский округ в хаос народного произвола. Свержение Николая II оставило округ без собственника, что поставило алтайскую администрацию в глазах населения вне закона и послужило дополнительным фактором усиления негативных явлений в регионе. Крестьянство не простило пренебрежительного к себе отношения при распределении природных ресурсов территории и развернуло настоящую войну против алтайской администрации. В результате местная бюрократия оказалась заложницей настроений местного крестьянства и так и не смогла повлиять на ситуацию положительную сторону. Ее деятельность, главным образом, была направлена на сохранение существующих форм хозяйственной деятельности что остановило поступательное развитие ведомственной административной системы.

В условиях острого политического кризиса в центре страны, когда Временное правительство совершенно не контролировало ситуацию население чувствовало себя хозяином положения и действовало самочинно. Особенно ярко это проявилось на Алтае, где противостояние власти и народ приняло крайние формы. Ситуацию не спасла даже передача кабинетского имущества государству, так как правительству не удалось укрепить свою власть и стать полноправным хозяином положения. Отсутствие реальной власти на местах после свержения самодержавия спровоцировало усиление анархических настроений у крестьянства, которое пыталось по максимуму использовать природные ресурсы края, преследуя при этом чаще свои личные интересы и ставя их выше общегосударственных. Безмерное потребление лесных ресурсов вело к глобальным экологическим изменениям так как массовые рубки леса способствовали "опустыниванию" территории. Всю опасность положения осознавала и здравомыслящая часть самого крестьянства. Однако в условиях фактического безвластия на местах ситуацию невозможно было исправить. Прекратить беспорядки в лесничествах не могли и Советы в период с октября до выступления чехословацкого корпуса. Необходима была сильная власть, которая восстановила порядок и стала популярной в крестьянской среде.

Л.Н. Дежурова (Омская область) ПОСЕЛОК КОРНИЛОВСКИЙ

В России в 1919 г. существовал поселок переселенцев, сибирских казаков Петропавловского уезда Степного края, носивший имя генерала Лавра Георгиевича Корнилова. Случай, может быть, единственный в стране.

В 1910-е гг. в ряде станиц Петропавловского уезда возникла проблема переселения из-за недостатка земельной площади. Так, в станице Казанской на двор приходилось от 3 до 10 десятин¹. Намеревались переселяться на юртовые земли Сибирского казачьего войска, но помешали Первая мировая война, события революции 1917 г. Выбран был земельный участок № 64, который был в аренде с 1910 г. у Ф.Ф. Штумпфа, известного в крае предпринимателя и общественного деятеля².

Переселение и рождение нового поселка вызвали большой интерес. Изъявили желание поселиться казаки, служащие, крестьяне, солдаты. Причины крылись в малообеспеченности, нехватке земли, желании хозяйствовать самостоятельно. Самым интересным было заявление землемера Федоркова. "Желаю послужить на благо трудового казачьего поселения вообще, а в особенности применить свои силы и знания на устройство молодого нового поселка переселенцев, в смысле поднятия в нем экономической и общественной жизни на должную высоту современных культурных поселений," – писал 17 августа 1918 г. Никита Петрович³.

Первые энтузиасты прибыли весной 1918 г. с разрешения Совета Казачьих депутатов. Массовое переселение состоялось весной 1919 г. Всего прибыло 99 женских и 104 мужских души. Это были семьи из станиц Казанской, Крутойрской, Лопушинской: Кожинь, Шипиловы, Дробышевы, Глебовы и др.⁴ По требованию врача 6-го участка поселок ставили около Иртыша, соблюдая экологические требования. "Ставить поселок к Иртышу. Неудовлетворительность есть – отдаленность от берега. Это препятствие не послужит ли гарантией к более опрятному содержанию берега реки, которая является источником водоснабжения"⁵.

Площадь земельных участков планировалась в 30 десятин. В каждом квартале по 4 усадьбы. В перспективе были кварталы для школы, церкви, административных учреждений, полквартала для будущих общественных нужд. В плане – место под бульвар, для сада, пристани, базарной площади⁶.

Новый поселок называли Корниловским. Л.Г. Корнилов был представителем казачества Степного края, первым в выпуске закончил Кадетский корпус в Омске. Он был героем Русско-японской и Первой мировой войны. В среде сибирского казачества он был популярен, любим, уважаем. Память о Л.Г. Корнилове увековечивалась в Омске, Степном крае в период диктатуры А.В. Колчака, особенно весной 1919 г.: именные стипендии, панихида 13 апреля в Омском Никольском казачьем соборе,

проекты памятников Корнилову⁷ и наименование нового поселка на участке № 64 Корниловским.

В названии нового поселка запечатлено не только имя выдающегося сына России, блестящего офицера, разведчика, исследователя Азии, Георгиевского кавалера, генерала, поддержавшего идеалы Февраля 1917 г. и отвергнувшего бескомпромиссно путь страны в бездну анархии и произвола. В названии – эпоха, культурный пласт России конца XIX – начала XX вв., впитавший идеи служения Отечеству, народу, идеалы патриотизма, единства слова и дела, офицерской, гражданской чести.

В этот период в Белой Сибири рождались еще новые поселения. Их имена: Самсоновский, Алексеевский, Потанинский⁸. Самсоновский назван в честь генерала А.В. Самсонова, командовавшего сибирскими казаками, разгромившими японскую кавалерию под Ва-Фан-Гоу. В русско-японской войне 1904–1905 гг. он руководил Туркестанским военным округом и командовал Второй армией в Восточной Пруссии в 1914 г. Поселок Алексеевский – в честь генерала М.В. Алексева, участника русско-японской и Первой мировой войны, одного из лидеров Белого движения, Верховного руководителя Добровольческой армии после смерти Л.Г. Корнилова. Потанинский – в честь исследователя Азии, общественного деятеля, идеолога Сибирского областничества Г.Н. Потанина.

Славные названия получали новые населенные пункты. Увековечивалась память о людях, уважаемых народом, российских патриотов. Сохранились ли поселки, их первоначальные имена? Читая эти строки, может быть, ответится кто из историков, краеведов.

15 ноября 1919 г. 241 Крестьянский полк 27 дивизии Пятой Красной Армии вступил в поселок Корниловский. Архивные документы ноября – декабря 1919 г. сохраняют название поселка. С весны 1920 г. его название иное – Троицкое. В документе машинописно значится – "Корниловское", карандашом зачеркнуто и рядом им же приписано – "Троицкое"⁹.

Так "кануло в лета" первое название поселка, забылось, как ушли из памяти на десятилетия славные подвиги Лавра Георгиевича Корнилова, его честность, порядочность, патриотизм. Но архивные документы вернули "нехорошо забытое старое". Близок и дорог нам вновь стал генерал Корнилов. Он учит нас любви к Родине и к подвигу, жажде знаний и упорству в учебе; учит искать, исследовать и быть благородным в своем служении народу, Отечеству.

Мы гордимся, что нынешнее село Троицкое Омского района Омской области именовалось в 1919 г. поселком Корниловским. В память об этом в Троицкой средней школе уже третий год проводятся Корниловские военно-патриотические чтения, где желанные гости – историки, краеведы, сибирские казаки, ветераны.

¹ Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. Омск, 1914. С. 157.

² ГАОО. Ф. Р-1706. Оп. 1. Д. 261. Л. 3.

³ Там же. Л. 32.

⁴ Там же. Л. 94.

⁵ Там же. Л. 13–14.

⁶ Там же. Л. 136.

⁷ Лосунов А.М. Чтя имя твое // Омский вестник. 2000. 29 августа.

⁸ ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2599. Л. 71.

⁹ Там же. Ф. Р-902. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

Е.Н. Герман (Новосибирск)

"УРАЛО-СИБИРСКИЙ" МЕТОД ХЛЕБОЗАГОТОВОК: РОЖДЕНИЕ И ПРАКТИКА В КАМПАНИЮ 1928/1929 Г.*

Так уж сложилось в отечественной исторической науке, что "урало-сибирскому" методу хлебозаготовок не повезло с исследователями. Создав буквально горы литературы о коллективизации и раскулачивании, уделив большое внимание кризису хлебозаготовок в кампанию 1927/28 г., наши историки-аграрники почти ничего не сказали о явлении "урало-сибирского" метода и хлебозаготовительных кампаниях накануне "ликвидации кулачества как класса". Как отмечал видный российский исследователь В.П. Данилов, "рождение и практика "урало-сибирского" метода хлебозаготовок и их результатов не были предметом специальных исследований ни в советской, ни в постсоветской российской историографии"¹. Российский историк справедливо замечает, что первым, кто показал их действительное значение и сущность, был японский исследователь Ю. Таниучи. Со своей стороны хотелось бы отметить вклад в разработку темы другого западного исследователя, Д. Хьюза, посвятившего "урало-сибирскому" методу отдельные главы в капитальной работе "Сталинизм в российской провинции".

Невнимание к проблеме "урало-сибирского метода" тем более удивительно, что его появление знаменует новый этап чрезвычайных мер и раскулачивания в деревне, превзойти который было по силам только массовой экспроприации крестьянства в 1930–1931 гг.

Хлебозаготовительная кампания 1928/1929 года казалось, не предвещала возврата "чрезвычайщины". Хлебный рынок оживился, рыночные цены на хлеб снизились. На 5 ноября в Сибири было заготовлено 42 539 тыс. пудов или 39,6 % годового плана, что давало рост к уровню прошлогодних заготовок на 186,3 %.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 01-01-00341а).

Но 29 ноября 1928 г. вышла директива ЦК ВКП(б) и СНК СССР, об усилении хлебозаготовок и выполнении годового плана "во что бы то ни стало"². Резкое усиление давления на Сибирь объяснялось неурожаем на Украине и Северном Кавказе. В результате доля Сибири в заготовках увеличилась с 12,2 % в кампанию 1927/1928 г. до 19,8 %. План хлебозаготовок для Сибири, датируемый 16 октября 1928 г. предполагал, что в 1928/29 г. будет заготовлено 108,0 млн пудов против 77,1 в 1927/1928 г.

К началу 1929 г. рыночная цена хлеба в Сибири выросла на 50,3 % к уровню прошлого года, резко снизив эффективность государственных заготовок. Несмотря на это постановление СНК СССР и Политбюро ЦК ВКП(б) "О хлебозаготовках" от 11 января увеличило объемы хлебозаготовок. Увеличение для Сибири составляло 10 млн пудов, общий план заготовок к кампании 1928/29 г. вырос до 115 млн пудов³. Такое количество хлеба невозможно было заготовить никакими "нормальными" методами.

Поиск нового метода красной нитью прошел через всю работу IV краевого партийной конференции, прошедшей с 25 февраля по 4 марта 1929 г. в Новосибирске. В ходе конференции вопрос о том, у кого находится хлеб и как его взять у крестьян, обсуждался неоднократно. Звучали предложения о "демократической разверстке" и хлебном займе. Боясь напугать крестьян, о разверстке решили отказаться. Однако это не помешало бюро Сибкрайкома отправить 27 февраля в Политбюро секретную телеграмму, в которой предлагалось применить метод принудительного хлебного займа. К 25 февраля было заготовлено 86 млн. пудов хлеба, что само по себе могли считаться достижением, однако никак не удовлетворяло возросший аппетиты Центра. Предстояло заготовить еще 32 млн пудов. В телеграмме отмечалось, что при сохранении существующих темпов до конца кампании 1928/29 г. в лучшем случае удастся заготовить около 100 млн пудов. Заем должен был коснуться 6–8 % крестьянских хозяйств и составить 15–18 млн пудов. Возвращать его предполагалось через год деньгами, или через два-три года зерном. В случае отказа от займа на крестьянина налагался штраф в пятикратном размере, а в отдельных случаях конфискация имущества и трехгодичная ссылка. 4 мая 1929 г. Политбюро на своей сессии отвергло "сибирскую инициативу".⁴

Новый метод хлебозаготовок, так называемый "урало-сибирский", был спущен на места постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) "О мерах усиления хлебозаготовок" от 20 марта 1929 г., которое указывало:

"а) Открытая инициатива проведения твердого планового задания по хлебозаготовкам по селам или деревням должна принадлежать непосредственно представителям хлебозаготовительных организаций или органов власти, а исходить от общественных организаций (группы бедноты актив) и проводиться через общие собрания граждан.

б) При проведении принятого общим собранием граждан поселенного плана хлебозаготовок необходимо выделить кулацкую верхушку села от все

остальной массы крестьянства затем, чтобы возложить на нее определенные обязательства к сдаче хлеба государству из имеющихся у них хлебных излишков либо через общее собрание граждан, либо по поручению этого последнего через особую комиссию.

в) Остающееся сверх обязательств возложенное на кулака количество хлеба, принятого по плану на данное селение, распределить общим собранием граждан между остальной массой крестьянства в порядке самообязательства. Вся эта работа должна сопровождаться усиленным и энергичным развертыванием агитации и мобилизации пролетарского общественного воздействия на основную массу крестьянства.

г) Применить этот метод в Казахстане, Сибири и на Урале⁵.

22 марта "Советская Сибирь" поместила на своих страницах статью об инициативе крестьян села Завьялово (Новосибирского округа), которые якобы выступили с инициативой нового метода "общественного воздействия". На сельском сходе была избрана комиссия из бедноты и середняков, которая путем раздачи "твердых заданий" распределила 65–70 % плана хлебозаготовок на "кулацкие" дворы, 30–35 % – на середняков. Отказавшимся выполнить задание ("пятикратникам") предлагалось уплатить стоимость причитающегося хлеба в пятикратном размере. В противном случае они могли потерять часть или даже все хозяйство, подвергнуться аресту. Как справедливо замечает В.П. Данилов, с этого момента "ликвидация хозяйств, попавших в разряд кулацких, приняла открытый и законченный характер, поскольку никакое хозяйство не могло выдержать пятикратного изъятия средств, когда и однократное задание для него было непосильным <...> Процессы хлебозаготовок и раскулачивания слились и стали основным направлением государственного насилия над крестьянством, определявшим все последующее развитие деревенской трагедии"⁶. По неполным данным 13 округов, к маю 1929 г. в Сибири было описано около 8 тыс. хозяйств, в том числе более 4,2 тыс., имущество которых было распродано.

Но даже применение чрезвычайных мер не позволило властям переломить ситуацию с хлебозаготовками в крае. Итоги кампании подвел Июльский пленум Сибкрайкома 1929 г.; всего было заготовлено 105,6 млн пудов хлеба, что в глазах партийцев оправдывало применение чрезвычайных мер.

¹ Трагедия советской деревни, Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. М., 1999. Т. 1. С. 61.

² Там же. С. 59.

³ Там же. С. 511, 513.

⁴ Hughes James. Stalinism in a Russian Province. A study of Collectivization and Dekulakization in Siberia. N.Y.: Palgrave, 1996. P. 251.

⁵ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 805.

⁶ Там же. С. 60–61.

А.П. Мелентьева (Новосибирск)
УСИЛЕНИЕ НАЛОГОВОГО ДАВЛЕНИЯ
НА ЕДИНОЛИЧНИКОВ В 1938 Г.*

Необходимость сбора налогов с населения и сфер народнохозяйственной деятельности во все времена определяется задачами развития патронируемого государством определенной части производства и социальной жизни. Помимо этого с помощью налогов регулируются стимулирование инвестиций, экономное использование природных ресурсов и др., а также достигаются определенные политические цели. Так, в 1930-е годы налоговая политика в деревне (преимущественно как административная форма экономического управления, использующая в основном методы фискального характера), служила и механизмом ее сверхэксплуатации, подталкивавшей крестьян порвать с землей, с хозяйством, и тем самым ускорять процесс коллективизации.

Налоги и подати в 1930-е гг. взимались и с колхозников, и единоличников. И те, и другие выплачивали единовременный сельскохозяйственный налог, самообложение и культсбор. На них также распространялось множество других денежных, натуральных и трудовых податей и повинностей. Однако налогообложение крестьянских единоличных дворов было всегда намного выше колхозных и имело тенденцию постоянному росту.

Очередное ужесточение налогового пресса на единоличников пришлось на 1938 г. Оно было вызвано снижением уровня коллективизации деревни связи с усилившимся оттоком колхозников из коллективных хозяйств адаптацией (уже не в первый раз) единоличников к сложившейся экономической и политической обстановке вследствие ослабления внимания к ним со стороны властей. Это даже привело к некоторому улучшению и положения: выросла их численность, повысилась хозяйственная состоятельность.

В первую очередь единоличники стали развивать животноводство, неземледельческие промыслы как дающие более высокие рыночные доходы, чем полеводство. Так, за 1937 г. в единоличном секторе Новосибирской области поголовье крупного рогатого скота увеличилось в 1,4 раза, овец – в 1,9, свиней – в 2,2 раза. Довольно быстро стало расти принадлежащее единоличникам поголовье лошадей. За 1937 г. оно увеличилось в Алтайском крае на 65 %, в Омской и Новосибирской областях – соответственно на 54,36,7 %. Лошади в первую очередь использовались для получения доходов от извоза, работ на торфяных и лесных разработках и перевозки грузов.

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 01-01-00341а).

собственного хозяйства. Доходность таких хозяйств была выше, чем не имеющих лошадей, и они становились даже зажиточными.

Сложившееся положение было признано властями недопустимым и подрывающим ход и темпы завершающегося этапа сталинской коллективизации. В связи с этим меры прямого давления на крестьян-единоличников усилились. В апреле 1938 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) "О налогах и других обязательствах в отношении единоличных хозяйств", в котором предписывалось покончить с практикой попустительства единоличникам в налоговой сфере¹. Власти стали более тщательно учитывать доходы единоличных хозяйств и взыскивать накопившиеся недоимки. Единоличники, не платившие налоги, в больших масштабах, чем ранее, стали привлекаться к суду.

В июле 1938 года в 1,7 раза была увеличена сумма обязательных страховых взносов на рабочих лошадей в единоличных хозяйствах². А 21 августа этого же года Верховный Совет СССР принял закон "О государственном налоге на лошадей единоличных хозяйств", направленный на подрыв экономической состоятельности единоличников³. До 1938 г. лошадь как объект налогового обложения учитывалась лишь при исчислении сельскохозяйственного налога. С введением нового закона налогом облагались все хозяйства, имеющие лошадей старше трех лет. Продажа лошадей после опубликования закона также не освобождала единоличников от уплаты налога за текущий год. Однако те единоличные хозяйства, которые вступали в колхозы и обобществляли своих лошадей до 15 октября 1938 г., освобождались от обложения. Лица, не уплатившие налог в установленный срок (до 15 октября), привлекались к судебной ответственности. Кроме того, за просрочку платежа взыскивалась пеня в размере 0,1 % за каждый день.

В зависимости от уровня доходности единоличного сектора экономики вводились две порайонные ставки налога. Для Сибири первая из них составляла 400 руб. за одну лошадь и 700 руб. за каждую последующую, вторая — соответственно 500 и 800 руб. При этом для большинства районов региона была установлена вторая, повышенная ставка налога. Причем количество этих районов каждый год изменялось. В Новосибирской области к первой группе с низкой ставкой налога в 1938 г. было отнесено 16 районов, в том числе 2 района Нарымского округа, ко второй — 49 вместе с 6 районами Нарымского округа; в 1939 г. — соответственно 15 и 54 района плюс 2 и 11 районов из Нарымского округа⁴.

Единоличным хозяйствам, и так задавленным множеством других налогов и платежей, а также недоимочностью, переходящей из года в год, выполнение этого закона было не под силу. Единоличные дворы, привлекавшиеся к обложению налогом на лошадей и имевшие в основном сельскохозяйственную направленность, стали сразу вступать в колхозы. В Новосибирской области, по данным на 15 октября 1938 г., в колхозы вступило 4 448 единоличных хозяйств (28,5 % от всех учтенных

единоличных дворов с лошадьми) и даже было организовано 5 новых сельхозартелей.

Кроме того, в этом регионе единоличники – владельцы лошадей основном проживали в пригородной зоне Новосибирской и Кузбасской групп районов (в 1940 г. – 73,8 %). Сразу же после принятия закона большая часть из них переехала в города и рабочие поселки. В 1938 г. это позволило избежать налогообложения. Однако в 1939 г. закон о государственном налоге на лошадей единоличных хозяйств был распространен и на города.

Так введение еще одного закона, действовавшего в совокупности с другими в русле сталинского "хозяйского" подхода к единоличнику, в итоге привело к его ликвидации. К началу 1940-х годов единоличный сектор сельской экономики практически уже не существовал.

¹ СП СССР. 1938. № 18. Ст. 117.

² Там же. № 45. Ст. 269.

³ Известия. 1938. 24 авг.

⁴ ГАНО. Ф. Р-1162. Оп. 2. Д. 10. Л. 95, 229.

И.Б. Карпунина (Новосибирск)

ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ 1946 Г. В АЛТАЙСКОМ КРАЕ*

В послевоенный период решающее значение для подъема всех отраслей сельского хозяйства и роста благосостояния народа имело развитие зернового хозяйства. Его восстановление играло важную роль как для Западной Сибири, так и для страны в целом – регион традиционно вывозил значительную часть зерна в другие районы. При этом значительную долю хлеба давали колхозы Алтайского края (удельный вес совхозного производства зерна в хлебопоставках был относительно небольшим – 10-12 %).

Чрезвычайно сложным для деревни был первый послевоенный год – 1946. Выполнение плана развития сельскохозяйственной отрасли в этом году рассматривалось партией и правительством как важнейшая хозяйственная и политическая задача советских и партийных организаций. Намечалось расширение посевных площадей под всеми культурами, в том числе под зерновыми в колхозах основных сельскохозяйственных районов страны и, конечно же, Сибири. Однако соответствующих этой задаче производственных возможностей в разоренных войной колхозах не хватало. Наряду с сокращением рабочей силы была значительно ослаблена и

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 01-01-00341а).

материально-техническая база. За годы войны была сильно истощена земля, ухудшилась обработка полей, понизилась культура земледелия. Оптимальные сроки посева и уборки урожая в этих условиях в большинстве хозяйств нарушались. Все это сказывалось на продуктивности земледелия и урожайности культур. Неблагоприятными для сельского хозяйства оказались и погодные условия. Зима 1945–1946 гг. в южных районах страны была малоснежной и холодной, часть озимых вымерзла. А с весны 1946 г. все важнейшие зерновые районы охватила небывалая засуха. В Западной Сибири, где удалось увеличить площадь посевов и вырастить неплохой урожай (выше, чем в 1945 г., на 58 %, а в Алтайском крае – более чем в 2 раза), из-за недостатка рабочей силы и техники, а также установившейся со второй половины сентября дождливой погоды сроки уборки затянулись, что привело к большим потерям зерна.

После войны продолжали действовать те же принципы заготовительной политики, которые сложились в довоенные и военные годы. Сохранялся налоговый характер заготовок. Основную зерновую продукцию колхозы должны были сдавать государству в порядке обязательных поставок через заготовительные органы по ценам настолько низким, что не только не приносили доход хозяйствам, но и не возмещали производственные затраты. Размеры хлебопоставок исчислялись с каждого гектара пашни, закрепленной за колхозом, даже если она не полностью использовалась. Нормы хлебопоставок дифференцировались по почвенно-климатическим зонам. У колхозов Алтая в 1946 г. эта норма была высокой – 75 кг зерна с гектара пашни.

Кроме обязательных поставок колхозы выплачивали натуральную оплату за работы, выполненные МТС. При этом планы поставок зерна государству и натуроплаты определялись не по фактическому сбору, а по видам на урожай. Такой подход не учитывал возможные, а часто и неизбежные потери при уборке. Поэтому разница между "видовой" и "амбарной" урожайностью была очень большой. МТС, получая натуроплату с урожайности на корню, не были заинтересованы в сохранении всего урожая. Зато государству такой принцип позволял неоправданно завышать урожайность, а значит, и размеры хлебозаготовок. С колхозов "недоимщиков", которые не могли сразу выполнить большие плановые задания, долги взыскивались на следующий год. Частое их обязательства перекладывались на передовые колхозы, которые получали дополнительные планы. Такая практика заготовок не создавала материальной заинтересованности в развитии сильных хозяйств и ослабляла их экономику.

Помимо уже названных обязательств колхозы должны были возвращать семенные ссуды, которые они получили из государственного семенного фонда. В результате общий объем поставок зерна государству вместе с натуроплатой и возвращением ссуд был довольно значительным и составлял более половины всего валового сбора. Для выполнения завышенных и

напряженных планов колхозы были вынуждены зачастую сдавать зерно выделенное для распределения по трудодням, а также намеченное для страховых, фуражных и семенных фондов. Продажа зерна до выполнения планов сдачи хлеба государству запрещалась. Нарушение этого было чревато штрафными санкциями и судебной ответственностью. Попытка некоторых председателей колхозов оставить в хозяйствах хотя бы часть хлеба для распределения на трудодни сразу же получала жесткую отповедь "сверху". Это квалифицировалось не иначе, как "преступное разбазаривание", "растраниживание" хлеба и строго наказывалось. За снижение темпов хлебопоставок доставалось в первую очередь первым лицам – руководителям районных и партийных организаций, земельных органов и колхозов, которые якобы "преступно срывают графики хлебосдачи государству", "проваливают хлебозаготовки", не ведут "большевистской борьбы за хлеб" и т. п.

Таким образом, существовало множество способов контроля за производством и распределением зерна, которые позволяли изымать у производителей хлеба максимум возможного. Экономические рычаги управления заменяла жесткая централизация планирования колхозного производства и регламентация его многочисленными постановлениями, распоряжениями партийных и советских органов, заготовительных организаций, которые осуществляли практическую работу по хлебопоставкам. В результате меры организационного и административного воздействия центральной власти и ее представителей на местах являлись тесной силой, которая ускоряла ход хлебозаготовок.

В июне 1946 г. было принято партийно-правительственное постановление, в соответствии с которым Алтайский край должен был сдать государству 44 918 тыс. пудов зерна. Однако вскоре, менее чем через месяц появилось новое постановление центральных органов о хлебозаготовках, в котором выражалось опасение относительно выполнения плана некоторыми районами. Поэтому местным властям предоставлялось право "увеличить колхозам, имеющим хороший урожай, обязательные поставки зерна государству в пределах до 50 % от размеров зернопоставок, исчисленных по действующим нормам". Кроме того, сверху инициировалось принятие различных обращений тружеников сельского хозяйства, содержащих обязательства по выполнению годовых заданий по хлебопоставкам не только полностью и в срок, но и досрочно и сверх плана. Так, в сентябре 1946 г. алтайские земледельцы "выступили" с призывом выполнить план хлебозаготовок к 30 октября, а к 29-й годовщине Октября сдать сверх плана 6 млн пудов. Естественно, что этот почин был поддержан всеми областями региона.

Ценой величайшего напряжения сил и большой самоотверженности многим районам Западной Сибири удалось выполнить не только эти явно завышенные планы, но и принятые обязательства. Алтайский край сдал государству 55,7 млн пудов – существенно больше первоначальных заданий.

Доля сибирского региона была весьма значительной в общем объеме валового сбора зерна в стране — она составила примерно его пятую часть. Однако план хлебозаготовок в целом по СССР был выполнен только на 78,7 %. Очевидно, что иначе и быть не могло. В условиях исключительно тяжелой хозяйственной обстановки первого послевоенного года, усугубившейся засухой и голодом в ряде районов страны, плановые задания были экономически необоснованными, а значит, и невыполнимыми. Их осуществления добивались путем усиления административного нажима на деревню, которая в результате сверхнормативного изъятия произведенного зерна фактически оказывалась на голодном пайке. Хороший урожай 1946 г. не пошел на пользу ни колхозам, ни колхозникам, а колхозное производство в целом не получило стимула для своего дальнейшего развития.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И КУЛЬТУРА РЕГИОНА

А.В. Ремнев (Омск)

ЕЩЕ РАЗ О МЕСТЕ СИБИРИ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Вопрос о месте Сибири в составе России имеет длительную историческую традицию, не потерявшую свою экономическую и политическую остроту настоящее время. Значительный вклад в разработку этого вопроса внес в свое время Л.М. Горюшкин. Благодаря ему в сибиреведении на несколько десятилетий закрепилось творчески развитое им ленинское определение Сибири как "колонии в экономическом смысле". Оценивая позиции областников, выдвигавших лозунг сибирской автономии, как реакционные Л.М. Горюшкин с марксистских позиций не мог признать наличия, помимо классовых, устойчивых территориальных противоречий. В рамках господствовавших тогда идеологических установок он вынужден был игнорировать приведенные областниками факты политико-правового неравноправия региона в составе империи. При этом Л.М. Горюшкин признавал колониальный характер управления коренными народами Сибири. В отношении же русского населения, полагал он, система управления принципиально не отличалась от таковой же в Европейской России¹. В последние годы жизни Л.М. Горюшкин уже с большей симпатией трактовал взгляды областников, соглашаясь с их претензиями на хозяйственный суверенитет Сибири, децентрализацию управления и финансовую самостоятельность².

Но дело было не только в ограничениях, накладываемых в советское время официальной наукой. Определение места Сибири в составе Российской империи носит объективно более сложный теоретический характер. Даже сегодня исследователям имперской управленческой политики приходится сталкиваться с известными трудностями в понятийном аппарате, пытаясь разобраться в хитросплетениях терминов "центр", "внутренние губернии", "окраина", "колония", "периферия", "колонизация" и т.п. Не случайно В.А. Ламин и Д.Я. Резун и ныне вынуждены констатировать: "Специалисты по истории и экономике Сибири до настоящего времени не определили, что такое есть эта громадная страна: колония, или колонизируемая территория или неотделимая часть неделимой России"³. Очевидно, более продуктивным будет взглянуть на проблему как на длительный процесс превращения Сибири, первоначально имперской колониальной окраины, в периферийный регион Российского национального государства.

Роль и место Сибири в составе Российской империи были более сложными, чтобы их можно было определить, оперируя только понятиями

"колония" и "метрополия", за которыми, помимо неясных социально-экономических характеристик, тянется длинный шлейф эмоционально-этических оценок. Видимо, стоит попытаться разобраться в вопросе о роли и месте Сибири при помощи категории "мир-империя" (в определении Ф. Броделя и И. Валлерстайна). "Мир-империя" подразумевает наличие "центра" и "периферий", различных видов неравенства периферийных регионов по отношению к центру. В центре же "мир-империи" располагалась сильная государственная власть, привилегированная, динамичная, внушающая одновременно страх и уважение⁴.

Региональный подход к изучению имперской тематики неизбежно ставит в основу исследования концепцию "центр — периферия", в рамках которой и разворачивалась большая часть имперских конфликтов. Центр являлся особым символическим и организационным образованием, который стремился не только извлекать ресурсы из периферии, но проникать в нее, переносить туда свои духовно-символические принципы, организационно мобилизовать возможности периферии для своих целей⁵. Российская империя демонстрировала политически ориентированный процесс проникновения центра в периферию. Огромное пространство, слабость коммуникаций и сегментарное хозяйственное и демографическое присвоение новых территорий на востоке требовало образования на линии центр — периферия центров второго и третьего порядков, транслировавших функции главного имперского центра на удаленные регионы, имевших потенциально важное политическое значение. Управленческая интеграция окраин в общеимперское пространство может быть описано в понятиях географии власти, динамике властного освоения новой территории⁶. Актуальность проблем взаимоотношений центра и регионов сохраняется длительное время, имея даже тенденцию к обострению в условиях модернизации. Майкл Хечтер, предложивший концепцию "внутреннего колониализма", обрек эти проблемы на вечность, заметив, что условия частичной интеграции периферии и государственного ядра "все больше воспринимаются периферийной группой как несправедливые и нелегитимные"⁷.

"Сибирский вопрос" в XIX в. был в значительной мере частным случаем "окраинной политики" самодержавия, принципы которой во многом зависели от господствовавших в то или иное время взглядов на природу взаимоотношений центра и регионов. Реальное содержание региональной политики определялось сложным сочетанием не только ведомственных и территориальных интересов, но и соотношением сил "централистов" и "регионалистов" в центральном и местном аппарате управления. Заметное влияние на региональную политику и региональные общественные настроения оказывали западные теоретические конструкции и западный колониальный опыт управления. В определении принципов "окраинной" политики самодержавие оказывалось перед неизбежным выбором: ввести

общегосударственную систему управления или предоставить Сибири некоторую административную автономию. Признание особого статуса Сибири в составе империи привело к его законодательному закреплению особым "Сибирском учреждении" 1822 г. Хотя формально оно действовало вплоть до 1917 г., уже в 1870-х гг. современники отмечали, что от него сохранились лишь "одни обломки"⁸.

Расширение империи на восток не ограничивалось только военной политической экспансией и административным закреплением новых территорий и народов в империи — это еще и сложный процесс превращения Сибири в Россию. Определяющим в этом процессе являлось насаждение русско-православного элемента на окраинах. Для укрепления империи необходимо было создать критическую массу русского населения, которое станет этнодемографической основой государственной целостности. Таким образом, важнейшую роль в российском империостроительстве должны были сыграть не столько военные и чиновники, сколько мирные крестьяне-переселенцы. В российской имперской политике господствовал стереотип, что только та земля может считаться истинно русской, где прошел плуг русского пахаря. Существовала своего рода народная санкция имперской экспансии, которая оправдывалась приращением пахотной земли последующим заселением ее русскими⁹. Крестьянская колонизация сознательно воспринималась как необходимое дополнение военной экспансии, имперские власти стремились параллельно с военной службой организовать переселенческую службу, соединить меч и плуг.

В российской колонизационной модели строительство империи считалось тождественным процессу поглощения Россией восточных окраин. Россия как бы росла за счет новых земель. Как заметил Д. Ливен: "Русскому колонисту было затруднительно ответить на вопрос, где собственно, заканчивается Россия и начинается империя?"¹⁰. Территориально-протяженные империи, которым относилась Российская империя, не имели четких внутренних границ внутри имперского пространства, резкого деления на метрополию и колонии. Кроме того, границы между ними были подвижными. Та основатель Российско-Американской компании купец Г.И. Шелихов заботился не только о коммерческом интересе, но и о том, чтобы на Курильских островах "завести помаленьку Русь"¹¹. Ф.Ф. Вигел, сопровождавший в 1805 г. графа Ю.А. Головкина в Китай, писал, о том, что по мере заселения Сибирь будет укорачиваться, а Россия расти¹². Историк Сибири и известный сибирский просветитель П.А. Словцов рассматривал Сибирь "как часть России", передвинувшейся за Урал¹³. Направляя ссыльных и каторжных в Приамурский край, Н.Н. Муравьев-Амурский напутствовал их: "С богом, детушки. Вы теперь свободны. Обрабатывайте землю, сделайте ее русским краем..."¹⁴. П.Н. Милюков в этой связи замечал: "Последний продукт колонизационного усилия России — ее первая колония — Сибирь"

стоит на границе того и другого"¹⁵. В крестьянском движении на восток была заложена своего рода геополитическая сверхзадача. П.П. Семенов-Тянь-Шанский писал об изменении в результате русской колонизации этнографической границы между Европой и Азией путем ее смещения все дальше на восток¹⁶. Министр финансов С.Ю. Витте шел еще дальше и указывал на изменение геополитического пространства империи, когда в результате крестьянских миграций европейско-азиатская граница будет передвинута на конечный пункт Китайской Восточной железной дороги¹⁷.

Л.Е. Горизонтов видит в этом перспективу "двойного расширения" Российской империи: за счет внешнего территориального роста империи в целом и за счет параллельного роста имперского ядра¹⁸. Российский имперский проект предусматривал постепенное поглощение Сибири имперским ядром (прежде всего за счет крестьянской колонизации и развития коммуникаций). Это был сложный и длительный процесс превращения сибирских и дальневосточных территорий в Россию, процесс, в котором сочетались тенденции *империостроительства* и *нациостроительства*, волевое соединение нации с династической империей. Этот двуединый (хотя и внутренне противоречивый) процесс должно было придать империи большую стабильность и обеспечить ей, помимо имперской, национальную перспективу. Не только в великорусских, но в малороссийских и белорусских губерниях виделся стратегический резерв расширения имперского ядра на восток, где украинцы и белорусы вместе с великороссами могли бы успешно строить "большую русскую нацию".

Однако в Сибири для имперской и национальной перспектив вызревала новая угроза (реальная или зачастую призрачная) — формирование у местного населения сибирской идентичности. В правительственных и общественных кругах, подогреваемая националистически настроенной публицистикой (не без влияния польского фактора), уже в середине XIX в. возникает фобия сибирского сепаратизма. Поэтому мало было заселить край желательными для русской государственности колонистами, важно было соединить имперское пространство культурными скрепами. Многим наблюдателям, посещавшим Сибирь и Дальний Восток, бросалась в глаза непохожесть местного русского населения на то, которое они привыкли видеть в европейской части страны. Чтобы остановить процесс отчуждения переселенцев от "старой" России и восстановить в "новой" России знакомые и понятные властям черты русского человека, необходимо было направить на него культуртрегерскую и миссионерскую деятельность. Управляющий делами Комитета Сибирской железной дороги А.Н. Куломзин в конце XIX в. настаивал на мерах по культурному сближению Сибири и России путем преподавания родиноведения. Иначе нам грозит в близком будущем великое бедствие. Поэтому не следует жалеть денег на школы и православные церкви, чтобы не дать сибиряку "дичать"¹⁹.

Помимо культурного воздействия необходимо было экономически и коммуникационно встроить Сибирь в Россию. Почта, телеграф, а главное - Сибирская железная дорога должны были притянуть Сибирь к европейской России, дать новый мощный импульс переселенческому движению. А.В. Кривошеин, человек, который, по сути, был главным идеологом и практиком столыпинской переселенческой политики, "министр Азиатской России", как его называли, целенаправленно стремился превратить Сибирь "из придатка исторической России в органическую часть становящейся евразийской географически, но русской по культуре Великой России"²⁰.

И эта политика имела известный успех. Наряду с интеграцией Сибири в Россию идет процесс регионального дробления "большой" Сибири от Урала до Тихого океана. На протяжении XIX в. Сибирь постепенно исчезала с административной карты России, и известный русский правовед Н.М. Коркунов утверждал, что "самое слово Сибирь не имеет уже более значения определенного административного термина"²¹. Не случайно это так беспокоило областников, стремившихся сохранить административное экономическое и культурное единство Сибири.

Превратив в результате длительного и сложного интеграционного процесса Сибирь во внутренний, хотя и периферийный, регион, Российская империя, а затем и СССР, после своего крушения сохранили во многом благодаря этому для новой России статус великой державы, гарантировали ей запас экономической прочности и уверенность в территориальной целостности.

¹ Горюшкин Л.М. Место Сибири в составе России в период капитализма // Исторический опыт освоения Сибири. Новосибирск, 1986. С. 37-50.

² Горюшкин Л.М. Областники о хозяйственной самостоятельности Сибири во второй половине XIX-начале XX вв. // Известия СО РАН. 1990. № 2. С. 37-44; Он же. Место Сибири в жизни России и мировом развитии во второй половине XIX - начале XX в. (К постановке вопроса) // Гуманитарные науки в Сибири. 1995. № 2. С. 3-10.

³ Ламин В.А., Резун Д.Я. Метаморфозы фронта в истории Сибири, Северной Америки и Австралии (к постановке проблемы) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 22.

⁴ Бродель Ф. Время мира. М., 1992. С. 18, 48, 49.

⁵ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 135, 147.

⁶ Подробнее см.: Ремнев А.В. Региональные параметры имперской "географии власти" (Сибирь и Дальний Восток) // Ab Imperio. 2000. № 3-4. С. 343-358.

⁷ Хечтер М. Внутренний колониализм // Этнос и политика. М., 2000. С. 210.

⁸ [Милютин Б.А.] Значение истекающего 1875 г. для Сибири и сопредельных ей стран // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. СПб., 1875-1876. Т. 1. С. 57.

- ⁹ Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск, 1999. С. 103.
- ¹⁰ Ливен Д. Русская, имперская и советская идентичность // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999. С. 299.
- ¹¹ Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. М., 1948. С. 351.
- ¹² Записки Ф.Ф. Вигеля. М., 1892. Ч. II. С. 196, 197.
- ¹³ См.: Мирзоев В.Г. Историография Сибири. М., 1970. С. 139.
- ¹⁴ Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990. С. 173.
- ¹⁵ Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1993. Т. 1. С. 488.
- ¹⁶ Семенов П.П. Значение России в колонизационном движении европейских народов // Известия РГО. 1892. Т. XXVIII. Вып. IV. С. 354.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 711. Л. 41.
- ¹⁸ Горизонтов Л.Е. "Большая русская нация" в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 130.
- ¹⁹ Куломзин А.Н. Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 204. Л. 107; Д. 202. Л. 37.
- ²⁰ Кривошеин К.А. Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. М., 1993. С. 131.
- ²¹ Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1909. Т. II. С. 480.

Л.М. Дамешек (Иркутск)

"СИБИРСКИЕ ИНОРОДЦЫ" В ИМПЕРСКОЙ СТРАТЕГИИ ВЛАСТИ XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.

Имперский механизм законодательства в России стал складываться со времен Петра Великого. В сквозную систему преобразований возникавшей империи вполне вписывалась губернская реформа, призванная, в первую очередь, способствовать усилению местной власти. Узаконения 30-х гг. XVIII в. дали территориям России, в том числе и Сибири, единообразное устройство, что вполне вписывалось в концепцию тотального государства, созданного Петром. Его господство приобрело всеобщий характер, и невозможно представить какую-либо категорию населения империи, жизнь которой не подверглась бы жесткой регламентации. Не являлась исключением и Сибирь.

Первые попытки проникновения русских в Сибирь носили откровенно меркантильный характер. Этими же соображениями правительство руководствовалось при выстраивании взаимоотношений с аборигенами края, основную задачу которых московские цари видели в уплате ясака натурой. Именно финансовые соображения определяли позиции центральной власти в вопросах землепользования аборигенов. Первые правительственные указы требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли.

Однако интересы российского государства определялись не только чисто экономическими, но и политическими соображениями, связанными, прежде всего, с потребностями укрепления позиций российской государственности на Востоке. Периферийная и практически никем не обжитая Сибирь оказалась на перекрестке столкновения стратегических интересов России и государств Центральной Азии. В решении стратегической задачи укрепления Сибири за Российским государством московские, а затем петербургские Романовы аборигенному фактору изначально отводили немаловажную роль.

В русской экспансии в Сибирь, в отличие от европейских стран — Англии, Франции, Голландии, Испании, — аборигенный, демографический, территориальный факторы играли совершенно иную роль. Они не создавали у русского сибиряка состояние психологически-национального одиночества и дискомфорта. Именно поэтому в Сибири русская и аборигенная цивилизация не просто существовали и развивались параллельно, как, скажем, европейцы и индейцы на атлантическом побережье США, а как проникали, входили друг в друга. В Сибири русский человек отнюдь не ощущал себя за рубежом или за границей и домой в "Расею" вовсе стремился. (Д.Я. Резун), а Уральские горы, в отличие от Атлантического океана, не были пограничным рубежом и не создавали у русских сибиряков чувство оторванности от исторической родины. Именно эти особенности русской колонизации Сибири и определяли механизм разработки законодательства о коренных народах, что отчетливо прослеживается в протяжении XVIII–XIX вв. Несмотря на имевшие место изменения, в протяжении всего рассматриваемого периода стержневой линией законодательства является стремление глубже вовлечь народы Сибири в орбиту общероссийских административных, хозяйственных и иных связей. В то же время власти отчетливо сознавали абсурдность идеи полного подчинения аборигенов действию общероссийского законодательства.

Сочетание этих двух тенденций имперской политики породило первые зачатки будущей модели административного устройства и управления аборигенами в виде указов графа С.Л. Владиславича-Радзвильского пограничным дозорщикам Фирсову и Михалеву от 22 июля 1728 г. и сенатской инструкции, данной за "высочайшим подписанием", лейб-гвардии Семеновского полка секунд-майору Щербачеву в 1763 г. Обе инструкции формально ограничивали вмешательство русской администрации в внутриродовые дела народов Сибири, предоставляли значительную самостоятельность родовым властям.

В июне 1822 г. Александр I утвердил одобренный Сибирскими комитетами "Устав об управлении инородцев" — самый значимый законодательный акт правительства в отношении народов Сибири, действовавший без существенных изменений до конца XIX в. Устав, как все Сибирские

конодательство М.М. Сперанского, был разработан на основе стремления учесть геополитические, этнические и иные особенности азиатской России. По сути дела это был первый опыт комплексного регионального законодательства в России. Само его появление свидетельствует об известной гибкости внутривластного правительственного курса, понимании отличной от европейской России пространственной и геополитической ситуации на окраинах империи, особой роли государства и его институтов в организации и регулировании жизни подвластного населения.

Центральной проблемой правительственного курса в последующие десятилетия стала выработка механизма, позволяющего сочетать большую местную специфику с четко обозначившимися имперскими тенденциями внутренней политики эпохи Николая I. Определенный намек на это можно наблюдать на примере попыток кодификации норм обычного права, предусмотренной Уставом, но так и не осуществленной под предлогом возможного полного подчинения аборигенов действию "общих законов" империи.

В пореформенную эпоху эта тенденция усиливается. Правительственные мероприятия в крае мало соответствовали духу либеральных реформ Александра II. Объясняется это прежде всего тем, что этапы административной политики самодержавия в Сибири не совпадают с общепринятой периодизацией внутренней политики в масштабах всей России. Увязать периодизацию региональных управленческих процессов с общеперскими намерениями центральных властей невозможно (А.В. Ремнев).

На азиатских окраинах России эта политика, при несомненной связи с общероссийскими процессами, имела свою логику развития. Существенное влияние на нее оказывал и личностный фактор. Таких крупных фигур, как М.М. Сперанский и Н.Н. Муравьев-Амурский, среди сибирских губернаторов больше не нашлось. Ни одна из задуманных и периодически осуществляемых применительно к народам Сибири реформ не была проведена комплексно и последовательно. Правительство Александра III от эпохи реформаторов получило в наследство целый ворох незавершенных и весьма противоречивых проектов, что существенно тормозило выработку собственной концепции.

В абсолютной монархии конца XIX в. важнейшим и бесспорно имперским по своей сути законом в отношении сибирских "инородцев" (термин М.М. Сперанского) стал указ от 8 июля 1898 г., введший институт крестьянских и "инородческих" начальников. Это закон в своей основе имел известное положение от 12 июля 1889 г. о земских начальниках европейской России, однако права крестьянских начальников относительно контроля за управлением "инородцев" по сравнению с правами земских начальников в

отношении крестьян были существенно расширены. Новый закон по-своему отражал определенные изменения в характере социально-экономических отношений у народов Сибири, связанные с разложением патриархально-феодальных и развитием капиталистических отношений, однако обща консервативно-охранительная направленность закона несомненна. Этот вывод подтверждается наблюдением за ходом проведения реформы. Ни должностях крестьянских начальников центральные власти желали видеть исключительно дворян, сдавших к тому же соответствующие экзамены. Однако по мере проведения реформы довольно быстро выяснилось, что найти "потребное" для Сибири количество дворян просто невозможно. Формулярные списки новых чиновников свидетельствуют о том, что в губерниях Западной Сибири 35,5 % крестьянских и "иностранческих" начальников были выходцами из сословия разночинцев. Далее на восток эти показатели были еще "хуже". В Енисейской губернии выходцами из разночинцев являлись 68 % крестьянских начальников, в Иркутской губернии — 65 % в самой дальней Забайкальской области — 96 % соответственно. Высшее образование в губерниях Западной Сибири имели примерно третья часть вновь назначенных чиновников, в Восточной Сибири — около половины. Многочисленные мероприятия по "улучшению качественного" состава крестьянских начальников не принесли желаемых правительству результатов, зато резко возросло неприятие сельским населением этого имперского института власти, что и вызвало его незамедлительное упразднение после падения монархии и в феврале 1917 г.

Стратегия власти в "иностранческом вопросе" в начале XX в. определялось четко выраженным стремлением правительства "приравнять" аборигенов к сословию русских крестьян-переселенцев и подчинить их действиям общероссийского законодательства. На это были направлены как чисто экономические, так и административные мероприятия, связанные с массовым перечислением кочевников в категорию оседлых, введением новых податных обязанностей, паспортного режима, привлечением их к ограниченному отбыванию воинской повинности.

П.Л. Казарян (Якутск)

Л.М. ГОРЮШКИН И ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ ССЫЛКИ В СИБИРИ

История сибирской ссылки не только является одной из крупных тем познания региона, но ее наличие обуславливало получение объективной картины исторического прошлого Сибири. Неудивительно, что эта тематика постоянно находилась в поле зрения одного из крупных историков и организаторов исторических исследований в российской и сибирской науке Л.М. Горюшкина. Его деятельность в изучении истории ссылки в Сибири

ловно можно разбить на три сферы: историография, научно-организаторская работа, теоретические проблемы истории ссылки.

В монографии, посвященной историографии Сибири со времен ее присоединения до начала XX в., он рассматривает ссылку в Сибирь в контексте ее заселения и экономического освоения¹. Подобный научный прием оправдан тем, что общественно-политическая жизнь в Сибири, в том числе и карательная политика царизма и ее последствия в крае, трактовались как составная часть общей истории Сибири. Таким образом, комплексный подход к научному освещению истории региона рассматривался одновременно и как освещение отдельных ее проблем, включая и историю ссылки.

О широком интересе ученого к истории как ссылки в целом, так и политической ссылки, в частности, говорит и то, что его научные изыскания не ограничивались только лишь отечественной литературой. Свидетельство того — его труд, посвященный историографическому анализу работ английских и американских историков 50–80-х гг. XX в., по истории политической ссылки в Сибири в XIX — начале XX в.²

Велика роль Л.М. Горюшкина в научно-организационном обеспечении исследования истории сибирской ссылки. С середины 70-х гг. XX в. Новосибирск наряду с такими общепризнанными центрами, как Иркутск, Томск, Омск, Красноярск, Якутск, под его научным руководством стал одним из ведущих центров изучения истории сибирской ссылки. Он был ответственным редактором ряда сборников научных трудов, посвященных общим проблемам истории ссылки и каторги, значению ссылки в общественно-политической жизни Сибири в XVIII — начале XX в.³, ссылке декабристов в Сибири⁴, вопросам историографии и источниковедения политической ссылки в Сибири⁵, якутской политической ссылке⁶.

Научные и теоретические взгляды Л.М. Горюшкина на проблему истории ссылки в Сибири в целом и политической ссылки в частности можно проследить по предисловиям к сборникам, изданным под его научным руководством, и по специальной работе, посвященной координации усилий научного сообщества в исследовании темы политической ссылки в Сибири⁷.

Конечно, на формировании мировоззрения Л.М. Горюшкина как исследователя своей эпохи оставил свой отпечаток классовый подход к изучению истории. Исходя из марксистско-ленинских идеологических установок, он, тем не менее, был чутким к новым методологическим и методическим подходам коллег к изучению истории политической ссылки. Так, например, оценивая наши труды, он в 1998 г. писал: "П.Л. Казарян вносит существенный вклад в историческую науку: предлагает новую периодизацию, в основу которой положены не общие этапы истории России, а внутренние закономерности истории самой политической ссылки"⁸.

Не теряют своей актуальности сформированные Л.М. Горюшкиным на первом симпозиуме по истории политической ссылки в Сибири (Новосибирск, октябрь 1982 г.) задачи и пути координации научного потенциала Сибири. А его мысли о том, что "залог успеха – в объединении творческих усилий ученых академических институтов, и высших учебных заведений, работников архивных учреждений, музеев и библиотек активистов Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры", и спустя двадцать лет остается ориентиром для совместных научных поисков³.

Оценивая вклад Л.М. Горюшкина в изучение истории ссылки в Сибири необходимо отметить как его выдающуюся организаторскую роль, так и его конкретно-исследовательские поиски. Сформированные им цели, задачи и пути активизации научных исследований по истории политической ссылки Сибири не только выдержали экзамен временем, но и во многом сохранили свою актуальность и на старте XXI века. В этом еще одна непреходящая роль Л.М. Горюшкина в российской исторической науке XX века.

¹ Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1984.

² Горюшкин Л.М., Дергачев А.Ю. Современные буржуазные англо-американские историки о политической ссылке в Сибири в XIX – начале XX в. // Политическая ссылка в Сибири. XIX – начало XX в. Новосибирск, 1987. С. 74–86.

³ Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1973. 304 с.; Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в. Новосибирск: Наука, 1978. 332 с.

⁴ Ссылные декабристы в Сибири. Новосибирск, 1985.

⁵ Политическая ссылка в Сибири. XIX – начало XX в. Историография и источники. Новосибирск, 1987.

⁶ Якутская политическая ссылка (XIX – начало XX в.). Якутск: ЯНЦ СО АН СССР, 1989.

⁷ Горюшкин Л.М. Вопросы координации исследования политической ссылки Сибири // Ссылные декабристы в Сибири. Новосибирск, 1985. С. 212–222.

⁸ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВ РАН, архив совета Д 200.31.01 по защите диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук.

⁹ См.: Горюшкин Л.М. Вопросы координации исследования политической ссылки в Сибири. С. 220.

С.А. Пайчадзе (Новосибирск)

Л.М. ГОРЮШКИН И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТА ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Видный организатор научных исследований Л.М. Горюшкин был активным сторонником изучения проблем историко-книжного характера. Не рассматривая данного многогранного вопроса в целом, автор тезисов хотел бы остановиться на том обстоятельстве, что при участии Л.М. Горюшкина сформировался коллектив специалистов для подготовки "Очерков истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока", ныне публикуемых ГПНТБ СО РАН. Леонид Михайлович стал председателем редакционной коллегии "Очерков"¹, первый том которых увидел свет в 2000 г., к сожалению, уже после смерти ученого.

Деловые контакты с Л.М. Горюшкиным (автор тезисов был его заместителем в редколлегии) показали, что эрудиция и личностные качества этого человека во многом способствовали созданию творческой обстановки, которая и обусловила процесс появления монографии, не имевшей до настоящего времени прецедента в региональной, да и не только в региональной практике.

Издание стало первой частью материалов книговедческих исследований, посвященных созданию общей картины развития книжной культуры в азиатской части страны – с момента возникновения здесь книгопечатания и вплоть до событий современности. В издании воссоздается история книгопечатания и книгораспространения в регионе (организация работы издательств, системы книжной торговли и библиотечного дела), чтения и восприятия населением произведений печати. Выявляется (во многом реконструируется) роль книги в политической, культурной и экономической жизни на русской территории за Уралом.

Том, который готовился к печати в бытность Л.М. Горюшкина председателем редколлегии, вызвал, что следует отметить, положительные отклики в прессе. В научных изданиях, в т.ч. центральных, было за 2001–2002 гг. шесть рецензий, отмечающих ряд достоинств этой работы.

Социально-политические процессы, оказавшие серьезное влияние на становление и эволюцию книжной культуры обширного края, рассматривались коллективом авторов, как уже указывалось выше, сформировавшимся еще при жизни Л.М. Горюшкина. Но их деятельность имела место не только при анализе материалов т. 1 – с конца XVIII до конца XIX столетия. Следующий том "Очерков", напечатанный в 2001 г., был посвящен весьма важному этапу в жизни государства – свершениям 1895–1917 гг., периоду, когда регион вносил значимый вклад в становление индустриального общества в России.

Второй том "Очерков истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока" объединил эмпирические и теоретические материалы, сведения к теме из имеющихся работ различной проблематики. Но главным образом он основан на анализе архивных документов, не утративших и ныне свою ценность. Такой труд был создан впервые. Том показывает общую картину состояния книжной культуры в регионе в сложнейшие моменты отечественной истории. Многим страницам, составившим вторую часть "Очерков", присущи новые черты, а издание это позволило обобщить материалы о судьбе книги в Сибири и на Дальнем Востоке в дооктябрьскую эпоху.

Материалы тома повествуют о динамизме местного книгоиздания и книгораспространения, о процессе использования в некогда глухих районах края издательской продукции — закономерном следствии обустройства территории региона русскими людьми, доказательстве роста ее экономического и культурного потенциала. В начале XX в. социальная значимость книги возрастала. Анализ ситуации того времени позволял утверждать, что до 1917 г. можно говорить об адекватном отражении в изданиях различной тематики всех процессов, имевших место в русском обществе, и о том, что даже в современных условиях продукция типографского станка времен, казалось бы, давно минувших остается важнейшим свидетелем материальных и духовных свершений огромного края. Многочисленные факты убеждают, что города провинции были центрами развития книжного дела, динамизм и масштабы которого, особенно в начале прошлого века, возрастали, демонстрируя тем самым поступательное движение цивилизации и рост интеллектуального потенциала жителей российской периферии.

На современном этапе историко-книжных изысканий, когда активизируются исследования регионального книжного дела, возникает региональная ветвь изучения его истории, дающая реальные результаты. Закономерность этого относительно нового явления обусловлена не только стремлением к анализу провинциальных социально-экономических проблем, но и самим комплексным характером книги, необходимостью максимально полно изучить данный феномен материальной и духовной культуры в историческом, географическом и иных аспектах.

Изучение проблем регионального книжного дела является важной составной частью современных научных исследований и продолжает расширяться и углубляться, становясь необходимым звеном исторических изысканий в области культуры. В лаборатории книговедения ГПНТБ (ИРЛИ) РАН ведется работа над тремя последующими томами проекта "Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока"². При подготовке материалов очередных разделов этой коллективной монографии к выходу свет примером для авторов остается творческое отношение чле-

корреспондента РАН Л.М. Горюшкина к исследовательской деятельности и его стремление изучать многоаспектные проблемы прошлого и современности во имя интересов науки России.

¹ Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2000. Т. 1. С. 2.

² Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2001. Т. 2. С. 3.

Н.П. Матханова (Новосибирск)

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В УПРАВЛЕНИИ В СИБИРИ XIX ВЕКА

В последнее время "женская тема", история женщин стала одной из наиболее активно разрабатываемых не только в зарубежной, но и в отечественной историографии. Однако "социальная активность женщин рассматривалась в рамках принятых стереотипов – то есть прямого участия... в общественной жизни, их борьбы за равенство прав"¹. "Неявные формы участия" в социально-политической жизни, во всяком случае, применительно к провинции, до сих пор не изучались². Источники позволяют исследовать некоторые формы участия женщин в управлении в Сибири даже в первой половине XIX в.

Супруги провинциальных администраторов высокого ранга имели определенный официальный статус и должны были выполнять соответствующие функции. Они возглавляли комитеты местных благотворительных обществ, председательствовали в попечительских советах детских приютов, некоторых женских учебных заведений. Наряду с этим, обычай налагал на них и дополнительные обязанности: руководить светской жизнью местного общества, быть посаженными матерями на свадьбах и крестными матерями детей ближайших подчиненных мужей.

Особую роль играли эти женщины на отдаленных окраинах, в зоне фронта. Здесь от них зависела организация не только досуга, но и быта многих подчиненных. Жены начальников Камчатки Л.И. Рикорд, Ю.Б. Завойко, как и жена начальника Амурской экспедиции Е.И. Невельская, лечили, учили, заботились о питании не только своей семьи, но и молодых офицеров и чиновников.

Уже в первой половине XIX века в Сибири появились женщины, имевшие собственный, не по мужу или отцу, официальный статус – это начальницы и преподавательницы женских учебных заведений. Общеизвестно было высокое положение директрис Девичьего института Восточной Сибири, весьма самостоятельно управлявших институтом. Мемуары показывают, что и начальницы, и классные дамы имели возможность косвенно влиять и на

родителей учащихся. От них часто зависел прием девочек в институт, право их получить отпуск в родительский дом, не говоря уже о положении учениц в самом учебном заведении. Все это косвенно влияло на статус отцов в неформальной иерархии.

Большое влияние на представителей местной власти имели как жены местных начальствующих лиц, так и женщины, находившиеся с этим важными лицами в неформальных близких отношениях. В мемуарах жандармских донесениях, переписке современников рассыпано множество свидетельств о вмешательстве жен и любовниц чиновников в управленческую деятельность мужей. С.И. Черепанов вспоминал: "Вскресинскую кутерьму производила "Трещиха", как называли по-сибирски жену Трескина"³. Начальник сибирского жандармского округа Н.Я. Фалкенберг доносил, что супруга иркутского губернатора А.Н. Евсеева "мешается в управление губернией столь заметно, что весьма многие скорее прибегают под ее покровительство с верным успехом"⁴. (генеральше А.Р. Шрамм, под чье влияние подпал генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков, современник писал: "...всякие дела, начиная с подрядов и поставок, назначений и перемещений и командировок и конча взысканиями, следствиями и судом, имели в ней примирительницу, предстательницу, и редко когда ходатайство ее оставалось без последствий" Современники единодушно отмечали благоприятное влияние жен Н.Н. Муравьева-Амурского, умевшей сгладить вспыльчивость и резкость грозного генерал-губернатора Восточной Сибири. Омский жандарм доносил, что местное общество находится под гнетом госпожи Дюгамель, супруги генерал-губернатора, и многие получают должности благодаря угождению ей⁶.

Важнейшую роль играли женщины в светской жизни, а это были и только балы и праздники, но и любительские спектакли, вечера, салоны. Важнейшей отличительной чертой салона была, как известно, оживленная беседа. Предметом беседы были литературные произведения, политические события, происшествия и новости местной жизни. Хозяйка и посетительницы салона оказывали немалое влияние на общественное мнение высших слоев общества. В Сибири в него входили чиновники и офицеры высокого (формальной и неформальной иерархии) ранга, некоторые наиболее богатые образованные купцы и предприниматели.

Степень влияния женщин в этом случае определялась не только положением мужей, но и индивидуальными качествами самой женщины — собственными родственными связями, знакомствами, образованность, владением искусством беседы, прочими светскими талантами, ее красотой, обаянием. Среди других представительниц местного света заметными выделялись жены декабристов. По праву происхождения декабрист

принадлежали именно к свету и сохраняли за собой это право и в Сибири – во всяком случае, после выхода мужей на поселение.

Как свидетельствуют современники, беседы в сибирских салонах нередко касались кадровых вопросов – назначений, перемещений по службе, наград и наказаний. Обсуждались и иные темы, относившиеся к управлению, – назывались имена взяточников и казнокрадов, вырабатывалось отношение к ним общества. В Восточной Сибири в 1850-е гг. в салонах начальницы Сиропитательного дома Е.П. Ротчевой, жены декабриста М.Н. Волконской, супруги генерал-губернатора Е.Н. Муравьевой говорили и о начавшемся движении по Амуру.

Но влияние женщин проявлялось не столько в выработке общественного мнения по тем или иным конкретным вопросам управления. Гораздо важнее была их роль в формировании общепринятых норм поведения, в том числе и служебного, господствующей системы ценностей, которые, в свою очередь, сказывались в административной деятельности чиновников и офицеров, принимавших эти нормы и ценности или приспособлявавшихся к ним.

¹ Пушкарёва Н.Л. Русская женщина: история и современность. 1800-2000.

Материалы к библиографии. М., 2002. С. 40.

² Там же. С. 62.

³ Отрывки из воспоминаний С.И. Черепанова, напечатанные в "Древней и Новой России" 1876 г. Казань, 1879. С. 73.

⁴ ГАРФ. Ф. 109. 1-я эксп. Оп. 1838 г. Д. "Д". Л. 106.

⁵ Мартыанов П. На переломе века. (Отрывки из старой записной книжки) // Исторический вестник. 1895. № 11. С. 437. Цит. по: Очерки истории г. Омска. Дореволюционный Омск. Омск, 1997. Ч. 1. С. 58.

⁶ ГАРФ. Ф. 109. 1-я эксп. Оп. 1863 г. Д. 280. Л. 5, 9 об.

И.Л. Дамешек (Иркутск)

ДЕФИНИЦИЯ "ОКРАИНА": ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

В творчестве Л.М. Горюшкина немалое внимание уделено проблеме окраин. Будучи человеком своего времени, он исходил из ленинского определения, в соответствии с которым окраинами признавались "незаселенные, или не вполне заселенные, не вполне вовлеченные в земледельческую культуру земли"¹. Основываясь на этом определении, Леонид Михайлович отнес Сибирь к окраинам России конца XIX в. В то же время он высказал суждение о том, что "отнесение к окраинам ... уже заселенных и вовлеченных в "земледельческую культуру"... Царства Польского ... начала XIX в. представляется сомнительным"².

Следует отметить, что понятие "окраина" давно присутствует в российской административной практике, однако внутреннее содержание его менялось. Изначально подразумевалась как бы его историчность. В XI–XII вв. новгородская знать, включавшая Югорскую землю в Зауралье в состав Великого Новгорода, подразумевала под ней прежде всего пограничную территорию, трактуя ее как границу между Новгородом и иным государством³. Между тем по мере усиления борьбы Московской Руси с монголо-татарским игом московские власти начинают вкладывать в понятие "окраина" не только географический, но и известный политический акцент. В XV–XVI вв. правительства Ивана III и Василия III рассматривали окраинную "Сибирскую землю" как вновь установленную границу между русским государством и Сибирским ханством⁴. Первое же официальное употребление термина "окраина" относится к эпохе Ивана Грозного, который в 1582 своим указом предписывал ссылать преступников в "украинные город Севск, Курск и другие"⁵. С учетом того обстоятельства, что засечная черта на юге России стала складываться только в XVII в., становится ясным, что тот период Курск действительно находился "у края" государства, являлся его границей, рубежом между Россией и многочисленными ордами еще не покоренных кочевников.

Современная российская историография постепенно отходит от ленинского определения окраин, а все больше оперирует понятием "фронтир"⁶. Концепция определяющего влияния фактора границы, рубежа истории появилась к концу XIX в. в США. Сегодняшние ученые вкладывают в нее различное содержание, трактуя подчас как границу между заселенными и незаселенными территориями, "место встречи дикости и цивилизации и т. д.

В современных исследованиях концепция "фронтира" широко используется для изучения различного круга проблем по истории внешней политики (фактор "новых рубежей"), истории города и т. д.⁷ Теория "фронтира" пытаются развивать, выявляя общие и особенные черты процесса освоения Североамериканского континента и Сибири. Действительно, в ходе освоения США и Сибири проявилось немало общих закономерностей в сфере как экономики, так и менталитета человека.

Однако история освоения окраин в Российской империи вовсе не сводится к проблемам земледельческой колонизации, колониальной эксплуатации. истории России немаловажное значение играл и процесс интеграции окраинных земель в единое административное пространство общероссийский хозяйственный механизм. Поэтому представляется, что высказанные в литературе суждения об окраинах должны быть в теоретическом плане дополнены понятием "центр – периферия". Ознакомление с конкретной стороной взаимоотношений центра и периферией свидетельствует о том, что в каждом отдельном случае на

признаков, попадающих под понятие "периферия", был сугубо индивидуален. Это замечание относится не только к Российской империи, но и к другим национальным государствам. Таким образом, подчеркнем, что "окраина" – понятие не только экономическое, политическое, но и географическое; это исторически сложившееся пространство, которое может иметь отличное от центра, иных периферийных территорий административное устройство, особенности в экономическом развитии, этническом составе населения, его менталитете и т. д.

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 3. С. 565.

² Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 73.

³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л., 1949. С. 9; Памятники русского права. Вып. 2. М., 1953, С. 136–139.

⁴ Устюжский летописный свод. М.–Л., 1954. С. 94.

⁵ Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900. С. 1.

⁶ Агеев А.Д. Американский "фронт" и сибирский "рубеж" как факторы цивилизованного разлома. // Американский и Сибирский фронт. Материалы международной научной конференции 4–6 октября 1996г. Томск, 1996. С. 30–36; Ламин В.А., Резун Д.Я. Предисловие. // Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001. С. 3.

⁷ Томас М. Барретт. Линии неопределенности: северокавказский "фронт" России. // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара, 2000. С. 165; Резун Д.Я. Сибирский и американский город на фронте // Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В. Фронт в истории... С. 24–29.

⁸ Агеев А.Д. Движение России на Восток и США на Запад: сходства и оппозиции (методологический аспект). // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Доклады Второй международной научно-практической конференции 11–14 августа 1997 г. Книга вторая. Москва – Иркутск – Гзу, 1997. С. 18–23. С иной точки зрения эту проблему рассматривает Д.Я.Резун, см.: О некоторых моментах осмысления значения фронта Сибири и Америки в современной отечественной историографии // Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В. Фронт в истории... С. 29–54; Ламин В.А. Золотой генератор фронта. // Там же. С. 65–97; Шиловский М.В. Оценка опыта колонизации Сибири и США в отечественной общественно-политической мысли XIX в. // Там же. С. 97–113.

⁹ Ремнев А.В. Административная политика самодержавия в Сибири в XIX – начале XX веков. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 1997. С. 12; Эмар М. Категории "центр" и "периферия" в историографии XX в. // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999. С. 69; Ливен Д. Россия как империя: сравнительная перспектива. // Там же. С. 273.

В.Е. Зубов (Новосибирск)

ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Господствующий класс России к середине XIX в. отличала известная сложность состава, связанная не только с его делением на личных и потомственных дворян, но и со способами получения дворянства, среди которых одним из главных стала государственная служба. Появление новых направлений деятельности государства приводило на протяжении XVIII – XIX вв. к постоянному расширению сферы государственной службы. В нее включались новые виды – академическая, горная, медицинская и др. В связи с этим повышались требования, предъявляемые к квалификации государственных служащих, усиливалась потребность в специалистах. Тем не менее, на протяжении всего XIX в. фактор сословного происхождения продолжал играть определенную роль, законодательно закрепляя поступление на государственную службу "по праву происхождения". В 30-е гг. XIX в. таким правом, помимо потомственных дворян и их детей, располагали дети личных дворян, священнослужителей и диаконов православного и греко-униатского вероисповедания, протестантских пасторов и купцов первой гильдии, ученых и художников без чинов. Дети детей приказнослужителей (канцелярских служащих без чинов) государственная служба являлась наследственной обязанностью, и запрещалось заниматься другими видами деятельности. В соответствующей сфере гражданской службы разрешалось поступать детям придворных служителей, мастеров и подмастерьев фабрик и заводов, подведомственного кабинету и департаменту уделов¹. Однако уже в это время на службу можно было поступать вне зависимости от происхождения, на основе полученного образования².

Несмотря на то, что дворянство сохраняло определенные преимущества, количество выходцев из других социальных групп в составе государственных служащих постоянно росло, особенно во второй половине XIX в., в связи происходившими изменениями структуры самой государственной службы.

Некоторое представление о социальном составе гражданских служащих в конце XIX в. можно получить на основе данных, собранных инспекторским отделом с.е.и.в. канцелярии за девять месяцев, начиная с 1 ноября 1894 г. до 1 июля 1895 г. Как отмечал управляющий собственной е.и.в. канцелярии А.С. Танеев, данный период представляет особый интерес, поскольку в это время Комитет о службе и собственная е.и.в. канцелярия особо внимательно отслеживали процесс поступления на гражданскую службу и строились на исполнении существовавших в этой сфере законов³.

В отмеченный период на службу по всем ведомствам определились 4 человека⁴. Из них 2 476 (59,9 %) поступали по праву происхождения

Оставшиеся 1 656 чел. (чуть больше 40 %) не имели такого права. К ним, в частности, относились почетные граждане, купцы (за исключением 1 гильдии), мещане, сельские обыватели, инородцы, иностранцы, евреи. Тем не менее, представители этих социальных групп имели возможность поступать на службу на основе полученного высшего образования, либо поступив в "особые роды службы", замещаемые без учета сословного происхождения, или на службу в отдаленные местности, где влияние сословного фактора также было менее заметным. Наибольшее число лиц, не имеющих соответствующего происхождения, поступило на службу по ведомству министерства внутренних дел (850 человек), по министерству финансов (200 чел.), по министерству юстиции (160 чел.) и министерству народного просвещения (159 чел.).

Рассматривая социальный состав служащих, не имеющих права поступления по праву происхождения, можно отметить, что из этих 1 656 человек 82,6 % составляли мещане, сельские обыватели и инородцы. Представители купечества (кроме купцов 1-й гильдии) составляли 6,7 %, почетные граждане – 9,1 %. Среди этих категорий служащих насчитывалось 452 человека с высшим образованием (27,3 % от всех служащих, не имеющих соответствующего происхождения), тогда как среди лиц, поступивших на службу по праву происхождения, служащих с высшим образованием насчитывалось 828 человек (33,4 %). Фактор образования активно использовали практически все категории населения, не имеющие права поступления на государственную службу по происхождению, за исключением иностранцев. Даже среди 21 еврея, ставшего в это время госслужащим, 14 поступили как лица, имеющие высшее образование. При этом нужно учитывать, что им не только запрещалось поступление на службу, но и ограничивались возможности получения высшего образования.

В группе лиц, имеющих высшее образование и поступивших на государственную службу по праву происхождения, больше всего дворян – 547 человек, или 66 % всех лиц, имеющих высшее образование в данной группе.

Сохраняющийся высокий уровень потребности в кадрах для государственных учреждений требовал изменения самого характера государственной службы, полного отказа от критерия происхождения при приеме на службу. Частичные шаги в этом направлении предпринимались на протяжении всего XIX в., но кардинальное решение проблемы блокировалось верхушкой господствующего класса, занимавшей ключевые посты в руководстве страной. Способом решения противоречия между стремлением сохранить привилегированный характер государственной службы и необходимостью привлечения новых работников стала практика замещения должностей по вольному найму и установления для отдельных государственных ведомств особого порядка замещения мест (судебное

ведомство, министерство финансов), при котором не учитывалось наличие соответствующих чинов и происхождения при занятии должностей до V класса включительно⁵. В конце XIX в. разрешалось также поступление на службу женщин, правда, с существенными ограничениями⁶.

Попытки узаконить новую систему организации государственной службы, предусматривавшие введение должностной иерархии вместо чиновной и разделение службы на классную и неклассную, предпринятые при разработке нового устава о службе гражданской, не дали результатов. В итоге, несмотря на объективную тенденцию демократизации государственной службы, проводимые правительством мероприятия имели целью сохранение и даже усиление привилегированного характера ее за счет исключения из состава государственных служащих лиц, занимающих низшие должности, причем в разрабатываемых в конце XIX в. проектах вводились прямые ограничения на право получения высших чинов лицами не имеющими соответствующего сословного статуса.

¹ Свод законов Российской империи. Свод учреждений государственных и губернских.. СПб., 1832. Ч. 3. Устав о службе гражданской. Ст. 3.

² Образованию, как показателю подготовленности государственных служащих уделялось настолько большое внимание, что по предложению М. Сперанского в 1809 г. устанавливался специальный образовательный ценз как условие для производства в чины VIII и V классов. Производимые в эти ранги служащие должны были представить свидетельство об окончании университета или же сдать экзамен по специально разработанной программе.

³ РГИА. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 1. Ч. 2.. Л. 920–920 об.

⁴ Подсчитано по: РГИА. Ф. 1200. Оп. 1, Прил. 2. Л. 120–121 об.

⁵ Там же. Оп. 1 (т. XVI). Д. 14. Т. 2. Л. 43.

⁶ В частности, в ст. 1402 (Собрание узаконений за 1900 г. № 63) отмечалось:

Гос. император повелеть соизволил:

1. допустить лиц женского пола... исключительно вольному найму в центральных управлениях министерства юстиции и местных учреждений данного ведомства, а также в канцелярии Правительствующего Сената и в установлениях к Сенату принадлежащих без предоставления прав и преимуществ государственной службы и права на занятие штатных должностей.

2. Министру юстиции определить, в каких местах и в каком числе они могут быть допущены.

Т. Д. Крылова (Новосибирск)

ПРИЧИНЫ ПОБЕГОВ ССЫЛЬНЫХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. В СИБИРИ

Изучая историю Сибири, непременно столкнешься с проблемой ссылки. Ее целью было оздоровление российского общества. Ссылка должна была решить несколько задач: 1. наказание за преступление; 2. исправление преступника; 3. профилактика преступлений; 4. заселение сибирского края. Однако подобная мера наказания вызывала жалобы жителей Сибири и прошения о прекращении ссылки¹. Связано это было с ухудшением криминальной обстановки: огромное количество беглых ссыльных своими преступлениями наводили ужас на местное население. Проблема побегов затрагивалась в крупных исследованиях по изучению ссылки и каторги С. Максимова, Н. Ядринцева. В них описываются различные случаи, указываются некоторые причины. С юридической точки зрения на этот вопрос попытался ответить К. Анциферов. Большой интерес вызывают доклады должностных лиц, в которых не только указываются причины, но и даются отчеты о том, что сделано для устранения данного явления. Целью нашего исследования является выявление и обобщение причин побегов ссыльных.

Побеги были настоящим бедствием, почти половина ссыльных находилась в бегах. В 1877 г. в Тобольской и Томской губерниях из 100 ссыльных 57 % находились в отлучке, из оставшихся 15 % были старыми и увечными, а 7 % нищенствовали. В 1877 г. это количество уменьшилось, но все же оставалось на высоком уровне – 45,2 %. Для того, чтобы бороться с этим явлением, нужно было выявить причины и устранить их.

Генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков отмечал, что ежегодно возрастало количество преступлений; так, в 1870 г. их было 875, а в 1876 г. – уже 1 489. Но даже в рапортах указывается, что вина ссыльных относительна. В Сибири сосланные попадали в тяжелые экономические условия. На местах причисления не имелось достаточного количества рабочих мест, поэтому они вынуждены были самовольно отлучаться, заниматься кражами и мошенничеством².

В самом деле, многие ссыльные вынуждены были покидать места своей приписки. Это касалось не только крестьян, но и мещан. Михаил Петрович Пестаковский был причислен к мещанам г. Каинска в 1877 г. Он не мог найти работу, обращался в Местную мещанскую Управу, прося выдать отлучный документ, чтобы поискать работу в других местах, но ему отказали. Пестаковский бежал в г. Омск, где и сдался местным властям. В итоге его вернули в место приписки. Такой метод борьбы с побегами был закреплён законодательно. За побег могли поставить клеймо, высечь и

вернуть в место приписки, отправить в тюрьму. В любом случае наказание не сильно отличалось от того бытия, от которого бежал ссыльный.

Генерал-губернатор Казнаков выделял еще одну причину – естественное стремление вернуться на родину к родным. Один старик бежал на родину, чтобы увидеться со своими детьми перед смертью. Были ссыльные, которые сбежали неоднократно, а осенью возвращались в острог перезимовать.

Приписным бежать было легче, так как надзирателей не хватало, а ссыльные жили на частных или собственных квартирах. Однако не являлись редкостью и побеги из тюрем. Арестанты пользовались любыми возможностями. Военный губернатор Акмолинской области в своем распоряжении Омскому городскому полицейскому управлению отметил несколько случаев: двое бежали из каталажной тюрьмы, распилив потолок, другой – через выставленную раму из окна, один арестант воспользовался работой вне тюрьмы; были даже примеры побега из секретных камер³. В некоторых случаях наблюдался износ помещений. Арестанты Омской тюрьмы с легкостью вынимали кирпичи из кладки между камерами. Часто виновными были служащие: побеги происходили из-за небрежности конвоя, бездействия тюремного управления, оплошности надзирателей.

Исходя из выше сказанного, можно сделать следующие выводы. Побег арестантов и ссыльных во второй половине XIX в. в Сибири носили массовый характер. Существовало несколько их причин: естественное влечение на родину; тяжелые материальные условия проживания ссыльных; несовершенство системы наказания; слабость контроля и халатность надзирателей; склонность ссыльных к бродяжничеству и преступлениям; физический износ тюремных зданий. Некоторые из вышеуказанных причин устранить было невозможно, поэтому количество побегов практически не сокращалось.

¹ Ядринцев Н.М. Новые сведения о сибирской ссылке, сообщенные С-Петербургскому Юридическому обществу. СПб., 1882.

² Записка о состоянии ссылки в Западной Сибири Генерал-губернатора Западной Сибири генерал-адъютанта Казнакова. 1877.

³ ГАОО. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 722. Л. 1–6.

С.В. Макаrchук (Кемерово)

СЪЕЗДЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГОРОДОВ СИБИРИ: ПАРТИЙНАЯ ИНИЦИАТИВА ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Творчество Леонида Михайловича Горюшкина невозможно представить без постоянной постановки вопросов общественно-политического, партийного воздействия на все стороны сибирского бытия. Из множества

работ выделим его статью, посвящённую деятельности эсеров в сибирской ссылке в годы Первой мировой войны. Из неё следует, что даже радикальные интернационалистские группировки в эсеровской и эсдековской партиях в условиях военного времени использовали легальные возможности работы в том числе в органах городского общественного самоуправления. В частности, приводимой им резолюции совещания сибирской группы социалистов-революционеров звучит призыв к участию в легальных организациях, правда, под "коллективным контролем" нелегальных парторганизаций¹.

Л.М. Горюшкин считал, что сибирскую группу социалистов-революционеров создали эсеры-интернационалисты на совещании в Иркутске в январе 1916 г. Томский исследователь А.А. Бондаренко указывает на ошибочность сведений "чрезмерно доверившегося жандармским сведениям" Л.М. Горюшкина и называет новое место и время возникновения группы: г. Мариинск, декабрь 1915 года². Однако и его выводы, основанные на данных вышедшей почти через два года после факта события газеты "Путь народа" (Томск) не могут не вызвать сомнений. Кроме того, обнаруженные в архивах резолюции совещания, в том числе анализируемые А.А. Бондаренко, не содержат намёка на дату и место выпуска³. Воспоминания Б.Д. Маркова, на которые опирается автор, также не могут служить полноценным доказательством того, что резолюции распространялись по Сибири именно из Мариинска. Между тем жандармская документация однозначно указывает на Иркутск как место издания резолюций и появления их в Красноярске.

Вполне возможно допустить, что на роль сибирской руководящей группы вначале претендовали сразу несколько объединений эсеров-интернационалистов, в том числе колония ссыльных эсеров в с. Рыбное на Ангаре, которая также в декабре 1915 г. составила резолюцию, растиражировала её и даже отправила для публикации в газету "Знамя Труда"⁴. Впоследствии сильной Мариинской группе удалось перехватить инициативу и объявить себя сибирской группой, а затем и Сибирским союзом социалистов-революционеров. В любом случае начальная история возникновения сибирской эсеровской группы нуждается ещё в дополнительном исследовании.

Сибирские эсеры принимали участие в работе органов городского общественного самоуправления, но ведущую роль в этом деле играли всё же представители кадетской партии. 8–9 августа 1914 г. по инициативе кадетов в Москве был проведён Всероссийский съезд городов, на котором был создан Всероссийский союз городов (ВСГ). В состав комитета ВСГ вошли городские головы крупных городов. Деятельность союза высочайшим указом разрешалась лишь во время войны под флагом Красного Креста. К 1 января 1915 г. в объединение вступили и внесли свои взносы 163 города. Без денежного взноса вступили 114 городов. Среди уплативших взносы городов

восточных регионов России оказались Владивосток (40 тыс.) и Иркутск (10 тыс.)⁵. Основное ядро провинциальных отделений ВСГ составили участники бывших обществ обывателей и избирателей, работники городских самоуправлений. Постепенно союз втягивался в политическую жизнь, в частности, решительно поддержав требование "прогрессивного блока" о создании ответственного перед Государственной думой "правительства доверия"⁶.

Видную роль в создании отделения союза в Омске сыграл прибывший сюда в ноябре 1914 г. депутат IV Государственной думы от Тобольской губернии и лидер фракции трудовиков В.И. Дзюбинский. В результате проведённой агитации Омск, как и ранее посещённые им города Курган и Петропавловск, вступили в союз городов⁷.

В дальнейшем общественность Омска и его самоуправление стали инициаторами объединительного движения западносибирских городов. С 11 по 13 апреля 1915 г. в помещении городской думы Омска состоялся съезд представителей городов Западной Сибири. В президиуме съезда, кроме либеральных, представителей находился социал-демократ К.А. Попов, он же был избран секретарём съезда. Форум рассмотрел вопросы о помощи больным, раненым и их семьям; размещения военнопленных; врачебно-санитарных мероприятий. Было оформлено объединение органов городского самоуправления Западной Сибири, избран комитет. Не обошлось и без обращения к вопросам политики. На последнем заседании неожиданно была предложена резолюция о необходимости отмены правовых ограничений связанных с еврейским происхождением и иудейским вероисповеданием. Она, хотя и получила неофициальное одобрение многих делегатов, но не голосование поставлена не была, а в протокол внесена как "оглашённая"⁸.

После закрытия съезда в Омске стала выходить газета "Сибирский день" являвшаяся по сути печатным органом Омского отдела ВСГ. Всего вышли два номера. В газете, кроме либеральных авторов, сотрудничали социал-демократы А.Н. Гладышев, Ф.А. Березовский, эсер Д.И. Голенищев-Кутузов.

В том же году (точную дату установить не удалось) в Омске прошёл Второй внеочередной Западно-Сибирский съезд городов. Был заслушан доклад областного комитета, общий доклад о мерах борьбы с дороговизной, сообщение об участии городов в снаряжении армии. В работе съезда принял участие не только представители городских дум, но и участник кооперативного движения, а также служащие государственных организаций ведающих продовольственным снабжением армии. На съезде был избран комитет Западно-Сибирского областного союза городов, куда в качестве секретаря вошел К.А. Попов, вскоре заменённый другим представителем РСДРП Д.А. Лиознером. В комитет вошел также социал-демократ Н.Н. Суслов. Д.А. Лиознер и Н.Н. Суслов стали одновременно членами Омского комитета союза городов⁹. В обязанности как областного, так

городского комитетов входили организация помощи раненым, больным, устройство больниц, госпиталей, санаториев, помощь беженцам.

С целью усиления этой работы параллельно с комитетами ВСГ в Сибири возникло самостоятельное Сибирское общество подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны (Сибиртет). 28 сентября 1914 г. образовался комитет Сибиртета, в который вошли видные кадеты – С.В. Востротин, Н.В. Некрасов, Е.Л. Зубашев. В Омске отдел Сибиртета действовал в тесном взаимодействии с комитетом ВСГ. Кроме того, при комитете союза городов существовал Омский городской комитет помощи беженцам, одним из руководителей которого являлся Д.А. Лиознер¹⁰.

Осенью 1914 г. решения о присоединении к Всероссийскому союзу городов приняли городские думы Томска, Барнаула, Мариинска, Тайги, Боготола, Новониколаевска. В это же время создавшие "Сибирское общество подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны" (Сибиртет) томские кадеты развернули работу по образованию местных отделений Сибиртета в городах губернии. Член главного комитета Сибиртета Е.Л. Зубашев посетил Мариинск, Боготол, Тайгу, везде встречая "сочувствие" своей идее¹¹.

В начале 1915 г. возник Красноярский отдел Всероссийского союза городов состоящий, по мнению охранного отделения, "сплошь из левых кадетов с эсдековской окраской"¹². Социал-демократы вошли в комиссию по оказанию помощи больным и раненым воинам при городском отделе ВСГ. Относительно же бюро по оказанию помощи беженцам в одном из отчетов Енисейского ГЖУ читаем: "Среди секций названного бюро обращено внимание (социалистами. – С.М.) на школьную, по устройству детей беженцев, учителей и учительниц без занятий. В эту секцию записались почти все видные социал-демократы и некоторые из с-р"¹³.

С 15 по 19 апреля 1916 г. в Иркутске проходил Первый съезд городов Восточной Сибири, который, по характеристике жандармеров, "явился по существу конференцией местных революционных групп"¹⁴. Такую характеристику съезд заслужил во многом благодаря выступлению на нём красноярских депутатов – социал-демократов С.М. Бальбатова и А.М. Буйко. Последний, как следует из письма иркутского генерал-губернатора в департамент полиции, выступал с изложением общих лозунгов демократических масс. Но особенно политизированной оказалась речь Бальбатова, говорившего от имени демократической рабочей группы съезда и лишённого председателем слова после призыва к объединению всей демократии и прекращению войны¹⁵.

Инициаторами создания отдела Всероссийского союза городов в Иркутске стали эсеры. Ещё 8 марта 1915 г. контролируемая ими газета "Народная Сибирь" писала о работе в Петрограде съезда союза городов¹⁶. Газета доказывала необходимость создания союзов городов в Сибири и, в частности,

в Иркутске. На прошедшем вскоре организационном собрании председателем Иркутского отдела ВСГ был избран эсер Фёдоров¹⁷. По партийной принадлежности стали подбираться служащие союза городов, в частности, в департаменте полиции имелись сведения о партийной работе служащего отдела ВСГ в Иркутске эсера Худонина¹⁸.

Таким образом, умеренные социалисты, как социал-демократы, так и эсеры, наряду с либералами занимали видное место в различных городских комиссиях и союзах. Во время Первой мировой войны они участвовали в работе съездов городов Западной и Восточной Сибири, пытаясь направить их на путь преимущественно политических требований. Влияние "левых" политических партий всё больше превращало городские организации и съезды из хозяйственного придатка правительства в инструменты гражданского общества.

¹ См.: Горюшкин Л.М. Эсеры в сибирской ссылке в годы Первой мировой войны // Политическая ссылка и революционное движение в России. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск, 1988. С. 116; ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 376. Л. 29.

² Бондаренко А.А. Сибирский союз социалистов-революционеров в период Первой мировой войны. Декабрь 1915 г. – февраль 1917 г. // Проблемы истории и исторического познания. Сб. науч. статей. Томск, 2001. С. 115.

³ ГАРФ. Ф. 102. ДП.ОО. 1916 г. Ед. хр. 9ч 25лБ. Л. 20.; ГАТюмО. Ф. 239. Оп. 2. Д. 17. Л. 2–3; ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 276. Л. 29.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. ДП.ОО. 1916 г. Ед. хр. 9ч25. Л. 2.

⁵ Думова Н.Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 35.

⁶ См.: Асташов А.Б. Союзы земств и городов и помощь раненым в первую мировую войну // Отечественная история. 1992. № 6. С. 172.

⁷ Хроника общественного движения в Сибири. 1895 – февраль 1917 г. Томск, 1996. Кн.1. С. 70.

⁸ Очерки истории города Омска. Омск, 1997. Т.1. С. 264.; Омский вестник. 1915. 12 апреля.

⁹ ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 291. Л. 1–2, 9; д. 250. Л. 122, 126.

¹⁰ Там же. Д. 291. Л. 12; Д. 350. Л. 129.

¹¹ Сибирская жизнь. 1914. 16 ноября.

¹² ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 130. Л.31.

¹³ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 371. Л. 28.

¹⁴ Там же. Д. 282. Л.15.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 102, ДП.ОО. 1916 г. Ед. хр. 9ч25лБ. Л. 47.; ГАКК. Ф. 827. Оп.1. Д. 256. Л. 69.

¹⁶ Народная Сибирь. 1915. 8 марта.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 102, ДП.ОО. 1916 г. Ед. хр. 9ч27лБ. Л. 11.

¹⁸ Там же. 1917 г. Ед. хр. 9ч27лБ. Л. 7.

Г.А. Ноздрин (Новосибирск)

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СИБИРСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ*

Сибирские историки проделали значительную работу по изучению истории сибирских организаций ПРС, но ряд вопросов остается дискуссионным. Исследователи по-разному оценивают роль организаций эсеров в политической жизни края. В работах второй половины 80-х – начала 90-х гг. XX в. достаточно объективно характеризовалось состояние сибирских организаций ПСР, но в его оценке еще сказывались идеологические штампы предшествующего времени. Мы отмечали, что практика показала несостоятельность стратегии и тактики мелкобуржуазных партий¹. А.П. Толочко солидаризировался с решением Поронинского совещания ЦК РСДРП (1913 г.) о том, что "террор как средство борьбы наряду с бойкотом выборов продемонстрировал явную неспособность эсеров идти в ногу со временем и планомерно влиять на потребности общественного движения в стране"² и т.д. В середине 90-х гг. сложились более обоснованные суждения о роли социалистов-революционеров. М.В. Шиловский, не отрицая наличия кризиса в сибирских организациях ПСР, сделал вывод о концентрации сил эсеров в 1907–1917 гг. и внедрении их в легальные организации, позволившие в 1917 г. в считанные дни реанимировать ПСР³. Эту точку зрения разделяют С.В. Макачук и А.П. Толочко⁴. Несомненно, отказ от террора, социализации земель и сохранение кадров, организационно связанных лишь общей идеей, позволило ПСР завоевать популярность в 1917 г., но эти причины обусловили и нарастание центробежных сил в партии и ее саморазрушение⁵.

Острые дискуссии идут по вопросу о месте террора в деятельности партии социалистов-революционеров. Характеризуя тактику сибирских организаций ПСР в годы реакции, мы в 1986 г. сделали вывод, что "легальной думской деятельности социалисты-революционеры предпочли внепарламентские средства борьбы, а при отсутствии революционного подъема в массах главным средством борьбы стал террор"⁶. С критикой этого тезиса в 2002 г. выступил И.П. Серебrenников. Он полагает, что террор никогда не являлся самодовлеющей целью для эсеров, а в годы реакции перестал играть ту роль, которую сыграл накануне и в первые годы революции, когда многие члены разочаровались в нем. Отдельные попытки возобновления активных террористических выступлений ещё не означают, что они были главными⁷. С

* Статья выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 02-01-00344а.

такой позицией вряд ли можно согласиться. В целом террористические методы борьбы были для эсеров далеко не главными. Но на разных этапах истории партии их значение было неодинаково. Как показали исследования М.Е. Леонова, именно в годы первой российской революции, когда террор достиг апогея, он находился на втором плане⁸. Из 324 листовок, выпущенных эсерами в Сибири в 1905–1907 гг., только 28 посвящались пропаганде террора⁹. В годы реакции, по мнению Г. Аноприевой и Н. Ерофеева, первоочередной задачей партии было признано усиление боевизма и террора¹⁰. "При отсутствии массового движения, – писал О.В. Будницкий, при том, что партия приняла решение бойкотировать выборы в Думу, у нее, собственно, не оставалось выбора. Террористическая тактика... казалась партийным лидерам по-прежнему весьма эффективным способом борьбы..."¹¹. Впрочем, как отмечал К.Н. Морозов, и задачи террора, и вопросы участия в общественном движении решались весьма слабо¹².

Различные точки зрения существуют по вопросу о времени упадка в нелегальной работе и перехода к легалистским настроениям. С.В. Макаруч, А.П. Толочко, М.В. Шиловский считают такой границей рубеж 1911 – 1912 гг.¹³, мы отмечаем усиление тенденций к ликвидаторству в 1910 г., которое получило завершение в конце 1910 – начале 1911 г.¹⁴ В пользу последней точки зрения говорит то, что в апреле 1911 г. распустили боевую организацию ПСР, а в самой партии фактически распался единый организм¹⁵. Попытка "Автономной группы партии социалистов-революционеров" в 1911 г. возродить террор встретила осуждение организации социалистов-революционеров¹⁶.

Существенно отличаются данные о размахе индивидуального террора. Если по данным А.Л. Афанасьева, в 1905 – 1907 гг. эсеры совершили в Восточной Сибири 14 терактов, то И.П. Серебренников приводит сведения о 35 терактах и 34 экспроприациях¹⁷. По нашим сведениям, в 1908–1909 гг. эсеры по всей Сибири осуществили 6 терактов, а по данным И.П. Серебренникова – только в Восточной Сибири 13¹⁸. На наш взгляд, необходимо выработать единую методику подсчета терактов и экспроприаций и исключить из их числа уголовные преступления, прикрытые эсеровской фразеологией.

Нет единства у историков по поводу количества организаций ПСР в Сибири и их социального состава. Требуется решения вопрос о преемственности исследования, так как часто специалисты на архивном материале рассматривают проблемы, характеризовавшиеся ранее десятками авторов.

¹ Ноздрин Г.А. Деятельность организаций мелкобуржуазных партий в сибирской деревне в 1907–1914 гг. // Революционное и общественное движение в Сибири в конце XIX – начале XX в. Новосибирск, 1986. С. 153.

² Толочко А.П. Политические партии и борьба за массы в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.) Томск, 1989. С. 113.

³ Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX в. Вып. 3. Социалисты-революционеры. Новосибирск, 1996. С. 59–60.

⁴ Макачук С.В. Социалисты-революционеры Сибири: "правый" и "левый" фланги партии в 1907–1914 гг. // Сибирь: XX век. Кемерово, 1997; Толочко А.П. Современная отечественная историография партийно-политического движения в Сибири в начале XX в. Омск, 2001. С. 39–40.

⁵ Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998. С. 610–612.

⁶ Ноздрин Г.А. Деятельность организаций мелкобуржуазных партий... С. 144.

⁷ Серебренников И.П. Революционный террор в Восточной Сибири (1900 – февраль 1917 гг.). Иркутск, 2002. С. 15.

⁸ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 401.

⁹ Толочко А.П., Курусканова Н.П. О роли террора в деятельности эсеровского подполья в Сибири (1905 – февраль 1917 гг.). // Исторический ежегодник. Специальный вып.: Общественное движение в Сибири в начале XX в. Омск, 1997. С. 20, 21.

¹⁰ Политические партии России. Конец XIX – 1-я треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 438.

¹¹ Будницкий О.В. Терроризм в Российском освободительном движении. Идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000. С. 197, 198.

¹² Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров... С. 607

¹³ Макачук С.В. Социалисты России в межреволюционный период (июль 1907 – февраль 1917 гг.). Кемерово, 1994. С. 42; Толочко А.П. Политические партии... С. 108; Шиловский М.В. Общественно-политическое движение... С. 51.

¹⁴ Ноздрин Г.А. Указ. соч. С. 136.

¹⁵ Городецкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998. С. 239; Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров... С. 608.

¹⁶ Серебренников И.П. Революционный террор... С. 94.

¹⁷ Афанасьев А.Л. Деятельность партии эсеров в Восточной Сибири в период революции 1905–1907 гг. // Классы и партии в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1977. С. 190; Серебренников И.П. Указ. соч. С. 114.

¹⁸ Ноздрин Г.А. Указ. соч. С. 144; Серебренников И.П. Указ. соч. С. 114.

Н.П. Курусканова (Омск)

НЕЛЕГАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ И ЭСЕРОВ О СИБИРСКОМ КРЕСТЬЯНСТВЕ

В ряде нелегальных изданий сибирских организаций РСДРП и ПСР содержались сведения о различных сторонах жизни местных крестьян. В

первую очередь уделялось внимание характеристике их правового и экономического положения: усиливающееся обнищание из-за тягот русско-японской войны и налогового гнета¹. Достаточно подробно анализировалось переселенческое движение, прежде всего с точки зрения положения старожилов и новоселов. Пытаясь снять остроту аграрного вопроса в европейской России, правительству, по мнению авторов воззвания "Ко всем крестьянам. Новая царская милость" Барнаульского комитета РСДРП (1907), "... и дела нет до того, каково придется тогда сибирякам. Оно уже и теперь радо друг на друга посадить крестьян в Сибири, лишь бы только не беспокоили они господ помещиков"².

Правовое бесправие и тяжелые условия существования сибирских крестьян предопределили их участие в освободительном движении. Нелегальные издания социал-демократов и эсеров установили причины включения сельских жителей в общедемократический процесс, выявили и оценили его формы и методы. Например, к активным формам борьбы относилось создание и деятельность на территории региона отделений Всероссийского крестьянского союза (ВСК), отделы которого в 1905-1907 гг. существовали в ряде уездов Томской, Енисейской, Иркутской губерний и Забайкальской области.

Другой активной формой крестьянской борьбы в Сибири являлось приговорное движение. Приговоры составлялись крестьянскими сходами, выражая противоречивую позицию селян по аграрному вопросу. Так, делегат от Читинского комитета ПСР на 3-м областном съезде сибирских организаций партии заметил по этому поводу: "К числу активных выступлений деревенского населения необходимо отнести отказ поселка Кусочи платить денежные повинности. Составленный по этому поводу приговор кусочинцев с помощью нашей организации распространили по области, и после этого подобное же движение проявилось в других местах и увенчалось некоторым успехом. Администрация пошла на уступки, распределив недоимку на несколько лет"³. В прокламации "Ко всем казакам Забайкальской области" приводился пример Титовского станичного сбора, который подписал приговор с изложением нужд казачества, а также с решением не посылать новобранцев на службу до тех пор, пока казаки не будут уравнены в правах с другими сословиями⁴.

Эсеровские листовки усиленно пропагандировали активные методы борьбы. Например, в листовке Красноярского комитета ПСР "К крестьянам" (дек. 1906) говорилось: "Конечно, если одна деревня откажется платить, то ничего не выйдет. Но, не говоря уже о России, из приказа енисейского губернатора вы знаете, что вся губерния почти ничего не платит. Значит, вас не одна деревня. Составляйте приговоры об отказе от податей, посылайте ходяков в другие деревни и волости, приглашайте присоединиться к вам, объединяйтесь в Крестьянский союз"⁵.

Революционные организации оперативно откликались на репрессии царизма против крестьянских выступлений. Например, листовка № 9 Барнаульской группы РСДРП "Ко всем гражданам" (февр. 1906) писала о преследованиях в Томской губернии: "Губернатор Нолькен... выслал четырех крестьян из Каменской и Титовской волостей. Здесь, в Барнауле, на совещании крестьянских начальников с вице-губернатором было решено выслать в Нарым 40 человек крестьян из Барнаульского уезда"⁶. В одной из прокламаций Красноярского комитета РСДРП 1906 г. перечислялись факты расправ над участниками крестьянского движения: "Разве еще недавно не отправили солдат "на постой" в деревни Канского уезда? Разве теперь не отправляют целый батальон в далекий Енисейский уезд? Разве рассвирепевшее правительство не может вздумать, хоть завтра же, послать карательный отряд из ваших же сыновей, пройти какой-нибудь уезд, сжигая и расстреливая направо и налево! Оно может сделать это, даже когда там не будет никаких беспорядков. Как говорят министры, "для предупреждения беспорядков"⁷.

Большинство нелегальных изданий, адресованных сибирскому крестьянству, знакомили своих читателей с основными положениями аграрных программ РСДРП и ПСР. В частности, прокламация Омского комитета РСДРП "Что такое социал-демократия?" (27 янв. 1907) разъясняла меньшевистскую программу муниципализации: "Земля не должна оставаться в собственности крупных землевладельцев, кто бы они ни были – помещики, церкви, монастыри – все равно. Все бывшие кабинетские, удельные, все церковные, монастырские и крупные частновладельческие земли должны быть переданы в собственность государства и в распоряжение местных самоуправлений. Эти земские самоуправления не будут похожи на прежние. Выбранные населением из его же среды, они будут блюсти его интересы при отдаче этих земель в пользование мелким владельцам". Некоторыми изданиями пропагандировался и большевистский вариант решения аграрной проблемы путем национализации земли. Эсеровская социализация активно комментировалась в партийных изданиях⁸.

Что касается тактических лозунгов, выдвигавшихся в нелегальной литературе, то следует заметить, что они во многом совпадали: активное включение в борьбу за Учредительное собрание, землю и волю, создание крестьянских союзов, прекращение выплаты налогов, бойкот призывов в армию, удаление царских чиновников и т. д. В целом же проделанный нами анализ содержания нелегальных изданий социал-демократов и эсеров позволяет иметь четкое представление о социально-экономическом и правовом положении сибирских крестьян в начале XX в., об их участии в общественно-политической жизни региона, а также о тактических подходах местных организаций радикальных социалистических партий с целью активизации своей деятельности в деревне.

¹ ГАНО. Ф.п. 5. Оп. 2. Д. 80. Л. 58, 59; Революционные события на Алтае в 1905–1907 гг. Сб. док. Барнаул, 1967. С. 95, 96; ГАРФ. Ф. ДП ОО. 1904. Д. 5. Ч. 15. Л. 5; Горелов В.А. Курганские большевики в революции 1905–1907 гг. Челябинск, 1965. С. 162.

² Революционные события на Алтае... С. 182–184.

³ ГАРФ. Ф. ДП ОО. 1907. Д. 9. Ч. 63. Л. 108.

⁴ Крестьянское движение в Сибири. 1861–1907 гг. Хроника и историографии. Новосибирск, 1985. С. 26, 27, 74.

⁵ ГОПБ ФАХ. ЦД 18–83.

⁶ Там же. 1–6а.

⁷ ЦХИДНИК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 107. Л. 1–8; Курусканова Н.П. Нелегальная печать сибирских эсеров в период борьбы с самодержавием. Уч. пособие. Омск, 2000. С. 41.

⁸ ЦДННО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 36. Л. 74; Курусканова Н.П. Крестьянская реформа 1861 г. и ее судьба в трактовке нелегальной печати сибирских эсеров // Омский науч. вестник. Вып. 14. Омск, 2001. С. 49–53.

С.В. Селиверстов, Ж.С. Кузгумбаева (Астана, Республика Казахстан)

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕНТАЛИТЕТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В НАЧАЛЕ XX В. (Г.Н. ПОТАНИН И БАНКЕТ 12 ЯНВАРЯ 1905 Г. В ТОМСКЕ)

Начало XX в. в региональной сибирской истории является периодом, в котором сохраняется устойчивый исследовательский интерес. То было, как известно, время, когда история буквально носила в себе грядущие катаклизмы, войны и революции. Почему же XX в. стал именно такой – далекой от идеала эпохой? Бесполезно и ненаучно судить революцию 1917 г. саму по себе. Важно выявить ее истоки, но истоки не только экономические, политические, но и связанные с особенностями менталитета российской общественности. Попытаемся же и мы через конкретное событие из жизни Г.Н. Потанина рассмотреть особенности менталитета российских либералов и радикалов.

В отечественной историографии обычно подчеркивались различия между либеральными и радикальными силами. Но изучение банкетной кампании 1904–1905 гг. позволяет выявить общие черты в их политическом менталитете.

Участие Г.Н. Потанина в банкете 12 января 1905 г. в Томске стало предметом изучения таких известных исследователей, как М.В. Шиловский, С.Ф. Коваль¹. Некоторые аспекты этого события затрагивали в своих работах Н.Н. Яновский, А.М. Сагалаев, В.Н. Крюков². Из более ранних работ отметим исследования М.И. Матвеева и И.Г. Мосиной³. Из последних публикаций о "банкете-митинге" упоминается в работах по истории Томска

области и Томска⁴.

В целом нельзя не согласиться с исследователями, что событие 12 января – факт в биографии Г.Н. Потанина "весьма примечательный". Поэтому анализ этого события должен быть продолжен и углублен.

Следственное дело "о беспорядках 12 января 1905 г. в Томском железнодорожном собрании", хранящееся в фонде прокурора Омской судебной палаты⁵, позволяет воссоздать достаточно достоверную картину банкета (ход, содержание речей, реакцию властей, личности привлеченных и т. д.) и адекватно ее интерпретировать. В результате такого анализа (аргументационная часть которого будет изложена нами в "Известиях Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева") мы пришли к некоторым выводам.

Как показывает собрание в Томске, либералы и радикалы в регионах не были настроены непримиримо друг к другу (как это пытались представлять их идеологи), а вполне "уживались". Политической несовместимости между ними не существовало. Следует согласиться с М.В. Шиловским, рассматривающим банкетную кампанию в контексте "левого блока"⁶. По сути – это "либерально-радикальный" неформальный блок, в котором трудно определить, кто был ведущей силой, а кто ведомой; и кто кого лучше "использовал". В деятельности противогосударственных сил все было переплетено. Как часто бывает в политике, инициаторы и последователи, ведущие и ведомые могли меняться местами.

Особенность менталитета региональной политизированной общественности состояла в недостаточной дифференцированности либеральных и радикальных воззрений. Политические банкеты, подобные томскому, стали возможны благодаря отсутствию у участников твердых политических убеждений и ограничений. Политическое умонстроение региональной общественности представляло собой неустойчивое сочетание различных либеральных и радикальных идей, предрасположенное к быстрой радикализации.

Играя в политический радикализм, региональная общественность постепенно утрачивала инстинкт самосохранения. Большинство образованного класса поймет это только в 1918–1920 гг., или позже, в эмиграции, когда изменить ничего будет нельзя. Поймет все это и Г.Н. Потанин, немало сил отдавший борьбе за свободу. Последние годы жизни позволили ему многое переосмыслить.

Уверенность либералов и радикалов в своей собственной победе многократно усиливала позиции противников государственной власти. Именно эта принципиальная (или беспринципная?) совместимость либеральных и радикальных сил стала одной из причин ускоренного развития событий в 1917–1918 гг. как в центре, так и в регионах.

¹ Шиловский М.В. Использование большевиками Сибири объединений и собраний городской и сельской интеллигенции для усиления работы в массах в 1905 г. // Города и деревни Сибири в досоветский период. Межвузовский сб. науч. трудов. Новосибирск, 1984. С. 142–149. (См. также: Шиловский М.В. Некоторые вопросы истории сибирского областничества в период подъема первой русской революции. Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 114, 115; Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Вып. 2. Либералы. Новосибирск, 1997. С. 32); Коваль С.Ф. Г.Н. Потанин – общественный и политический деятель // Письма Г.Н. Потанина. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1987. Т. 1. С. 31, 32.

² Яновский Н. О "Воспоминаниях" Г.Н. Потанина // Писатели Сибири. М. Современник, 1988. С. 62; Сагалаев А.М., Крюков В.Н. Г.Н. Потанин: Опыт осмысления личности. Новосибирск: Наука, 1991. С. 151.

³ Матвеев М.И. Студенты Сибири в революционном движении. Томск, 1961. С. 121; Мосина И.Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск, 1978. С. 52, 53.

⁴ Томская область. Исторический очерк, под ред. В.П. Зиновьева. Томск, 1997. С. 197; Томск. История города от основания до наших дней, под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 1999. С. 169–170.

⁵ ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 55. Л. 1–54.

⁶ Шиловский М.В. Использование большевиками Сибири объединений и собраний городской и сельской интеллигенции... С. 148.

Ю.П. Родионов (Омск)

В.А. КАРАУЛОВ: ШТРИХИ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

В отечественной историографии Василию Андреевичу Караулову (1854–1910), известному либералу, депутату Государственной думы третьего созыва, избранному в Красноярске, члену ЦК кадетской партии, повезло гораздо меньше, чем многим его партийным единомышленникам, думским коллегам. Давно назрела необходимость посвятить этому крупному общественному деятелю России начала XX века специальное историческое исследование.

В.А. Караулов родился в 1854 г. в семье помещика Псковской губернии. Дворянское происхождение открывало перед ним неплохие перспективы карьерного роста в любой сфере профессиональной деятельности. После окончания псковской гимназии Василий поступил в Санкт-Петербургский университет. Однако получить университетское образование молодому человеку не удалось, впрочем, как и многим его сверстникам, которые оказались вовлеченными в освободительное (народовольческое) движение.

В.А. Караулову было тридцать лет, когда он был арестован в Киеве по обвинению в принадлежности к одной из групп "Народной воли". В конце

1884 г. по политическому делу "Двенадцати" приговором военно-окружного суда его приговорили к 4 годам каторжных работ с лишением всех прав. Трех "подельников" суд оправдал, пятеро "отделались" ссылкой. Из четверых "каторжников" В.А. Караулову дали наименьший срок (так, Панкратова, оказавшего вооруженное сопротивление при аресте, осудили на 20 лет каторги). В 1889 г. Караулов сменил "прописку": Шлиссельбургскую крепость на глухое село в Иркутской губ., куда он был этапирован на поселение. Далекий путь из столицы в Восточную Сибирь ссыльнопоселенец совершил в кандалах, с бритой головой, согласно "статусу" каторжника. В дальнейшем непримиримые оппоненты справа не раз упрекали его революционным прошлым, публично оскорбляя каторжником (в Государственной думе, например).

Сибирский период биографии В.А. Караулова составил 18 лет (1889–1907 гг., а с включением в него трех лет пребывания в Думе в качестве представителя от Енисейской губернии – 21 год). Находясь на положении ссыльнопоселенца, Караулов занимался аптекарской деятельностью, исполнял должность фельдшера (помогал жене, работавшей врачом). В 1893 г. ему власти разрешили переехать в Красноярск. Там он проявил талант педагога, а затем юриста (трудился частным поверенным при Красноярском Окружном суде). Попав в число амнистированных в конце 1905 г., с возвращением всех лишенных ранее прав, В.А. Караулов не захотел покинуть пределы "приютившей" его Сибири. К тому времени он уже был уважаемым в местном обществе человеком, и не только из-за своих профессиональных качеств, но прежде всего благодаря активной общественно-политической позиции.

Имя В.А. Караулова значится в списке учредителей красноярской организации конституционных демократов. Кадеты трижды предлагали избирателям поддержать его кандидатуру на выборах в Государственную думу (в I, II и III Думы). Третья попытка оказалась удачной: 26 октября 1907 г. выборщики Енисейской губ. избрали В.А. Караулова (18 против 9) членом III Государственной думы¹. Спустя 10 дней Василий Андреевич находился в С.-Петербурге и 6 ноября собственноручно заполнил "анкету депутата". Отвечая на вопрос об имущественном положении, он привел сведения о размере своего годового жалования – 3 000 руб., а избирательным цензом назвал уплату квартирного налога².

В.А. Караулов идентифицировал себя как умеренного либерала, сторонника конституционной монархии, в которой исторической власти (самодержавию) должна принадлежать отнюдь не декоративная роль. В ноябре 1905 г. на съезде земских и городских деятелей в Москве Караулов выступил решительным противником созыва Учредительного собрания и "навязывания" народу России республиканского строя. Он никогда не

заигрывал с массами, отвергая популистские методы завоевания широкой социальной поддержки.

В III Государственной думе В.А. Караулов был востребован на многих направлениях законотворческой работы: входил в состав нескольких комиссий (по рыболовству, переселенческой, старообрядческой и др.) причем стал и формальным, и неформальным руководителем "старообрядческой" комиссии; выступал на пленарных заседаниях Думы, являлся одним из руководителей "сибирской парламентской группы".

В течение трех лет (ноябрь 1907 — декабрь 1910 гг.) В.А. Караулов подвергал себя титаническим нагрузкам: работал в Думе, в ЦК партии кадетов, в который был кооптирован в ноябре 1909 г.). В эти годы произошли счастливые перемены и в личной жизни красноярского депутата и либерального общественного деятеля. Приехав в столицу вдовцом, он вскоре женился на молодой женщине, по возрасту родившейся ему в дочери.

Шлиссельбург, ссылка в Восточную Сибирь стали серьезным испытанием на прочность, и моральную, и физическую. Здоровье В.А. Караулова оказалось подорванным. С января 1910 г. в "личном деле" депутата из Енисейской губ. часто появлялись записи думского врача, свидетельствовавшие о нездоровье Василия Андреевича. Последняя запись сделана после его смерти: "... скончался 19 дек. 1910 г. от паралича сердца вследствие крупозного воспаления легких..."³. Прощальные слова благодарности о "каторжанине с великим сердцем", "борце за свободу духа" были произнесены такими общественными деятелями, лидерами партии народной свободы, как П.Н. Милуков, Ф.И. Родичев, И.И. Петрункевич, М.М. Винавер и др.⁴

Василий Андреевич Караулов прожил всего 56 лет. Его жизненный путь во многом и поучителен, и уникален. Исторической науке еще предстоит "открыть" его как незаурядного человека, в молодости симпатизировавшего революционерам, но затем ставшего либералом, не формально, а по своему мироощущению.

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 331. Л. 3.

² Там же. Л. 1, 3.

³ Там же. Л. 14.

⁴ См.: Речь. 1910. 20 дек.

Е.Е. Воложанина (Омск)

ВСЕРОССИЙСКИЙ КРЕСТЬЯНСКИЙ СОЮЗ В МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ: ОТ ИЛЛЮЗИИ К РЕАЛЬНОСТИ

В атмосфере революции 1905–1907 гг., пропитанной острыми социально-политическими и идеологическими противоречиями, возникло протестное движение крестьян радикального характера – Всероссийский крестьянский союз, созданный в Москве в 1905 г. Поводом для этого послужила попытка губернского предводителя дворянства Самарина добиться от многочисленных крестьянских обществ Московской губернии составления "верноподданнических адресов" в Совет Министров и на имя царя "Об усовершенствовании государственного устройства и улучшения народного благосостояния".

Такой подход вызвал противовес этим "адресам" в среде местного крестьянства. Возникла мысль составить "приговоры" радикального характера. С этой целью в мае 1905 г. крестьянское собрание постановило образовать союз крестьян Московской губернии и агитировать за организацию Всероссийского крестьянского союза. Идея образования Союза была подхвачена заинтересованными группами из крестьянских активистов. В своей работе крестьянский актив выполнял функцию артикулирования интересов, преобразования социально-экономических ожиданий и чувств в определенные политические требования. Собрание приняло резолюцию, в которой подчеркивалось "бедственное положение крестьян в следствии малоземелья, непосильные поборы и налоги со стороны администрации"; осуждалось "всесилие царских чиновников". К этому следует добавить и предложение "об участии всего народа в государственном управлении через выборных депутатов".

После московского собрания по регионам России началось составление "приговоров" созданию Крестьянского Союза, формировались местные отделения. Наиболее активно эта работа проводилась в Области войска Донского, в Сумском уезде Харьковской губернии, Курской, Саратовской губерниях.

Первый (нелегальный) учредительный съезд проходил на Бутырском хуторе Московской губернии в течение двух дней: 31 июля и 1 августа 1905 г. На съезд прибыло более 100 делегатов – крестьян из 22 губерний (Владимирской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Калужской, Казанской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Саратовской, Смоленской, Тульской, Харьковской, Херсонской, Черниговской, Черноморской, Ярославской и Донской области). Некоторые из делегатов представили "приговоры" сельских обществ.

Съезд организовал Главный комитет в составе С.П. Мазуренко, В.П. Мазуренко, С.В. Курнина, Ф. Медведева, В. Краснова и др. Кроме того,

было создано Бюро содействия из ученых — агрономов Московского общества сельского хозяйства: С.Н. Блеклова, А.П. Левицкого, А.В. Тесленко. Съезд высказался за необходимость созыва "съездов общих Всероссийских, областных и губернских".

Изложенные подходы в работе съезда привели к принятию следующей резолюции:

1. Частная собственность на землю должна быть уничтожена.
2. Общедоступное, бесплатное, государственное, светское образование должно охватить курс не менее 5 лет.
3. Преподавание "закона божьего" не обязательно и предоставляется на усмотрение родителей учащихся.

Такая политика Всероссийского Союза встретила определенную поддержку среди крестьян. В ноябре 1905 г. в Москве состоялся Второй съезд Всероссийского крестьянского союза. Заседания съезда проходили легально, в них участвовали 187 делегатов из 27 губерний. Всего было представлено 75 уездов, но некоторые делегаты были арестованы по пути в Москву и не смогли принять участия в его работе. В числе делегатов прибыли две крестьянки от схода женщин одного из сел Воронежской губернии. Делегаты ряда волостей Сибири встретились и решили вступить в Крестьянский союз, но не смогли обеспечить своего представительства на втором съезде.

В социальном отношении большинство делегатов, избранных на съезд Союза, и часть его местных руководителей были крестьянами-середняками. Основное внимание было сосредоточено на немедленной передаче всей земли в руки крестьян. Упоминалось на съезде общенациональная крестьянская забастовка и сельский бойкот как крайние орудия борьбы за свои цели.

По вопросу о тактике в ходе работы съезда наметились два направления. Сторонники "митингового" и "приговорного" направления отстаивали мирную тактику: забастовки, организации революционного самоуправления, "мирные" запашки помещичьих земель, отказ платить подати, давать рекрутов. Часть делегатов из Саратовской губернии, где в это время началось сильное "разгромное" движение крестьян, призывали к вооруженному восстанию. Подавляющее большинство участников съезда отказалось поддержать призыв к вооруженному восстанию.

Второй съезд Всероссийского крестьянского союза принял резолюцию о бойкоте выборов в Государственную думу и предъявил правительству ультиматум. Делегаты потребовали немедленного закона о выборах в учредительное собрание, отмены смертной казни, амнистии участникам крестьянских волнений и отмены военного суда над участниками кронштадтского выступления. Специальная резолюция была принята против антисемитизма и еврейских погромов, устраиваемых царскими властями и

черносотенными организациями. Отмечалось, что "эти погромы, эти избиения возмущают нашу крестьянскую совесть".

К концу 1905 г. оформилось 12 губернских, 4 межобластных и 470 региональных отделений, в которых насчитывалось 200 тысяч членов Союза. По европейской России фиксировалось 359 сельских и 111 волостных организаций. В 1906 г. Союз объявил о примерно миллионе своих членов.

Аграрные беспорядки 1905–1907 гг. включали широкий круг крестьянских акций открытого неповиновения, бунта, борьбы, достигая пика летом и исчезая зимой. Каждая крестьянская община вела собственные бои. Осенью 1905 и летом 1906 г. локальные выступления крестьян слились воедино. В этой борьбе крестьянские общины выступили главным оплотом крестьянской самоорганизации.

Важное значение действиям Крестьянского союза придавал лидер РСДРП(б) В.И. Ленин: "Это была действительно народная, массовая организация, разделявшая, конечно, ряд крестьянских предрассудков, но безусловно "почвенная", реальная организация масс, безусловно революционная в своей основе... расширявшая размах политического творчества крестьянства"¹.

В информации с мест власти отмечали, что в районах, находившихся под влиянием Всероссийского крестьянского союза, коллективные действия крестьян начинались с того, что крестьянские пикеты опечатывали винные лавки или даже совсем их сжигали. Английский историк Т. Шанин подчеркивает, что "это был замечательный пример прикладной политической этики, который показал, как далеко крестьяне продвинулись в деле своего политического образования"². В декабре 1905 г. Крестьянский союз подвергся разгрому, который продлился несколько месяцев. Руководители (Главный комитет) были арестованы, тысячи крестьян отправлены в тюрьмы, сосланы в Сибирь и северные губернии. Заграничное бюро Союза, созданное в 1906 г. в Париже, обратилось к французскому правительству с решением "отказаться платить по царским займам после 10 ноября 1905 г."

Следует заметить, что после разгрома Всероссийского крестьянского союза его представители в составе фракции трудовиков отражали интересы и настроения крестьян в деятельности I и II Государственных дум.

Представителем крестьянской общественности стала "трудовая группа" (трудовики), образованная в Государственной думе в апреле 1906 г. В нее входили депутаты-крестьяне и интеллигенция народнического направления. Ее возникновению способствовала деятельность Всероссийского крестьянского союза – массовой революционно-демократической политической организации и эсеров, которые были заинтересованы в консолидации крестьян в Думе. Крестьяне в работе I Государственной думы имели значительное представительство – 107 человек.

Трудовики предлагали проводить в жизнь идеалы социализма путями и формами, которые соответствовали особенностям страны и отвечали жизненному укладу народа. "Трудовая партия" приветствовала любые попытки демократических организаций, которые вели к согласительным объединительным действиям. Деятельность "Трудовой партии" была примером таких действий.

В I Государственную думу 23 мая 1906 г. трудовики внесли "Проект земельной реформы 104-х членов Государственной думы", или "Проект основных положений". Программа трудовиков сводилась к ликвидации помещичьего землевладения, национализации земель и передаче их в пользование крестьянам.

Вместе с тем нельзя не отметить того факта, что Всероссийский крестьянский союз в 1905 г. и первой половине 1906 г. сыграл ведущую роль в крестьянском движении. Он организовал и объединял те крестьянские массы, которые не пошли за революционными лозунгами революционных партий.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 334.

² Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. → 1917–1922 гг. М., 1997. С. 172.

А.П. Шекшеев (Абакан)

МНОГОЛИКОСТЬ КРЕСТЬЯНСКОГО БАНДИТИЗМА 1920-Х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ПРИЕНИСЕЙСКОГО РЕГИОНА)

Военно-коммунистические методы вмешательства власти в деревенскую жизнь начала 20-х гг. породили в Енисейской губернии ряд сравнительно крупных вооруженных восстаний крестьянства, названных коммунистами проявлениями "политического бандитизма" и уже обозначенных в трудах историков. Но почти неизвестной науке является такая важная форма отношений отдельных крестьян к власти и окружающему их социуму, как более мелкий бандитизм, сильно окрашенный уголовщиной и распространенный в 20-е гг. XX в.

Противоречие, возникшее с переходом к нэпу, между политическим режимом, имевшим тенденцию к ужесточению, и экономическим строем, для которого характерными являлись зачатки рыночных отношений, вносило в жизнь общества некоторую дезорганизованность. Разнузданность нравов людей, как наследие революции и гражданской войны, преследование коммунистами активной части сельского населения, отсутствие на селе надлежащей законности и слабость правоохранительных органов способствовали росту уголовной преступности и, в частности, бандитизма.

Среди вожakov многочисленных банд, не участвовавших в крестьянском повстанческом движении или появившихся с 1924 г., т. е. после ликвидации соловьевщины, наиболее известными являлись:

1. Ковалев Г.А. — 1888 г. рожд., уроженец д. Жихово Черниговской губернии, с 1909 г. житель д. Полуденки Имисской волости Минусинского уезда. В банду ушел от преследования коммунистов. Состояла банда из 7–16 местных крестьян, занимавшихся в основном промыслами и совершивших лишь несколько изъятий в деревнях теплой одежды. Власть считала эту банду политической, ей приписывали целый ряд убийств и преследований сельских коммунистов. В конце 1921 г. она прекратила существование. Скрывшийся Ковалев в 1927 г. был приговорен к 6 годам лишения свободы. В 1936 и 1951 гг. он вновь подвергался заключению. Реабилитирован.

2. Сахно М.И. — старший милиционер Минусинской уездной милиции. Наиболее крупное и жестокое преступление было осуществлено 5 членами его банды в ночь на 18 декабря 1923 г. в Камыштинском сельсовете Хакасского уезда, где они убили 22 хуторянина. 14 июля 1925 г. по приговору губсуда он был расстрелян.

3. Спирин-Багров В. — из крестьян д. Парновой Балахтинской волости Ачинского уезда, начал бандитскую деятельность в 1922 г., был арестован, в июле 1924 г. бежал из заключения, в ноябре того же года возглавил остатки банды Соловьева. В 1924 г. банда, являвшаяся уголовно-политической, насчитывала 12–26, в марте — августе 1925 г. — 8–9, а в марте — августе 1926 г. — 19–7 членов. Из Хакасского уезда она перешла в Ачинский, затем Красноярский уезд. Грабила в основном лавки потребкооперации, в перестрелке застрелила местного начмила, преследовалась милицейским отрядом, усиленным бойцами 26-й дивизии. Бандиты пользовались сочувствием населения. В декабре 1925 г. 7 членов банды были приговорены к расстрелу; еще 3 — к ссылке в Туруханский край. Но Багров и 4 бандита скрылись. С сентября 1926 г. банда себя не проявляла.

4. Баскаулов — "Костя Хромой", из хакасов улуса Сарала Чебаковского района, бывший соловьевец, имел банду из 4–5 членов, действующую в Ачинском округе, убит 2 января 1926 г. в Сарале милицией.

5. Шилов Л.В. — из крестьян д. Комы Новоселовской волости, бывший взводный Манского партизанского полка, организовал банду в 1922 г., был арестован, в 1924 г. бежал из заключения, в октябре 1925 г. убит сообщниками при дележе награбленного. Банду возглавил Лукашевич Д.П. (или И.П.), уроженец д. Устук Абаканской волости, бывший комбат того же партизанского полка. С декабря 1922 по ноябрь 1925 г. банда, насчитывающая 17 членов, действовавшая в Красноярском уезде, совершила 14 вооруженных ограблений, в том числе в ночь на 10 сентября 1925 г. девяти жителей одного из хуторов. В декабре 1925 — январе 1926 г. были расстреляны 16 членов банды и Лукашевич.

6. Вострецов Я. – он же Иванов, "Яшка", в 1925 г. создал банду из 7 пировских крестьян, совершивших в Красноярском и Канском округах ряд разбойных нападений, в том числе на прииски. Банда являлась уголовной, но сочувствующее бандитам население считало их деятельность антикоммунистической. В конце 1925 г. Вострецова убили из засады, а членов его банды приговорили к расстрелу.

7. Саражаков Н.Н. (Казан) – бывший соловьевец, приговоренный 14 января 1926 г. заочно к расстрелу. Банда численностью от 6 до 15 хакасов действовала в Хакасском округе с декабря 1925 по март 1927 г. Она отличалась масштабностью действий, разнообразием преступлений, их антирусской направленностью и неуловимостью. Банда считалась уголовно-политической с национальным оттенком. С отъездом Саражакова из Хакасии банда себя не проявляла.

8. Глазунов П.В. ("Фиса") – 1893 г. рожд., из крестьян д. Приречной Ирбейской волости Канского уезда, рецидивист, осужденный в 1923 г. за кражу со взломом, в 1925 г. бежал, но был задержан и приговорен к 10 годам лишения свободы. Будучи больным туберкулезом, он был сослан в Нарым вновь бежал, в мае 1927 г. организовал банду из 5 человек, совершавших в Канском округе до 20 ограблений в месяц. 14 мая они осуществили ограбление с убийством жителя и изнасилованием 20 женщин на Горенском участке Тайшетского района. В ночь на 10 декабря 1927 г. Глазунов был убит опергруппой милиции.

9. Жуковский И.И. – из крестьян д. Шарыпово Березовской волости Ачинского уезда, бывший соловьевец, в 1925 г. приговорен к 10 годам лишения свободы, в ночь на 4 апреля 1927 г. бежал из заключения, в мае создал банду из 10–13 в основном ачинских хакасов. Будучи уголовной, она отличалась безудержностью в грабежах кооперативных лавок и населении которое к ней относилось с враждебностью. Жуковский при преследовании был несколько раз ранен, а 20 октября убит или, по другим данным задержан.

10. Томозов Г.А., Зварыгин М.П. – крестьяне Минусинского округа, сентябре – октябре 1925 г. совершили обстрелы и налеты на с. Дубенск Ермаковского района, два убийства, в том числе комсомольца, 14 декабря арестованы в Минусинске, расстреляны.

11. Оглезнев И.К., Форсель А.А., Мюллер А.В. – банда, поочередно возглавляемая этими лицами, действовала в Каратузском районе Минусинского округа в 1927 г. Оглезнев – 1898 г. рожд., из крестьян д. Нижние Куряты, малограмотный, бедняк, еще в 1920–1921 гг. член банды Г.А. Ковалева, к которому ушел из-за личных счетов с коммунистами, 14 октября 1923 г. находился в заключении, во время суда над Ковалевым вновь скрылся в тайге, где с мая 1927 г. возглавил группу из 5 человек преследуемых властями. В 1928 г. он был арестован и осужден, но вскоре

освобожден, в 1930 г., будучи пойманным при краже хлеба, покончил с собой. Форсель — 1900 г. рожд., эстонец, в июле 1927 г. отделился от Оглезнева и увел своих земляков в район д. Верхний Суэтух. Отсюда его банда, состоявшая из 6 членов, совершила ряд террористических акций. 10 августа Форсель был арестован. Его соучастников возглавил Мюллер ("Сашка Чухня") — 1904 г. рожд., эстонец, который в ночь на 29 сентября убил сельисполнителя и комсомольца В.П. Калнина. 1 декабря Мюллер был задержан. Деятельность этой банды признавалась политической. Коллегия ОГПУ 21 мая 1928 г. осудила 49 человек, из них троих, в том числе Форселя и Мюллера, приговорила к расстрелу.

12. Бибич И.Е. — 35–40-летний крестьянин, его банда, состоявшая из 3–4 человек, действовала в сентябре — октябре 1925 г., октябре 1926 — январе 1927 г. в Минусинском районе Минусинского округа. Деятельность ее, выразившаяся в 5 убийствах и 10 ограблениях, являлась уголовной. 5 февраля 1927 г. Бибич, тяжело раненный при задержании, скончался в Ачинской больнице.

13. Майнагашев И.Т. — 1900 или 1901 г. рожд., уроженец улуса Ирессов Аскизской волости Минусинского уезда, с незаконченным средним образованием, колчаковский дружинник, член банды Майнагашевых, сдался в лета 1921 по 1923 г. находился в Красноярске, вернувшись в Хакасию служил в милиции, по подозрению в преступлении содержался в Минусинской тюрьме, летом 1927 г., будучи вновь арестован, бежал и с августа по октябрь в составе банды из 4–6 хакасов совершил несколько ограблений. Местные власти видели в его деятельности попытку повстанчества. В ночь на 29 октября 1927 г. он был убит подосланными людьми.

14. Чарочкин Е.М. — бывший соловьевец. 29 июня 1927 г. совершил побег из Чебаковского арестного помещения, организовал банду из хакасов действующую в Чебаковском и Чарковском районах Хакаского округа, убит при ее ликвидации 17 июня 1928 г.

Исходя из кратких сведений о вожаках крестьянского бандитизма, можно сделать вывод о том, что это явление в 1920-е гг. было не только распространенным и масштабным по численности его участников, но и многоликим. Членами банд являлись лица разной национальности, в прошлом сторонники и противники Советской власти, а также рецидивисты. Последние среди сибирских бандитов в 1926 г. составляли 77 %, а из них 43,4 % — лица, бежавшие из мест заключения. Коммунисты зачастую напрасно наделяли лиц, укрывающихся от их власти в тайге, свойствами политических врагов. Однако действительные противники режима в бандах также имелись. На их долю, по подсчетам правоохранительных органов приходилось 23% всех бандитствующих. Крестьяне находились в бандах исходя из разных побуждений, среди которых заметное место занимали

обогащение, выживание и борьба с представителями местной власти. Некоторые из них полностью оторвались от деревенской жизни, другие – незначительно. Отношение крестьянской массы, страдавшей от разгула уголовщины, к бандитам колебалось от сочувствия и поддержки до искоренения их собственными силами. Режим, использующий в борьбе с бандитами широкий набор средств и, в частности, внесудебную расправу, ликвидировал эту социально активную и опасную для него часть населения.

Н.С. Модоров (Горно-Алтайск)

РЕЛИГИОЗНО-НАЦИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОРНОМ АЛТАЕ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

История любого народа теснейшим образом связана с религией (или религиями). Коренное население Горного Алтая – алтайцы – не исключение в этом плане. Согласно утверждениям ученых, алтайцы с давних пор были шаманистами, т. е. верили в духов, населявших, по их представлениям, небесную, земную и подземную сферы. Кроме общих духов-покровителей, каждый род имел свою священную гору, реку, лес. Верили алтайцы и в существование персонального духа-хранителя каждого человека, дававшего ему вместе с рождением.

Посредником между духами и человеком выступал шаман. Им мог стать только избранный верховным божеством человек. Шаманский дар передавался по наследству (отец–сын–внук). Своим "камланием" шаман испрашивал у духов материального благополучия или здоровья людям. Если не удавалось добиться этого мирно, то он "боролся" за это с духами.²

Кроме шаманизма, знали алтайцы (особенно южные) и ламаизм, оформившийся в Тибете (как разновидность буддизма и идеология тибетских феодалов) и распространившийся в XVI–XVII вв. в Монголии, откуда и пришел он на Алтай.³

Наряду с шаманизмом и ламаизмом, алтайцы исповедовали и православие. Приобщение их к нему началось еще в XVIII в. Однако после упразднения в 1789 и 1799 гг. миссионерских должностей алтайцы вновь возвратились к шаманству.⁴

Однако идея христианизации не была забыта церковью. К ней она вернулась в 1830 г., создав для этого на Алтае духовную миссию, деятельность которой по сей день неоднозначно оценивается некоторой частью алтайской интеллигенции. В пылу политических и конфессиональных дебатов ее критики неизменно оперируют только фактами и примерами "насилованной христианизации" аборигенов края, их "русификацией". При этом они неизменно замалчивают культурно-просветительскую деятельность миссионеров (создание ими на основе русской графики алтайской

письменности, распространение грамотности среди алтайцев, внедрение в их хозяйство земледелия, овощеводства и огородничества, а в бытовую жизнь — санитарно-гигиенических навыков.⁵

Причина такой "забывчивости" кроется, на наш взгляд, не только в их позиции и стратегии, но и в стереотипе, передавшемся им (да и всем нам) "по наследству" от советского времени, когда религиозные чувства людей были, без преувеличения, загнаны "в подполье".

"Перестройка" и последовавшие за ней распад СССР, "парад суверенитетов", единение (в условиях демократии) государства с церковью кардинально изменили ситуацию на "вероисповедальном фронте": люди получили возможность исповедовать "все и вся". Но сошедший на нас "дух свободы" не пошел нам на пользу: в который уже раз мы не нашли "золотой середины" и снова ударились в крайность, но теперь уже в противоположную той, что бытовала до этого.

Итак, алтайцам с давних пор был присущ поликонфессионализм. При этом они никогда не интересовались, какая религия для них главная. Таким вопросом задались ныне представители радикально настроенной национальной интеллигенции, утверждающие, что таковой у алтайцев издавна был буддизм.

Не вступая в такого рода полемику, заметим лишь, что до недавнего времени такой проблемы в нашем обществе не существовало, поскольку в Советском государстве с самого его зарождения любая религия рассматривалась как "опиум для народа". Лишь на исходе XX в. деятельность церкви была легализована и верующие — представители всех конфессий — получили возможность открыто демонстрировать свои религиозные воззрения. Эта легализация инициировала и вряд ли реализуемое на практике стремление народов "разобраться" со своей "родной" религией. К сожалению, этот поиск превратился в Горном Алтае в политическую "разборку", привнесшую негативный оттенок во взаимоотношения проживающих здесь народов. В крае же, кроме алтайцев (31 % от общего числа его населения), проживают русские (60 %), казахи (5,6 %), а также азербайджанцы, башкиры, белорусы, грузины, корейцы, литовцы, молдаване, немцы, татары и представители других наций и народностей (3,4 %).⁶ Но несмотря на принадлежность нашего населения к различным конфессиям, каких-либо "трений и споров" на этой почве в регионе никогда не возникало. Противостояние сторонников алтайской национальной религии — "Ак тяан", "Белая вера", и приверженцев православия наметилось лишь сегодня. В ходе него первые утверждают, что Алтайская миссия, несшая "Христову веру", нанесла своей деятельностью "непоправимый вред алтайцам (хотя немало их число и сегодня исповедуют православие, есть среди них и миряне, и священнослужители, их духовной культуре", а посему она должна "принести покаяние алтайскому народу за содеянное ей зло". Последнее, по

утверждению В.А. Сата, состоит в "насаждении православия в Горном Алтае огнем и мечом, обманом и подкупом"⁷.

Не вдаваясь в анализ такого рода заявлений, выскажем свои соображения относительно требований корреспондента "принести миссии покаяние алтайскому народу...". Сегодня таковой как структурной единицы Русской православной церкви не существует. Поэтому возникает естественный вопрос, кто же тогда должен принести сегодня покаяние алтайскому народу. Если даже предположить – чисто гипотетически, – что "ответчик" нашелся, то и он делать "покаяние" с юридической точки зрения не вправе, ибо мы (наше общество в целом) жили и живем, руководствуясь принципом: "Сын за отца и т. д. не отвечает", т. е. не несет ответственности. Следовательно, сегодня никто не вправе обвинять кого-либо – православных, ламаистов или мусульман – за причиненное когда-то "зло" алтайцам, требовать от кого-то "покаяния".

В заключение еще об одном моменте, отравляющим взаимоотношения коренных этносов Горного Алтая. Речь идет о федеральном законе "О возрождении малочисленных народов..." В их число включены сегодня и северные алтайцы (кумандинцы, тубалары и челканцы). В стремлении "самореализоваться", возродить и развивать в дальнейшем свою национальную культуру, традиции, обычаи и язык нет ничего предосудительного, ибо каждый этнос имеет "конституционное право на достойную жизнь". Но достичь всего этого возрождающиеся народы (а глядя на них и другие) собираются почему-то путем "разбегания по родоплеменным квартирам". Такой подход к решению данного вопроса может привести к ликвидации "алтайцев как титулообразующего этноса", а это автоматически поставит под сомнение правомерность существования Республики Алтай как субъекта Российской Федерации⁸. Поэтому, памятуя об этом, нам стоит подумать и решить: а не лучше ли будет, если мы, обрета и сохраняя каждый свою "этно-социальную и духовно-культурную особенность", не станем столь решительно и бескомпромиссно отвергать консолидировавший нас до этого этноним "алтайцы".

В этой непростой для всех нас ситуации, хочется привести слова Л.М. Горюшкина, сказанные в одной из бесед в 1978 г.: "всем нам надо быть предельно внимательными и благоразумными, не бросаться из одной крайности в другую, а спокойно и взвешенно подходить к решению любого вопроса, связанного с религиозными, межнациональными и межэтническими отношениями"⁹. Только при таком подходе к делу нам удастся сохранить в Горном Алтае, в стране в целом подлинную гармонию интересов проживающих наций и народностей, утвердить меж ними подлинное братство, взаимопомощь и взаимопонимание.

¹ Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953. С.165; Модоров Н.С. Горный Алтай в пореформенный период. Горно-Алтайск, 1990. С. 28.

² Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: Политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII—XX вв.). Горно-Алтайск, 1996. С. 309.

³ Там же. С. 311.

⁴ Модоров Н.С. Горный Алтай... С. 29

⁵ Модоров Н.С. Россия... С. 310—311.

⁶ Текущее делопроизводство Управления статистики Республики Алтай.

⁷ "Улалу", 2000, 20 сентября.

⁸ "Звезда Алтая". 2001. 17 февраля, 6 марта и др.

⁹ В 1978 г. Л.М. Горюшкин был утвержден нашим научным консультантом по теме "Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения в XVII—XIX вв."

В.Н. Волкова (Новосибирск)

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА СИБИРИ И ФОРМИРОВАНИЕ КНИЖНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

В постсоветской России с большим трудом складываются основы гражданского общества, кристаллизуются различные формы самоорганизации населения. Это особенно ощущается в культурной сфере, где роль общественной инициативы всегда была достаточно велика. Поэтому осмысление подобного опыта предшествующей эпохи представляется весьма актуальным.

Модернизационные реформы 60-70-х гг., давшие мощный импульс всему социально-экономическому организму России, лишь незначительно затронули сибирское, по преимуществу крестьянское население. Инновационные процессы могли развиваться лишь в немногих крупных городах края, остро нуждавшихся в грамотных, хотя бы элементарно образованных гражданах.

В этот период в сибирских городах растет число народных училищ, публичных библиотек, появляются первые книготорговые предприятия, местные газеты и книги. Возникают и первые инициативы местной интеллигенции, направленные на расширение книжных потребностей горожан. В конце 50-60-х гг. XIX в. в Иркутске, Томске, Тобольске, Омске возникают музыкально-литературные и литературно-разговорные вечера, литературно-художественные чтения, которые постепенно выходят за пределы домашних стен, концентрируются в ряде публичных библиотек, залах благородных собраний. В то же время говорить о сколько-нибудь

значительном распространении книги и чтения в сибирской городской среде, тем более сельской, в данный период не приходится.

Новый этап в развитии культурно-просветительной инициативы связан с 80-90-ми гг. Сибирские городские самоуправления, интеллигенция, представители растущей местной буржуазии начинают осознавать насущную необходимость выведения народа на иной уровень образования, пробуждения в нем с помощью книги сознательной созидательной активности.

Крупными культурообразующими центрами в эти годы становятся местные научные общества, краеведческие музеи, Томский университет, которые ведут не только научную и публикаторскую, но и просветительскую работу. Большую роль в жизни сибиряков начинают играть культурно-просветительные организации, в частности, общества попечения о начальном образовании. В 80-х гг. они создаются в Томске, Омске, Барнауле, Красноярске, Тюмени, Енисейске, Каинске, Минусинске, Нерчинске, а к концу века их уже насчитывается в Сибири около пятнадцати. Общества открывают школы, бесплатные библиотеки и читальни, книжные склады народных изданий, организуют воскресные школы для взрослых и народные чтения, литературно-музыкальные вечера.

Приблизительно те же задачи в 90-х гг. выполняет и ряд других учреждений Сибири, например, Комитет грамотности при Енисейском губернском статистическом комитете, попечительные общества о тюрьмах, Тобольское общество трезвости и его отделения и др.

Благодаря активной деятельности просветительных организаций слой грамотных людей в Сибири расширяется, книга становится доминирующим компонентом городской культуры. Однако культурное движение осуществляется в основном "сверху" и в очень незначительной степени опирается на осознанные жизненные потребности самих просвещаемых. Отсюда и недостаточно высокая результативность проводимых мероприятий, и замедленная реакция общества на цивилизационные вызовы времени.

Начало XX в. стало для народов Сибири периодом духовного подъема, отмечено всплеском самых разных культурных инициатив и движений, вовлечением в них широкого круга людей, отстаивающих свои социальные, профессиональные, национальные интересы. В этих условиях необходимость образования, грамотности осознается уже всеми группами населения, а роль книги приобретает особую значимость.

Количество обществ, так или иначе связанных с просвещением народа и развитием книжной культуры, в эти неполные два десятилетия уже с трудом поддается перечислению. В Иркутске, например, в разные годы действовали общества распространения народного образования и народных развлечений, по устройству народных чтений, содействия семейному воспитанию детей,

"Просвещение", "Знание", "Общественные курсы". В Омске в 1909 г. существовало более 30 просветительных и благотворительных организаций. Во многих уездных городах действовали общества народных чтений и народного образования, библиотечные общества, создавались воскресные школы для взрослых. Всего за Уралом в этот период действовало не менее 130 культурно-просветительных объединений.

На волне общероссийского демократического движения начала XX в. создаются первые культурно-просветительные общества и в полиэтнической среде сибирских народов. Среди них Томское, Тобольское, Бийское общества мусульман-прогрессистов, Общество распространения просвещения среди якутского народа "Сырдык" ("Свет"), Инородческий (Якутский) клуб, Томское и Иркутское отделения российского Общества для распространения просвещения между евреями России, Иркутское еврейское литературное общество, польско-литовское общество "Огниво" и др.

В своих культурных проявлениях предоктябрьский период был динамичен и противоречив, нес в себе множество взаимоисключающих тенденций. С одной стороны, это было время наибольшей готовности общества к самоорганизации, с другой – именно оно подготовило почву для последующих серьезных революционных катаклизмов.

Е.А. Дегальцева (Бийск)

"ТРЕТИЙ СЕКТОР" В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ

Вклад Л.М. Горюшкина в изучение истории Сибири касается не только аграрных отношений, но и целого ряда вопросов, поднятых им и рассмотренных его последователями. Это касается проблем самоуправления в городе и деревне.

Общественные организации, наполнившие негосударственный ("третий") сектор и совсем недавно ставшие важным объектом социальной политики, успешно существовали в Сибири более века назад. Находясь между государством и обществом, добровольные неполитические формирования выступают, с одной стороны, объектом государственной социальной политики, а с другой – ее мощным формирующим фактором. При общих целях и выполнении аналогичных функций общественные организации имеют большие преимущества перед официальными государственными структурами.

В условиях кризиса, ослабления государственных структур и всеобщей трансформации общества государство оказалось не в состоянии решить многие социальные проблемы. Возникшие потребности охотно взялись компенсировать добровольцы, равнодушные энтузиасты. При внешней похожести ситуации, в которой развивались общественные формирования в начале прошлого столетия, существует ряд принципиальных различий. Во-

первых, при жесткой регламентации, цензуре и нередко тотальном контроле, Россия конца XIX – начала XX в., имея низкую систему государственного социального обеспечения, постепенно и неуклонно ее повышала. Нынешнее возрождение общественной инициативы происходит при резком ослаблении системы социальной защиты.

Во-вторых, использование ряда общественных формирований в начале века служило иногда для прикрытия политических целей, тогда как сегодня – чаще криминальных. Дореволюционные формы социальных движений играли важную роль *внепартийной организации*, пытавшейся примирить существовавшие разногласия между правыми и левыми, радикалами и консерваторами и тем самым укрепить центр тогдашнего политического спектра.

Возрождение некоммерческого, "третьего сектора" гражданского общества в России вызывает потребность обратиться к истокам функционирования в нашей стране общественных организаций. В институциональном плане гражданское общество представляет собой сеть, переплетение добровольных, независимых ассоциаций (организаций и слабо организованных движений), объединяющих граждан и выражающих их разнообразные интересы. Историческое прошлое России свидетельствует, что массово появлявшиеся с середины прошлого столетия такие структуры способствовали обретению прав, самореализации и самостоятельности граждан. Гражданские инициативы, способность населения к коллективному участию в принятии и осуществлении решений появились в России раньше, чем различные права на подобную деятельность.

На фактическом материале регионального и общероссийского уровней удалось убедиться, что участие граждан в общественной жизни, социальная и политическая активность, которые тесно взаимосвязаны, – не постоянные величины, они подвержены колебаниям, переживают подъемы и спады, связанные с ситуацией в стране. Сибирь имеет в этом отношении свои особенности: оформление первых общественных объединений легло на плечи политических ссыльных, численность которых в регионе служила своеобразным барометром общественно-политического климата в стране.

В такие переломные моменты для одних работа в обществах стала прикрытием партийных целей. Другие, заявляя о своей аполитичности, работали в формированиях ради провозглашенных идей. Но для тех и других в ситуации скованности российской политической жизни общественные организации оказались той защитной нишей, "культурными гнёздами", в которых интеллигенция могла укрыться от опасностей острой политической борьбы.

Организации в условиях отчуждения общества от государства стали как бы связующим звеном, инструментом, опосредующим отношения граждан с государством. Они компенсировали безразличие и некомпетентность

государства в решении многих социальных проблем. Объединения обеспечили разнообразие форм, активность, созидательность и самообновление уже для следующей – демократической эпохи.

Исследование общественных организаций дает возможность опровергнуть все попытки представить Сибирь как запаздывающий в развитии регион; дореволюционную Россию как страну, находившуюся на начальном этапе развития гражданского общества, а революцию как насильственно уничтожившую зародившиеся демократические элементы. Если считать существование добровольного некоммерческого сектора главным фактором развития гражданского общества, то в царской России деятельность многочисленных общественных организаций служит как раз доказательством его отсутствия. Ведь *сфера свободного выражения идей* в этих ячейках была настолько мала, что пространство между обществом и государством, которое и признается гражданским обществом, в нём почти не просматривается. Самодержавный режим не хотел давать гражданскому обществу никаких шансов, вся деятельность объединений была не только жестко контролируемой и строго регламентированной, но и старательно ограничивалась как претендующая на незыблемость царизма.

Согласно классическим определениям гражданского общества (Э. Геллнер), оно является совокупностью различных неправительственных институтов, достаточно сильных, чтобы служить противовесом государству и, не мешая ему, выполнять роль миротворца и арбитра между основными группами интересов, сдерживать его стремление к доминированию и атомизации остального общества¹. Другим условием является убежденность членов либерального гражданского общества в его легитимности, признании необходимости его защищать и соблюдать установленные в нем законы. Однако национальная правовая культура не давала гражданам поверить в государство, а лишь пребывать в ожидании всевозможных подвохов.

В российских условиях добровольные формирования были настолько институционально слабы, что не могли являться противовесом государству, но достаточно идеологически сильны, чтобы помочь его разрушить.

Возможно, это национальный вариант возникновения гражданской сферы, вызванный спецификой российской ментальности, когда под двойным прессингом – сверху (со стороны государства) и снизу (первоначальное непонимание общества) – развилась сеть добровольных организаций, способствующих обретению прав, самореализации и самостоятельности граждан, научивших их коллективному участию в принятии и осуществлении решений.

В дореволюционной Сибири, за исключением времени Первой мировой войны, не была налажена столь необходимая координация деятельности организаций с другими добровольческими обществами или правительственными службами, что порождало ненужное дублирование. В

целом по мере усиления общественного движения, оно расширяется в объемах, формах, специализации, территориальном охвате.

¹ См.: Геллнер Э. Условия свободы. М., 1995; Фенько А.Б. Образ свободы в российском сознании и перспективы формирования гражданского общества. М., 1999. С. 8.

Д.И. Попов (Омск)

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СИБИРИ ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Культурно-просветительные общества, созданные с целью удовлетворения духовных, научных и просветительных потребностей интеллигенции, в условиях российской действительности конца XIX – начала XX вв., служили решению более широких социально-политических задач. Являя собой элементы формировавшегося гражданского общества, просветительные организации были нацелены на развитие общей культуры, формирование гражданского сознания, политическое воспитание различных слоев населения и подготовку их к активному участию в общественной жизни. Деятельность просветительных учреждений отражала тенденции прямого участия граждан в решении общественно-политических образовательных и культурных вопросов в Российской империи и существенно изменяла гражданскую культуру общества.

Закономерно поэтому, что обращение к истории возникновения и развития культурно-просветительных организаций диктуется самой логикой развития исторической науки. Все очевидней становится невозможность составить полноценное и объективное представление о формировании гражданского общества в России в начале XX в. без учета опыта деятельности таких негосударственных общественных формирований, как культурно-просветительные общества. Между тем из поля зрения исследователей фактически выпали вопросы, связанные с изучением условий функционирования и основных направлений деятельности просветительных организаций в Сибири, особенно в условиях третьеиюньской политической системы.

События 3 июня 1907 г. внесли существенные коррективы в деятельность местных просветительных организаций. В условиях правительственной реакции был ужесточен административный контроль над культурно-просветительными обществами, ставшими в период революции 1905–1907 г. своего рода опорными пунктами для организаторской и пропагандистской работы различных политических сил. Журнал "Сибирские вопросы"

сообщал: "Обыски, аресты и высылки лиц, имеющих отношение к культурно-просветительной деятельности общественного характера, сделались явлением совершенно заурядным"¹. В 1907 г. губернские власти получили право закрывать общества в административном порядке, что противоречило положениям Манифеста 17 октября 1905 г. и Временных правил об обществах и союзах, утвержденных в 1906 г. В период реакции, в частности, были закрыты Омское общество попечения о начальном образовании, Иркутское общество распространения народного образования, Енисейское общество попечения о начальном образовании и некоторые другие формирования².

В 1907–1908 гг. деятельность сибирских культурно-просветительных организаций в известной степени оказалась парализованной. Определяя в качестве основной причины организационного кризиса просветительных обществ жесткую административную политику, в числе условий, сопутствующих этому кризису, следует назвать отсутствие серьезных источников денежных поступлений в условиях самофинансирования объединений, а также определенную идейно-психологическую обстановку, сложившуюся в регионе в рассматриваемое время. Следует отметить, что подавленность идейно-психологического состояния местного населения, отсутствие у него стремления к организации в рамках просветительных обществ, являлось закономерным результатом предшествующих бурных событий, которые не только не повлекли за собой ожидавшихся обществом реформ, но и сменились полосой реакции³. Те же "Сибирские вопросы" в 1908 г. сообщали: "Призывы к культурной работе нередко встречаются с сомнением и даже с упреками, высказываемыми в тоне решительного осуждения самой постановки вопроса в настоящий момент"⁴.

В 1909 г. сибирские периодические издания, характеризуя культурную и общественно-политическую ситуацию, отметили "оживление деятельности различных обществ"⁵. Взамен закрытых властями появились новые, еще более активные организации. В одном только Томске в это время было образовано 9 культурно-просветительных обществ⁶. "Сибирские вопросы" писали по этому поводу: "Оно несколько обидно начинать опять сначала, когда успел бы далеко уж уйти вперед, но такова судьба русской общественной самостоятельности: сегодня можно, завтра нельзя и снова можно"⁷.

В 1910 г. Россия вступила в период нового революционного подъема. Именно тогда просветительные общества получили возможность в значительной степени реализовать свой потенциал. На волне общественного подъема, сопровождавшегося временным ослаблением военно-бюрократической машины, изучаемые общества смогли использовать все доступные им способы культурного развития сибирского населения и воспитания в нем общественного самосознания.

Программа просветительной работы, которой придерживалась местная интеллигенция, включала множество различных средств и приемов работы: проведение научных и общеобразовательных лекций, народных чтений, устройство литературно-музыкальных вечеров, театрализованных и детских праздников, организацию выставок и экскурсий для населения. Важным средством просветительской деятельности оставалась школьно-педагогическая, осуществлявшаяся в начальных образовательных учреждениях, а также в профессиональных классах и мастерских, функционировавших при просветительных организациях.

Таким образом, в условиях третьионийской политической системы стабильное развитие культурно-просветительных организаций было нарушено репрессивной политикой властей, стремившихся не допустить превращения просветительных объединений в арену деятельности политических сил, а также идейно-психологической апатией, охвативших общество. И только в годы нового революционного подъема кризисные явления были в значительной степени преодолены.

¹ Сибирские вопросы. 1908. № 33–34. С. 2.

² ГАРФ. Ф. ДП. 4 д-во, 1908. Д. 23. Ч. 9. Л. 6; ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 23. Л. 1; Сибирские вопросы. 1908. № 21–22. С. 33; № 37–38. С. 24; № 45–46. С. 45.

³ Харусь О.А. Либералы и культурно-просветительные организации в Сибири в межреволюционный период // Сибирь. XX век. Кемерово, 1999. С. 46.

⁴ Сибирские вопросы. 1908. № 7. С. 32.

⁵ Сибирь (Иркутск). 1909. 13 февр.

⁶ ГАОО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 345. Л. 2.

⁷ Сибирские вопросы. 1909. № 44. С. 24.

В.В. Воробьев (Омск)

К ВОПРОСУ О РЕГЛАМЕНТАЦИИ ВЫХОДА ПОВРЕМЕННЫХ ИЗДАНИЙ В ГОРОДАХ СИБИРИ В 1905 Г.

До издания 24 ноября 1905 г. Временных правил о повременных изданиях общероссийское законодательство, в котором были отражены основные принципы, регулирующие практически все стороны, обеспечивающие порядок получения разрешения на выпуск в свет нового повременного органа, были кодифицированы в Уставе о цензуре и печати 1890 г. (Свод законов Российской империи. Т. XIV). Согласно существовавшему законодательству, все "заведования делами цензуры и печати вообще, в пределах Империи" сосредоточивались в министерстве внутренних дел, "под высшим наблюдением министра, в Главном управлении по делам печати"¹. Именно министр внутренних дел лично давал разрешение на издание нового периодического издания, причем сам определял порядок выхода такового (с

предварительной цензурой или без нее). Решение министра зачастую оказывалось по разным причинам отрицательным, что во многом определяло небольшое количество изданий, выходивших в свет в Сибири накануне принятия "Временных правил". Так, в конце 1905 г. в Тобольской губернии и Акмолинской области имелось 6 изданий, одно из которых общественно-политического характера, в Томской губернии 14 и 4, в Енисейской губернии 4 и 1, в Иркутской – 6 и 2, в забайкальской области 5 и 3 и в Якутской области 2 соответственно².

Прежде чем стать редактором или издателем нового повременного органа, любой претендент должен был подать прошение на имя начальника Главного управления по делам печати. Для выяснения степени благонадежности просителя начальник Главного управления по делам печати предлагал департаменту полиции и местному губернскому начальству собрать сведения о его политической благонадежности и "нравственных качествах", а также высказать свое мнение относительно целесообразности выпуска в свет нового издания. Здесь весьма любопытным будет сопоставление мнений тех, кто желал стать издателем, и тех, кто должен был давать им характеристику. Так, например, ходатайствовавший о разрешении издавать в Иркутске газету "Сибирь" А.Б. Виноград в своем прошении прямо указывал на то, что пресса, которая сыграла "выдающуюся роль в деле общего развития" европейской России, в Сибири "вследствие малочисленности органов печати, неудобства путей сообщения, разобщенности населенных пунктов и многих других условий, не могла в полной мере осветить и координировать те жгучие вопросы, которые выдвигала жизнь края. В Иркутском генерал-губернаторстве, например, функционируют и до сих пор лишь два частных органа печати: "Восточное Обозрение" в Иркутске и "Енисей" в Красноярске"³. Между тем, по словам А.Б. Винограда, "Сибирь за последнее время претерпела целый ряд изменений, отразившихся на ее бытовых и культурно-экономических условиях", обусловленных, прежде всего, проведением железной дороги.

Таким образом, делал вывод ходатайствовавший, новый орган печати, "поставивший себе целью отражать нужды Сибири, объединять ее интеллектуальные силы в стремлении к развитию в народных массах просвещения и прочных устоев в целях нормального общественного прогресса – мог бы оказать в настоящее тревожное время большие услуги и местному обществу и Государству"⁴. Подобной точки зрения придерживался и ряд других претендентов, желавших начать издавать газеты общественно-политического характера, например, В.К. Штильке⁵ – будущий депутат Государственной Думы от Томской губернии, и А.А. Жалудский⁶, редактировавший впоследствии красноярские газеты "Енисейская Мысль", "Красноярск", "Красноярский Вестник", а также юмористический журнал "Хи-ха-ха!".

Совершенно противоположных взглядов были те, от кого непосредственно зависело решение быть или не быть новому печатному изданию. Так, иркутский генерал-губернатор граф Кутайсов отмечал, что "в Иркутске уже издаются две ежедневные газеты: "Восточное Обозрение" и "Иркутские губернские ведомости", имеющие обширный круг читателей, и что до выяснения политической благонадежности Окунева (ходатайствовавшего о разрешении издавать в Иркутске с предварительной цензурой газету "Сибиряк". — В.В.) я со своей стороны признаю преждевременным выдачу разрешения на издание "Сибиряка"⁷. Канцелярия иркутского генерал-губернатора, в свою очередь, уведомила Главное управление по делам печати, что, по полученным из департамента полиции сведениям, "названный Окунев к дознаниям политического характера не привлекался и в ни в чем фактически не проявлял своей неблагонадежности, но что по сведениям, не проверенным формальным дознанием, по его адресу получались из-за границы революционные издания". Из-за такого отзыва "Главное управление по делам печати полагало бы... ходатайство Окунева признать не подлежащим удовлетворению"⁸. Таким образом, если А.Б. Винограду издание газеты было разрешено, то другой проситель, Окунев, выдвигавший те же соображения о необходимости новых повременных изданий в крае, получил отказ. Причины отказа в разрешении на издание нового печатного органа вообще были самыми разнообразными: А.А. Жалудский получил отказ потому, что, по мнению Главного управления по делам печати, "проситель, имеющий степень аптекарского помощника, по образовательному цензу своему не может считаться подготовленным к изданию и редактированию газеты по проектированной им программе общественно-литературного характера"⁹, В.К. Штильке, по словам и.д. томского губернатора Азанчеева-Азанчевского, "имея предосудительный в политическом отношении образ мыслей и антиправительственные взгляды, ...не заслуживает предоставления ему права на издание в Барнауле, с дозволением предварительной цензуры, под его редакторством ежедневной газеты "Голос Алтая"¹⁰.

Таким образом, именно политика Главного управления и ответственных чиновников на местах, руководствовавшихся статьями законодательства о печати, резко ограничивала рост количества периодических изданий в крае. Немного было и желающих в условиях действия Устава о цензуре и печати издавать периодические издания. По неполным данным, в 1905 г. (до введения временных правил 24 ноября 1905 г.) в Главное управление было подано лишь 12 ходатайств о разрешении на издательскую деятельность, из которых удовлетворено было 8, а в 1906 г., когда предварительная цензура была отменена, разрешение на выпуск в свет газет и журналов, данное губернаторами или градоначальниками на местах в Сибири, получили 95 человек. Рост повременных изданий самых разных жанров и направлений

оказал мощное влияние на формирование общественно-политического сознания в крае, на осознание населением своих новых прав, полученных им по Манифесту 17 Октября 1905 г.

¹ Свод законов Российской империи. Т. XIV. СПб., 6/г. Ст. 1. С. 65.

² Подсчитано по: Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.). Томск, 1991.

³ РГИА. Ф. 776. Оп. 15. 1905. Д. 219. Л. 2.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Д. 17. Л. 8.

⁶ Там же. Д. 14. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 24. Л. 1.

⁸ Там же. Л. 8, 10.

⁹ Там же. Д. 14. Л. 20.

¹⁰ Там же. Д. 17. Л. 17.

Г.Г. Пиков (Новосибирск)

НЕИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА СИБИРСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ (М.Н. СУРОВЦОВ)

Заметное место в истории центральноазиатского региона занимали кидани, к истории которых обращались и многие представители отечественной исторической науки. Одним из пионеров киданеведения в России был ныне почти не известный даже специалистам М.Н. Суровцов. Он первым в истории европейской синологии сделал перевод самого авторитетного и полного источника по истории Ляо – династийной истории "Ляо ши". Основываясь на своем переводе, М.Н. Суровцов написал работу по истории киданей, которая была высоко оценена руководством восточного факультета и кафедры китайской словесности Санкт-Петербургского Университета. Произошло это в 1869/70 учебном году (*Суровцов М.Н. О владычестве киданей в Средней Азии // Архив востоковедов ЛО ИВ РАН. Фонд А.М. Позднеева, № 44, ед. Хр. № 278.*).

Работа студента М.Н. Суровцова интересна прежде всего тем, что является своеобразной вехой в истории отечественной и мировой синологии – ни один из исследователей до него (если не считать китайских авторов) не рассматривал отдельно и подробно историю кочевого народа. Показательно, что это была первая и даже единственная до сих пор попытка создать общий очерк истории этого этноса на основе самого авторитетного источника – "Ляо ши" (*История династии Ляо*).

Вплоть до недавнего времени пользоваться этой работой, хранящейся в фондах Архива Востоковедов СПбО ИВ АН РАН, могли только специалисты. В настоящее время благодаря некоторым обнаруженным архивным

материалам появилась возможность дать небольшой предварительный очерк о начальном этапе научной деятельности этого весьма интересного китаеведа прошлого столетия.

Родился Михаил Николаевич Суровцов 20 октября 1850 года в селе Кабанское Верхнеудинского округа Иркутской губернии. Благодаря стараниям матери и собственному усердию получил неплохое по тем временам образование, став студентом первого курса китайско-маньчжурско-монгольского разряда Восточного факультета Санкт-Петербургского университета. Получив диплом 2 января 1873 г., кандидат М.Н. Суровцов, по просьбе Министерства иностранных дел, с согласия Главного начальства Восточной Сибири, отправляется на службу в Азиатский департамент. Так закончился период его жизни, связанный с углубленной работой над китайскими источниками по истории Восточной Азии в средние века. Именно в это время, еще на студенческой скамье, была написана им одна из первых в мировой синологии обобщающих работ по истории государства Ляо (907–1125).

К этому времени трудами первых русских путешественников и дипломатов в Китае был заложен фундамент отечественной синологии. В первые десятилетия XIX в. закладываются научные основы мировой ориенталистики. В середине XIX в. начинается новый этап в изучении истории киданей, характеризующийся более глубоким интересом к их истории и началом разработки отдельных проблем.

Работа М.Н. Суровцова представляет собой рукопись, состоящую из пяти тетрадей. Из них сохранилось лишь четыре, в них содержится очерк истории киданей до крушения их восточного государства. В не сохранившейся пятой тетради была освещена история западных киданей и их государства.

Сочинение М.Н. Суровцова написано на основе практически одного единственного источника – "Ляо ши". Правда, источник этот – самый важный, самый главный, наиболее полон и разносторонен по содержанию. М.Н. Суровцов использовал этот труд довольно основательно. М.Н. Суровцов в своем труде во многом идет вслед за источником и все же, по мере возможности, отходит на максимально возможное в то время расстояние от источника, нарушая безусловно господствовавшую в XVIII–XIX вв. традицию пересказа источника.

Работа над темой требовала кропотливого и огромного по объему труда. Необходимо было перевести "Ляо ши" с китайского на русский, что само по себе дело и ответственное и технически весьма сложное. М.Н. Суровцов же сумел достичь поставленной цели и работу сделал на высоком профессиональном уровне, доказательством чему является сравнение цитируемых им отрывков с переводами Г. Франке, К.А. Виттфогеля, Фэн Цзяшэна, В.С. Таскина. Его переводами пользовались В.П. Васильев, В.В. Григорьев и, возможно, А.М. Позднеев, в фонде которого и обнаружена

была рукопись его сочинения. Качество перевода можно охарактеризовать как достаточно высокое. Об этом свидетельствует сравнение некоторых мест из перевода М.Н. Суровцова с более поздними переводами.

Его исторические взгляды тоже отличаются известной наивностью и эклектизмом. Об историко-философских взглядах Суровцова можно судить на основе общего Введения к сочинению и небольших вступлений к его отдельным разделам. Он не ставил перед собой задачи разработать собственную историческую концепцию, а все свое внимание уделял взаимоотношениям кочевых и оседлых обществ. Он был близок к сформировавшейся в его время циклической теории, представленной, в частности, немецким историком Леопольдом фон Ранке.

История киданей рассматривается М.Н. Суровцовым в неразрывной связи с историей дальневосточного региона в целом и Китая в частности. Это обусловлено не только его общен историческими воззрениями, но и тем, что в данном случае он основательно зависел от своего основного источника "Ляо ши", а составителей этой хроники интересовали прежде всего взаимоотношения Китая и киданей. Порочной оседлой цивилизации Суровцов противопоставляет "первобытные нравы" кочевников, которые "чисты и безыскусственны". Он не раз высказывает мысль о том, что кочевые народы не только не уступают в чем-либо земледельческим, но и в определенном смысле выше их. Воинственность кочевников противостоит "китайской трусости" и "китайской гражданственности", культура их не примитивна, а своеобразна и воинственность — один из элементов этой культуры. Эти культуры не просто сосуществуют, они противостоят друг другу.

История киданей и их восточного государства находит достаточно полное и подробное изложение в работе М.Н. Суровцова. Первая проблема, которую он затрагивает, была проблема их происхождения. Суровцов киданей считает предками маньчжур. Таким образом, М.Н. Суровцов может быть признан первым исследователем в отечественной науке, попытавшимся осветить и понять "темные века" киданьской истории.

Основная предпосылка будущей гибели государства, по его мнению, заключалась в китаизации киданей, причем под китаизацией здесь понимается восприятие чисто внешних атрибутов чужой культуры. Можно предположить, что в такой специфической форме М.Н. Суровцов впервые, по крайней мере, в отечественной науке, обратился к культурологической проблеме взаимодействия культур. Как видим, в определенном отношении М.Н. Суровцов уже в историко-политическом обзоре отошел от той тематики, которую ему рекомендовали на кафедре и пошел по своему пути, считая, видимо, культурологические и социально-экономические вопросы более важными. Это, разумеется, связано с его особым интересом к экономике и социальным отношениям. Он видит прямую зависимость между

уровнем экономического развития государства и его ролью на международной арене. Подобный подход только намечался в тогдашней науке, и М.Н. Суровцов был одним из его пионеров. Он отвечает и на все вопросы, связанные с границами киданьской империи, политической историей и т. д., но акцент он все же делает именно на социально-экономической проблематике (этому посвящена вся работа, кроме первой тетради). В европейской синологии лишь К.А. Виттфогель и Фэн Цзяшэн впервые обратили особое внимание на экономику, в Японии — Симада Масао, а в нашей — Л.И. Думан в середине 50-х годов, если не считать небольшой обобщающей статьи Л.Н. Рудова.

Проблемы культуры рассматриваются исследователем выборочно. В "Ляо ши" нет специальной главы, посвященной религиозным воззрениям киданей, но Суровцов смог синтезировать разрозненные сведения о них и в результате нарисовать сравнительно полную картину религиозной жизни империи. Во второй половине прошлого столетия изучение различных восточных культов и вер находилось практически в зачаточном состоянии и, хотя автор дает лишь небольшие, справочного характера сведения, его можно признать пионером и в этой области.

Непосредственно с религией связаны и многочисленные обряды и церемонии, подробно описываемые М.Н. Суровцовым. Описание различных церемоний М.Н. Суровцова сохраняет свое значение до сих пор в силу уникальности этих сведений.

Влияние китайской цивилизации, по мнению автора, проявилось и в законодательстве киданей, прежде всего уголовном. Именно процесс внутреннего развития общества, имущественное и социальное расслоение, складывание монархической власти приводили к формированию законодательной базы. Немалую роль в развитии этого процесса и появлении киданьской специфики сыграли контакты с Китаем. Достаточно подробно Суровцов рассматривает историю киданьского права, различные этапы развития киданьского уголовного законодательства. Отмечает он и специфику этого законодательства: наличие отдельных законов для киданей и китайцев, особая роль обычаев и традиций, жестокость как следствие несоразмерности наказания и преступления и др.

Таким образом, при всей противоречивости методологического подхода к исторической проблематике, М.Н. Суровцов провел последовательный и методический анализ ее, имея собственное представление об истории киданей и их "быте", создал вполне оригинальное научное сочинение, значительно обогатившее тогдашнюю историческую науку знаниями об одной из интереснейших страниц восточно-азиатской истории средних веков. Принимая во внимание высокое качество перевода "Ляо ши" и монографический характер исследования, можно смело утверждать, что работа М.Н. Суровцова не утратила своего научного значения по сей день.

В.А. Эрлих (Новосибирск)

СИБИРСКИЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИЗДАНИЯ О РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ В КРАЕ

Экономическое освоение Зауральского региона, начавшееся вслед за присоединением края, особенно интенсивно наблюдалось в последней четверти XIX – начале XX вв. Данные вопросы освещались достаточно широко в периодической печати и в изданиях, выходящих из типографий городов Сибири и Дальнего Востока.

Одной из первых работ, посвященных развитию земледелия и скотоводства, была книга М.М. Дубенского (1884). Опыт по выращиванию земледельческих культур отразился в работах А.А. Дунина-Горкавича, М.П. Скадченко и др. Выходили труды о состоянии земледелия и путях его развития в Сибири (Бычков А.И., 1902; Дунин-Горкавич А.А., 1907; и др.); о сортах сибирской пшеницы (Скалозубов Н.Л., 1899; 1906), результатах изучения свойств зерна (Дульский М.Р., 1910; Павловский С.Г., 1910), выращивании люцерны (Стаховский И.Н., 1908), посевах трав, льна (Купласт А., б.г.; Флоренских А., 1913), бобовых (Сапожников В.В., 1896), разведении табака (Дудчапов А., 1888). Были труды по овощеводству (Яницкий В.И., 1909) и плодоводству (Кащенко Н.Ф., 1909; Петушкевич М.Г., 1913). Появились работы по обследованию почв (Выдрин И.П., Ростовский З.И., 1896; 1899), осушению и возделыванию земель (Львов А.В., 1897), по обработке полей (Соколов В.Н., 1915).

Большое значение в экономике играло животноводство. Здесь рассматривались вопросы продуктивности молочного скота (Вентцер Н.М., 1907), причины изменения количества и качества молока (Ефремов И., 1905), его гигиены и болезней (Окулич И.К., 1895), техники маслоделия, определения качества масла и т. д. (Брейтигам П.Ф., 1889; Нейланд Ф.В., 1911; Хвошинский С., 1902). Среди работ монографического характера следует отметить труд Н.М. Трегубова о маслоделии в Сибири (1906). Определенное внимание уделялось развитию коневодства, свиноводства, мараловодства. Актуальными были исследования, связанные с борьбой с эпизоотиями и развитием ветеринарного дела.

В большом количестве публиковались отчеты, труды, журналы заседаний, уставы различных сельскохозяйственных отделов ИМОСХа: Томского, Обского, Ялуторовского, Тюкалинского, Омского, Красноярского, Иркутского, Забайкальского, Якутского, Приморского и др., каталоги сельскохозяйственных отделов музеев.

Большое значение в экономике Сибири играла охота. Поэтому издавались работы о соболе и пушном промысле в Сибири (Тугаринов А.Я., 1913; Швец А.И., 1910; 1911; Лавров Н.Д., 1915; Шрайбер А.Ф., 1916); о изюбрином промысле (Кузнецов А.К., 1899).

Среди работ, посвященных развитию рыболовства, издавались труды о отдельных регионах (Н.Д. Рыболовство в Западной Сибири. 1882), рыболовных угодьях (Варпаховский Н.А., 1896; Дунин-Горкавич А.А., 1915). Были опубликованы также работы о деятельности обществ рыбоводства и рыболовства (1909) и их проекты (Кашенко Н.Ф., 1891).

Для районов Восточной Сибири и Дальнего Востока актуальными были вопросы, связанные с добычей омуля (Сабуров Н.П., 1888), развитием сельского рыболовства (Солдатов В.В., 1912); анализом состояния рыбных и морских промыслов (1912; Кирилов Н.В., 1899); морских промыслов на Южном Сахалине (Кирилов Н.В., 1899); о рыбной ловле у гиляков (Нордман А., 1862), о промысле миноги, трепанга (Алексин М., 1912; Скалозубов Н.Л., б.г.), китобойном промысле у чукчей (Гек, 1888). Вопросам развития рыбного промысла у инородцев низовьев р. Енисей посвятили свои работы В.Л. Исаченко (1915) и И.К. Окулич (Окулич И.К., Исаченко В.Л., 1909). Издавались работы о сборе жень-шеня, пант, морской капусты (Александр Д., 1915); о сборе и переработке кедровых орехов (Кочергин С.М., 1909) и т. д. Публиковались также труды о оружейном, содовом промыслах; развитии соляной торговли на Урале и в Сибири в XVIII в., о значении Чуйского торгового пути.

Развитие промышленности вызвало появление работ о золотопромышленности, поиске и добыче полезных ископаемых, развитии угольной промышленности и т. д. Среди работ, связанных с золотопромышленностью, следует отметить труды, посвященные описанию золотоносных районов (Зайцев А.М., 1901; 1903; Обручев В.А., 1909; 1917; Реутовский В.С., 1896). Публиковались труды о хищнической добыче золота (Горст И., 1878), нуждах золотопромышленности (Розенфарб А., 1917). Была напечатана также книга инженера-технолога В. Авамова "Очерк золотопромышленной Олекмы" (1884).

Другим направлением являлись работы о методах поиска и разведки золота, способах открытия золотоносных бассейнов (Реутовский В.С., 1892; 1899; Юдыцкий И., 1892). В.С. Реутовским была написана книга "Курс разработки золотых россыпей гидравлическим способом" (1894).

Выходили работы о деятельности рудников, горных богатствах и медных рудах Урянхайского края, о месторождениях углей, их разведке и методах анализа, о перспективах развития угольной промышленности, истории горнозаводской промышленности, истории горного дела, о поисках оловянных руд, добыче торфа. Встречаются работы об алтайских серебряных рудниках, по горному искусству и т. д.

Таким образом, многие вопросы развития экономики края достаточно хорошо освещались в сибирско-дальневосточных изданиях дореволюционного периода.

О.В. Ушакова (Омск)

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРЕЗВЕННОЙ РАБОТЫ В ЗАПАДНОСИБИРСКИХ ЕПАРХИЯХ В 1907–1914 ГГ.

В православии трезвость рассматривается как одна из важнейших нравственных характеристик христианина. Поэтому борьба с пороком пьянства всегда расценивалась Русской православной церковью в качестве одной из значимых составляющих религиозно-нравственного воспитания паствы.

Наряду с частным почином священно- и церковнослужителей в организации антиалкогольной деятельности, инициативой "снизу", принимавшей дозволенные формы, существовал еще один вектор развития движения за трезвый образ жизни – управленческо-бюрократический. На протяжении 1907–1914 гг. в трезвенное движение стремительно включался бюрократический механизм управления Русской православной церковью. Его "дыхание" явно ощущалось уже при зарождении самого движения в указах, инструкциях, посвященных "пьяному" вопросу и пытавшихся задать параметры активности духовенства на этом поприще, в строгой регламентации^{*} форм жизнедеятельности возможных объединений трезвенников (от ведения специальной книги учета членов обществ до обязательных ежегодных отчетов), наконец, в самом желании не упускать из-под своего контроля ситуацию на местах во избежание возникновения опасных для государства форм самоорганизации населения. В то же время традиционно немаловажной побудительной причиной внимания к общественному пьянству являлось постоянное взаимодействие местных гражданских и церковных органов.

Предполагаемая реорганизация попечительств о народной трезвости, разработка с 1907 г. и обсуждение законопроекта о мерах борьбы с пьянством в Думе, живой интерес общественности к этому вопросу, несомненно, являлись своеобразным катализатором для усиления активности церковных органов управления разных уровней на ниве борьбы с "зеленым змием". С увеличением числа церковных трезвенных организаций возник вопрос о координации их действий. В частности, по мнению томского делегата на Всероссийском съезде практических деятелей по борьбе с пьянством 1912 г. священника П. Комарова, решение этого вопроса для Томской епархии было крайне важным, так как "недостаток прочной организованности и неимение объединяющего центра" являлись к 1912 г. главным препятствием для развития трезвенного движения здесь¹. 4 октября 1912 г. последовала резолюция архиепископа Томского и Алтайского Макария (Парвицкого) о создании Комиссии по устройству Епархиального братства трезвости под председательством протоиерея С. Сосунова. Одной из задач этой комиссии было предоставление необходимой информации желающим открыть в своих

приходах общества трезвости². В конце 1913 г. было открыто епархиальное Иннокентьевское братство трезвости с утвержденным епархиальным начальством уставом, и в 1914 г. епархиальным съездом духовенства был избран председателем Комитета Братства один из авторитетнейших деятелей трезвенного движения в епархии священник Сретенской церкви П. Комаров³.

В отличие от Томской в Омской епархии центральное епархиальное общество трезвости было создано не как самостоятельная единица, а как дочерняя структура Епархиального братства ревнителей православия, самодержавия, русской народности и христианского благотворения во имя "Божией Матери, именуемой "Утоли моя печали". Общество трезвости было учреждено при братстве 15 марта 1913 г. в ознаменование 300-летнего юбилея царствования дома Романовых. Святой покровительницей общества, как и братства, считалась Богородица, явленная в образе "Утоли моя печали". 21 июля 1913 г. был утверждён епископом Омским и Павлодарским Андроником (Никольским) устав нового епархиального общества трезвости. Его председателем стал викарный епископ Акмолинский Мефодий (Краснопёров)⁴.

Как Иннокентьевское братство трезвости Томской епархии, так и общество трезвости при Омском епархиальном братстве ставили своей главной целью борьбу с народным пьянством и руководство обществами трезвости своих епархий. И то, и другое для лучшей координации работы трезвенных обществ ближайшей задачей ставили организацию своих отделений в наиболее значимых населенных пунктах епархий, воздвигание епархиальной трезвенной библиотеки, склада трезвенной литературы и "световых" картин. Помимо организационно-координационной работы центральные церковно-трезвенные органы Омской и Томской епархий выполняли те же функции, что и рядовые общества трезвости: вели запись членов, устраивали "народные чтения", распространяли печатные издания религиозно-нравственного и антиалкогольного содержания и др.⁵

В отличие от других западносибирских епархий в Тобольской епархии руководство деятельностью церковных обществ трезвости постоянно находилось в ведении Епархиального братства св. великом. Димитрия Солунского. Ведение борьбы с пьянством полностью соответствовало намеченным уставом Братства задачам, одна из которых была сформулирована следующим образом: "Распространение просвещения в духе православной церкви, охранение чистоты нравов и искоренение обычаев и явлений, не желательных с православной точки зрения"⁶. Скорее всего, в Тобольской епархии не было острой необходимости в создании специального органа для координации действий этих обществ, что, на наш взгляд, было связано с отлаженной организацией самого Братства, успешной и продуктивной его работой на различных направлениях. Судя по отчетам Тобольского епархиального братства, за короткий срок – с 1909 по 1914 г. –

резко усилился контроль с его стороны за антиалкогольной деятельностью духовенства. Братство начало пристально следить за отчетностью религиозно-трезвенных организаций.

Таким образом, начиная с 1909 г. для развития трезвенного движения в западносибирских епархиях было характерно усиление централизации управления антиалкогольной деятельностью духовенства, проявившееся как в создании специальных церковно-трезвенных органов, так и в активизации работы прежних структур, контролировавших общественную активность духовенства. Возросшая координация трезвенной деятельности духовенства позволила организованно проводить на территории западносибирских епархий мероприятия общероссийского масштаба.

¹ Комаров П. Краткий обзор трезвенного дела в Томской епархии // Труды Всероссийского съезда практических деятелей по борьбе с алкоголизмом, состоявшегося в Москве с 6–12 августа 1912 г. Т. 2. Пг., 1915. С. 227.

² Томские епархиальные ведомости. 1912. № 21. Часть официальная. С. 461; № 24. Часть официальная. С. 550.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. 1914. Д. 2674. Л. 37; ГАТО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 374. Л. 37.

⁴ Омские епархиальные ведомости. 1913. № 16. Часть официальная. С. 7–9.

⁵ ГАТО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 374. Л. 38; Омские епархиальные ведомости. 1913. № 16. Часть официальная. С. 8.

⁶ Тобольские епархиальные ведомости. 1910. № 3. Часть официальная. С. 45.

И.В. Волгин (Новосибирск)

ОЦЕНКА АМЕРИКАНСКИМИ И БРИТАНСКИМИ АВТОРАМИ УРОВНЯ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ И СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Рассматривая общественную жизнь в России и Сибири в конце XIX – начале XX в., американские и английские авторы стремились показать уровень народного просвещения. Они полагали, что успех проводимых российским правительством преобразований, прежде всего в экономической области, напрямую зависит от уровня подготовки кадров и от того, в какой мере образованное население сможет поддержать правительственные усилия.

Многие английские и американские авторы не предпринимали специального анализа образовательной сферы, а стремились соотнести уровень грамотности в своей стране и в российском обществе. Поэтому их внимание привлекала, главным образом, начальная школа и связанная с этим проблема введения всеобщего начального образования в России. Британский литический обозреватель Генри Норман был удивлен обилием рекламных весок без соответствующих надписей. Справившись об этом у хозяина лавки, он получил ответ, удививший его еще более – большинство

крестьян не умело читать. "Русские неграмотны в прямом смысле" — делает вывод обозреватель. Г. Норман возвращается к теме грамотности с другой стороны, рассуждая о военных аспектах продвижения России на Дальний Восток и в Китай. Он указывал, что крестьяне, составляющие костяк царской армии, также неграмотны¹.

Официальный справочник "Россия. Промышленность и торговля", изданный в Глазго в 1901 г. на английском языке для участия в международной выставке, был призван показать, что царское правительство уделяло системе образования пристальное внимание. В сборнике подробным образом дается информация об учебных заведениях России — от начальных школ, гимназий, реальных училищ до университетов. Признавалось, что внимание классическим предметам, свойственное русскому школьному образованию, постепенно отходит на второй план, указывалось на создание женских учебных заведений: гимназий, институтов, пединститутов, медицинских школ. Отмечалось наличие заведений, готовящих кадры для коммерции. Хотя власти и стремились продемонстрировать стремление к "улучшению образования", его уровень признавался недостаточным. Главной причиной этого указывалась нехватка преподавательских кадров².

Насколько недостаточным был уровень образования в Сибири, показывали другие иностранные авторы. Экономист Б. Баевский называл уровень грамотности в 12 %, отмечая то, что среди детей до 9 лет этот показатель составляет более 16 %³. Американский инженер Линдон Бейтс также отмечал низкий уровень грамотности среди сибиряков: по его данным 84 % из них были неграмотны. Британский экономист М. Прайс указывал, что только 50 % сибирских детей ходят в начальные школы, а предложение открыть университет в Иркутске не получило финансовой поддержки правительства⁴.

Наиболее полное представление о состоянии системы образования в Сибири дает книга В. Рассела. Англичанин, директор секции "Образование" из русского отдела Американского комитета общественной информации. Он провел октябрь—декабрь 1918 г. в составе комиссии вышеупомянутого Комитета для изучения состояния школьного образования в Сибири. Название его книги выказывает основной лейтмотив произведения: "Школы в Сибири. Единственный способ поддержать Россию". Основные данные, которые удалось собрать автору и которыми он оперирует, приходится на 1914—1915 гг. Автор лично посетил Владивосток, Николаевск, Иркутск, Томск, Тайгу и некоторые деревни.

Рассел отмечает жесткий контроль над школами со стороны властей и церкви, которые следили "не за порядком, а за благонадежностью". В таких школах обычно преподавал 1 учитель, срок обучения составлял 3 года. Предметы школьной программы составляли арифметика, чтение, письмо и закон Божий. Наиболее успешные ученики шли далее на 4-летний курс.

Рассел отмечает высокий процент отчисления учеников. Количество школьников в первом классе составляло 22 ученика, на следующий год это число сокращается до 16. На третий год остаются только 6 учеников, а из предметов добавляются грамматика, история и география. Одной из важных причин отчисления помимо успеваемости являлось то, что крестьянские дети начинали работать в раннем возрасте⁵.

По наблюдению Рассела, характерными чертами сибирского образования в целом являлось то, что "английский язык в школах и университетах изучают небольшое количество учеников и студентов", отдавая предпочтение немецкому, общая социальная ограниченность школьной жизни, а также сильное влияние церкви. В этом плане он рекомендует Американскому комитету общественной информации расширить свою деятельность в плане предоставления информации о возможностях обучения в США, осуществлять координацию университетских программ двух стран, а также содействовать в предоставлении средств на цели научного обмена.

Руководствуясь характерными для англоязычных авторов принципом, что образование есть благо, В. Рассел делает вывод, что содействие образованию является наилучшим способом помощи России в трудное для нее время. Потребности образовательной системы "такие же, как и везде": материалы, школьное оборудование, книги, каталоги, инвентарь. Что касается школьных программ и помощь преподавательскими кадрами, то В. Рассел отмечает как лучшую сторону системность русского образования. По его мнению, "это сложившаяся, отлаженная система, и ее не улучшат тысячи иностранных учителей. Русские очень хорошо знают, как и что нужно делать"⁶.

Подводя итог, можно утверждать, что поскольку и в США, и в Великобритании всеобщее начальное образование к концу XIX в. стало реальностью, для иностранных авторов было свойственно оценивать с таких же позиций прогресс России в этой области. Оценивая уровень народного просвещения в России и Сибири в конце XIX – начале XX в., иностранные авторы отмечали отставание России от западных стран. Признание царским правительством стремления к просвещению, по мнению иностранных авторов, не находило подтверждения на практике. Способы организации начального образования в Сибири, недостаточное количество выделяемых бюджетных средств остро сказывались на общей нехватке как учебных заведений, так и преподавательских кадров.

¹ Norman Henry, "Russia of Today" *Scribner's Magazine*. N.Y., vol. XXVIII. № 4. 1900: 387–406. Part I. P. 402.

² Russia. Its Commerce and Trade/ Glasgow International Exhibition 1901. Hay Nisbet and Co. Ltd., Glasgow, 1901. P.107.

³ Baiewsky Boris. *Siberia, its Resources and Possibilities*. Washington. US Dept. of Commerce, Bureau of Fisheries. Government Print Office. № 36. 1925. P.9.

⁴ Price M. Phillips Morgan. *Siberia*. London: Methuen, 1912). P. 73.

⁵ Russell W. *Schools in Siberia. One Way to Stand by Russia*. London: Lippincott. 1924. P. 49.

⁶ Russell W. *Schools in Siberia*. P. 127.

Е.А. Чупахина (Новосибирск)

ВЫСШИЕ ЖЕНСКИЕ КУРСЫ ПО ПУБЛИКАЦИЯМ РУССКИХ ЖУРНАЛОВ 1870–80-Х ГГ.

В рамках социокультурных изменений русского общества в пореформенное время начинается процесс формирования в культуре нового стереотипа женского поведения и отношения к женщине. Женские курсы были той средой, где этот процесс происходил особенно активно, а потому рассмотрение их представляет особый интерес. Курсы являлись той точкой, в которой фокусировались, во-первых, литературная и журнальная полемика, а во-вторых, реалии повседневной жизни, отражавшие и преломлявшие ее.

Нам кажется вполне правомерным рассмотреть эту полемику на пример наиболее представительных для того времени журналах различных политических ориентаций, какими мы считаем: для радикалов – "Дело", для либералов – "Вестник Европы", для консерваторов – "Русский Вестник".

Вполне естественно, что о женских курсах писали журналы либерального и радикального направлений: либерально настроенные профессора были преподавателями этих курсов, курсистками становились в основном девушки радикальных ("прогрессивных", в терминологии того времени) взглядов. Понятно и молчание консервативных изданий, предпочитавших вообще игнорировать существование "женского вопроса". Это отражает также и то, что интерес к женским курсам был присущ не всему обществу (ни актуальный вопрос откликнется хоть в какой-нибудь форме любой журнал), а только определенной его части.

Возникновение в России женского высшего образования было вызвано требованиями радикально настроенных кругов раньше, чем появилась реальная в нём потребность. По сути, в патриархальном ещё обществе воплощалась потребность, свойственная другому уровню экономического развития и другому типу культуры. Потому для удовлетворения потребности в высшем женском образовании была придумана форма, обычная для традиционного общества с его делением на женское и мужское, в том числе в сфере образования.

Таким образом, за женским образованием не признавали равных прав мужским: для курсов создавались в каждом случае свои программы, которые отличались от программы университетов. Это обуславливалось отчасти

разницей программ женских и мужских гимназий. Да и цели курсов считал общеобразовательными, "специальный характер образования вызовет только равнодушие женщин"¹. Такова была позиция либералов — практически устроителей курсов, позиция радикалов была иной, но существовала только в теоретическом виде.

Курсы не давали женщинам реальных преимуществ на рынке труда. Например, материальная выгода от Бестужевских курсов заключалась в свидетельстве профессоров об удовлетворительном прослушивании курсов, которое облегчало поступление на место домашней учительницы или по частным урокам², т. е. ту деятельность, для занятия которой курсы вовсе не являлись обязательными. Несколько по-иному обстояло дело с курсами при медико-хирургической академии, но и здесь существовали сначала запрет, потом ограничения деятельности женщин-врачей.

Чтобы понять, что такое женские курсы, в первую очередь необходимо посмотреть, кто составлял их аудиторию. В октябре 1881 г. на Бестужевских курсах обучалось 980 слушательниц. Из них 647 (приблизительно 2/3) приехавшие из провинции, 333 — из Петербурга, что может говорить о их роли в социализации отдельных групп. Социальный состав слушательниц говорит сам за себя: дворянское сословие — 610, купеческое — 133, мещанское — 102, крестьянское — 9, солдатское — 8³.

Интересно сравнить их с женскими курсами при медико-хирургической академии. В первый год их существования (1872) принято было 86 человек (вместо планируемых 70), в 1873 — 89, в 1874 — 88, в 1875 — 93 и т. д. Наибольшее число из дочерей чиновников — 30 чел., наименьшее — крестьянок и дочери солдат — по 1, мещан — 6, дворянок — 4⁴. Мы не располагаем более полными данными о социальной принадлежности слушательниц этих курсов, но известно, что среди них было много евреек. Этот факт вполне понятен, если учесть, что еврейки не имели права преподавания, и медицинская карьера была для них единственно возможной. По сравнению с Бестужевскими курсами, обращает на себя внимание значительно меньшее число дворянок. Это объясняется тем, что на медицинские курсы шли те, кто действительно собирались работать как врачи, что не сулило тогда больших карьерных и денежных перспектив и требовало колоссального труда и самоотдачи. Преобладание дворянок и слушательниц из обеспеченных семей на курсах больше чем понятно, ведь курсы были удовольствием не только не бесплатным, но и весьма дорогим — 50 рублей в год⁵.

Интересно и то, что многие курсистки параллельно учились и работали (чаще всего зарабатывали уроками или переводами), то есть на курсах учились не для того, чтобы сделать карьеру и обеспечивать своё существование. Как учёба, так и работа для многих была скорее позой навешанной модой и радикальной пропагандой, чем необходимостью. Стремление учиться было связано и с верой в науку, ставшую тогда культом

для части общества, особенно радикальной, желанием воплотить некие абстрактные принципы и идеалы. В каком-то смысле курсы стали образом жизни для определённой части общества, в особенности для тех, кто приезжал из провинции, частично или полностью разрывая с семьёй — им оставалось только вариться внутри этой среды, жить по её обычаям.

Курсы возникали и существовали, в основном, благодаря частной инициативе и поддержке. Характерен пример женских медицинских курсов при медико-хирургической академии: они были учреждены 'на пожертвования г-жи Родственной (50 тыс. рублей)⁶. Правительство только разрешило их существование, долгое время они находились в ведомстве военного министерства и получали от него небольшую субсидию. Эта ситуация не была исключительной: учредителями Бестужевских курсов были "гг. профессора, читавшие на публичных курсах," и кружок женщин⁷; в Москве курсы были учреждены по инициативе профессора В.И. Герье.

Материальную сторону женского образования хорошо отражают отчёты "Общества для доставления средств высшим женским курсам", публиковавшиеся ежегодно. Рассмотрим на примере сметы на 1880—1881. Расходы составили 55 215 руб. Доходы: большую часть средств составила плата курсисток (50 руб. в год) — 35 560 руб.; субсидия министерства народного просвещения 3 тыс. руб.; 13 тыс. доставило общество взносов, пожертвованиями, устройством благотворительных вечеров и концертов⁸.

Женские курсы возникают благодаря частной инициативе в начале 1870-х гг., и уже исходя из этого факта можно говорить о поддержке общества. К началу 1880-х гг. появляются тревожные публикации, связанные с угрозой закрытия курсов при медико-хирургической академии в связи с недостатком их финансирования, обвиняющие общество в непростительном равнодушии⁹. Однако это указывает не только на некоторые признаки охлаждения общества к созданным им самим курсам, но ещё и на возрастание потребностей курсов, связанных с увеличением числа слушательниц и усложнением организационной структуры.

Либералы концентрировались на положительных моментах, радикалы на негативных. Радикалы искали сочувствия и поддержки в обществе, даже не во всём обществе, а "в интеллектуальном меньшинстве"¹⁰. Либералы же мало верили в успех у нас общественных начинаний и взывали, в основном, к правительству, считая, что от его "примера, взгляда зависит половина дела"¹¹.

Отношение правительства тоже менялось. Оно сильно зависело от мнения общества. В 1863 г. закрытие университетов для женщин вполне соответствовало мнению большинства. Но в 70-х гг. правительство не препятствует созданию женских курсов, даже выплачивает им субсидии, и отнюдь не собирается их закрывать, хотя и не даёт средств для их существования.

Причиной настороженного отношения правительства и общества была связь женского вопроса с радикальными идеями. Хотя не только в правительственных кругах, но и в обществе происходило "смещение нигилизма и вопроса о женском труде и образовании"¹². Это имело реальные основания. Несомненно, в женский вопрос входил "элемент революционизма, расшатывавший устой воспитания, навыки общественных отношений"¹³.

¹ Герье В.И. Теория и практика женского образования // Вестник Европы. 1877. № 4. С. 668.

² Цебрикова М.К. Высшие женские курсы в Петербурге // Дело. 1882. № 4. С. 148.

³ Там же.

⁴ Некрасова Е.С. Женские врачебные курсы // Вестник Европы. 1882. № 12. С. 817.

⁵ Цебрикова М.К. Указ. соч. С. 148.

⁶ Некрасова Е.С. Указ. соч. С. 811.

⁷ Цебрикова М.К. Указ. соч. С. 148.

⁸ Там же. С. 149.

⁹ Русанов Н.С. Женское высшее образование // Дело. 1881. № 2. Внутреннее обозрение; Женские медицинские курсы // Дело. 1882. № 5.

¹⁰ Шелгунов. Женский вопрос. С. 119.

¹¹ Служебные права женщин. // Вестник Европы. 1870. № 5. С. 393.

¹² Вопрос о службе женщин в железнодорожных обществах // Вестник Европы. 1874. № 8. С. 803.

¹³ Щепкина Е. Из истории женской личности в России. СПб., 1914. С. 291.

В.К. Бахтин (Новосибирск)

СИБИРЬ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ

Меня судьба свела с Л.М. Горюшкиным в победоносном 1945 году в Кемеровском военно-пехотном училище. После успешной сдачи вступительных экзаменов нас обоих зачислили в число курсантов на трехлетний срок обучения. Но Леониду Михайловичу не повезло: во время учебы он тяжело заболел и после операции в госпитале был уволен из рядов Вооруженных сил. Вновь мы с ним встретились в Институте истории, который осуществлял научно-методическое руководство только что созданным музеем СО РАН в 1991 г. Его влияние коллектив музея ощущал повседневно до конца его жизни. Кроме того, Л.М. Горюшкин постоянно участвовал в мероприятиях, проводимых музеем.

В научном плане Леонид Михайлович постоянно уделял внимание истории Сибири начала XX в., которая стала главным колонизационным бассейном страны. Царское правительство стремилось сбыть на окраину побольше безземельных и недовольных крестьян и тем самым разрядить земельную тесноту в районах помещичьего землевладения. Сибирь занимала

также видное место в расчетах П.А.Столыпина создать в лице зажиточного слоя деревни еще одну, помимо дворянства, опору самодержавной власти и предотвратить новую революцию.

После поражения первой русской революции крестьянское движение не прекратилось. Развиваясь в основном в рамках первой социальной войны, оно в Сибири определялось совокупностью различных факторов, в том числе уровнем социально-экономического развития, интенсивностью землеустроительных работ, массовостью переселенческого движения, близостью пролетарских центров. Главными требованиями крестьян в рассматриваемое время были: преобразование политического строя и введение политических свобод, упразднение сословий и отмена института крестьянских начальников, ликвидация кабинетского землевладения и монополии казны с Кабинетом его императорского величества на лес.

В социально-демографическом отношении главной особенностью Сибири в рассматриваемый период являлся быстрый рост народонаселения (с 5,2 млн в 1897 г. до 11 млн в феврале 1917 г.). Абсолютное большинство переселенцев оседало в сельской местности и прежде всего на Алтае. В городах к 1914 г. проживало немногим более 1 млн чел. Социальный облик местного отряда пролетариата в значительной степени определялся его образовательным уровнем. Удельный вес грамотных среди рабочих региона неуклонно повышался и накануне первой мировой войны составлял примерно 55 %.

Социальный облик рабочих формировался под воздействием различных идеологий и социально-психологических факторов. К 1914 г. характерна тенденция к снижению реальной заработной платы, падение номинальной, дороговизна жизни. Неуклонно росла норма эксплуатации. Правовая регламентация трудовых отношений между рабочими и предпринимателями отличалась примитивностью. Правоотношения эти не соответствовали формальным, установленным нормам. Таким образом, накануне первой мировой войны происходило дальнейшее формирование сибирского отряда рабочего класса. Региональная экономика в этот период в большей мере, чем раньше, была втянута в орбиту народнохозяйственной жизни России.

Все эти сложные и противоречивые явления, в том числе в сознании людей, сказались на сложных взаимоотношениях между мобилизованными и офицерским составом. Уходили на фронт кадровые военные, мобилизованные и добровольцы. Сибирь дала действующей армии 7 армейских корпусов, 22 стрелковые дивизии, большое количество полков, в том числе казачьих. Война оказала огромное влияние на жизнь России и Сибири. Если в начале 1916 г. в России на оборону работали 3 846 предприятий, в том числе в Сибири – 228, то к 1917 г. их число увеличилось в России до 5 200, а в Сибири до 933. Омский военный округ становится кузницей подготовки для фронта офицерских кадров. В 1915 г. в Омске

открываются 1-я и 2-я школы прапорщиков на 400 человек каждая. Они выпустили в течении войны тысячи младших офицеров.

В целом экономика и социальная структура России оказались не подготовлены к длительному напряжению. Война неизбежно вела к разрушению хозяйственного комплекса, и Сибирь, как часть России, не была в этом отношении исключением. Длительная антинародная война в интересах капитала вызвала невиданно высокую активность масс и обусловила быструю и в основном бескровную ликвидацию монархической системы. Важнейшим политическим итогом войны явился прорыв фронта империализма и осуществление Великой Октябрьской социалистической революции.

А.В. Добровольский (Новосибирск)

ВЛИЯНИЕ КОМУЧА НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ ЭСЕРОВ СИБИРИ

Данный вопрос не рассматривался специально в отечественной историографии, хотя имеет немаловажное значение в судьбе "демократической" контрреволюции Сибири. Отдельные аспекты этой темы затронуты в монографиях В.В. Гармизы, Г.З. Иоффе, А.В. Добровольского¹.

Летом 1918 г. на территории Поволжья, Урала и Сибири, освобожденной от власти большевиков, появилось свыше 20 различных правительств. Наиболее сильными и влиятельными из них были Самарский Комитет членов Учредительного собрания (Комуч) и Временное сибирское правительство. Политическая программа Комуча в большей степени соответствовала партийной программе эсеров. Сам Комуч являлся органом законодательной власти, а исполнительная власть сосредотачивалась в отделах, переименованных позднее в ведомства². Эсеровский Комуч считал себя легитимным наследником всероссийской власти и требовал своего признания со стороны всех остальных региональных правительств.

Партийные связи эсеров Поволжья и Сибири были восстановлены в марте 1918 г., когда в Томске побывал член Учредительного собрания, эсер М.И. Брушвит. После падения большевистской власти в Самаре ждали и надеялись, что новая власть Сибири "вот-вот примкнет к Комучу как единственному законному "всероссийскому правительству"³. Восторженные отклики эсеровских газет Сибири по поводу рождения "эмбриона" общероссийской власти не вызывали таких же эмоций в стане правой контрреволюции. Временное сибирское правительство, возникшее с санкции Сибирской областной думы, тоже претендовало на расширение сферы своего политического и территориального влияния.

На наш взгляд, сибирские эсеры, опираясь на пример Комуча, переоценили роль и силу органа законодательной власти — Сибирской

областной думы. Добровольный акт передачи власти от Западно-Сибирского комиссариата в руки Временного сибирского правительства серьезно ослабил позиции эсеров. В Самаре обе ветви власти находились в руках социалистов, а сибирское правительство, и особенно его "деловой аппарат", полностью отторгали социалистов-революционеров. Правительство, опираясь на правые кадетско-монархические круги и военщину, довольно быстро смогло переломить ситуацию в свою сторону.

Факты свидетельствуют, что Комуч пробовал поддержать своих партийных товарищей в Сибири, всячески стремился противодействовать сибирскому правительству. На заседании Комуча от 22 июля 1918 г. было принято решение послать делегацию, которой поручалось "войти в сношения с общественно-политическими группами и привлечь общественные силы Сибири к работе по осуществлению идеи, проводимой Комитетом членов Учредительного собрания"⁴. В конце июля в Сибирь вновь прибыл эсер И.М. Брушвит.

Резолюция от 1 августа 1918 г. "Об отношении Всесибирского краевого комитета к Комитету членов Учредительного собрания" четко определила программу дальнейшего партийного сотрудничества. В ней констатировалось, что основные цели сибирской демократии вполне совпадают с программой деятельности Комуча: восстановление государственного единства России; принятие неотложных мер по возобновлению работ Всероссийского Учредительного собрания; борьба за ликвидацию Брестского договора; укрепление связей с союзниками. Сибкрайком признал, что вступление в состав Комуча членов Учредительного собрания от Сибири "явилось бы своевременным и крайне важным" шагом, но необходимость участия их в работе Областной думы требует найти оптимальное решение. Совещание наличных членов Учредительного собрания от 2 августа приняло решение направить представителями в Самару от депутатов-сибиряков Б.Д. Маркова и Н.В. Фомина. Для связи с Комучем собрание избрало постоянный секретариат: М.А. Кроль, А.И. Шапошников, М.Ф. Омельков⁵.

10 августа 1918 г. ЦК партии эсеров объявил Самару местом своего пребывания. На освобожденной территории упразднился институт уполномоченных ЦК, все руководство партийной работой переходило непосредственно в ведение Центрального комитета. Циркуляр ЦК ПСР от 22 августа 1918 г. требовал "неукоснительного исполнения партийных решений", принятых на VIII Совете ПСР. ЦК обязало все местные партийные комитеты дать отчеты о своей деятельности, доставить в ЦК "по 3 экземпляра всех партийных изданий, а также издания местных властей (приказы, воззвания и др.)", перепечатывать в обязательном порядке постановления и тезисы ЦК ПСР⁶.

Ободренные партийной поддержкой, социалисты-революционеры резко активизировали свою деятельность в Сибирской областной думе, надеясь с ее помощью вернуть утраченные позиции. С конца августа 1918 г. эсеровские газеты Сибири значительно увеличили количество публикаций, посвященных как партийным проблемам, так и освещению деятельности Самарского Комуча. Это стало еще одной причиной дальнейшего обострения ситуации и осложнения взаимоотношений руководства эсеров с правящими кругами Сибири. Правые военно-монархические круги стали обвинять эсеров в том, что они действуют по указке ЦК.

На Уфимском государственном совещании (8–23 сентября 1918 г.) делегация Сибирской областной думы, состоящая в основном из эсеров, вошла в блок с делегатами от Учредительного собрания, Комуча, представителей ЦК партий эсеров и меньшевиков. Они настаивали на созыве Учредительного собрания первого созыва, категорически отрицали единоличную форму правления, требовали создать правительство, ответственное перед разогнанным Учредительным собранием⁷. "Предательская" роль делегации Сибирской областной думы существенно осложнила политические позиции Временного сибирского правительства в Уфе, а самой Думы – в Сибири.

Омские события сентября 1918 г. резко усилили вражду между военно-монархическими кругами, поддерживающими Омское правительство, и представителями мелкобуржуазной демократии, поддерживаемой партией эсеров. Вынужденная отставка министров-социалистов М.Б. Шатилова, Вл.М. Крутовского, временное прекращение работы Областной думы, убийство эсера А.Е. Новоселова наглядно показали всему обществу слабость сибирских социалистов-революционеров. Даже I Всесибирский съезд членов ПСР (27 сентября – 9 октября) они провели в полулегальных условиях.

Падение Самары 7 октября 1918 г. окончательно подорвало то, что осталось от Комуча и в целом от власти эсеров в России. За несколько дней до падения столицы Совет управляющих ведомствами и Съезд членов Учредительного собрания (около 100 чел.) выехали под крыло Директории. Вскоре Директория вынуждена была перебраться в Омск. Все это укрепило позиции омского административного аппарата и его военной машины, без которой далее невозможно было бороться с Советской властью.

¹ Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970; Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983; Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции (1917–1923 гг.). Новосибирск, 2002.

² Лапандин В.А. Комитет членов Учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1997. С. 8, 10.

³ Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 64.

⁴ Гармиза В.В. Указ. соч. С. 108.

⁵ Голос народа (Томск). 1918. 6, 7 авг.

⁶ Там же. 1 сент.

⁷ См.: Нам И.В. Уфимское государственное совещание и национальн правительства // Историческая наука на рубеже веков. Томск, 1999. С. 181; Добровольский А.В. Указ. соч. С. 162.

С.П. Звягин (Кемерово)

ЧЛЕН ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО КОМИССАРИАТА М.Я. ЛИНДБЕРГ*

30 июня 1918 г. Временное Сибирское правительство сменило у власт Западно-Сибирский комиссариат в составе М.Я. Линдберга, П.Я. Михайлова Б.Д. Маркова и В.О. Сидорова. К ним были обращены слова специаль подписанной грамоты: "Сибирь не забудет вашей неустанной и плодотворно работы в деле создания гражданской власти и направления государственно жизни в первые смутные дни так тяжело доставшейся свободы"¹. Эти слов не сбылись – сибиряки не помнят этих людей. До сих пор мало что известн об их жизни. Некоторые историки их даже путают.

Цель нашей публикации – воссоздать фрагменты биографии одного и них. Михаил Яковлевич Линдберг родился в 1889 г. в Гельсингфорсе (ны столица Финляндии – Хельсинки) в семье финского рабочего². Михаил Яковлевич получил среднее образование. Он был активным членом парти социалистов-революционеров, примыкая к "черновцам". Подвергал репрессиям царских властей³.

Яркой страницей его политической биографии стал конец 1917 – перв половина 1918 гг. В октябре 1917 г. М.Я. Линдберг по списку № 2 (парти социалистов-революционеров) был избран членом Учредительного собранн от Томского округа⁴. В начале 1918 г. он стал членом ЗСК. Его коллегами комиссариату стали члены Учредительного собрания от того избирательного округа Б.Д. Марков и П.Я. Михайлов⁵, а также председател Томской уездной земской управы В.О. Сидоров. Именно на них легла основная тяжесть деятельности в сибирском подполье. Как чуть поз вспоминал В.О. Сидоров, "Члены комиссариата не могли надолго остават на одном месте, они все время находились в разъездах, занимая организационной работой"⁶.

Члены ЗСК находились в Новониколаевске, когда в ночь на 26 мая 1918 там пала советская власть. Именно им пришлось принимать меры

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (Проект № 01-01-00377а).

ликвидации последствий недолгого правления большевиков в Сибири, по созданию новой нормативно-правовой базы и формированию новых властных структур в Сибири.

Некоторое время после упразднения ЗСК М.Я. Линдберг был уполномоченным Временного Сибирского правительства. В июне 1918 г., по итогам его переговоров с командующим армией, политические дела, заведенные на большевиков и их сторонников, передавались отряду особого назначения, а уголовные – уголовной милиции⁷.

По сообщению газет, 28 октября 1918 г. военные в Мариинске арестовали члена Учредительного собрания М.Я. Линдберга (так в тексте). Вскоре он был освобожден под подписку о невыезде. Члены бюро Съезда членов Учредительного собрания направили властям просьбу о расследовании причин его ареста⁸.

Последние годы жизни М.Я. Линдберг работал в Москве. 5 сентября 1937 г. его уволили с должности заместителя начальника планово-финансового сектора Всесоюзного радиокомитета при СНК СССР. Бывший член партии правых эсеров, а тогда беспартийный, М.Я. Линдберг был арестован 6 октября 1937 г. по обвинению в участии в шпионской террористической организации. 15 марта 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР он был приговорен к расстрелу и в тот же день казнен. Примечательно, что в тот же день были осуждены и расстреляны бывшие члены Учредительного собрания, крупные большевистские деятели Н.И. Бухарин и А.И. Рыков.

М.Я. Линдберг был реабилитирован Главной военной прокуратурой Российской Федерации 12 марта 1997 г.⁹.

¹ Членам Западно-Сибирского комиссариата уполномоченным Временного Сибирского правительства В.О. Сидорову, М.Я. Линдбергу, П.Я. Михайлову и Б.Д. Маркову // Выявление и изучение новых источников по истории общественной жизни Сибири (конец XIX в. – 1920 г.). Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь–ноябрь 1918 года). Вып. 1. Сост. Е.В. Луков, С.Ф. Фоминых, Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1998. С. 45.

² Расстрельные списки. Москва, 1937–1941. "Коммунарка", Бутово. Книга памяти жертв политических репрессий. М.: Об-во "Мемориал" – изд-во "Звенья", 2000. С. 248.

³ ГАРФ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об.

⁴ Политические деятели России. 1917. Биограф. словарь, под ред. П.В. Волобуева. М., 1993. С. 395.

⁵ Там же.

⁶ Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 16 (3) июня.

⁷ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 44. Л. 5.

⁸ Телеграммы "Народной газеты" (Шадринск). 1918. 7 нояб.

⁹ Расстрельные списки ... С. 248.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1991–2002 ГГ.)

Интерес к истории Гражданской войны на востоке России огромен. Об этом свидетельствуют не только научные труды, защищенные диссертации и сборники документов, но и дискуссии, которые ведутся на страницах периодической печати. Государственные формы и политические фигуры прошедшей эпохи активно эксплуатируются нашими современниками. Ожесточенная идеологическая борьба, развернувшаяся после августа 1991 г., разделила историков на два лагеря. Их оценка Октябрьской революции и Гражданской войны напрямую зависит от оценки событий августа 1991 г.: вольные или невольные сторонники "демократической революции 1991 г." поднимают на щит адмирала А.В. Колчака, атамана Г.М. Семенова, барона Р.Ф. Унгерна, М.К. Дитерихса¹. Их оппоненты, к сожалению, немногочисленные, пытаются показать закономерность победы Советской власти, раскрыть тактические замыслы политических партий и их лидеров. С середины 1990-х гг. появляются монографические работы. В исследовании Б.И. Мухачева, посвященной А.М. Краснощекову², дается оценка фактическому организатору Дальневосточной республики, незаслуженно забытому в отечественной историографии. Биография А.М. Краснощекова дана на широком историческом фоне, что значительно повышает ценность исследования.

Работа В.А. и В.В. Демидовых о решении национального вопроса в Бурятии³ – это продолжение анализа проблемы, изложенной В.А. Демидовым в книге "Октябрь и национальный вопрос в Сибири"⁴. Центральная тема новой работы – борьба двух течений в национальном вопросе: революционно-демократического и буржуазно-националистического и соответственно двух тактик – борьба за территориальную и территориально-этническую автономии. В работе на конкретном фактическом материале показано, что в Бурятии в годы Гражданской войны была воплощена в жизнь брюннская компромиссная программа национально-государственного строительства; закономерность поражения буржуазных националистов, которые сотрудничали с атаманом Семеновым и стоящей за ним Японией; тактика большевиков в национальном вопросе в Дальневосточной республике, когда они вынуждены были отступить от своей программы, но в конечном итоге добились решения национального вопроса в интересах трудящихся. Книги В.И. Василевского и Ю.Н. Ципкина⁵, безусловно заслуживают внимания. Сама постановка проблемы авторами своевременна и актуальна. На первый взгляд, не вызывает возражения и подход, заявленный авторами работ, – объективное изучение. Посмотрим, однако, к чему он ведет. В.И. Василевский заявляет о том, что и красные и белые имели право

на свою "государственность" с абстрактной точки зрения "равенства юридического статуса обеих сторон"⁶, затем, не проводя различия, автор осуждает белый и красный террор, но оправдывает наказания по суду для защиты "белой" и "красной" государственности. Далее, однако, автор осуждает красный террор, почему-то приводя факты, относящиеся к Пензе, и заявляет о том, что Семенов боролся с террором. Когда же автор рассказывает об Унгерне, то о терроре не сказано ни слова. Умалчивает автор и о широко известных фактах террора со стороны Семенова. Подобный же подход демонстрируется при анализе социально-экономической политики "белой" власти, якобы после свержения Советской власти, приступившей "к восстановлению народного хозяйства" и имевшей определенные успехи. В качестве доказательства приводятся цифры роста объемов добычи угля; причиной же поражения белых явилось то, что они не смогли улучшить условия жизни населения. Но почему не смогли улучшить – этого вопроса автор не ставит. Он восхищается национальной политикой Г.М. Семенова, который якобы придерживался принципа культурно-национальной автономии. О событиях лета 1920 г., когда атаман, теряя поддержку Японии, вынужден был лавировать и разрешил созвать Народное собрание, Василевский почему-то говорит как о переходе Семенова от тоталитаризма к парламентской демократии. После подобного "объективного" изучения автор раскрывает карты, осуждая в "Послесловии" большевиков за то, что они "взяли курс не на создание необходимых условий для построения социализма в будущем, а приступили к немедленному проведению социалистических преобразований", что дало поддержку контрреволюционным силам и привело к Гражданской войне. Нелишне будет напомнить, что подобные же обвинения неоднократно выдвигали эсеры и меньшевики после Октябрьской революции.

Обе книги Ю.Н. Ципкина отличает обилие фактического материала. В числе работ, цитируемых автором, есть не только модные Н. Бердяев и И. Ильин, но и В.И. Ленин. Это, на первый взгляд, производит благоприятное впечатление, но при внимательном изучении книга оказывается довольно эклектичной. Стремление "объективно" изучать события привело автора к тому, что в изучении и оценке Г.М. Семенова автор целиком перешел на позиции белогвардейского генерала А. Будберга, осуждая сепаратизм атамана, а в оценке событий конца 1920 – начала 1921 г. в Приморье – на эсеро-меньшевистские позиции, критикуя большевиков за то, что они не использовали каппелевскую армию, прибыв из Забайкалья в Приморье, в интересах демократии⁷. В книге "Белое движение на Дальнем Востоке" автор ставит в одну плоскость красный и белый террор, не проводя различия между ними, и может создаться впечатление, что красные, как и белые, занимались сожжением деревень вместе с безоружным населением, поркой и повешением рабочих, расстрелами меньшевиков и эсеров. Можно

согласиться с автором, когда он говорит о делении политических партий на три лагеря, но нельзя принять то, что большевики и мелкобуржуазные партии представляли два крыла "социалистического" лагеря. Напомним, что эсеры и меньшевики, подобно кадетам, выступали за реставрацию капитализма в России, различие между ними было в том, что одни выступали за диктатуру, а другие – за парламентарную буржуазную республику. Говоря о том, что ни кадеты, ни эсеры с меньшевиками не смогли решить "насуточных задач общедемократического толка, стоявших перед Россией", автор далее воспроизводит известную буржуазную концепцию о вакууме власти, в который хлынули большевики, не приводя серьезных аргументов. Затрудняют восприятие материала и неудачные, зачастую бессодержательные и бессмысленные термины, которым изобилует книга, вроде "кадетской модернизации", "коммунистической узкопартийности", "правосоциалистических партий", "амбивалентных методологических позиций", "европейской модели" (которую якобы насаждали интервенты в России – неясно, идет ли речь об американской буржуазной республике или английской конституционной монархии). Неясно и употребление терминов "небольшевистские" и "белые", поскольку, например, в книге об альтернативах развития⁸ автор вдруг объявляет, что атаман Гамов стоял у истоков белого дела.

Таким образом, изучение истории Гражданской войны на Дальнем Востоке идет с двух методологических позиций, причем так называемая объективистская позиция не дает возможности авторам вскрывать противоречия политической борьбы, заставляет затушевывать их и ведет в конечном итоге к ошибкам.

¹ В 1994–1995 гг. появляются два апологетических сочинения, посвященные атаману Семенову. Журнал "Сибирские огни" публикует очерк биографии Семенова, написанный А. Кайгородовым, а затем в Иркутске в сборнике трудов появляется статья Л.В. Кураса на ту же тему. См.: Кайгородов А. Он был забайкальский казак: Очерк биографии Г.М.Семенова // Сиб. огни. 1994. № 3–6; Курас Л.В. Белая Россия: атаман Г.М. Семенов // Русские за рубежом: науч.-информ. бюлл. гуманитар. центра. Иркутск, 1995. № 5. Можно отметить также книгу А. Хвалина о М.К. Дитерихсе: Хвалин А. Восстановление монархии в России. Приамурский земский собор 1922 г.: Материалы и документы. М., 1993.

² Мухачев Б.И. Александр Краснощеков: историко-биографический очерк. Владивосток, 1999.

³ Демидов В.А., Демидов В.В. Бурятия: от степных дум к автономии. Новосибирск, 2001.

⁴ Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917–1923 гг. Новосибирск, 1978.

⁵ Василевский В.И. Забайкальская белая государственность в 1918–1920 гг.: Краткие очерки истории. Чита, 2000; Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем

Востоке (1920–1922 гг.). Хабаровск, 1996; Он же. Небольшевистские альтернативы развития Дальнего Востока России в период Гражданской войны (1917–1922 гг.). Хабаровск, 2002.

⁶ Василевский В.И. Указ. соч. С. 4.

⁷ Ципкин Ю.Н. Небольшевистские альтернативы развития...; Он же. Белое движение...

⁸ Он же. Небольшевистские альтернативы развития... С. 25.

Е.В. Волчо (Новосибирск)

ПРАЗДНОВАНИЕ ВОСЬМОГО МАРТА В 1920–1930-Е ГГ. В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Классическим примером наполнения старого праздника новым содержанием является в нашей стране день 8 Марта. Клара Цеткин придумала его как день освобождения женщин от неравноправия. Но у нас 8 Марта превратилось в праздник, подчеркивающий это неравноправие. Действительно, только в этот день государство и мужчины говорят женщинам теплые слова, дарят небольшие подарки и вспоминают о тяжелой женской доле, а в остальные 364 дня они живут с чувством выполненного долга.

В СССР решение женского вопроса связывалось главным образом с проведением кампаний празднования Международного женского дня 8 Марта. Это был новый, революционный праздник, и Коммунистическая партия стремилась придать ему политическую направленность, боролась против того, чтобы свести его к развлекательным мероприятиям и, особенно, к примитивной русской праздничной пьянке. Каждый год партия выдвигала определенные лозунги, которые показывали главное направление в работе среди женщин на данный момент.

Публикации воззваний к трудящимся женщинам в центральной и местной печати предвещали праздник. Обращения призывали к развитию сети детских учреждений, улучшению труда и быта женщин, рационализации производства и управления. Типичными лозунгами, посвященными 8 Марта, были: "Долой кухонное рабство, да здравствует общественное питание!", "Работница, освободись от кухонного гнета!", "Долг каждой женщины — научиться управлять государством", "Работницы, овладевайте знаниями"¹.

Ежегодно накануне женского праздника Советы принимали программы улучшения труда и быта женщин, составлялись планы по работе с женщинами-общественницами². Планы отличались конкретностью и адресностью, но, как правило, не реализовывались либо попросту не могли быть реализованы, так как созданные при горсоветах комитеты по улучшению труда и быта женщин не имели собственных средств.

Женское население Западной Сибири в 1920–1930 гг. характеризовалось низкой грамотностью, малая трудовая квалификация, низкая активность общественной жизни страны. Домохозяйки к тому же зависели финансово от мужа или отца.

Органы по работе среди женщин в Советах, партии, профсоюзах действующих на территории Западной Сибири, особое внимание уделяли решению вопросов повышения участия женщин, особенно в горсоветах, где доля женщин должна была составлять не менее 25 %³. Среди приоритетных направлений в работе среди женщин также были: подготовка активистов посредством деятельности женских делегатских собраний, устранение неграмотности, развитие профобразования и, особенно, ликвидация женской безработицы, ставшей к концу 1920-х гг. бичом горожанок Западной Сибири. Так, если в 1924 г. женщины составляли 40,8 % от общего числа безработных в Сибири, то в 1929 г. — уже 61,6 %⁴.

На 8 Марта обычно приходились награждения лучших выпускниц школ ликвидации неграмотности, перевод женщин, окончивших курсы профобразования, на квалифицированную работу с повышением им разряда и зарплаты, прием на работу или, как, например, в Омске в 1925 г. организация специальных женских артелей из безработных⁵, отчеты комиссий по женскому труду о результатах отстаивания женских интересов, доклады о дополнительных социальных гарантиях женщинам на случай безработицы, о выполнении планов внедрения женского труда на производство.

На торжественных собраниях на предприятиях, посвященных 8 Марта, в программу ставились доклады о роли советской женщины в деле строительства социализма, награждались лучшие работницы и общественницы и др.

Широко использовались 8 Марта и возможности профсоюзных клубов. В 1927 г. в 97 клубах на территории Сибири работали 582 кружка и 21 детская комната. Среди членов клубов женщины составляли 32,2 %. Международные женский день ежегодно отмечался проведением семейных вечеров, вечеров вопросов и ответов по интересующей женщин тематике, живых газет, громких чтот, театрализованных постановок и концертов художественной самодеятельности, выставок изделий кружков рукоделия. В деятельности клубов широкое участие принимали и домохозяйки, что способствовало вовлечению их в активную общественную работу⁶.

Во время проведения кампании 8 Марта большое внимание уделялось пропаганде материнства посредством организации выставок по охране материнства и младенчества, по уходу за грудными детьми и беременными женщинами, а также конкурсы на здорового ребенка. Так, например, подобный конкурс был устроен в 1928 г. детской консультацией Прокопьевского рудника. По его итогам 15 матерей были премированы

различными детскими вещами⁷. Органами юстиции в эти дни проводились лекции и беседы, посвященные разъяснению семейного законодательства, трудовым и социальным льготам беременным и кормящим женщинам, а также особенно активно рассматривались преступления, совершенные женщинами или против них, иски о начислении алиментов⁸.

Кампания 8 Марта несла большую политическую нагрузку. К этой дате намечались мероприятия по выдвижению и продвижению женщин на руководящие посты, заслушивались их доклады о проделанной работе, вырабатывались меры для адаптации женщин на новом месте работы. Но часто эти действия не были конкретными, продуманными, и труд женщин использовался как вспомогательный, они занимали должности секретарей, сборщиков взносов и т. д.

Ко дню 8 Марта относятся и кампании по вовлечению женщин в партию, ударные бригады, общественные организации, где в честь праздника работницы имели льготы при вступлении.

8 Марта являлось рабочим днем, женский трудовой день был сокращен на 2 часа, но чаще всего женщины это время бесплатно работали в фонд очередной кампании. Более того, органы власти давали установку на рекордные результаты в работе в этот день. После смены следовала официальная часть праздника, затем — концерт художественной самодеятельности. По окончании праздничной недели в крайисполком стекались с мест сведения и программы с итогами мероприятий, по которым составлялась сводка результатов кампании, отсылавшаяся затем в вышестоящие инстанции. Итоги кампании 8 Марта популяризировались на женских собраниях и конференциях. Праздник женщины очень любили и им гордились, проводившиеся многочисленные мероприятия позволяли почувствовать им свою значимость. С другой стороны, кампанейский характер праздника, скученность всех мероприятий, посвященных женщинам, в течение одной недели в году подчеркивали декларативность решения женского вопроса в СССР, фальшь и лицемерие государственной машины по отношению к женщинам, оставшимся наименее защищенным слоем населения.

¹ Красная сибирячка. 1924. № 3. С. 25, 26, 36; Сов. Сибирь. 1921. 8 марта. С. 3; ГАНО. Ф. П-187. Оп. 1. Д. 389. Л. 43; Красная сибирячка. 1935. № 3-4. С. 7-8.

² ГАКО. Ф. Р-590. Оп. 2: Д. 6. Л. 13; ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1298. Л. 377-379 об.

³ ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 979. Л. 115.

⁴ Сибирские профорганизации в 1924-1925 гг. (Краткий обзор). Новониколаевск, 1925. С. 8; Сибирский край. Статистический справочник. Новосибирск, 1930. С. 426; Казаков Е.Э. 20-е гг.: Безработные Сибири и профсоюзы // Промышленное и транспортное освоение Сибири. Новосибирск, 1992. С. 148.

⁵ ГАНО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 139. Л. 104; Красная сибирячка. 1925. № 5. С. 15.

⁶ ГАНО. Ф. Р-508. Оп. 1. Д. 163. Л. 78; Там же. Ф. 627. Оп. 1. Д. 249. Л. 7 об., 23. Д. 139. Л. 82; Д. 249. Л. 21, 21 об.

⁷ ГАНО. Ф. Р-1071. Оп. 1. Д. 324. Л. 4; Сов. Сибирь. 1926. 6 марта. С. 5; Работница. 1929. № 11. С. 14.

⁸ ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 928. Л. 17.

С.Н. Ушакова (Новосибирск)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ "МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ" ИДЕОЛОГИИ 1930-Х ГГ.

Известно, что переход к индустриальному обществу подразумевает в том числе и значительные изменения в общественном сознании, идеологии. Данные изменения могут иметь естественный, органичный с развитием других сфер характер. Однако в России и СССР, где источником модернизационных процессов было прежде всего государство, общественное сознание трансформировалось под определяющим влиянием государственной идеологии. В последней можно выделить два пласта: во-первых, идеология, обосновывающая саму необходимость построения индустриального общества и определяющая методы строительства, и, во-вторых, комплекс идей, содержание которых указывало на ожидаемый характер "конечного продукта", т. е. нового типа человека и общества в целом. Думается, что анализ идеологии такого рода, ее взаимодействия с общественным сознанием приблизит нас к пониманию особенностей советской модернизации в целом, позволит выделить ее характерные черты.

Изучение ряда организованных в конце 1920-х – конце 1930-х гг. в Западной Сибири идеолого-пропагандистских компаний, в которых так или иначе затрагивались проблемы построения индустриального общества в регионе и в стране в целом, позволило нам сделать некоторые наблюдения.

В основе мобилизации советского общества с целью индустриализации страны лежал конфронтационный фактор, противопоставление внешним и внутренним "врагам". И данную особенность, пожалуй, можно считать одной из наиболее принципиальных. Своеобразным стандартом советской индустриализации послужила кампания весны-лета 1927 г., связанная с разрывом отношений между Великобританией и СССР. В ходе кампании выдвигались лозунги, в которых состояние обороноспособности ставилось в прямую зависимость от степени развития промышленности страны, производство объявлялось вторым фронтом и т. п. Но роль данной кампании в модернизации страны определялась прежде всего возникшей благодаря обстановке тревожности. Последняя позволила власти покончить с существованием сначала "левой", а затем и "правой" оппозиции, тем самым

прекратить всякие споры о выборе модели индустриализации, перейти к форсированному ее варианту и использовать гипотетическую внешнюю угрозу для оправдания непопулярных действий. В этом нам видится одно из отличий советского периода модернизации от дореволюционного. Тогда усиление обороноспособности тоже было одной из приоритетных целей преобразований, однако защита от возможной военной угрозы не была самоцелью, которая подчиняла бы себе все остальные (исключение составлял только период Первой мировой войны).

Внутренняя "угроза" (в конце 1920-х – начале 1930-х гг. ее источником, по мнению власти, были в первую очередь "частнособственнические" элементы города и деревни) использовалась не только для создания в обществе атмосферы враждебности по отношению к группам, ликвидация которых рассматривалась как одна из необходимых частей преобразований. Так, с конца 1920-х гг. в общественном сознании формировался образ "непримиримого врага всех рабочих и крестьян – кулака", что должно было обеспечить поддержку широкими кругами проводимой в деревне "антикулацкой" политики. По-видимому, наибольший эффект пропаганда такого рода имела среди рабочих, которые весьма активно участвовали в "раскулачивании" и коллективизации сибирской деревни.

Преобладание конфронтационного фактора в модернизационной идеологии имело негативные последствия: во-первых, был создан механизм, который мог работать только в чрезвычайных условиях, что, в свою очередь, требовало поддержания атмосферы тревожности и враждебности в советском обществе; во-вторых, идеология определяла милитаристскую направленность и структуру модернизационных процессов; в-третьих, она оказывала влияние на социальную психологию советского общества. Негативное воздействие усиливалось тем, что в соответствии с особенностями советской пропагандистской системы конца 1920-х – начала 1940-х гг., даже при использовании положительных факторов мобилизации общества, власть неизбежно "сбивалась" на конфронтационные модели. Примером такой тенденции может служить кампания 1935–1936 гг., связанная с возникновением и распространением стахановского движения, составной частью которого стал поиск "саботажников" и "вредителей".

Другая принципиальная особенность советской идеологии заключалась в том, что в ней сочетались противоположные установки: направленные на модернизацию общества и те, которые фактически вели к закреплению и углублению традиционалистских черт в разных сферах общественной жизни. Данная характеристика заставляет нас завычивать определение "модернизационная", применяемое к советской идеологии 1930-х гг.

Пожалуй, главным препятствием, на которое наткнулись все попытки сформировать в общественном сознании необходимые модернизационные черты, было неприятие советскими идеологами основополагающей ценности

индустриального общества – индивидуализма. С этим связано и фактическое возрождение структуры и этики крестьянской общины в ходе коллективизации, и предпочтение, отдаваемое государством и обществом внешнему контролю над личностью перед самоконтролем. Содержание стахановской кампании 1935–1936 гг. показывает, как в советской идеологии закреплялось деление рабочих и крестьян по степени их привилегированности на группы, статус которых был близок к дореволюционным сословиям.

Часть традиционалистских установок была логическим следствием постулатов большевистской идеологии, таких как приоритет коллективизма, неприятие буржуазной трудовой этики, ведущей к личному обогащению, и т. д. Другая возникла почти случайно, была побочным результатом выполнения грандиозных планов, не соответствовавших уровню развития страны. Так, например, одной из главных целей коллективизации было создание крупных "фабрик" по производству сельхозпродуктов взамен малоэффективного мелкого крестьянского хозяйства. Однако отсутствие необходимой техники, неправильный способ организации производства привели к возрождению иждивенческих настроений у крестьян, лишенных государством возможности самим обеспечить свое существование. Конечно, свою роль в данном процессе сыграла и искусственная селекция, направленная на уничтожение (изоляция) наиболее трудолюбивых, предприимчивых и самостоятельных крестьян.

Противоречивый характер преобразований периода 1930-х гг., который нашел свое отражение в содержании идеологии, определил такие черты советской "модернизации", как незавершенность, диспропорции в развитии различных сфер общества, отсутствие механизмов саморазвития. В Сибири эти процессы усиливались "сырьевой" специализацией региона, тормозившей развитие других сфер экономики, и особенно активным нагнетанием со стороны власти атмосферы противостояния.

Д.Д. Миненков (Томск)

ПРИЧИНЫ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПЕРВОГО ПРИЗЫВА ТЫЛООПОЛЧЕНЦЕВ В СИБИРИ В 1930 Г.*

Тылоополченцы – лица из числа "лишенцев" призывного возраста, зачисленные в части тылового ополчения, впервые появились в годы Гражданской войны в результате широкого распространения различных трудовых мобилизаций. Поскольку в мирное время создание частей тылового ополчения не предусматривалось, то в 1920-е гг. "лишенцы" не призывались

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 00-01-00334а).

на военную службу, а лишь состояли на особом учете, ежегодно уплачивая соответствующий "военный налог". Так продолжалось до первого в Сибири призыва в части тылового ополчения, состоявшегося в 1930 г. В сообщении выясняются причины и обстоятельства, обусловившие этот призыв.

В июне-июле 1930 г. XVI съезд ВКП(б) принял решение об осуществлении пятилетки в четыре года. Важнейшим решением съезда было создание на Востоке второго (после Донецкого) основного угольно-металлургического центра СССР путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири (Урало-Кузбасский комбинат).

Однако претворение в жизнь грандиозных планов строительства сибирской части Урало-Кузбасских предприятий требовало все большего количества не только материальных, но и людских ресурсов. И если с началом развертывания строек в 1928–1929 гг. вопрос снабжения их рабочей силой решался без особых проблем, в плановом порядке (через Сибирский краевой отдел Наркомата труда), то с начала лета 1930 г. нехватка рабочей силы на всех без исключения строящихся объектах превысила предел. Ввиду плохого обеспечения завербованных на стройки рабочих жильем, продуктами питания, тяжелых условий труда широкий размах приобрела текучесть рабочей силы. Об этом свидетельствуют следующие данные по Кузнецкстрой: в июне 1930 г. было принято 6,6 тыс. чел., уволилось 6,3 тыс. чел.; в августе 1930 г. было принято 4,4 тыс. чел., уволилось 3,6 тыс. чел. За первые три недели сентября убыль рабочих превысила размеры пополнения¹.

Вербовка рабочей силы как в Сибирском регионе, так и направление в Сибирь квалифицированных рабочих Наркоматом труда из центральных областей России осуществлялись с большим трудом и увеличивавшимся отставанием от планов. Так, на шахты "Востугля" к 15 сентября 1930 г. местные органы Крайтруда должны были завербовать и отправить 5 тыс. колхозников. На самом деле на 18 сентября их численность составила только 470 чел.²

Подобные трудности имели место и со снабжением рабочей силой треста "Лесохим". В результате весной 1930 г. впервые в мирное время в тресте был применен труд "религиозников". 12 марта 1930 г. Нарком внутренних дел РСФСР подписал приказ № 180 "Об использовании труда граждан, освобожденных от военной службы по религиозным убеждениям". В соответствии с этим приказом последние, призывов 1925–1929 гг., подлежали привлечению к работам на лесных разработках государственного треста "Лесохим" в пределах Сибирского производственного района на срок с 20 апреля по 20 октября 1930 г.³

Следующими в поле зрения директивных органов попали тылоополченцы, однако в Законе об обязательной военной службе в редакции 1928 г. не было заложено положение о возможности их использования на работах в мирное

время. Этот пробел был ликвидирован через 5 месяцев; принятый осенью 1930 г. новый закон устранил подобное препятствие.

С лета 1930 г. в силу ряда причин, указанных выше (завышенные планы по темпам строительства, выработке угля и т. д.) начались серьезные "прорывы" на шахтах "Востугля". ЦК ВКП(б) требовал от партийных организаций Сибирского края принять все меры для их ликвидации. На шахты Кузбасса были отправлены ответственные партийные работники Запсибкрайкома, организован четырехтысячный резервно-ударный комсомольский батальон, который был отправлен на шахты, Кузнецкий металлургический комбинат и Кемеровоцентральный на лето-осень (до декабря) 1930 г. 2 сентября Запсибкрайком ВКП(б) принял резолюцию, в которой просил ЦК партии воздействовать на НКТруда для ускорения направления в сибирскую каменноугольную промышленность не менее 12 тыс. чел. не позднее 1 ноября⁴. Если учесть, что шахтам "Востугля" по заявке от 6/1 1931 г. требовалось 23 386 чел., а по заявке от 1/IV 1931 г. — уже 32 504 чел., можно понять, как трудно было решить проблему обычными методами⁵. Тылоополченцы представлялись именно тем реальным, ранее не востребовавшимся трудовым ресурсом, который позволял отчасти смягчить "кадровый голод".

На заседании бюро Крайкома ВКП(б) по Кузбассу 14 ноября 1930 г. один из выступающих, Киселев, отмечал: "...Затем нам доложили, что на фракции Крайисполкома вы обсуждали вопрос относительно привлечения к работе детей кулаков. До сих пор они отделяются тем, что платят налогу 25-30 рублей, а ведь это здоровые ребята, которые великолепно могут быть использованы на работе. Мы поддерживаем эту мысль, и сегодня надо это решить. Это даст нам тысячи людей..."⁶. Действительно, уже в начале ноября коммунистическая фракция Запсибкрайисполкома (ЗСКИК) решила вопрос о призыве тылоополченцев. 11 ноября 1930 г. ЗСКИК утвердил постановление о призыве тылоополченцев 1903—1908 годов рождения.

В открытой печати это постановление не публиковалось, необходимо было вначале подготовить общественное мнение. 15 ноября в газете "Советская Сибирь" публикуется письмо некоего призывника А.Н. Сидельникова, написавшего по поручению группы призывников в Красную Армию — рабочих шахт "Востугля": "Призывники предлагают привлечь в шахты тылоополченцев". 22 ноября в той же газете был опубликован приказ Новосибирского окружного военного комиссариата № 103 о призыве тылоополченцев 1907—1908 годов рождения, начинавшемся 5 декабря 1930 г. 28 ноября в "Советской Сибири" появляется заметка "Тыловое ополчение направляется на работу в Кузбасс", в которой местным, советским и партийным организациям было рекомендовано сосредоточить вокруг кампании по мобилизации тылоополченцев "должное внимание",

выявить всех лиц, подлежащих призыву, и обеспечить их своевременную явку в горотдел.

29 ноября комендантский отдел Западносибирского краевого административного управления заключает договор с управлением кадров "Востугля" о предоставлении в распоряжение "Востугля" из числа тылоополченцев рабочей силы ориентировочно в количестве 5 тыс. чел.⁷ Так, в порядке эксперимента, при отсутствии должной нормативной базы осуществлялся первый в СССР призыв в части тылового ополчения.

Весь контингент призванных в декабре 1930 г. тылоополченцев был отправлен на работы в "Востуголь". Всего по состоянию на 1 марта 1931 г. в "Востугле" работало 3 454 чел., из них 1 000 чел. в лесной и 2 454 чел. – в угольной промышленности⁸.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что императив форсированной индустриализации сделал востребованными внеэкономические методы (в том числе принуждение к труду в особой, милитаризованной форме призыва "лишенцев" в части тылового ополчения). В силу перечисленных причин Западная Сибирь явилась своеобразным экспериментальным полем для проведения первых опытов по призыву и использованию тылоополченцев в мирное время.

¹ Сов. Сибирь. 1930. 2 окт.

² Там же. 3 сент.

³ Там же. 29 апр.

⁴ Там же. 3 сент.

⁵ ГАНО. Ф. 532. Оп. 1. Д. 1571. Л. 32, 32 об.

⁶ Там же. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 21. Л. 6.

⁷ Там же. Ф. 532. Оп. 1. Д. 1571. Л. 23.

⁸ Там же. Ф. 47. Оп. 5. Д. 125. Л. 106.

Н.В. Кладова (Барнаул)

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА РЕПРЕССИРОВАННЫХ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ

Новые парадигмальные поиски закономерно привели традиционную науку к дрейфу в сторону внеклассического знания. Паттерны нового стиля мышления, обладая эвристической гибкостью и амбивалентностью, содержат модель саморазвития человека в самоорганизующемся мире. В связи с этим именно синергетику можно обозначить как ядро постнеклассической картины мира.

Активное проникновение синергетики в социальные науки способствовало разработке различных моделей процессов самоорганизации и

способов их применения к анализу социальных систем. Попытки переноса концептуально-понятийного аппарата синергетики из физико-математических наук предпринимаются не только социологами и философами, но и историками¹, несмотря на протест гуманитариев против проникновения в категориальный аппарат исторической науки новых понятий (бифуркация, флуктуация, энтропия, равновесие, неравновесность и др.).

Однако дело не в понятиях, а в тех принципах видения мира, которые стоят за ними. Взгляд на историю сквозь призму процессов самоорганизации демистифицирует исторический процесс, вносит в гносеологические основания исторической науки новые познавательные возможности. По сути дела, вся история в нетрадиционной научной парадигме может быть рассмотрена как процесс мироупорядочения, вся историография – как смена рациональных моделей описания миропорядка и соответствующих этим моделям способов поведения человека как способов мироосвоения.

Поскольку историк строит свои интерпретации на базе исторических источников, логика освоения новой научной парадигмы диктует необходимость осмысления нового восприятия исторического источника. Представляется, что классическое определение его как материализованного в процессе человеческой деятельности продукта человеческого сознания следует дополнить пониманием исторического источника прежде всего как закодированного текста, содержащего в себе как сознательные, так и бессознательные проекции.

Согласно взглядам Р. Барта, смысл любого текста закодирован пятью способами. Они могут быть использованы одновременно, причем часть из них – бессознательно.

1. Код повествовательных действий характеризует последовательность.
2. Семантический код объединяет все существенные для понимания текста понятия, которые в нем встречаются.
3. Код культуры включает в себя все необходимые сведения о культуре данной эпохи, необходимые для того, чтобы мысль повествователя могла быть ясно понята читающим.
4. Герменевтический код содержит в себе формулировку вопроса, который задается в повествовании, а также формулировки возможных ответов.
5. Символический код создает как бы фон глубинных психологических мотивов, в скрытом виде заключенных в повествовании².

Следовательно, исторический источник, как и любой текст, имеет множество смысловых уровней, каждый из которых анализируется при определенных обстоятельствах. Поэтому анализ исторического источника как текста, возникшего в определенной ситуации и созданного конкретными людьми с определенными (не всегда осознаваемыми) намерениями, требует

особых методов, которые выходят за рамки привычных герменевтических процедур.

Одним из инновационных для источниковедения методов является психоанализ. Мы разделяем позицию А.А. Руткевича, считающего герменевтическую версию психоанализа наиболее перспективным способом его истолкования³. Однако то, что в его представлении является ущербным в глубинной герменевтике, а именно: ориентация на трансцендальную антропологию — не только не смущает нас, но, по нашему глубокому убеждению, дает больше шансов не потерять за конкретно-историческими деталями человека, взятого во всей сложности его взаимоотношений с окружающим миром.

П. Куттер, доказывая закономерность проникновения психоанализа в самые различные области гуманитарного познания, определяет гуманитарные науки как идеографические дисциплины, описывающие частное в его совершенном своеобразии: "Гуманитарные науки... имеют дело с изменчивыми субъективными переживаниями. В соответствии с предметом изучения основной метод в этих науках не объясняющий, а понимающий, истолковывающий, интерпретирующий. Мышление связано с интерпретацией текста. Наша цель — обнаружить, что хотел сказать творец текста, понять сакральный смысл текста, который скрыт за явно изображенным на листе. В этой работе принимает участие интуиция, фантазия, способность сопереживания и способность "входить в текст", что является важным условием того, чтобы неочевидное сделать очевидным"⁴.

В истории как гуманитарной науке убедительность той или иной интерпретации исторического источника подтверждается или опровергается данными исследований других источников. Однако источниковедение постоянно приближается к интерпретационным границам, которые невозможно преодолеть только путем эмпирических исследований. Эти границы могут быть расширены с помощью психоаналитического метода.

Чтобы проверить толкование на предмет его соответствия действительности, по канонам психоанализа нужно иметь возможности вести диалог с тем, кто подвергнут анализу, ибо один из главных методов получения данных — психоаналитическое интервью с использованием свободных ассоциаций и регрессивного анализа. В исторической науке это возможно лишь отчасти (например, в рамках такого направления, как устная история). Но если представить, что, имея перед собой текст источника, исследователь вступает с ним в своеобразный диалог, то в этом случае задача исследователя заключается в выяснении того, насколько действительность, отраженная в источнике, искажена групповыми и личными проекциями. Если рассматривать исторический источник как текст, созданный в определенной системе координат, то такой текст обязательно сохраняет следы бессознательных проекций.

Применение психоаналитического инструментария при работе с текстом становится возможным при соблюдении определенных условий. В современном психоанализе разработана методика поэтапного понимания, внутреннего диалога. Например, П. Куттер выделяет шесть ступеней понимания:

- 1) восприятие слов;
- 2) переработка восприятия;
- 3) перенос и контрперенос;
- 4) составление "внутреннего образа" анализируемого;
- 5) сличение "внутреннего образа" с ранее известными аналитику примерами проявления стереотипных отношений;
- 6) переход к использованию собственно теории психоанализа; предварительный практический образ сопоставляется с существующим на этот счет образом теоретическим.

Этапы психоаналитического понимания иллюстрируют синтез герменевтики и логики, что характерно для психоанализа вообще⁵.

В прикладном психоанализе в качестве основного критерия проверки правильности толкования считается следующий принцип: если данная интерпретация вызывает позитивные изменения в состоянии анализируемого, такая интерпретация верна. Имплицируя данный принцип в источниковедение, критерий когерентности, внутренней логической связи толкования может быть надежным ориентиром при построении психоаналитической модели события, изложенного в историческом источнике.

В качестве предмета источниковедческого анализа нами избраны следственные дела репрессированных с целью презентации возможности психоаналитической интерпретации этого исторического источника⁶. По нашей гипотезе, это позволяет выявить скрытые, неочевидные смыслы исторического источника, что открывает возможности вводить его в научный оборот не только в традиционном ключе, но и в неклассической научной парадигме. В частности, мы предлагаем характеризовать следственные дела репрессированных как сущностно-содержательную модель советского общества, хранящую в себе информацию о способах выработки антиэнтропийных механизмов в сфере массового политического поведения, что позволяло социуму сохранять состояние неустойчивого равновесия. Кроме того, мы считаем важным представить возможности следственных дел как исторического источника в контексте историко-психологических исследований. В связи с этим считаем необходимым решение следующих задач:

- показать отражение в следственных делах репрессированных тенденции самоорганизации советского общества в сфере политического поведения;

- спонтанную природу процесса самоорганизации показать через характеристику архетипических образов, обнаруженных в материалах следственных дел;
- выстроить психоаналитический дискурс следственных дел, что позволит использовать их в качестве основы для исторического моделирования.

¹ Гомаюнов С.Г. От исторической синергетики к синергетике истории // Общественные науки и современность. 1994. № 2.

² Брудный А.А. Психологическая герменевтика. М., 1999. С. 165.

³ Руткевич А.А. Глубинная герменевтика. М., 1992.

⁴ Куттер П. Современный психоанализ. СПб., 1997. С. 215.

⁵ Там же.

⁶ Кладова Н.В. Опыт психоанализа исторического источника: по материалам дел репрессированных в период коллективизации // Историческая наука на рубеже веков. Томск, 1998. Т. 3; Она же. Психологический анализ материалов дел репрессированных в период хрущевской "оттепели" // Гуляевские чтения. Барнаул, 1998; Она же. Проблема мифологичности следственных дел репрессированных // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2000; Она же. Психоаналитическая интерпретация исторического источника // Теоретико-методологические проблемы исторического познания. Минск, 2001. Т. 1.

А.Г. Борзенков (Новосибирск)

РОЛЬ РЕВОЛЮЦИОННЫХ И ЛЕНИНСКИХ ИДЕАЛОВ В ИДЕЙНЫХ СПОРАХ И АНАЛИТИЧЕСКИХ ИСКАНИЯХ МОЛОДЕЖИ НА ВОСТОКЕ РОССИИ (1961–1991 ГГ.)

Юноши и девушки во все времена стремились к поиску смысла жизни и к познанию окружающей действительности. Наиболее политизированная часть ищущей молодежи в первую очередь пыталась понять механизм функционирования политической системы общества и выяснить причины сбоев в реализации тех или иных основополагающих политических и государственных проектов. Это направление дискуссионной и аналитической деятельности молодых людей приобрело особую актуальность в нашей стране в послесталинский период, когда любому думающему человеку стало очевидно, что в СССР в годы культа личности Сталина произошло сильное отклонение от тех идеалов, под знаменем которых совершалась Октябрьская революция, а затем под руководством Ленина начиналось социалистическое строительство.

После XX и особенно после XXII съезда КПСС во многих городах Сибири, Урала и Дальнего Востока наблюдался всплеск полемической активности, а также фиксировались серьезные неформальные теоретические и исторические искания молодежи. В центре многих как

импровизированных, так и официальных дискуссий находились вопросы выяснения аутентичности современного советского общества том политическому проекту, который стал осуществляться в России с октября 1917 г. и после окончания Гражданской войны.

Характерно, что такие самостоятельные искания молодежи наблюдались не только в крупных городах, но и даже на периферии изучаемых регионов. Так, осенью 1960 г. в Якутию на работу в качестве рабочего приехал В.Я. Очаковский, исключенный незадолго до этого из Одесской школы милиции за критику начальства за злоупотребление им служебным положением и попираание прав курсантов. В Ленске через два месяца он был избран комсоргом порта на общественных началах, а затем его приняли на работу инструктором Мухтуйского РК ВЛКСМ. Очаковский, как и многие комсомольцы того времени, верил в то, что основные проблемы в жизни советского общества связаны со Сталиным. Именно он извратил гуманистические идеи Октябрьской революции и наложил табу на реализацию ленинского политического завещания. Поэтому молодой бунтарь делал вывод: необходимо вернуться к революционным, ленинским истокам, объединить преданных делу революции и социализма молодых людей, заменить ими карьеристов и приспособленцев. Поиск новых кадров Очаковский начал с организации по-новому комсомольских собраний, которые проводились зачастую в виде дискуссий на острые производственные и общественно-политические темы: "Марксизм и сталинизм", "Как увеличить нашу зарплату" и т. п.¹

Но все-таки тон в организации неофициальных дискуссий и в проведении самостоятельных теоретических и исторических изысканий задавали студенты и молодые выпускники вузов. Наиболее ярким примером в этом отношении является история томской подпольной молодежной группы, возникшей в 1963 г. в ТГУ. На заседаниях этого своеобразного исторического методологического семинара его участники проработали ряд философских вопросов, а затем осенью 1964 г. перешли к обсуждению с привлечением малодоступной литературы и опираясь на альтернативные методологические подходы ряда проблем истории Октябрьской революции, Гражданской войны, борьбы политических партий, национального строительства. Наиболее подготовленные в гуманитарном отношении участники группы прочитали рефераты, посвященные основным тенденциям в развитии советской экономики, политической системы, а также событиям 1956 г. в Венгрии.

В конце декабря 1964 г. студент-историк, впоследствии – видный учёный этнограф Н.А. Томилов выступил на очередном заседании кружка рефератом, в котором пришел к выводу, что в СССР из-за серьезных деформаций социализма нужна новая революция для устранения КПСС от власти. "Когда нас обвиняли в антисоветизме, то мы говорили, что мы з

подлинную Советскую власть, без всяких извращений", – так объяснил в 1997 г. Томилов мотивы столь серьезной переоценки ценностей в своих политических и исторических взглядах².

В 1963–1964 гг. в самом молодом университете Сибири – НГУ – также возникло несколько полуподпольных дискуссионных кружков, которые приобрели характер неформальных теоретических, политологических семинаров. В одном из дискуссионных формирований даже был подготовлен и прочитан доклад на тему "От революции к культу", а затем состоялось его публичное обсуждение³.

Но не только в Новосибирске и Томске громко давали знать о себе молодые люди, искавшие ответ на злободневные вопросы прошлого, настоящего и будущего нашей страны. В 1965 г. в Иркутске произошло также далеко не рядовое событие в области самостоятельных политологических исканий молодежи. Бывший комсомольский работник Б.И. Черных, учившийся в ИрГУ в 1957–1961 гг. на дневном отделении юридического факультета и перешедший затем на заочное отделение, при содействии аспиранта-философа А.П. Попова подготовил проект письма в адрес XV съезда ВЛКСМ. В нем излагался развернутый план реформирования не только комсомола, но и всей советской политической системы. В частности, предлагалось в духе ленинского политического завещания, чтобы в ЦК КПСС и другие партийные органы, а также в Советы всех уровней избиралось не менее одной трети людей комсомольского возраста. Еще один тезис, который явно не понравился партийному и комсомольскому руководству Иркутской области, – это утверждение о том, что до сих пор в СССР не преодолен до конца культ личности Сталина⁴.

Параллельно с легальной аналитической и дискуссионной деятельностью различных самостоятельных молодежных объединений в начале "застоя" стали появляться нелегальные формирования молодых людей, которые предпочитали осуществлять теоретические и дискуссионные искания за закрытыми дверями. Например, в 1969 г. в Свердловске возникло подпольное молодежное формирование. В.Г. Пестов, один из его лидеров, вспоминая об истории организации этого объединения, обратил внимание на роль предшествующего политического опыта: "Решили взять пример с РСДРП, так как другой литературы под рукой не было, – создать подпольную организацию. Дали ей название "Свободная Россия – партия трудящейся молодежи". Среди ее членов были как молодые рабочие, так и студенты. В концептуальном отношении они не выходили за рамки социализма с человеческим лицом. "Сначала я думал, что социализм необходимо улучшать. <...> Поскольку в обществе были очень сильны марксистские убеждения, то листовка писалась с неомарксистских позиций", – вспоминал впоследствии Пестов о первых шагах своей "партии". Примером демократического устройства для нее стала Югославия. В качестве

программных целей "партии" были взяты такие актуальные для любого общества требования, как свобода слова, отмена цензуры, улучшение жилищных условий населения, повышение зарплаты рабочим и увеличение стипендий студентам, независимость профсоюзов⁵.

В конце "застоя" в ряде городов на востоке России в оппозиционную идеологическую деятельность стали включаться новые группы молодежи: они создавали нелегальные объединения, ориентированные в первую очередь на аналитическую и дискуссионную деятельность. Наряду со студентами, выпускниками вузов и молодыми рабочими этот процесс стал в ряде случаев захватывать даже и учащихся средних учебных заведений. К примеру, летом 1982 г. в Новосибирске появился нелегальный "Коммунистический союз молодежи "Солидарность", состоящий из старшеклассников. Актив этого молодежного формирования попытался с неоленинских позиций осуществить анализ брежневского режима, сформулировал ряд предложений по созданию нового комсомола. Эта подпольная организация также распространила две оппозиционные листовки общим тиражом в 120 экземпляров⁶.

Интересные искания в области неконформистской аналитической и дискуссионной деятельности наблюдались на Урале. В 1983 г. в Перми возникло подпольное неоленинское формирование "Группа продленного дня", состоявшее в основном из инженерно-технических работников. Название объединения им навеяла мысль В. И. Ленина из его работы "Очередные задачи Советской власти" о том, что настоящий социализм возникнет тогда, когда каждый трудящийся после отработки восьмичасового рабочего дня будет заниматься на общественных началах государственной деятельностью. В 1984 г. был создан филиал "Группы продленного дня" в Москве, в 1985–1986 гг. ее активисты выпустили в "самиздате" два сборника своих статей. Они пришли к выводу, что социализм в СССР построен не по Ленину. Они также утверждали, что Советская власть в нашей стране полностью отсутствует, поскольку нет ни контроля над ней снизу, ни возможности отзыва депутатов, не действует принцип скромной оплаты чиновников. В 1986 г. "Группа продленного дня" пополнилась студентами Пермского государственного университета. В этом же году это формирование было переименовано в "Союз коммунистов"⁷.

В "перестроечные" годы произошла самая настоящая революция в области организации дискуссий. В конце 1980-х гг. не только в крупных, но даже в небольших городах стали возникать различные неформальные объединения и формирования, которые взяли на вооружение метод дискуссий. В первое время многие "неформалы" под флагом критики искажений в области социалистического строительства предлагали вернуться к ленинским идеалам. Но в связи с обострением политической борьбы в стране и неудачей горбачевской "перестройки" большинство активистов

политизированных неформальных объединений стало стремительно эволюционировать вправо, подвергая нигилистической критике фундаментальные принципы советского социалистического общества. К началу 1990-х гг. доминирующая часть бывших "неформалов" перешла на праволиберальные позиции и стала ориентироваться на западную модель капиталистического общества⁸.

Аналогичный процесс мировоззренческой эволюции произошел в "перестроечные" и первые "постперестроечные" годы с большинством активных участников политизированных самостоятельных аналитических и дискуссионных исканий 1960-х – первой половины 1980-х гг.

¹ Хороших Г.К. До и после зоны // Журналист. 1990. № 10. С. 32.

² Томский вестник. 1995. 17 февр.; Личный архив автора (ЛИАА). Запись беседы А.Г. Борзенкова с Н.А. Томиловым 15 мая 1997 г.

³ Университетская жизнь (Новосибирск). 1995. 25 февр.

⁴ Советская молодежь (Иркутск). 1989. 22 июня.

⁵ Уральский рабочий (Екатеринбург). 1995. 27 янв.; Прищепа А.И. Инакомыслие на Урале (середина 1940-х – середина 1980-х гг.). Сургут, 1998. С. 138.

⁶ ГАНО. Ф. П-460. Оп. 1. Д. 917. Л. 63; ЛАА. Запись беседы А.Г. Борзенкова с одним из лидеров "Солидарности" Е.А. Кретиным 21 сентября 1998 г.

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 204; Ихлов Б.Л. Российское политическое объединение "Рабочий" // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: опыт уходящего столетия. Омск, 2000. Ч. 2. С. 146–152.

⁸ Неформальная Россия. М., 1990. С. 114, 116, 132, 141, 147, 151, 169, 171, 260, 261.

Т.К. Щеглова (Барнаул)

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ АЛТАЯ: ФОРМЫ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

В основе работы кафедры отечественной истории и сектора этнографии и устной истории Лаборатории исторического краеведения (ЛИК; зав. лаб. – проф. М.А. Демин) исторического факультета Барнаульского государственного педагогического университета лежит авторская научная программа "Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие". Алтайский край на протяжении столетий в силу своей аграрной специализации являлся регионом с сохранившимися народными традициями и самобытными этнокультурными группами (чалдоны, казаки, кержаки, вятские, поморцы и т. д.). Каждое село имеет свою историко-культурную среду, сохранившуюся как в материальных памятниках (крестьянские усадьбы, жилые и промышленные постройки), так и в устной форме (крестьянская мифология, демонология и обрядность).

Самостоятельное значение имеет историческая память старожилов, участников или очевидцев наиболее значимых событий XX в., до сих пор не получивших в научной литературе объективных оценок. Интересно, что до сих пор старожилы в рассказах о далеком 1917 г. не используют слово "революция", а применяют дефиниции "переворот" или "заваруха". Народная история, как в советскую, так и в постсоветскую эпоху, зачастую расходится с оценками профессиональных историков. Поэтому актуальной задачей является не только получение историко-культурной информации, но и приобщение к этой работе студентов, которым предстоит трудиться в сельских школах. С этой целью ежегодно в рамках археологической и музейной практик формируется смешанная группа студентов, преподавателей кафедры, сотрудников лаборатории, аспирантов и магистрантов для экспедиционной работы. В историко-этнографических экспедициях каждый участник имеет свою программу и является самостоятельным исследователем, что позволяет организовать комплексное обследование изучаемой территории.

Для большинства студентов работа в полевых условиях становится открытием алтайской деревни, несмотря на то, что многие родом из нее. В общении со старожилами они открывают для себя богатейший источник – историческую память. Один старожил из Заринского района особенно поразил их, объяснив причину исчезновения села Гоношихи тем, что пьяный мужик из него прополз после купания из озера в реку Чумыш и в наказание за это Чумыш изменил русло и смысл поселение. В этом рассказе сохранился древний запрет лежать мужчине на животе, потому что он оскверняет кормилицу Землю, зафиксированный еще Соборным уложением 1649 г. Они учатся по традициям застройки села или типам старых домов определять к какой этнокультурной группе относились его основатели, какие миграционные волны заселяли поселение на протяжении последней сотни лет.

Ежегодные летние историко-этнографические экспедиции проводятся в районах Алтайского края с 1990 г. За это время была апробирована методика порайонного обследования историко-культурной среды населенных пунктов, с проведением по итогам экспедиций в райцентрах конференций, с привлечением ведущих ученых края и местных исследовательских сил (учителей, краеведов) и изданием порайонных очерков истории и культуры в серии "Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие". Самостоятельными разделами в них являются материалы по традиционной культуре населения района, социальной и политической истории. Их основными авторами становятся студенты, реализующие свои интересы. Например, О. Орлова опубликовала статью о колдовстве и знахарстве, Н. Мошкина – о традициях народного досуга и кулачных боях, Б. Пушкарев – о традиционной архитектуре Залесовского Причумышья, В. Скопа – о

социально-психологических аспектах власти и крестьянского мира в XX в. Издан уже ряд сборников¹. Большинство ребят после участия в экспедициях, подготовки конференций и научных публикаций продолжает уже на более высоком профессиональном уровне работать в своих селах, открывая мир деревни своим ученикам. Среди них известные учителя-краеведы С. Макаров и Е. Недошивкин.

Важным направлением в полевых исследованиях является выявление, описание и последующая каталогизация крестьянской и сельской промышленной архитектуры. Материалы о наиболее интересных памятниках передаются в научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия (НПЦ "Наследство") для паспортизации. Промежуточные итоги изучения публикуются в ежегодных охранных сборниках². Итоговым результатом должно стать подготовка и издание порайонных каталогов "Памятники крестьянской и сельской промышленной архитектуры Алтайского края". Подготовлено к изданию четыре каталога.

Огромный материал собирается по поселенческой структуре края. Проводится картографирование всех существовавших в XX столетии и современных поселений. Собранный материал служит основой составления каталогов об исчезнувших и малых селах, от заимок и выселков до крупных сельских поселений. В результате целенаправленной работы кафедры и лаборатории темы по истории исчезнувших и малодворных населенных пунктов, историко-демографическим процессам в алтайской деревне получили широкое распространение в школьной научно-исследовательской работе, что привело к выделению в рамках проводимых ЛИК ежегодных краевых и городских историко-краеведческих конференций школьников самостоятельных секций по истории малых и исчезнувших населенных пунктов Алтайского края.

Студенты собирают по крупицам информацию о народной культуре, зарисовывают и вычерчивают усадьбы, фотографируют уникальные рушники, записывают последних знатоков свадебных, родильно-крестильных и похоронных обрядов, фиксируют рассказы о том, как в жизни старожилов преломились исторические события, встречаясь как с жертвами, так и с палачами. Так это было при установлении границ кладбища репрессивных жителей Алтая в 1931–1939 гг. около городской тюрьмы Барнаула, когда ребятам удалось найти и расспросить бывшего палача "Чаяна" и следователей и одновременно побеседовать с безвинно арестованными или потерявшими близких во время кулацких выступлений. Использование методов устной истории позволяет обращаться к очень сложным историческим проблемам XX в. (роговское движение в Причумышье, выступление в 30-е гг. в Причарышье и т. д.), собирать противоположные оценки и суждения и пытаться самостоятельно анализировать их.

В ходе полевых исследований пополняются этнографические фонды историко-краеведческого музея. Создается фотоархив памятников материальной культуры, производственных процессов, предметов народного искусства, представителей этнографических групп. В 1994 г. была проведена первая региональная конференция по этнографии Алтайского края, положившей начало интеграции деятельности различных учреждений культуры, науки, образования в области этнографии Алтая. Координационным центром этой работы в крае стала ЛИК БГПУ. Последующие конференции с привлечением научной общественности региона, России и сопредельных государств с периодичностью раз в два года проводились в 1996, 1998, 2001 гг. Периодическим изданием их стала "Этнография Алтая и сопредельных территорий"³.

С 1991 г. на основе интервьюирования и анкетирования участников и очевидцев событий новейшей истории России создается архив устных исторических источников. Устная история (Oral history) является новым и очень популярным направлением зарубежной истории. В России ЛИК является единственным за Уралом научно-исследовательским учреждением, участвующим в устноисторических исследованиях. Она входит во Всероссийское общество устной истории, поддерживает связи с Международной ассоциацией по устной истории. Для развития устной истории в образовательных учреждениях края было подготовлено и издано в Москве методическое пособие⁴. С 1991 по 1993 гг. вручную записано более 300 устных исторических источников, с 1994 г. создается аудиоархив, содержащий на сегодняшний день около 400 аудиокассет (более 500 часов записи) с последующим транскрибированием материалов. Многие из них используются для работ по социальной и политической истории, а опыт работы анализируется и популяризируется⁵. В создании устных аудиоисточников и написании статей принимают участие студенты и аспиранты, учителя Алтайского края. Уже сейчас они являются уникальным историческим источником, а через сто лет будут бесценны. И в этом большой вклад будущих историков.

¹ Нижнее Причумышье: очерки истории и культуры. Степанская Т. М., Щеглова Т. К. (науч. ред.). Барнаул—Тальменское, 1997; В предгорьях Алтая. Очерки истории и культуры. Щеглова Т. К. (науч. ред.). Барнаул—Алтайское, 1998; Нижнее Причарышье. Очерки истории и культуры. Щеглова Т. К. (науч. ред.). Барнаул—Усть-Пристань, 1999; Павловский район. Очерки истории и культуры. Щеглова Т. К. (науч. ред.). Барнаул—Павловск, 2000; Нижнее Причумышье. История и судьбы, под ред. Г.А. Кубариной, Т.К. Щегловой и др. Барнаул, 2001.

² Например, в сборнике "Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края" (Материалы науч.-практ. конф. Вып. VIII. Барнаул, 1997. С. 191–226) опубликовано 6 материалов студентов: Каширина А.М. Архитектурные

памятники с. Шадринцево, Инюшово, Митюшово; Бирюков А.М. Традиционная архитектура этнокультурных групп кержаков в с. Старошмаково; Федоренко О.А. "Бубновый комплекс" с. Тальменка; Проскурина Н.С., Федоренко О.А. Памятники архитектуры с. Выползово Тальменского района; Григоричев К.В. Здание церкви с. Лушиново Тальменского района; Он же. Влияние культуры переселенцев на формирование планировки и застройки с. Ельцовка Усть-Калманского района.

³ Этнография Алтайского края. Научно-методические материалы. Редкол.: Щеглова Т.К. (отв. ред.), Демин М.А., Степанская Т.М. Барнаул, 1994. Информация о ней: Демин М.А., Щеглова Т.К. Конференция по этнографии Алтайского края // Этнографическое обозрение. 1995. № 1; Этнография Алтая. Материалы II научно-практической конференции. Редкол.: Щеглова Т.К. (отв. ред.), Демин М.А. и др. Барнаул, 1996. Информация о ней: Демин М.А., Щеглова Т.К. Этнография Алтая: II научно-практическая конференция // Этнографическое обозрение. 1998. № 1; Этнография Алтая и сопредельных территорий. Под. ред. Демина М.А., Щегловой Т.К. Барнаул, 1998. Информация о ней: Демин М.А., Щеглова Т.К. Этнография Алтая и сопредельных территорий. Материалы III научно-практической конференции // Этнографическое обозрение. 1999. № 4; Этнография Алтая и сопредельных территорий. Материалы научно-практической конф. Вып. 4. Под ред. Демина М.А., Щегловой Т.К. Барнаул, 2001.

⁴ Щеглова Т.К. Методика сбора устных исторических источников // Школьное краеведение. М., 1993. С. 3-24; Она же. Устная история и краеведение // Преподавание истории в школе. 1998. № 5. С. 60-66.

⁵ Щеглова Т.К. Устная история как объект краеведческой деятельности // Проблемы устной истории и современность. Калининград, 1992. С. 17-21; Она же. Значение устных источников для изучения истории исчезнувших сел // Проблемы устной истории в СССР. Киров, 1991. С. 38-44; Она же. Устная история как объект краеведческой деятельности в школе и вузе // Историческое краеведение в школе и вузе. Кемерово, 1994. С. 97-100.

ГОРОДА СИБИРИ В ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА

А.П. Толочко (Омск)

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

(К ИСТОРИОГРАФИИ И ПРОБЛЕМАТИКЕ ТЕМЫ)

Отечественная историография в 1980–1990-е годы обогатилась серьезными научными исследованиями по истории городского самоуправления в России в конце XIX – начале XX вв. Сдвиги произошедшие в разработке проблемы в последние 15–20 лет, тем более примечательны, если учитывать следующее обстоятельство: в годы советской власти в условиях функционирования административно-командной системы эта тематика не относилась к разряду приоритетных и практически не изучалась. Позитивные тенденции имеют место и в исследовании указанной темы и на материале одного из крупнейших регионов России – Западной Сибири. Если вплоть до начала 90-х годов лишь в немногих изданиях по истории сибирских городов (в их числе следует назвать монографию Л.М. Горюшкина, Г.А. Бочановой и Л.Н. Цепляева об историческом прошлом Новосибирска) деятельность местного самоуправления попадала в поле зрения исследователей, то в последние годы вышел в свет целый ряд специальных публикаций (работы И.А. Коновалова, Е.А. Дегальцевой, С.В. Макаруча, А.В. Литягиной, Е.Ю. Меренковой, Л.А. Ереминой, О.В. Чудакова и др.)¹, посвященных рассмотрению различных аспектов организации и практической деятельности городских самоуправлений в крае в дореволюционный период. Возросший интерес исследователей нашел свое выражение и в появлении работ диссертационного уровня. В 1999–2001 гг. были защищены три кандидатские диссертации по истории городского самоуправления в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в., подготовленные А.В. Литягиной, Е.Ю. Меренковой и Л.А. Ереминой². Наконец, следует сказать и о начавшейся работе по публикации документов органов городского самоуправления³, что позволило ввести в научный оборот значительный массив весьма ценных в информативном плане источников.

Можно выделить три блока вопросов (организация городского самоуправления в регионе на основе Городового положения 1892 г., финансово-бюджетная политика городских самоуправлений, их деятельности в хозяйственной и социально-культурной сферах), которые оказались в центре внимания авторов, занятых изучением городского самоуправления в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. В исследовательской литературе, в частности, проведено обстоятельное рассмотрение новой избирательной системы и с должной полнотой освещен процесс

практической реализации введенного ею механизма формирования органов городского самоуправления в крае. Как следствие, дана подробная характеристика изменений организационной структуры городского самоуправления, функциональных назначений и полномочий дум и управ, принципов их взаимодействия. Благодаря исследованию сословного состава городских избирателей, а также гласных и городских голов обоснованно определено значение городских дум как представительных органов цензовой буржуазии. Вместе с тем, по мнению Е.Ю. Меренковой, Л.А. Ереминой, ряда других авторов, наличие в регионе различных типов городских поселений определило и некоторое отличие в представительстве тех или иных сословий в органах местного самоуправления средних и мелких городов, по сравнению с крупными. В городах с упрощенным общественным управлением среди гласных и уполномоченных более значительным был удельный вес мещанского и крестьянского сословий. Отрадно, что выводы исследователей строятся на основе мобилизации значительного конкретно-фактического материала, а не за счет привлечения единичных фактов, что дало возможность избежать односторонних суждений и взглядов.

Значительная работа проделана историками в последние годы и по изучению бюджетной политики городских самоуправлений в Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. В новейшей литературе реконструирована достаточно полная картина доходных и расходных статей городских бюджетов, выявлены источники финансовых поступлений, охарактеризовано внутреннее содержание доходных статей, представлен анализ городских расходных смет. Проследившая эволюцию доходных статей бюджетов городских поселений региона, исследователи высказывают суждения, суть которых может быть сведена к следующему: основными источниками поступлений в бюджеты крупных и средних городов являлись городской оценочный сбор, сборы с торговли и промыслов, доходы от городских имуществ, в то время как в городах с упрощенной формой управления основу бюджетных поступлений составляли доходы с городских имуществ и оброчных статей, пособия городу и т. п. При этом авторы единодушно считают, что наибольший рост доходов имели города, развивающиеся как торгово-промышленные и транспортные центры. В имеющихся публикациях подробно рассмотрена также структура расходных статей городских бюджетов, отмечены сокращение так называемых обязательных расходов и наметившийся в крупных и средних городах Западной Сибири приоритет в использовании бюджетных средств на развитие благоустройства, народного образования и здравоохранения.

Солидный конкретно-фактический материал систематизирован и обобщен в новейшей литературе при рассмотрении практической деятельности органов городского самоуправления Западной Сибири в хозяйственной и социально-культурной сферах. Перед читателем открывается широкое

историческое полотно, и мы видим, какую работу городские думы и управы вели в хозяйственной сфере, как изыскивали средства на благоустройство городов, какую роль они сыграли в развитии народного образования, культуры, здравоохранения. Выявляя как сильные, так и слабые стороны, проявившиеся в повседневной деятельности органов городского общественного управления, большинство исследователей вполне обоснованно считают, что в целом городские самоуправления оказались способными решать сложные вопросы городской жизни, хотя их полномочия были существенно ограничены рамками Городового положения 1892 г.

В то же время, несмотря на заметное продвижение вперед, сохраняются известные пробелы в разработке истории городского самоуправления в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. Так, за исключением диссертации Л.А. Ереминой, авторы других работ, уделяя основное внимание характеристике состава и деятельности органов городского самоуправления в крупных городах края, если и рассматривают, то весьма фрагментарно, функционирование соответствующих структур в городских поселениях с упрощенной формой поселения. Требуется дальнейшего изучения и ряд вопросов, касающихся структуры городских самоуправлений в Западной Сибири, их финансовой политики и т.п. В частности, в имеющихся публикациях недостаточно внимания, по нашему мнению, уделено рассмотрению заемных операций, что являлось чрезвычайно актуальным для некоторых городов. Дело в том, что хотя в целом задолженность городов в крае была сравнительно небольшой, то в таких городах как Томск и Тобольск она превышала их годовой бюджет, а это заставляло органы общественного самоуправления прибегать здесь к заключению займов для решения насущных проблем повседневной городской жизни. Детализация указанных сюжетов способствовала бы более всестороннему освещению финансовой политики городских самоуправлений.

И еще одно соображение. В начале XX в. городские думы начинают играть заметную роль в общественной жизни региона. Особенно заметно эта тенденция проявила себя в период революции 1905–1907 гг. и в годы Первой мировой войны. Однако лишь в работах О.А. Харусь и С.В. Макаруча есть попытки обратиться к изучению данного вопроса. Необходимо усилить исследовательскую работу в указанном направлении, что позволит воссоздать более полную картину развития городского самоуправления в Западной Сибири.

¹ Коновалов И.А. Организация и функции омских городских дум (1840–1914 гг.) // Таре 400 лет. Материалы научно-практической конференции. Ч. I. Омск, 1994; Толочко А.П., Коновалов И.А. Городское самоуправление в Омске в дореволюционный период. Омск, 1997; Они же. Некоторые вопросы организации городского самоуправления в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. //

Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. № 2. Омск, 1997; Харусь О.А. Городские думы: замыслы реорганизации и реалии практической деятельности сибирских либералов в период первой российской революции // Революция 1905–1907 годов и общественное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Омск, 1995; Меренкова Е.Ю. Бюджетная политика Омского городского самоуправления накануне Первой мировой войны // Исторический ежегодник. Омск, 1996; Она же. Деятельность органов городского самоуправления Западной Сибири по использованию городского земельного фонда (конец XIX – начало XX вв.) // Исторический ежегодник. Омск, 1999; Литягина А.В. Городские думы как представительные организации торгово-промышленных кругов дореволюционной Сибири (по материалам Томской губ.) // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Вып. 2. XVIII в. – 1920-е гг. Барнаул, 1997; Дегальцева Е.А. Городское самоуправление и общественные организации в Томской губернии конца XIX – начала XX вв.: проблемы взаимодействия // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XX веков. Вып. 2. Матералы II региональной научной конференции. Новосибирск, 1997; Макарчук С.В. Городское самоуправление Сибири: сфера влияния либералов и монархистов в начале XX в. // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI–XX веков. Материалы IV региональной научной конференции. Новосибирск, 1999; Еремина Л.А. Финансовое состояние городов Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2000; Чудаков О.В. Органы городского самоуправления в Тобольской губернии в годы первой мировой войны (1914 г. – февраль 1917 г.) // Исторический ежегодник. Омск, 2000.

² Литягина А.В. Городское самоуправление Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков (по материалам Томской губ.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1999; Меренкова Е.Ю. Организация, полномочия и деятельность городского самоуправления в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2000; Еремина Л.А. Городское самоуправление Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков: структура, функции, основные направления деятельности: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001.

³ Организация самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов и материалов. Тюмень, 1995; Барнаульская городская дума. 1877–1996. Сборник документов. Барнаул, 1999.

А.Р. Ивонин (Барнаул)

БЮДЖЕТЫ ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ДОРЕФОРМЕННУЮ ЭПОХУ

Историография дореформенного сибирского города насчитывает более двух столетий, однако городская проблематика не нашла адекватного отражения в литературе. На это, в частности, обращалось внимание в совместной работе Л.М. Горюшкина и Н.А. Миненко. За годы, прошедшие с момента выхода этой монографии, положение дел во многом изменилось к

лучшему, но и сегодня остается много нерешенных вопросов. Не в последнюю очередь это касается проблем городского бюджета. Хотя его величина и структура не являются интегральными показателями, но в них находят отражение различные стороны местной социально-экономической жизни (торговля, промышленность, благоустройство, управление и т. п.), а потому анализ городских смет заслуживает пристального внимания.

К настоящему времени вопросы формирования городской казны частично затронуты в работах Н.Ф. Емельянова (преимущественно в описательном плане) и статье А.И. Куприянова.² О городском бюджете дореволюционного Новониколаевска писал Л.М. Горюшкин.³ Однако это лишь первые подходы к изучению темы.

Задача предлагаемого сообщения состоит в анализе расходной и доходной частей городских росписей с целью выявления динамики городских бюджетов, изменения их структуры источников формирования.

Потребности городской жизни в России XVII–XVIII вв. отчасти удовлетворялись доходами с городских имуществ, но главным образом либо личными повинностями горожан, либо нерегулярными сборами по раскладке. Начиная с последней четверти XVIII в. ("Жалованная грамота городам 1785 г.") источники доходов закрепляются юридически. Со временем их число постоянно возрастает. В первой половине XIX в. доходная часть бюджета складывалась из средств, полученных с недвижимых имений (луга, выгоны и проч.), собранных "по особым правилам городов" (с проходящих воез, судов и т. п.), от единовременных доходов и сборов с горожан.

В 1819 г. совокупный доход городов региона составил 144 326 руб. (асс.). Из этого 82 697 руб. (57,3 %) приходилось на Тобольскую и 61 629 руб. (42,7 %) на Томскую губернию. В целом по региону доходы с городской недвижимости составили 18 865 руб. асс. (20 %), поступления, взимавшиеся "по особым правилам городов", давали 40 755 руб. (27,9 %). 64 279 руб. (44,5 %) составлял сбор с местных жителей, 10 927 руб. (7,6 %) приходилось на единовременные сборы. При этом структура доходов в губерниях существенно отличалась. Так, в Тобольской губернии почти 72 % доходной части бюджета составляли сборы с горожан, а в Томской губернии бюджет почти на 57 % наполнялся за счет транзитной торговли. Дополнительные сборы существовали только в Нарыме и Каинске.⁴

В 20-е гг. XIX в. местные власти были весьма озабочены отысканием средств для увеличения доходов. Хотя поиски не привели к резкому изменению абсолютных показателей (в 1828 г. доходы составили 147 967 руб. асс.), но они заметно изменили структуру доходов. Доходы, собранные "по особым правилам", выросли против 1819 г. в два раза и составили 81 641 руб. (55,1 %), тогда как сборы с жителей сократились примерно в два раза до 32 209 руб. (21,8 %).⁵

В 1835 г. из суммы 200077 руб. "по особым правилам городов" было обрано 118 478 руб. (59,2 %), сборы с жителей составили 36 272 руб. 18,1 %). В Tobольской губернии они сократились до 26,4 %, в Томской — до 1 %. Об усилении экономических позиций городов свидетельствует явление городских капиталов из доходов прошлых лет. В 1835 г. их общая сумма приходилась на Томск и Петропавловск, т. е. на центры транзитной и международной торговли.⁶

В течение 40–50-х гг. XIX в. доходная часть бюджета возросла с 64,3 тыс. руб. (серебром) в 1840 г. до 104 тыс. в 1857 г., или в 1,6 раза. Правда, по темпам роста городских доходов Западная Сибирь уступала имперским показателям, где аналогичный рост составил 1,9 раза, главным образом за счет динамики бюджета столиц и Одессы (В 1854 г. на эти три города 4,2 млн руб., или 41 %).⁷

В конце 50 — начале 60-х гг. XIX в. произошли дальнейшие изменения в доходной части бюджета. Прямые сборы с населения фактически прекратились (2,2 % в Tobольской, 0,1 % — в Томской губернии), заметно меньше в относительных величинах стали давать сборы "по особым правилам городов" (56,2 % в Tobольской и 36,9 % в Томской губернии). Зато резко увеличилось количество "прочих доходов". Сюда включались поступления от разных лиц, сборы недоимок, остатки различных сумм и т. п., но наполовину "прочие" доходы составляли деньги на проценты из Приказа общественного призрения. В Tobольской губернии они давали 33,4 %, в Томской 36,8 % городской казны.⁸ Таким образом, в 50-е гг. XIX в. все большее место в формировании бюджета играют проценты с городских капиталов. Впрочем, этот процесс только начался.

Накапливавшиеся в городах капиталы делились на запасные, или остаточные, и неприкосновенные (суммы, собранные для определенных целей: выдачу пенсий, постройку зданий, мощение улиц и проч.). Запасный капитал, как правило, не хранился в Думе, а отдавался "для приращения процентами". Это вело к увеличению нетрадиционных источников дохода.

Динамика городских расходов показывает, что они выросли за 1819–1862 гг. в 4,1 раза (против роста доходов в 4,2 раза). Важнейшими статьями расходов были содержание полиции и органов городского управления. На эти цели тратилось свыше половины бюджета (61,1 % в 1819 и 58 % в 1862 г.), но следует отметить, что удельный вес этих расходов несколько снизился. На благоустройство и содержание городских зданий в 1819 г. было потрачено 28,3 %, в 1862 г. только 5,2 %, но в последнем случае учтен лишь "косметический" ремонт, а капитальное строительство стали включать в единовременные и прочие расходы, которые возросли с 8,2 % до 30,1 %. Несколько увеличились расходы на образование и здравоохранение. В 1819 г. они составили 1 350 руб. (около 1,5 %), а в 1862 г. поднялись до 4 599 руб. (3,3 %). Этого, конечно, было недостаточно для развития образования и

здравоохранения, но все же речь идет от определенной повышательной тенденции. Затраты на обеспечение войск жильем в целом выросли с 2,3 до 3,4 % и не играли в расходной части значительной роли.⁹

В движении городских бюджетов как в зеркале отражалась динамика городской жизни. С одной стороны, несомненен определенный экономический прогресс, выразившийся в росте доходов, с другой стороны очевидна и явная замедленность этого развития. Основными источниками пополнения казны весь период, так или иначе, оставались доходы от торговли, находившаяся "в первобытной простоте" городская промышленность существенной роли в пополнении бюджета не играла. Эволюция его доходной части состояла в переходе от прямого обложения населения в первой четверти XIX в. к разного рода акцизам 30–40-х гг., а от них к доходам на проценты с капитала, хотя последняя тенденция только наметилась в 50-е годы XIX в. О замедленности темпов развития говорит и устойчивая структура расходной части бюджетов, хотя в ней и происходили некоторые сдвиги.

¹ Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1984. С. 89, 90.

² Емельянов Н.Ф. Город Томск в феодальную эпоху. Томск, 1984; Он же. Город Курган 1782–1917: Социально-экономическая история. Курган, 1991; Куприянов А.И. Городское хозяйство Западной Сибири в первой половине XIX в. // Город и деревня Сибири в досоветский период. Бахрушинские чтения 1984. Новосибирск, 1984. С. 76–87.

³ Горюшкин Л.М., Боганова Г.А., Цепляев Л.Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 66, 67.

⁴ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 4. Л. 259–266.

⁵ Там же. Д. 32. Л. 60–64.

⁶ Там же. Д. 46. Л. 53–58.

⁷ Общественное устройство и хозяйство городов. СПб., 1859. Т. 1. С. 549–570; О мерах и устройстве общественного хозяйства городов // Журнал Министерства внутренних дел. 1854. Ч. VIII. С. 34–37.

⁸ Там же. Ф. 1265. Оп. 9. Д. 151. Л. 130–133; Оп. 13. Д. 33а. Л. 186–191; ТФ ГАТюмО. Ф. 329. Оп. 550. Д. 39. Л. 31–41; Д. 55. Л. 4–7.

⁹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 4. Л. 251–258, 267–272; Ф. 265. Оп. 9. Д. 151. Л. 134 об. – 135; ТФ ГАТюмО. Ф. 329. Оп. 550. Д. 55. Л. 8–9.

В.П. Зиновьев (Томск)

СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Современный период отечественной истории, начавшийся с горбачевской перестройки и распада СССР, привел к существенным переменам условий, в

оторых работают историки. Исчез жесткий идеологический пресс правящей коммунистической партии, нередко требовавшей подгонять факты истории од заранее сформулированные выводы. Новый идеологический хомут ещё не готов, поскольку не сформировалась идеология правящего режима в целом. По этой причине историки могут творить пока свободно.

Я не говорю здесь о конъюнктурных аспектах, поскольку желающих римкнуть к победителям всегда достаточно. Конъюнктурность проявляется исторических трудах чаще всего в стенаниях по поводу перенесенных онений, в самобичевании и обвинении коллег, в поисках жареных фактов, в желании услужить новым хозяевам жизни. Применительно к историографии рассматриваемого периода истории Сибири такого рода явления не характерны. Лишь изредка юные создания, толком не знающие литературы, юмятся в открытые двери и изобретают велосипеды, огульно клеймя историков советского времени.

Вместе с идеологическим прессом исчез и социальный заказ на исторические труды, резко сократилось финансирование. Особенно пострадала профессиональная академическая наука, ранее координировавшая работу вузовских историков. В 60–80-е гг. под руководством Института истории СО РАН были осуществлены грандиозные проекты: История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 1–5; История рабочего класса и крестьянства Сибири в 9 томах. 1981–1986 гг. (главный редактор академик А.П. Окладников). Начата работа над не менее значительным проектом "Исторический опыт освоения Сибири" (руководитель – член-кор. АН СССР Л.М. Горюшкин).

Однако можно и сейчас смело утверждать, что распределенные тогда роли историки Западной Сибири продолжают играть. В этом убеждает краткий обзор литературы по социально-экономической истории Сибири в XVIII – начале XX в.

В Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета вплоть до последнего времени одна из главных тем формулировалась так: "Хозяйственное (промышленное и транспортное) освоение Сибири", что было согласовано с Л.М. Горюшкиным. В ходе работы были опубликованы несколько тематических сборников статей: Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, источники. Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 257 с.; Хозяйственное освоение Сибири: вопросы истории XIX – первой трети XX вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1996, 225 с.; монографии: Большаков В.Н. Очерки истории речного транспорта Сибири XIX века. Новосибирск. 1991, Бойко В.П. Томское купечество конца XVIII – XIX в. Томск, 1996. 310 с., Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск. Томск, 2000. 282 с., и др.

Следствием той же договоренности была параллельная работа историков Института истории над хроникой крестьянского движения: Крестьянское

движение в Сибири. Хроника и историография. 1861–1917 гг.: в 3 кн. Новосибирск, 1985–1987, а историков Томского университета – над хроникой "Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика в трех томах" (Томск, 1988–1991 гг.).

Историки АГУ, руководимые В.А. Скубневским, активно разрабатывали темы сибирского предпринимательства и городского самоуправления: Предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.). Барнаул, 2001; Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой трети XIX в. Барнаул, 1999. 659 с.; Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая. Барнаул, 2001. 239 с. и др.

Историки Омского государственного университета и Омского государственного педагогического университета продолжили изучение истории общественного движения. (См.: Проблемы классовой борьбы и общественного движения в Сибири в дооктябрьский период. Омск, 1992. 167 с.; Революция 1905–1907 годов и общественное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Омск, 1995. 137 с.; Толочко А.П. Непролетарские партии (1905 г. – февраль 1917 г.). Омск, 1995. 84 с.; Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Ч. 1 (1900–1918). Омск, 1996. 206 с.; и др.).

В Новосибирском государственном университете по-прежнему сильны традиции аграрной истории. Вышли монографии В.А. Зверева о воспроизводстве крестьянского населения Сибири.

В Новосибирском университете и Институте истории продолжены исследования по истории освоения Сибири в XVII – первой половине XIX в. См.: Институт истории. 1991–2000. Новосибирск, 2001, сборники статей "Из прошлого Сибири", "Вопросы истории Сибири XX века", материалы Бахрушинских чтений, монографии В.А. Александрова и Н.Н. Покровского, Д.Я. Резуна, Л.М. Горюшкина, Г.А. Бочановой, Г.А. Ноздрина, Т.С. Мамсик, А.Х. ЭлERTA и др.

В Кемеровском университете издается сборник статей "Сибирь: XX век", в Тюменском – Тюменские исторические сборники. Время от времени выходят сборники статей кафедр общественных наук технических вузов, юбилейные сборники, посвященные круглым датам известных ученых. Некоторые сборники аккумулируют серьезную научную информацию, например, сборник, посвященный 70-летию Л.М. Горюшкина, юбилеям Е.И. Соловьевой, Н.В. Блинова, А.П. Бородавкина.

В 90-е гг. заканчивались исследования, начатые в советское время. Это докторские диссертации В.А. Скубневского, А.П. Толочко, В.П. Зиновьева, С.В. Макаруча, М.В. Шиловского, В.А. Зверева, Л.П. Сосновской, А.Р. Ивонина и др.

Вместе с тем появились новые темы, приобрели актуальность новые аспекты истории Сибири. Стала самостоятельной историко-демографическая

тематика — благодаря работам В.А. Зверева, А.Н. Сагайдачного, Ю.М. Гончарова, А.Р. Ивонина, В.Н. Владимирова и других новосибирских и алтайских историков.

Крупным направлением в истории Сибири стало изучение системы управления регионом. Обобщающие монографии подготовлены А.В. Ремневым, серьезно изучается управление, управленческие кадры. Например: Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX в. Новосибирск, 1998. 426 с.; Сибирские и тобольские губернаторы, Под редакцией В.В. Коновалова. Тюмень, 2000. Параллельные диссертационные исследования на одну и ту же тему городского самоуправления в Омске, Новосибирске и Барнауле являются прекрасной иллюстрацией к отсутствию координации в работе историков.

В 90-е гг. также предметом специальных углубленных исследований стала сфера обмена Сибири, особенно ярмарки и банки. См.: докторскую диссертацию Т.К. Щегловой, кандидатские диссертации Т.Н. Сидорчук, А.К. Кириллова, библиографический указатель отечественной литературы "Сибирская торговля в XIX — начале XX в." (Томск, 1994) под редакцией Б.К. Андриющенко, пособия к спецкурсам и статьи В.И. Пронина о становлении сибирского рынка, четыре выпуска материалов таможенных книг сибирских городов XVII в. под редакцией Д.Я. Резуна и О.Н. Бесединой.

К новой тематике относятся работы по этнической и конфессиональной истории Сибири — монография Л.И. Шерстовой, С.Г. Скобелева, кандидатская диссертация Е.В. Карих и др.

Приметой последнего десятилетия стало качественное улучшение краеведческих изданий, к подготовке которых обратились профессиональные историки. Новым направлением в работе историков стала подготовка региональных энциклопедий и другой справочной литературы. Стоит отметить Энциклопедию Алтайского края в двух томах. Такая же работа ведется в Кемеровской, Новосибирской, Томской, Омской областях. Выходят материалы к энциклопедиям, хроники, словари. Вышла книга "Новосибирск. 100 лет. События. Люди." под редакцией Л.М. Горюшкина, история Омска под редакцией Н.М. Дмитриенко, История Томской области под редакцией В.П. Зиновьева, Камня-на-Оби, Алтай, Энциклопедия Барнаула под редакцией В.А. Скубневского, Змеиногорска под редакцией В.А. Моисеева, История Хакасии под редакцией Л.Р. Кызласова и др. Опубликованы истории многих сел, поселков, сборники материалов и статей по районам сибирских областей и краев.

К тематическим изданиям, ставшим заметным событием историографии последнего времени, можно отнести Краткую энциклопедию по истории купечества и коммерции Сибири в 10 книгах. Последняя служит наглядным примером пользы координации. Инициатор серии — д-р ист. наук Д.Я. Резун — смог привлечь около 40 историков-специалистов, сумел организовать

финансирование проекта. Однако скромность тиража, многочисленные огрехи, безусловно, снижают научный эффект этого полезного издания.

Новым делом стала подготовка учебников по истории Сибири, не все они равноценны. Если сочинение Л.Г. Олеха (История Сибири: Учеб. пособие. Новосибирск, 2001) вызвало дружную критику коллег, то серия учебников для школ, опубликованная историками новосибирских университетов, заслуживает одобрения по своей научной основательности. Эти учебники, несмотря на отдельные неточности, в целом верно представляют современный уровень достижений в области истории Сибири. (Ф.С. Кузнецова для 7 класса, В.А. Зверев, А.С. Зуев, Ф.С. Кузнецова для 8 класса, В.А. Исупов и И.С. Кузнецов для 9 класса; учебное пособие А.С. Зуева "Сибирь: веки истории"). Остается актуальным выпуск учебника по истории Сибири для вузов, так как учебное пособие, опубликованное в Томском университете в 1987 г., в значительной мере устарело и стало библиографической редкостью.

Проблемой является обобщение и анализ литературы по социально-экономической истории Сибири. После монографий Н.В. Блинова, Л.М. Горюшкина и Н.А. Миненко такая работа давно не проводилась. Исключение составляют монографии М.А. Демина по ранней историографии коренных народов Сибири, А.П. Толочко "Современная историография партийно-политического движения в Сибири в начале XX в.". Омск, 2001. Историографические опыты, предпринимаемые в диссертациях, не весьма удачны вследствие конъюнктурности и низкой квалификации исполнителей.

Сокращение финансирования науки вообще, а исторической – в частности, заставило историков принять современные правила игры – подавать заявки на гранты российских и зарубежных научных фондов. Краткосрочность и малые размеры финансирования позволяют довести до публикаций исследования, имеющие солидный задел. Удачные примеры – изучения хроники общественного движения в Сибири (грант РГНФ В.П. Зиновьева), сибирского фронта (грант Д.Я. Резуна), предпринимательства (грант В.А. Скубневского), опыта природопользования в Сибири (грант Г.А. Ноздрина), по истории семьи (грант Ю.М. Гончарова), издание книги В.П. Бойко о томском купечестве и др. Однако такого рода успехи возможны только на фундаменте исследований, проведенных в советское время, на материале, накопленном годами, с использованием кадров, подготовленных в то время. Гранты российских научных фондов не стали еще рациональным инструментом управления научными исследованиями. У зарубежных фондов свои приоритеты, часто не совпадающие с интересами отечественной истории.

Проблема координации научных исследований сейчас стоит остро. Нарботки прошлых лет, связанные с лидерством Института истории, исчерпываются. Более-менее прочные связи сохранились в треугольнике

Томск — Омск — Барнаул, с центром в Новосибирске. Нет надежной информации, обмена исследованиями, публикациями с тюменскими, кемеровскими, красноярскими, иркутскими, читинскими, бурятскими историками. Необходим новый механизм координации. Такого рода механизм должен включать согласование графика региональных научных конференций, согласование тематики кандидатских и докторских диссертаций, подготовку крупных обобщающих трудов тематического плана — по истории отраслей народного хозяйства, городов, социально-классовых и сословных групп населения, этнополитической и конфессиональной истории, истории управления, общественного движения, историографии и источниковедению сибирской истории. Это могут быть монографии, справочно-энциклопедические издания.

С.С. Букин, А.И. Тимошенко (Новосибирск)

ПРОЕКТ ТРАНСПОРТНОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX В.*

Главный интерес в разработке идей транспортного освоения Сибири в конце XIX в. приобрело железнодорожное строительство, от которого непосредственно зависело заселение региона. Это было связано и отчасти с тем, что в данный период вопросы сооружения железных дорог в России стали чрезвычайно актуальными. Вместе с тем Сибирский край с его огромными незаселенными пространствами, природными и экономическими возможностями привлекал большое внимание правительства и предпринимательских кругов.

Идеи о строительстве железных дорог в Сибири высказывались еще в 1840—1860-е гг., но первые проекты были пока умозрительными. Ни один из их авторов не изучал подробно тех территорий, где предполагалось прокладывать железные дороги. Первые серьезные изыскания были проведены в 1870-е гг.

Начало этого десятилетия было благодатным временем для российского железнодорожного строительства. В это время расширялись границы, укреплялась зона политического влияния государства, возрастала значимость железных дорог как средства сообщения и перемещения населения. Император Александр II выделил эту отрасль в качестве первостепенной в государственной политике. Выгодным считалось вложение денег в железнодорожное строительство. Средний прирост железнодорожных магистралей в 1870-е гг. составил 1,5 тыс. км в год, в отдельные годы

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 02-01-00317а).

достигая 2,5 тыс. км. Всего за время царствования Александра II было построено 25 тыс. верст железнодорожных путей¹.

В 1872–1874 гг. Министерство путей сообщения предприняло крупные изыскания в поисках направления железной дороги, которая бы соединила восточные и западные территории России. В Сибирь через Урал к этому времени рассматривались три варианта проведения железной дороги: от Санкт-Петербурга через Рыбинск, Кострому, Кинешму и Вятку до Перми и соединения затем Перми с горнозаводской линией; от Нижнего Новгорода по левому берегу Волги на Казань и Красноуфимск до Екатеринбурга; от города Алатыря на Уфу и Златоустовские заводы до Челябинска. Наибольшее число сторонников получили первые два варианта, так называемые южное и северное направления. Причем кроме государственных организаций их поддерживали и многочисленные местные ходатайства, которые в больших количествах поступали в Министерство путей сообщения. Надо отметить, что местнический интерес в большей степени сосредоточился вокруг южного направления.

Главный довод в защиту этого направления заключался в том, что оно совпадало с тем традиционным путем, по которому уже веками шла сибирская торговля, к тому же постройка северной линии отозвалась бы весьма неблагоприятно на перевозке товаров, идущих на юг России, в низовья Волги, на Кавказ, а также в Бухару и Персию. Об этом заявил губернатор Западной Сибири Казнаков в Записке, поданной императору Александру II в апреле 1875 г. Его поддержали казанские и нижегородские купцы и промышленники, горнозаводчики Южного Урала, которые стремились сбывать свои товары на юге России и в Москве с большой выгодой для себя без расходов по перегрузке, устройству и охране складов на пристанях. Особое значение защитники южного направления придавали тому, что оно представляло собой более короткое, чем северное, соединение Тюмени и Урала с Москвой. При этом указывалось, что хотя северное направление и приближает Сибирь к Петербургу, зато удаляет ее от Москвы и юга России, где сбывается большая доля сибирских товаров и кяхтинского чая.

Сторонники южной линии неоднократно ссылались в своей полемике с приверженцами северной дороги на то, что последняя пройдет по малонаселенным и пустынным территориям. Тогда как южная пересечет населенный и промышленный край и послужит его дальнейшему развитию. Было еще огромное количество доводов и ходатайств как в пользу одного, так и другого направления. Все они рассматривались в Министерстве путей сообщения.

В мае 1875 г. министр К.Н. Посыет докладывал в Комитете министров, что вопрос о направлении сибирской линии как первом звене великого Сибирского железнодорожного пути чрезвычайно важен, имеет

общегосударственное значение, так как по нему пройдет главная связь страны, соединяющая все ее территории, включая и Дальний Восток.

В 1880-е гг. к обсуждению проблем транспортного строительства в Сибири привлекается все больше государственных организаций. Те или иные вопросы сооружения сибирских путей рассматриваются не только в Министерстве путей сообщения, но и в военном, финансовом, морском, внутренних дел, земледелия и государственного имущества при императорском дворе. Меняется и само отношение к Сибири. В условиях индустриального роста, когда в хозяйственный оборот вовлекаются все новые природные ресурсы и заселяются новые территории России, внимательно рассматриваются экономические потенции Сибирского региона.

С окончанием строительства непрерывного рельсового пути до Оренбурга, находящегося на самой границе с Сибирью, и началом строительства железной дороги Екатеринбург – Тюмень в российском правительстве все определенной ставится вопрос о строительстве железной дороги в Сибирь. В марте 1882 г. Министерство путей сообщения в докладе министра предложило новый вариант пути от Самары до Омска через Уфу, Златоуст, Челябинск, который после некоторых изысканий был принят за основу и положил начало проектированию и строительству вскоре Транссибирского магистрального пути.

¹ Русский торгово-промышленный мир. М., 1993. С. 9.

О.Н. Катанов (Новосибирск)

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ МОСКОВСКО-СИБИРСКОГО ТРАКТА В СИБИРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

История Московско-Сибирского тракта создавалась на протяжении XVIII – XX вв. и привлекает внимание сегодняшних исследователей. В настоящее время идет дискуссия о времени прокладки и окончательного устройства тракта¹. Этому вопросу уделяли внимание С.У. Ремезов, Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, П.А. Словцов, В.К. Андриевич, А.Д. Григорьев, Р.М. Кабо, С.В. Бахрушин, В.В. Покшишевский, А.Д. Колесников, О.Н. Вилков, Ф.С. Кузьмина (Кузнецова), Н.А. Миненко, Г.Ф. Быконя и др. В целом вопрос о времени прокладки тракта, хронология его создания были решены к 80-м гг. XX в.

Во-вторых, обращено внимание на заселение тракта. М.М. Громыко отметила процесс вольнонародной колонизации вдоль тракта в районе Екатеринбург–Тюмень, Тюмень–Ялуторовск. А.Д. Колесников, Ф.С. Кузьмина, Н.Ф. Емельянов, Г.Ф. Быконя, Ю.В. Кожухов раскрыли

процесс принудительного заселения тракта с середины XVIII по первую половину XIX в. в разных районах его прохождения.

В-третьих, исследователи Сибири охарактеризовали повинности крестьян по обслуживанию нужд тракта: натуральную дорожную повинность, а также почтовую и ямскую гоньбу до передачи их на подряды с торговыми обывательскую и этапную гоньбу. Исследован процесс упорядочения всех повинностей по функционированию тракта в 20-х гг. XIX в. Этому уделено место в своих исследованиях Ю. Гагемейстер, чины Министерств земледелия и государственных имуществ, томские историки при написании "Истории дорожного дела в Томской области", авторы "Истории Сибири" и "Истории крестьянства Сибири" и др.

В-четвертых, исследователи истории дорожного дела изучили различные сюжеты, связанные с устройством тракта: выделение Сибири в особый Десятый округ путей сообщения, введение Устава о путях сообщения в Сибири, неудачный опыт по замене натуральной дорожной повинности крестьян принудительным трудом военно-рабочих команд при устройстве Московско-Сибирского тракта в 1823–1828 гг., привлечение инженеров и техников к обслуживанию тракта в 80-е гг. XIX в. с сохранением натуральной дорожной повинности крестьян, имевших право выставлять за себя работников личным, а не мирским наймом, как это практиковалось сибирскими крестьянами с 60-х гг. XVIII в. до реформы 1822 г.

В-пятых, историки и публицисты исследовали историю извозного промысла по Московско-Сибирскому тракту в разное время и по разным регионам Сибири. А.А. Кауфман, Ф.С. Кузьмина, В.П. Бойко – по Западной Сибири; Д.Д. Ларионов, И.А. Молодых, Ю.В. Кожухов, а также авторы "Материалов по исследованию экономического быта государственных крестьян и инородцев..." – по Восточной Сибири; М.М. Шмулевич по Западному Забайкалью; Е.И. Соловьева и автор данных тезисов – в целом по всему тракту.

В-шестых, Г.Ф. Миллер, П.А. Словцов, П.Н. Бутинский, П.М. Головачев и И.Я. Гурлянд изучили устройство и заселение ямов ямскими охотниками в Сибири и функционирование их в XVII в. Н.Н. Покровский и В.А. Александров, исследуя взаимоотношения миров, обратили внимание на туринских ямщиков Коркиных, их становление в Сибири, взаимоотношения с посадом и воеводской властью. М.М. Громыко определила численность ямщиков в XVIII в.

Тема эта была продолжена нами при изучении статуса сибирских ямщиков в XVIII – первой четверти XIX в. до перевода их в сословие государственных крестьян. Мы склонны относить возникновение сибирских ямов ко времени выбора первоначального направления Московско-Сибирского тракта при его устройстве в конце XVI – начале XVII вв.

В-седьмых, значимость Московско-Сибирского тракта обозначилась в 60-е гг. XX в. с выходом пятитомной "Истории Сибири", в которой А.П. Бородавкин писал о тракте как важном районе, концентрировавшем около себя торгово-промышленный капитал и мелкотоварное производство, связанное с трактом. Об этом же писала Г.А. Бочанова. О роли тракта в транспортировке товаров писал В.И. Пронич, считавший его составной частью всей транспортной системы Сибири, В.П. Бойко и др.

Особое внимание на роль тракта в развитии ярмарочной торговли Западной Сибири обратили О.Н. Сидорчук и Т.К. Щеглова. Исследование Т.К. Щегловой, посвященное западносибирским и степным ярмаркам, выходит за рамки заявленной темы и показывает, как транспортная система, в том числе Московский тракт, проникала за пределы Сибири и способствовала развитию товарно-денежных отношений. В.П. Зиновьев, Н.М. Дмитриенко, В.П. Бойко обратили внимание на процесс формирования транспортных фирм и персоналии владельцев, вышедших из ямщиков и крестьян, традиционно занимавшихся извозным промыслом.

В-восьмых, на роль тракта в системе сибирской ссылки обратили внимание публицисты С.В. Максимов и Дж. Кеннан. Их описание положения ссыльных на тракте является наиболее полным, основанным на фактическом материале и собственных впечатлениях. С.В. Кодан при характеристике политической ссылки уделил внимание анализу Уставов о ссыльных и этапах в Сибири.

Однако полное представление о порядке устройства этапного тракта и этапирования всех категорий ссыльных мы можем получить, только изучив всю историю доставки ссыльных в Сибирь в XVIII–XIX вв.

В-девятых, важной проблемой, требующей внимания, являются социально-экономические процессы, проходившие в зоне влияния тракта на развитие земледелия, скотоводства, промыслов, сопутствовавших извозу. Некоторые отдельные сюжеты, как дворничество и коневодство, изучались уже в 60–90-е гг. XIX в. В.В. Птицын описал специфические промыслы, связанные с подготовкой к отправке по Московско-Сибирскому тракту чая из Кяхты – "ширельный" и "савошный" промыслы.

В-десятых, быт Московско-Сибирского тракта, элементы образа жизни притрактных жителей систематизированы слабо. Имеется ряд публицистических заметок, статей. В то же время интерес к тракту требует изучения образа жизни трактовых ямщиков и извозчиков, поведения трактовых жителей в работе и отдыхе. Устройство наземных транспортных средств, специфика и скорость их передвижения в разных местах Сибири, а также устройство и функционирование переправ через реки требует отдельного исследования.

Изученность вышеуказанных сюжетов и вновь возникших проблем позволяет нам ставить целью комплексное изучение истории Московско-Сибирского тракта в XVII–XIX в.

¹ Олех Л.Г. История Сибири. Новосибирск, 2001; Баяндин В.И., Зверев В.А., Катионов О.Н., Шиловский М.В. Не складна письмом, складна вымыслом // Вечерний Новосибирск. 2001. 7 июня.

Г.К. Муканова (Петропавловск, Республика Казахстан)

ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ СТЕПНОГО КРАЯ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.

История городов на границе Сибири и Степного края привлекательна в силу уникальности исследуемого пространства по экологическим, этнологическим, экономическим и другим показателям. Процессы самоидентификации, набирающие темп в суверенных республиках Содружества, требуют систематизации исторического материала с обновленных позиций. Ниже изложены фрагменты истории г. Петропавловска (основан в 1752 г.), его роль в развитии региона и перспективные направления изучения темы.

Э. Реклю, И. Фальк, а вслед за ними П. Семенов, Н. Соллогуб, А. Толстых и другие отмечали особенности долины р. Ишим вблизи Петропавловска: на местности фиксировались "гривы", "протоки", "гряды", "овраги"¹. Данная особенность ландшафта отражена и на гербе горда 1842 г. Казахское название "Кызылжар" в переводе означает "красный обрыв", что соответствует расположению города на высоком правом берегу р. Ишим, с характерным для здешних мест выходами песчаников темно-красного цвета и глинистых пород аналогичной расцветки². Наименования "Кызыл жар", "Орынбор", "Кулжа", "Шауешек" и др. встречаются в текстах песен казахских акынов XVIII – XIX вв. Шал-акына, Арыстанбая, Махамбета, Акан-сере.

В строительстве крепости принимали участие как русские солдаты, так и башкиры, пленные калмыки, "мещеряки" и "остяки". При основании крепости в официальных документах ее будущее название было обойдено молчанием, а для удобства рекогносцировки пользовались, со слов информаторов, проводивших предварительную разведку, формулировкой: "строить крепость в урочище, где Чуцкая могила на реке Ишим", расположенную между урочищами Звериная Голова на Тоболе и Омской крепостью. Название крепости фиксируется в более поздний период сразу в нескольких вариантах, причем одновременно: крепость св. Петра, Петропавловская крепость, крепость св. Петра и Павла (с 1807 по 1823 гг.).

Частые административно-территориальные реформы в крае (1822 г., 1868 г. и др.) способствовали сменам статуса Петропавловска, который в 1804 г. (по другим данным, в 1807 г.) был отнесен к городам, в которых находились крепости и форштадты. В 1836 г. Петропавловск "назначен окружным городом вновь образованной Омской области", а в 1839 г. стал "защитным городом Тобольской губернии". В 1868 г. — снова "назначен уездным городом вновь образованной Акмолинской области". Подводя итог этому перечню, должны отметить интересное "свойство" Петропавловска: благодаря удобному положению, город "перерос" административные условности и обозначился на карте Евразии как крупный центр транзитной торговли с Китаем и среднеазиатскими владениями уже в последней четверти XVIII в. Рынок постепенно включает большое пространство, от Уральских гор до Восточной Сибири, Западную Монголию и Западный Китай (Синьцзян). Роль Петропавловска (Кызылжара) в процессе развития товарно-денежных отношений в Центрально-азиатском регионе хорошо отражена в казахском фольклоре, прослеживается в архитектурном облике города. Сословное (купеческое преимущественно) представительство в среде горожан соответствовало тенденциям развития Петропавловска. Известный немецкий естествоиспытатель А. Гумбольдт в октябре 1832 г. отзывался о своем путешествии: "...Самые приятные воспоминания оставили по себе путешествия вдоль казацкой линии от Нарыма через Семипалатинск, Омск, Петропавловск, Троицк, Оренбург, Уральск"³. Строительство железнодорожной станции Петропавловск (1894 г.) оживило городскую жизнь; ярмарки вблизи города способствовали расширению торговых операций.

¹ Реклю Э. Земля и люди. СПб., 1898; Россия. Киргизский край. Т. 18. Семенов П.; Соллогуб Н.А., Толстых А.А. Очерк растительности и почв городских земель г. Петропавловска Акмолинской губернии (б.г., б.м.).

² Нифантов П. Гидрогеологические исследования в Акмолинской области. Омск, 1911. С. 26.

³ Там же.

П.П. Петров (Якутск)

ОСНОВАНИЕ "ГОСУДАРЕВА ГОРОДА НА ЛЕНЕ РЕКЕ". (К 370-ЛЕТИЮ ГОРОДА ЯКУТСКА)

На обширном пространстве Сибири города возникали, складывались и росли, как показали исследования историков и архитекторов, не стихийно. Они закладывались, межевались, строились и заселялись по распоряжению правительства и по единой, четко разработанной системе. Разрядный и Сибирский приказы занимались определением места под закладку нового города

и строительством его. Для закладки его обычно составлялись чертеж, роспись и смета, а после завершения его строительства в вышестоящие учреждения посылались новые чертеж и роспись. Размер поселения регламентировался правительством. На первых порах выбор места под город и руководство строительными работами осуществлялись, как это случилось в Якутске, двумя воеводами будущего города. Они имели большие права, на них возлагалась и большая ответственность.

Жилые здания и приходские храмы строились самими жителями на участках, выделенных им воеводами. Увеличение размеров участка и его перепланировка производились в городе только по "государеву указу". Самовольно никто этого сделать не мог, так как в отношении частного строительства существовали жесткие нормы. Заселение нового города велось организованно. Жителю его по специальному распоряжению государя выдавались селитебные деньги и хлебное жалованье. Строительство новых и реконструкция старых поселений осуществлялись очень быстро. Маленькие города возводились в 2–3 недели, большие в 1,5–2 года.

Русская строительная практика возведения крепостей ярко проявилась при основании Якутска. Енисейский казачий сотник П.И. Бекетов после похода в бурятские земли остановился на зимовку в Усть-Кутском острожке, срубленном десятником В. Бугром. Готовясь к новому походу на неясачные якутские улусы (кланы), обитавших ниже по течению реки Лена, рядом с острожком Василия Бугра, П.И. Бекетов со своими людьми построил новый острожек, назвав при этом Ленским. Возможно, он получил указание от енисейских воевод о дальнейшем продвижении его отряда вглубь Ленского края и об основании укрепленного населенного пункта там. По весне 1632 г., разобрав строения и укрепления острожка, отряд Бекетова сплавом двинулся вниз на завоевывание новых территорий. После нескольких удачных походов на якутские улусы он с целью закрепления успеха ставит сборный острог в местности Чымаадай на правом берегу реки, примерно в 70 км ниже современного Якутска. Об этом историческом событии в своей челобитной Бекетов писал: "Того ж году сентября в 25 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу (выделено нами. — П.П.), поставил я с служилыми людьми на Лене реке острог для государева величества в дальней уkraine и для государева ясачново збору и для приезду якутских людей. А преж тово на Лене реке и в якутской земле государева острогу не бывало нигде. А поставил государев новый острожек я, Петрушка, против якуткова князя Мамыкова улусу"¹.

В 1634 г. острожек "водою подмыло", и его строения развалились. Поэтому новый приказчик острога И. Галкин летом того же года распорядился перенести острог на новое угоднее место. К 1640 г. вновь построенный Ленский острог представлял собой маленькую крепость, окруженную деревянным тыном (остроконечные бревна, вертикально вкопанные в землю). Внутри нее, кроме немногих жилых домов, находилась съезжая изба с разными государевыми

делами, государев амбар на подклете с погребом, где хранилось разное казенное имущество, аманатская изба с заложниками и часовня. В документах того времени этот острог стал иногда называться Якутским. Вне острожных стен возникло поселение служилых, промышленных и торговых людей, называемое обычно посадом. По переписи 1641 г. было учтено 46 юрт якутского типа и 24 избы. О существовании в посаде улиц и переулков просто приходится догадываться, поскольку гужевая и пешеходная дороги должны были выполнять роль связующего звена между острогом и жилыми домами, которые, видимо, располагались без плана, так сказать в виде "живописной" планировки. В 1642 г. острог, построенный И. Галкиным, подвергся разрушительному наводнению².

Поиски удобного места для переноса старого острога начались ранним летом 1642 г. Осмотр близлежащих мест на судне совершил сам воевода П. Головин. Но осмотренные им берега Лены оказались "худы" и "не угожи". Затем был послан письменный голова В. Поярков, который обратил свое внимание на долину Туймаада, где проживали якуты Кангаласской волости под предводительством родоначальника Эюка. Для размещения построек будущей крепости он признал более подходящим район Кильдема. Однако воевода Головин, обзрев эти места, нашел их также неудобными. Он "под острожное место" выбрал так называемый "Эюков луг" в местности Табага. Собственник луга князец Эюк сам отмерил то место, которое отводилось под укрепление. Новый острог начали строить в том же году и завершили в следующем, 1643 г., когда канцелярия воеводы, официальные лица и население старого острога летом переехали на новое местожительство, которому окончательно закрепилось название *Якутский острог*.

По периметру острог П. Головина составлял 333 печатных сажени, и он приблизительно занимал территорию рядом с Преображенской церковью. Стены четырехугольной крепости достигали 2,5 сажени. По четырем углам были установлены боевые башни с вышками. Посередине одной стороны в стену была врублена проездная башня с воротами. Внутри острога постепенно возводились "приказ двойной на подклетах с сеньми", аманатский двор, пороховой погреб, четыре амбара на "соборлиную казну", две церкви. Обычно рядом с острожными стенами размещались гостиный двор для ведения торговли, амбары и двор "для приезду иноземцев". Из старого острога были перенесены три амбара для хранения хлеба, соли и строения тюрьмы³. Таким образом, формирование города Якутска с самого начала его основания происходило по установленным нормам общегосударственного градостроения.

Якутск, возникший на главном направлении освоения северо-востока Азии и расположенный в районе, пригодном для развития сельского хозяйства и богатом пушниной, постепенно стал утрачивать военно-административное значение. Вокруг крепости, за исключением береговой полосы, стали вырастать "жилищные дворы" разного сословия людей, которые, используя право первого заселения, выбирали удобные места для строительства своих домов. Чтобы

привести в порядок посадскую застройку, в 1678 г. воевода Бибииков выделил четыре зоны: для детей боярских и прочих служилых людей; для торговых и промышленных людей; для старообрядцев; для прочих ссыльных людей.

Видимо, такой порядок расселения не был выдержан до конца, чему помешало стихийное бедствие, обрушившееся на город. Острог П. Головина, построенный на берегу протоки, опять подвергся угрозе полного затопления внешним половодьем. После получения указа московского правительства воевода И. Приклонский распорядился на угожем месте построить крепость, которую завершили в 1683 г. Новая крепость представляла собой четырехугольник, окруженный мощными бревенчатыми стенами-пряслами по 126 м длины каждая, высотой 7,5 м и шириной 4,3 м. Высота главной проезжей башни достигала 29,4 м, а шести сторожевых – 18,9 м⁴.

Заменивший его воевода М. Кровков нашел крепость недостроенной и тесной. В связи с получением известий об угрозе продвижения богдойских (китайских) войск с Амура он приказал построить вокруг крепости еще один острог с восемью башнями, стены которого по периметру представляли сплошной тын и составляли 1235 м. Часть головинского острога была использована в качестве строительного материала на новый острог. Эта двойная крепость, по словам историка и писателя П.А. Словцова "Якутский кремль", занимала территорию, очерченную ныне улицами Каландрашвили – Ленина – Петровского – Жиркова. Но через некоторое время Якутская крепость оказалась ненужной: с Китаем был подписан мирный договор, а якутские улусы перестали восставать. Такое обстоятельство предопределило его печальную судьбу. От 16 башен крепости осталась только чудом уцелевшая восточная надвратная башня внешнего острога.

В 1701 г. Якутск представлял собой довольно крупный населенный пункт в Восточной Сибири. Внутри и вне острожных стен было 245 жилых дворов, в том числе 21 юрта. В 1794 г. в городе было 332 жилых двора и 25 юрт, провиантский магазин с 20 амбарами, гостинный двор со 100 лавками, 49 амбаров для "разных харчевых припасов" и 9 питейных заведений⁵.

¹ Сафронов Ф.Г. Город Якутск в XVII – начале XIX веков. Якутск, 1957. С. 1.

² Он же. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М., 1978. С. 173, 174.

³ Там же. С. 174, 175.

⁴ Дополнения к актам историческим. Т.10. С. 313–314.

⁵ Сафронов Ф.Г. Город Якутск в XVII – начале XIX веков. Якутск. С. 47.

Ю.М. Гончаров (Барнаул)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Уже к середине XIX в. малая семья стала преобладающей формой семейной организации для большинства городского населения. Что же касается большой семьи, то в больших городах она практически перестала встречаться и лишь иногда, как пережиток, существовала в малых аграрных городах (Ялуторовск, Тара, Колывань), а также среди тех слоев городского населения (например, среди купечества, старообрядцев), которые придерживались обычаев патриархальной старины. Заслуживает особого внимания тот факт, что типология городских семей в середине XIX в. напоминает типологию крестьянских семей в конце XIX в. Это говорит о том, что городское население с точки зрения семейной организации в принципе испытывало ту же эволюцию, что и крестьянство, только с большим опережением во времени.

На рубеже XIX–XX вв. составная семья еще оставалась одной из форм семейной жизни для части мещанства, купечества и крестьянства в период их детства и молодости. В это время в городах региона уже существовали значительные по численности группы населения, такие как профессиональная интеллигенция, рабочие, чиновники, которые жили только малыми семьями.

Спецификой отличались брачно-возрастные особенности городского населения. Например, уровень брачности в городской среде был ниже, чем в крестьянстве. Источники показывают, что в городах и мужчины, и женщины вступали в брак в более позднем возрасте, чем в сельских районах. Средний возраст вступления в первый брак в городах Сибири был примерно на 3 года больше, чем у новобрачных в деревне. В 1870-х гг. он составлял у горожан-мужчин – 26–27 лет, у женщин – 21–22 года. Особенно высоким этот возраст был у купцов, чиновников, военных (30–32 года у мужчин) при достаточно высокой средней разнице в возрасте супругов, достигавшей 8–10 лет.

Более высокий возраст мужчин-супругов в купеческих семьях, несомненно, был отражением экономических отношений внутри купеческих семей, когда все нити торговых операций – экономической основы жизнедеятельности семьи – сходились в руках мужчины. А поскольку достижение какой-то степени экономической самостоятельности мужчиной требовало определенного времени, то мужчины в большинстве своем могли позволить себе жениться только к 30 годам. В купеческой среде ранние браки у мужчин были чрезвычайно редкими.¹ При этом необходимо сказать, что разница в возрасте, составлявшая 5–7 лет в пользу

мужчины, являлась вполне нормальной, и такие браки не считались неравными. Для чиновников и служилого дворянства брачный возраст отодвигался на более позднее время в связи с необходимостью получения образования и достижения определенного служебного положения позволявшего прокормить семью, так как доходы чиновничества низших чинов были очень низкими. Военные (нижние чины) также вступали в брак позднее, в связи с трудностями службы. Для чиновников и военнослужащих при вступлении в брак было обязательно согласие начальства, что также играло свою роль.

В то же время возраст вступления в брак (24–25 у мужчин и 20–21 у женщин) и разница в возрасте супругов (в среднем 2–4 года) были низкими в среде мещан и городского крестьянства, что диктовалось необходимостью женщины для ведения хозяйства и стойкими традициями крестьянской семьи. По данным метрических книг г. Тобольска 1873–74 гг. средняя разница в возрасте женихов и невест составляла для купцов – 7,0 года, дворян и чиновников – 6,7 года, военных – 6,6 года, духовенства – 5,9 года, мещан – 4,1 года, крестьян – 2,7 года.² Иногда разрыв в возрасте супругов достигал 20 и даже 30 лет, при этом совсем не обязательно это были повторные браки, хотя во вторых и третьих браках разница в возрасте была выше, чем в первых.

Можно отметить два пика при распределении браков по возрастам. Большинство браков заключалась в промежутке от 18 до 25 лет. Второй же пик увеличения числа браков приходится на 30–32 года, и связан с повторными браками, которые заключались после потери брачного партнера. При этом для мужчины и после 40 лет вероятность заключения брака сохранялась, а вот для девиц после 32 лет вероятность когда-либо выйти замуж падала и к 37 годам становилась ничтожной.

В конце XIX – начале XX вв. в городах наблюдалось понижение возраста женихов, а у невест он практически оставался без изменений, что вело к снижению разницы в возрасте супругов и к стиранию различий между городом и деревней в отношении возраста новобрачных. Причина этого явления, по-видимому, состояла в росте крестьянской миграции в города, которая несла с собой крестьянские семейные традиции. В 1897 г. в населении городов Западной Сибири 35,8 % составляли крестьяне, а в Тобольской губернии эта цифра доходила до 47,3 %.³ Многие горожане имели корни в деревне и были с ней тесно связаны родственными и экономическими отношениями.⁴

Подавляющее большинство супружеских пар в городах состояли в первом браке, их доля составляла от 75 % до 90 %. Количество вторых браков было меньше, чем первых, но все же довольно значительным, доходя до 15–25 % от общего числа супружеских пар. Из 786 браков, заключенных в 1909 г. в городах Тобольской губернии, браки холостых с девицами составляли 590

(75,1 %), холостых с вдовами (6,6 %), вдовцов с девицами 97 (12,3 %) и вдовцов с вдовами 47 (6,0 %).⁵ Повторные браки были в большей степени характерны для мужчин. Среди горожан, вступавших в первый брак, вероятность повторного брака составляла для мужчин 23 %, женщин – 4 %. Причиной этого было то, что инициаторами браков были именно мужчины и компенсационная роль повторных браков, имеющая целью продлить время пребывания в браке, имела значение прежде всего для мужчин. Последнее доказывается также и значительно большей долей вдовых среди взрослого женского населения, чем среди мужского. Так, по данным переписи 1897 г. в городах Томской губернии среди населения старше 15 лет вдовые составляли среди мужчин – 6,2 %, женщин – 16,4 %.⁶

Межсословные браки не являлись редкостью в городах Сибири. По нашим подсчетам, коэффициенты сословной гомогенности браков в городах Тобольской губернии составляли в начале XX в.: для крестьян – 0,72, дворян и чиновников – 0,47, духовных – 0,40, мещан – 0,39, купцов – 0,29, разночинцев – 0,19. В целом, можно признать, что сословия в городах Сибири не были социально эндогамными группами. Из заключенных в Тобольске и Тюмени в 1873–74 гг. браков только 42,5 % были односословными, в остальных невесты и женихи принадлежали к разным сословиям.⁷

Во второй половине XIX – начале XX в. в семье горожан Сибири действовали эволюционные процессы, стимулируемые урбанизацией и развитием капитализма, при этом главными направлениями развития были разложение патриархального уклада и нивелирование региональных и конфессиональных различий. Основные тенденции демографического развития семей горожан заключались в снижении общей и детской людности, процессах упрощения семейной структуры, снижении брачности, увеличения числа разводов, сглаживании сословных и национально-конфессиональных различий структурно количественных характеристик семьи. Эти процессы в городах региона были выражены в большей степени, чем среди сельского населения. Однако эти процессы к моменту революции были еще не завершенными, что показывает сравнение с европейской частью страны и Западной Европой. В силу ряда причин, в частности, традиционности института семьи, активной миграции в города сельского населения, несшего с собой деревенские модели семейной жизни, противоречивости социальных процессов и т. д., наряду с модернизационными процессами среди горожан сохранялась в значительной степени традиционность семейно-брачных отношений, что находило свое выражение и в демографических параметрах семьи.

¹ См.: Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. М., 1999. С. 127.

² ТФ ГАТюмО. Ф. 156. Оп. 30. Д. 3, 4.

³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 78. С. 46–47; Т. 79. С. 40–41; Т. 81. С. 28–29.

⁴ Engel B.A. Russian Peasant Views of City Life, 1861–1914 // Slavic Review. Vol. 52 1993. № 3. P. 446–459.

⁵ РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 595.

⁶ Первая всеобщая перепись... Т. 79. С. 10–11.

⁷ ТФ ГАТюмО. Ф. 156. Оп. 30. Д. 3, 4; Оп. 31. Д. 20, 24.

В.И. Баяндин (Новосибирск)

ПОСЛЕДНИЕ РЕКРУТЫ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статьях, монографиях и книгах, написанных профессором Л.М. Горюшкиным, немало внимания уделяется жителям сибирских губерний и областей – горожанам и сельским жителям. В то же время среди населения сибирских городов заметную часть занимали военнотружущие офицеры, военные чиновники, нижние чины. Кроме того, среди городских и сельских жителей Сибири можно было найти немало тех, кто уже отслужил свою военную службу: ратники Государственного ополчения, запасные и бывшие рекруты русской армии. На одной из исчезнувших в последней четверти XIX века категории военнотружущих русской армии – рекрутах – нам и хотелось бы остановиться.

В 1874 г. в Российской империи был принят закон о всеобщей воинской повинности, и с осени в стране установилась новая система комплектования русской армии. Но в начале этого же года в стране был проведен последний рекрутский набор. О проведении его было объявлено, как обычно, Высочайшим манифестом 22 ноября 1873 года. Земской отдел министерства внутренних дел в конце 1873 г. отправил в адрес Томского губернатора ведомость о числе лиц, которых следовало взять на действительную службу с территории данной губернии. Обычно в рекруты брали молодых людей, достигших 21 года; особенностью последнего набора являлось то, что в рекруты решили забирать и тех, кто к 1 января 1874 г. достиг 20-летнего возраста. На основании раскладки по губерниям и областям империи на долю Томской губ. приходилось 1665 рекрут:

– из мещан	– 91 чел.
– из крестьян государственных	– 486 чел.
– из крестьян бывших приписных	– 1088 чел. ¹

Рекрутский набор был проведен с 15 января по 15 февраля 1874 г. На территории Томской губ. насчитывалось девять рекрутских присутствий,

которые размещались в следующих городах: Томск, Мариинск, Каинск, Барнаул, Бийск, Кузнецк, Семипалатинск, Колывань и Усть-Каменогорск.

Было представлено в рекрутские присутствия губернии:²

	Мещан	Крестьян		Всего
		госуд.	бывш. приписных	
1. Томское	36	253	321	610
2. Мариинское	10	297	—	307
3. Каинское	6	389	65	460
4. Барнаульское	41	—	770	811
5. Бийское	16	49	223	288
6. Кузнецкое	15	—	370	385
7. Колыванское	15	—	—	15
8. Семипалатинское	—	—	36	36
9. Усть-Каменогорское	—	—	210	210
Итого	139	988	2005	3132

Из представленных в рекрутские присутствия молодых людей было возвращено обратно 1 002 человек подставных, то есть выставляемых на возможную замену тех очередных рекрут, которые по тем либо иным причинам, комиссия отказала в приеме на действительную службу, и около 500 человек было забраковано по следующим причинам:

- недостаточного роста — 21 чел.
- неуказанных лет — 22 чел.
- с телесными недостатками и хроническими болезнями — 422 чел.³

Наибольшее число рекрут в Сибири в XIX веке выставляла самая густозаселенная в тот период времени Тобольская губерния, Томская занимала второе место в Западной Сибири по количеству выставляемых в войска новобранцев, примерно 70 % от общего количества рекрут Тобольской губ.

Было принято в рекруты по Томской губернии:⁴

	Мещан	Крестьян		Всего
		госуд.	бывш. приписных	
1. Томское	19	121	99	239
2. Мариинское	9	126	—	135
3. Каинское	4	184	32	220
4. Барнаульское	25	—	422	447
5. Бийское	10	25	128	153
6. Кузнецкое	7	—	190	197

7. Колыванское	10	—	—	10
8. Семипалатинское	—	—	24	24
9. Усть-Каменогорское	—	—	99	99
Итого	84	456	994	1534

Во время наборов на действительную службу законом разрешалось вместо рекрут "натурою" предъявлять особые рекрутские квитанции, которые население получало при поставках в армию дополнительных людей при прежних наборах; также практиковалась обычная продажа этих квитанций государством желающим откупиться от военной службы.

В последний рекрутский набор в рекрутские присутствия Томской губернии было предъявлено от мещан — 5 квитанций, от государственных крестьян — 28 и от бывших приписных крестьян — 94 рекрутских квитанций. Правительством и военными властями разрешалось в Сибири принимать рекрутов и за другие губернии. В 1874 г. рекрутскими присутствиями Томской губ. было принято пять таких рекрутов. В то же время за Томскую губ. (Каинский округ) был принят один человек в рекрутском присутствии города Красноярска (Енисейская губ.).

После проведения набора местные власти подсчитали, что сдача рекрут в губернии обошлась в 20 300 рублей 70 коп. Что было на меньше на тысячу с лишним рублей, чем в набор предшествующего 1873 г. Столь значительная экономия государственных средств, как объяснял томский губернатор А. Супруненко, была достигнута прежде всего тем, что накануне проведения этого рекрутского набора особым распоряжением Министерства внутренних дел было разрешено принимать на службу рекрутов не только в тех рекрутских присутствиях, к которым были причислены эти молодые люди, но и в других, ближайших от их места жительства, рекрутских присутствиях. Оценивая итоги последнего рекрутского набора, генерал-губернатор Западной Сибири А.П. Хрушов отмечал, что в среднем сдача одного рекрута обошлась в Тобольской губ. — 15 р. 32 коп., в Томской губ. — 13 р. 18 коп., в Акмолинской обл. — 5 р. 66 коп.⁶

В целом последний рекрутский набор в Западной Сибири, можно считать, прошел успешно — из общего числа лиц, принятых на действительную службу, недобор составил всего 2 человека, то есть менее одного процента. Рекрутская недоимка числилась за Томским мещанским обществом. Как требовал закон, недобранных рекрутов предстояло в кратчайшее время найти и отправить в войска.

В отчете военного министерства за 1874 г. отмечалось, что в рекрутский набор было взято в войска 142 162 человека;⁷ таким образом, рекруты Томской губернии составили среди новобранцев лишь немногим более одного процента (1,08 %) от общего количества рекрутов страны. В дальнейшем, с ростом населения, проживающего на территории губернии

будет возрастать не только общее количество молодых людей, забираемых на действительную службу, но и доля новобранцев этой губернии в общеимперском наборе, и к началу следующего века она составит около двух процентов от общего числа новобранцев империи.

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 167. Л. 29.

² Там же. Л. 30.

³ Там же. Л. 27 об.

⁴ Там же. Л. 30.

⁵ Там же. Л. 31.

⁶ Там же. Д. 166. Л. 28.

⁷ Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1874 год. Представлен Государю императору 1-го января 1876 года. СПб., 1876. С. 2.

Л.А. Ерёмина (Бийск)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. ПО РАЗВИТИЮ ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Девяностые годы XIX в. были отмечены для всей Сибири значительным событием – строительством первой железнодорожной магистрали. Наличие транспортных путей во многом определяло торгово-промышленное развитие города. Поэтому железнодорожный вопрос стал одним из самых важных для городских дум в сфере экономической деятельности. Сибирские города "спорили, волновались: для них тот или иной вариант предполагаемых линий становился вопросом жизни и всего их будущего"¹. Ближайшая к Европейской России железнодорожная станция "Омск" превратилась в "перевалочный пункт для проникновения на рынки северо-восточного Казахстана и юго-западной Сибири"².

В 1892 г. Томская городская дума подняла вопрос о постройке соединительной ветки к Великой железнодорожной магистрали³. В 1904 г. дума, пытаясь поднять торгово-промышленное значение города, возбудила перед департаментом железнодорожных дел министерства финансов ходатайство о проведении 2-го Сибирского железнодорожного пути Тюмень – Томск – Мариинск⁴. Не решив этого вопроса, Томская городская управа в 1911 г. составила новое ходатайство о постройке железнодорожной линии Томск – Чулым как головного участка линии Томск – Енисейск⁵. В ходе совместных совещаний представителей городов Семипалатинска, Бийска, Барнаула, Новониколаевска и Томска по железнодорожному строительству в Западной Сибири, прошедших в 1909–1910 гг., "обнаружилась устойчивая солидарность южных городов Западной Сибири в отстаивании проекта рельсовых путей Семипалатинск – Барнаул – Новониколаевск с веткой на

город Бийск"⁶. Городские уполномоченные отстаивали направление Алтайской железной дороги на город Новониколаевск, утверждая, что "интересы края и государства, а также торговли и промышленности совпадают с интересами города, занимающего наивыгоднейшее географическое положение"⁷. Новониколаевская городская дума обратилась к комитету с просьбой направить своего представителя в департамент железнодорожных дел города Санкт-Петербурга для защиты направления Алтайской железной дороги на город Новониколаевск⁸. В апреле 1912 г. новониколаевский инженер-путеец С.Ф. Дудин-Марцинкевич, состоящий на городской службе, докладывал думе о разрешении правительства на проведение железнодорожной линии "в благоприятном для города отношении", об устройстве отдельных станций Сибирской и Алтайской железных дорог⁹. Барнаульская городская дума и городской голова М.И. Страхов обратились к Барнаульскому купеческому обществу с прошением принять участие в расходах города по исследованию местности¹⁰. Город Барнаул, являвшийся центром Алтайского округа, был заинтересован в проведении магистрали как на юг, так и на запад. Чистый сбор хлебов в округе составлял 64 миллиона пудов при продовольственной потребности населения 40 миллионов пудов. Излишки пшеницы и ржи предприниматели отправляли в Центральную Россию. В 1905 г. Барнаульская городская дума поддержала ходатайство Тобольской думы о строительстве железной дороги Тобольск – Тюмень. По данным Томского биржевого комитета сибирский хлеб мог быть отправлен за границу при условии покупки его на месте не дороже 30 копеек. Железнодорожная линия Тобольск – Тюмень, после доставки хлеба и сыров водным путем до Тюмени, могла понизить фрахт на хлебные грузы до 17 копеек против пути Обь – Челябинск и обеспечить дополнительным заработком население Обского и Иртышского бассейнов, занимающегося преимущественно сельским хозяйством и обрабатывающей промышленностью¹¹.

В 1911 г. было принято окончательное решение о строительстве железнодорожной ветки Барнаул – Бийск, примыкающей к линии Семипалатинск – Барнаул – Новониколаевск¹².

Необходимым условием развития торговли и промышленности в сибирских городах было наличие крупной земельной собственности. Основным собственником земли в городах являлось общественное управление. Сдача городской земли в аренду и продажа её частным и юридическим лицам считались одними из главных источников прибыли. В 1911 г. Омская городская дума установила правила отвода земли в аренду с правом выкупа её в собственность только после застройки¹³.

В городах Томской губернии – Новониколаевске, Барнауле, Бийске и Кузнецке – основным собственником земли являлось коронное ведомство. В 1901 г. Николай II повелел Кабинету "выработать и представи

предположение о предоставлении городам Алтайского округа – Барнаулу, Бийску, Кузнецку и Колывани выгонные земли в тех размерах и границах, которые указаны в утвержденных городских планах”¹⁴. В 1902 г. Барнаульская городская дума получила от Кабинета выгонную землю¹⁵. Но уже в 1906 г. дума возбудила ходатайство о дополнительном наделении города землей, так как истекшее пятилетнее владение наделом по проекту 1900 г. обнаружило его территориальную ограниченность. Забота городского самоуправления о дополнительном наделении городов землей выливалась в бесконечные ходатайства и переписку с ведомством Кабинета. Городские управления ссылались на особенности быта, культуры горожан, жизненный уклад которых почти не отличался от хозяйственного обихода сельского обывателя. Управы просили о дополнительной прирезке земли на правах выкупа, обязательно с рассрочкой платежа и без наложения процентов в соответствии с законом от 31 мая 1899 г.¹⁶

В 1903 г. Николай II утвердил принцип наделения землей города Новониколаевска: “территория общего пользования в 4 881 десятину (выгоны, площади, улицы и т. п.) передавалась в собственность будущего города безвозмездно, а 582 десятины усадебной земли на правах выкупа”¹⁷. В марте 1907 г. Новониколаевская городская дума исходатайствовала у Кабинета новые усадебные земли на сумму 600 000 руб. с рассрочкой платежа на 20 лет. Город получил право продажи выкупных участков, но при покупке земель или оброчных статей все выкупные платежи и суммы должны были вноситься в Новониколаевское отделение государственного казначейства “под квитанции в депозит Кабинета Его Величества в счет погашения долгового обязательства города”¹⁸. К 1911 г. Новониколаевская городская управа перечислила в доход Кабинета 443 722 руб. 22 коп.¹⁹

По мере решения земельного вопроса городские думы рассматривали множество других проблем, касающихся торгово-промышленной жизни городов. Много внимания органы городского управления уделяли вопросу обеспечения населения продовольствием. Городские думы предупреждали спекуляцию зерновым хлебом, открывали мясные лавки, регулировали цены на основные продукты²⁰. Городские управы регулярно составляли ведомости справочных цен на провиант, фураж, сухопутную перевозку тяжестей²¹.

Органы городского управления занимались вопросами строительства элеваторов, оборудования скотобоев и ветеринарно-санитарных станций холодильниками для хранения продуктов животноводства.

Городские думы и управы для развития торговли и промышленности использовали все возможные ресурсы и полномочия – занимались коммерческой, банковской деятельностью, участвовали в разработке перспективных железнодорожных проектов, вкладывали средства в дорогостоящие строительные объекты хозяйственного значения, заведовали городским земельным фондом.

¹ Турчанинов Н.В. Города Азиатской России // Азиатская Россия. Т. 1. СПб., 1914. С. 345.

² Юрасова М.К. Омск. Очерки истории города. Омск, 1972. С. 77.

³ Литягина А.В. Городские думы как представительные организации торгово-промышленных кругов дореволюционной Сибири (по материалам Томской губернии) // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Выпуск 2. Барнаул, 1997. С. 188.

⁴ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2946. Л. 401.

⁵ Там же. Д. 2965. Л. 33.

⁶ Там же. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 32. Л. 9; д. 45. Л. 19.

⁷ Там же. Д. 45. Л. 40.

⁸ Там же. Д. 47. Л. 102.

⁹ Там же. Д. 32. Л. 24.

¹⁰ ЦХАФАК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 8. Л. 249.

¹¹ Там же. Д. 1. Л. 133–135.

¹² Штейнфельд В. Справочник по городу Бийску и Бийскому уезду. 1911. Бийск, 1911. С. 7.

¹³ Толочко А.П., Коновалов И.А. Городское самоуправление в Омске в дореволюционный период. Омск, 1997. С. 60.

¹⁴ ЦХАФАК. Ф. 175. Оп. 1. Д. 20. Л. 159.

¹⁵ Там же. Ф. 51. Оп. 1. Д. 3. Л. 83.

¹⁶ Там же. Л. 159.

¹⁷ Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Цепляев Л.Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX веков). Новосибирск, 1978. С. 60.

¹⁸ ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–1 об.

¹⁹ Там же. Д. 66. Л. 70 об. – 71.

²⁰ Там же. Д. 55. Л. 37, 57.

²¹ Там же. Д. 11. Л. 13, 18, 20, 33, 40.

А.В. Литягина (Бийск)

ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Хозяйство сибирских городов в 90-е гг. XIX – начале XX в. являлось многогранным, разноплановым и тесно связанным с городской экономикой, социальной и культурной сферой. В эти годы произошли два важных для сибирских городов события: 1) прокладка Транссибирской магистрали; 2) введение Городового положения 1892 г. Рассмотрим, как в новых экономических условиях и на новой правовой основе действовали органы местного самоуправления, и что из себя представляло городское хозяйство 90-е гг. XIX – начале XX вв.

В этот период во многих городах Сибири быстрыми темпами растут доходы. Увеличение происходило по всем основным источникам в 1,5–2

даже в 3–6 раз. В 1913 г. на первом месте по размерам доходов был Омск (2 464 850 руб.). Затем шел Иркутск (в 1910 г. – 1 478,3 тыс. руб.); на третьем месте находился Томск – 1 327,8 тыс. руб., далее шли Владивосток, Новониколаевск, Барнаул, Красноярск, Хабаровск, Чита, Тюмень, Бийск и все остальные города¹. Успешное бюджетное развитие происходило за счет благоприятной экономической конъюнктуры, активной работы городских дум. Появились более широкие финансовые возможности для обустройства населенных мест. В Новониколаевске, например, тратились огромные средства на сооружение муниципальных предприятий: возводились кирпичный завод, новая скотобойня, электростанция, городская переправа через Обь. В Томске, Омске, Красноярске, Тюмени, Тобольске и Чите к 1917 г. имелся водопровод. Выросли ассигнования на народное образование: В Барнауле в 1913 г. удельный вес этой статьи в расходном бюджете составил 34 %! В Бийске с 1907 по 1913 г. ассигнования на эту сферу выросли в 4 раза. Бийск по процентному отношению учащихся к числу жителей занимал "очень видное место в Империи". Однако по типам учебных заведений и их числу всех превзошел Томск. К 1914 г. здесь было 37 начальных училищ, несколько гимназий, ряд средних и специальных учебных заведений, два вуза².

Больниц в городах края было очень мало. В таких, например, больших для того времени центрах, как Омск и Новониколаевск, было соответственно 4 и 2 больницы. Думы, состоявшие из видных местных предпринимателей, не включали медицину и здравоохранение в число первоочередных проблем, требовавших срочного решения.

Такая отрасль городского хозяйства, как благоустройство, включала в себя множество направлений деятельности. Необходимо было придавать городам цивилизованный вид: замостить улицы и площади, наладить освещение и т. д. Освещение городских улиц налаживалось медленно и постепенно. В основном были устроены керосиновые фонари. Но керосиновое освещение было настолько плохое и редкое, отмечали современники, что ночью города погружались большей частью в глубокую тьму. И, хотя вопрос о строительстве центральных городских электростанций общего пользования возник в Сибири сравнительно рано (одновременно с появлением таких станций в Лондоне, Париже, Петербурге), средств на это не было. Первые электростанции в Сибири принадлежали купцам. Сначала в Красноярске в 80-х гг. XIX в. у купца Гадалова загорелся электрический свет в жилых помещениях и магазинах, затем у верхнеудинского купца Голдобина, а в середине 90-х гг. – у Второва и Похолкова в Иркутске, П.И. Макушина и Яковлева в Томске, П.Д. Сухова и И.К. Платонова в Барнауле, Е.Г. Морозовой в г. Бийске. Впервые городская центральная электростанция общего пользования появилась в Томске (1895 г.). В 1910 г.

вступила в строй Иркутская Городская электростанция, в 1912 г. – Красноярская, в 1913 г. – Новониколаевская³.

Инициаторами создания в городах телефонной сети опять-таки были предприниматели. В сибирских городах купцы соединяли телефонной линией свои дома с предприятиями, складами, магазинами. В начале XX в. думы охотно создают муниципальную телефонную сеть, заключают договоры с предпринимателями, стремясь использовать новый источник доходов для города. Так, в Бийске уже в 1902 г. началось установление городской телефонной сети⁴.

На новом уровне ведется противопожарное дело в городах. Органы общественного управления активно ходатайствовали о передачи пожарных команд в ведомство дум. После того, как в 1905 г. в Томске пожарная команда перешла в руки городских дум, была создана специальная противопожарная комиссия. Из ее отчета видно, что был создан новый план расположения в городе пунктов противопожарной помощи, Томск был поделен на 6 участков. Был введен целый ряд технических и организационных усовершенствований⁵.

В этот период в городах возводятся здания социально-культурного назначения: публичные библиотеки, народные дома, театры. Строительство таких крупных объектов зачастую происходило на частные пожертвования. Так, в 1885 г. в Томске было выстроено крупное каменное здание театра на деньги купца Королева. В театре было 3 яруса, ложи, партер, амфитеатр и галерея⁶.

Развивающееся индустриальное общество можно было наблюдать и в городах Сибири. Происходили большие социокультурные изменения в жизни людей. Более полное их исследование еще впереди.

Анализ отдельных отраслей городского хозяйства показывает, что сибирские административные и торгово-промышленные центры развивались поступательно и прогрессивно. В более крупных городах это происходило весьма заметно, ярко выражено, в других – медленнее. Дифференциация являлась неизбежным спутником нового общества. Однако в целом городское хозяйство становилось все более усложненным и разветвленным.

¹ Литягина А.В. Городское самоуправление Западной Сибири. Бийск, 2001. С. 77; Толочко А.П., Коновалов И.А. Городское самоуправление в Омске в дореволюционный период. Омск, 1997. С. 54.

² Литягина А.В. Указ. соч. С. 87.

³ Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Новосибирск, 1973. С. 30-37.

⁴ ЦХАФАК. Ф. 175. Оп. 1. Д. 18. Л. 127.

⁵ Обзор деятельности противопожарной комиссии с 1910 по 1914 гг. // Известия томского городского общественного управления. 1914 г. № 19-20. С. 8-32.

⁶ Лясоцкий И.Е. Прошлое Томска. Томск, 1952. С. 40.

О.Н. Разумов (Томск)

О СООТНОШЕНИИ И ОСОБЕННОСТЯХ РОССИЙСКОГО И ИНОСТРАННОГО КОМПОНЕНТОВ В АКЦИОНИРОВАНИИ ГОРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (1895–1917 ГГ.).

Заявленная тема частично освещалась в моих выступлениях на научных конференциях 1987 и 1995 гг. в Новосибирске, главным организатором и руководителем которых являлся Л.М. Горюшкин. Однако представленные тогда результаты подсчетов носили предварительный характер. В данном сообщении они значительно дополнены и уточнены. Анализ ведется применительно к Сибири (с частью современного Казахстана) и Дальнему Востоку, которые в горнопромышленном отношении были разделены на две горные области – Западно-Сибирскую и Восточно-Сибирскую. Объектом исследования являются акционерные компании, учрежденные непосредственно для деятельности в горной промышленности указанного региона.

В законодательстве и практике дореволюционной России различались собственно российские и иностранные акционерные компании. Такое разделение компаний было в известной мере условным, поскольку проводилось по формально-правовому признаку – месту их учреждения: в России, на основе русских уставов, или за границей, на основе иностранных уставов. В действительности по составу акционеров и те, и другие нередко являлись смешанными (по современной терминологии – совместными), так как в "российских" участвовали и иностранцы, а в "иностраннных" – русские подданные. Тем не менее указанная классификация акционерных предприятий в общем отражает соотношение российского и заграничного компонентов (капиталов) в акционировании экономики России, в том числе горной промышленности Сибири и Дальнего Востока.

Российские акционерные компании для деятельности в данном регионально-отраслевом комплексе стали появляться с 30-х гг. XIX в. Но сравнительно широкие масштабы это учредительство приобрело лишь с середины 90-х гг. В целом за 1895–1917 гг. было учреждено 88 российских акционерных компаний с общим первоначальным капиталом 289 154 тыс. руб. (средний капитал – 3 285,8 тыс. руб.). Из них открыли действия 53 компании с совокупным капиталом 186 754 тыс. руб. (средний капитал – 3 523,7 тыс. руб.). Коэффициент реализации, т. е. отношение открывшихся компаний к учрежденным, составил 60,2 % по числу и 64,6 % по капиталу.

Кроме того, к операциям в горной промышленности Сибири и Дальнего Востока были допущены 22 иностранных общества (почти все, кроме одного, учреждены в Англии) с суммой первоначальных акционерных капиталов 57 498 тыс. руб. Средний капитал их составлял 2 613,5 тыс. руб. Из

этих компаний открыли действия 17 с общим капиталом 41 851,5 тыс. руб. (средний капитал – почти 2 462 тыс. руб.). Коэффициент реализации у заграничных обществ был выше, чем у российских – 77,3 % по числу и 72,8 % по капиталу.

Таким образом, всего за указанный период для действий в сибирской и дальневосточной горной промышленности было учреждено 110 акционерных компаний с совокупным первоначальным капиталом 346 652 тыс. руб. (средний капитал – 3 151,4 тыс. руб.). Поскольку действительные возможности денежных рынков – как российского, так и заграничного – отставали от учредительской активности предпринимателей, открыли действия только 70 компаний с суммой капиталов 228 605,5 тыс. руб. (средний капитал – около 3 266 тыс. руб.). Общий коэффициент реализации равнялся 63,6 % по числу и 66 % по капиталу.

Приведенные результаты подсчетов показывают, что в акционировании этого территориально-отраслевого комплекса явно преобладали российские компании: среди учрежденных они составляли 80 % по числу и 83,4 % по капиталу, а среди открывшихся – соответственно 75,7 и 81,7 %. Следовательно, удельный вес заграничных обществ находился на уровне 20-25 % по числу и около 20 % по капиталу.

По величине средних капиталов российские компании в 1,3–1,4 раза превосходили иностранные.

Коэффициент реализации, наоборот, выше у заграничных обществ, что объясняется не только (а возможно, и не столько) тем, что для английского денежного рынка был характерен меньший разрыв между учредительской активностью и действительными возможностями реализации акций, но и отсутствием жесткой зависимости между открытием действий учрежденных компаний и их внесенными (оплаченными) капиталами.

К интересным наблюдениям приводит сравнение динамики учреждения российских и иностранных компаний. Акционерное учредительство (для горной промышленности Сибири и Дальнего Востока) в России началось раньше, чем за границей. В 1895–1898 гг. было учреждено 7 российских компаний с капиталом 33,8 млн руб. Первое иностранное общество (с капиталом 1,6 млн руб.) появилось лишь в 1899 г. В конце рассматриваемого периода (1914–1917 гг.) также не было новых заграничных компаний, тогда как в России эти годы отмечены довольно бурным учредительством – 37 компаний с капиталом около 161,5 млн руб.

Более сложная картина наблюдалась в 1899–1913 гг. Вследствие того, что в России экономический кризис начала XX в. был сильнее, чем в других странах, а после него ещё несколько лет продолжалась депрессия (период неблагоприятной экономической конъюнктуры) в некоторые годы внешний денежный рынок получил перевес над внутренним. Так, в 1903 и 1908 гг. не было учреждено ни одной российской компании для деятельности в

рассматриваемом регионально-отраслевом комплексе, но были допущены операциям в нем 3 иностранных общества с капиталом около 3 384,4 тыс. руб.

Заграничные компании существенно отличались от российских по нарицательной стоимости акций. Все общества, учрежденные в Англии имели самые распространенные в этой стране акции в 1 ф. ст. (примерно 9,5 руб.), которые даже называли "визитной карточкой британского империализма". Кроме того, 4 из них одновременно выпустили и акции еще меньшей номинальной стоимости: О-во Орских золотых промыслов имело акции в 5 шилл. (2,4 руб.); АО алтайских золотых концессий, Русская горнопромышленная корпорация и О-во Читинской натуральной соды выпустило акции по 1 шилл. (0,5 руб.). Такие акции с небольшими номиналами распространялись среди широких слоев населения, позволяя привлекать к акционерному предпринимательству и мелкие сбережения, тогда как в России вплоть до 1917 г. минимальная цена акций составляла 100 руб., вследствие чего стать акционерами могли сравнительно немногие люди.

Проанализированный материал свидетельствует, что иностранные компании, хотя и восполняли в известной мере дефицит российского капитала, всё же играли второстепенную роль в акционировании горной промышленности Сибири и Дальнего Востока.

Г.М. Запорожченко (Новосибирск)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДЕРЕВНИ И ГОРОДА В ПРОЦЕССЕ КООПЕРАТИВНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СИБИРИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Одним из направлений деятельности городских и рабочих потребительных обществ являлось выполнение ими организаторских задач и участие в кооперативном союзном движении. Первоначально в кооперативном строительстве Сибири наблюдалась стихийность движения среди ячеек первой степени, сеть обществ развивалась не планомерно, "гнездами", для основной массы обществ не ясно были определены центры их экономического тяготения. Постепенно начался процесс собирания кооперативных сил, особенно усилившийся в годы первой мировой войны.

Практически с первых шагов собственной торговой деятельности городские кооперативы уделяли внимание вопросам сотрудничества с сельскими потребительскими обществами. Еще в 1911 г. Барнаульский кооператив "Труженики" начал собирать вокруг себя деревенские потребительные общества, выработал и послал на утверждение в МВД правила инструкторского бюро и проект устава Алтайского товарищества кооперативов вместе с постановлением обществ, желающих объединиться

Семь деревенских потребительных общества являлись членами "Труженика", внося свои пай. С закрытием "Труженика" в 1913 г. произошла заминка в союзном движении.¹

Развивая отношения с сельскими потребителями, городские общества, прежде всего, являлись посредниками между сельскими кооперативами и рынком. Д. Илимский писал, что "для городских обществ эта посредническая операция могла быть только выгодной".² Однако в действительности это не всегда было так. Примером тому являлась деятельность Томского кооператива "Деятель", который в результате посреднических операций с деревенскими обществами в 1913 г. оказался на грани финансового краха. Расходы по содержанию дополнительного штата и складов не оправдали себя. Не имея собственных оборотных средств, правление "Деятеля" снабжало свои лавки за счет средств, поступающих от сельских обществ, и не удовлетворяло полностью и вовремя требования последних по закупке, постоянно вступая в конфликт по поводу неисполнения заказов с деревней.³

Несмотря на то, что посреднические операции могли быть не выгодны как городским, так и сельским кооперативам, все городские общества брали на себя такую функцию. Устав ограничивал район деятельности городских потребительных обществ территорией города и его уезда, поэтому крупные городские кооперативы не могли удовлетворить просьбы всех обращающихся к ним за помощью обществ из деревень и мелких городов. По этой причине новониколаевская "Экономия" ходатайствовала в 1912 г. перед Томским губернатором о расширении района своей деятельности на всю Томскую губернию.⁴

Преодолеть подобные препятствия помогло бы образование районных кооперативных союзов, и городские кооперативы настойчиво работали в этом направлении. Первым шагом к союзу после организации совместных оптовых закупок было приглашение в штат инструкторов по объединительному движению, которые совершали поездки по деревням, выясняя положение деревенских потребительных обществ, и подготавливали их вступление в будущий союз. Типичной для сельских кооперативов была картина, нарисованная в отчете инструктора Томского "Деятеля", объехавшего общества Нарымского края: "Деревенские потребительные общества слабо развиваются, в них царит беспомощность и анархия, счет ведется по памяти, надеются на городского собрата – богатого и культурного, с опытными работниками и с нетерпением ждут объединения кооперативов".⁵

Важной частью организаторской деятельности городских кооперативов, где сельские общества были совершенно бессильны, явилась выработка уставов районных кооперативных союзов. Образцового устава союзов не было. Если отдельные кооперативы были не страшны властям с точки зрения охраны устоев, то союзы кооперативов представляли внушительную силу.

Как как утверждение уставов в МВД затягивалось на годы, то все союзные объединения в Сибири начинали действовать на нотариальном договоре. Это приносило определенные неудобства, особенно в плане отсутствия прав юридического лица, однако договорные объединения все же давали возможность выполнить в полном объеме операции оптовых закупок. Департамент полиции признавал договорные объединения незаконными, и они находились под угрозой закрытия. Но фактически ни одно объединение не было ликвидировано, хотя утверждение уставов происходило в единичных случаях. Мариинские кооператоры нашли приемлемую форму союзных районных объединений — "Торгово-промышленное товарищество кооперативов".

Городские кооперативы также являлись для союзных объединений источником кадров, собирали съезды и совещания. Городские кооперативы пользовались на товарном рынке удобствами и преимуществами, какие были недостижимы для деревенских обществ, не знавших рынка, не связанных с кредитным аппаратом и не располагавших опытными руководителями. "И теперь мы можем с уверенностью сказать, — писал Д. Илимский, — что не будь в те времена городских обществ и не будь связи между ними и деревней, не было бы сейчас такого большого количества союзов, какое имеется в Сибири".⁶ Итак, образование сибирских кооперативных союзов шло по приблизительно одинаковой схеме. В Мариинске, Новониколаевске, Томске, Омске, Красноярске, Нижнеудинске, Верхнеудинске, Чите крупные городские потребительные общества явились первыми ячейками союзного движения, от которых нити потянулись в деревню. В 1915–1916 гг. число кооперативных объединений Сибири превысило полтора десятка, образовались губернские союзы и союз союзов "Сибзакупсбыт". Уплотнение кооперации, рост ее численности, бестоварье, сокращение кредита сделали союзные объединения неотложными, а обострение продовольственного кризиса в годы первой мировой войны придало им государственное значение.

Вместе с тем в союзах часто обнаруживалось расхождение интересов сельских и городских потребителей. Журнал "Вестник кооперации" писал в октябре 1916 г.: "В Сибирском кооперативном движении намечаются два течения не без борьбы между собой: городских потребительских кооперативов и сельских объединений всех видов кооперации".⁷ Новониколаевский "Эконом" в 1915 г. отказался продлить союзный договор, мотивируя тем, что "деревня сера, бедна, темна, дела поставлены плохо, деревня должна товариществу, городу при крахе придется платить за деревню". Во время голосования было решено договора не подписывать перевесом в 60 голосов, как отмечал корреспондент, — чиновников и домовладельцев. Можно предположить, что только демократически настроенные и политически ориентированные "влево" члены правления "Эконома" были за сотрудничество с деревней.⁸

Итогом борьбы крупных городских и рабочих обществ потребления за независимость от кооперативных союзов с преобладанием сельского потребителя явился раскол городской и деревенской кооперации Сибири, произошедший в 1918 г.

¹ Омич М. Сибирская кооперация в 1912 г. // Вестник кооперации. 1912. № 6. С. 87.

² Илимский Д. Кооперативные союзы в Сибири (1908–1918 гг.). М., 1919. С. 19.

³ ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 25. Л. 16/6.

⁴ Обская жизнь. 1912. 4 июля.

⁵ Сибирская жизнь. 1915. 23 мая.

⁶ Илимский Д. Указ. соч. С. 26, 27.

⁷ Вестник кооперации. 1916. № 8. С. 70.

⁸ Союз потребителей. 1915. № 24. С. 826–828.

Л.К. Островский (Новосибирск)

ПОЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДОВ СИБИРИ (1890–1920-Е ГГ.)

В 1890-х годах началась добровольная миграция польского населения в Сибирь. Таким образом наряду со ссыльными в Сибирь прибывали служащие, офицеры русской армии, купцы, ремесленники, рабочие и крестьяне. Радикальная перемена в отношении поляков к Сибири наступила в связи со строительством с 1891 г. Транссибирской магистрали. На нем работали польские инженеры и рабочие, а после вступления дороги в строй прибывают польские железнодорожники. В 1908 г. польские инженеры и служащие составили 18–20 % всего персонала Сибирской железной дороги¹. Таким образом, с началом индустриализации поляки в значительном количестве появляются в городах Сибири. Так, кроме собственно польских территорий польских рабочих больше всего в 1897 г. находилось в Сибири, где они составляли 5 % всех рабочих края².

Важнейшим источником для определения численности польского населения в России является Первая перепись населения 1897 года. Согласно данным переписи 1897 года, на территории Сибири проживало 29 177 поляков. Из них только 38,1 % являлись жителями сибирских городов³. Однако удельный вес польского населения в городах был больше, чем в сельской местности. Так, в городах Западной Сибири в 1897 г. на 1 тыс. человек проживало 15,5 поляка, а в селе – только 2,3⁴. Промышленная миграция на восток оживляется с началом подъема русской промышленности в 1908 г. Хотя и незначительно, но все-таки количественно выросла польская диаспора Томска. Если в 1897 г. поляки составляли 2,5 % населения города, то в 1912 г. – 2,8 %⁵. В 1913 году в Омске проживало 5 087 поляков, а в других населенных пунктах Акмолинской области только 8 906⁶. Накануне

Первой мировой войны наибольшие колонии поляков в городах Сибири были в Томске, Омске, Красноярске (по 5 тыс.), в Иркутске и Владивостоке (более 3 тыс.), в Нерчинске (2 тыс.).

С началом Первой мировой войны национальная структура населения Сибири еще более усложнилась. В Сибирь прибывают беженцы из прифронтовой полосы, а также военнопленные. Всего в Сибирь в ходе войны переселилось более 65 тысяч поляков⁷. Отличительной особенностью городского польского населения в Сибири являлось наличие большого числа политических ссыльных. После Февральской революции они получают свободу и в большинстве оказываются в городах Сибири, где принимают активное участие в политической и общественной жизни. Несмотря на то, что в стране бушевала Гражданская война, в 1920 г. в Советской России была проведена перепись населения. Она проводилась в 47 губерниях. По данным переписи, в городах Омской губернии проживало более половины польского населения губернии. На тот момент поляки являлись одной из наиболее урбанизированных наций. Так, если в целом по губернии украинское и белорусское население количественно значительно превосходило польское, то в городах губернии поляков проживало в 1920 г. значительно больше, чем украинцев и белорусов⁸. После подписания 18 марта 1921 г. мирного договора между Советской Россией и Польшей, а также соглашения о репатриации начался процесс репатриации поляков. По мнению польского исследователя В. Масяржа, в рамках репатриации из Сибири в Польшу выехало около 27 тыс. человек⁹. В результате оптации польского гражданства в 1921–1922 гг. сибирская колония значительно сократилась по своей численности. В 1923 г. состоялась Всесоюзная городская перепись населения. В 1923 г. в городах Сибири проживало примерно 15 тыс. поляков – это больше, чем в 1897 г., но меньше, чем в 1920-м. Так, в Алтайской губернии в 1920 г. на тысячу городских жителей обоего пола приходилось 9,7 поляков, а в 1923 г. – только 5,8¹⁰.

Тенденция к сокращению польского населения Сибири нашла отражение в материалах переписи населения СССР 1926 г. По ее данным, в Сибирском крае проживало 45 854 поляка. Из них в городах – 13 249 человек, или 29 %¹¹. В целом на территории края численность городского польского населения по сравнению с 1923 г. сократилась. Так, в Омске (вместе с Новоомском и Ленинском) в 1920 г. проживало 5 112 поляков, а в 1926 г. их численность сократилась в два раза до 2 528 человек. На наш взгляд, это являлось результатом ассимиляционных процессов, в результате которых со второй половины 1920-х гг. польская диаспора Сибири значительно сократилась по своей численности.

¹ Lukawski Z. *Ludnosc polska w Rosji. 1863–1914*. Wroclaw, 1978. С. 69.

² Там же. С. 117.

- ³ Там же. С. 75.
- ⁴ Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. С. 150.
- ⁵ Дмитренко Н.М. Сибирский город Томск. В XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск, 2000. С. 121.
- ⁶ Население Западной Сибири... С. 151.
- ⁷ Blum I. Polacy w Rosji carskiej i w Związku Radzieckim // Wojskowy przegląd historyczny. Rok XI, № 3(39), 1966. С. 204.
- ⁸ Итоги демографической переписи 1920 года по Омской губернии. Омск, 1923. С. 100–103.
- ⁹ Масярг В. Поляки в Восточной Сибири (1907–1947 гг.). Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1995. С. 22.
- ¹⁰ Алтайский ежегодник за 1922–1923 хоз. год. Барнаул, 1924. С. 52, 53.
- ¹¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. VI. Сибирский край. Бурято-Монгольская АССР. М., 1928. С. 13.

Б.К. Андрущенко (Томск)

СПЕЦИФИКА ТОРГОВЛИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (1861–1914 ГГ.)

Проблема капиталистического становления и развития торговли является одной из ключевых в российской историографии. Это утверждение вполне согласуется с исторически обусловленной особой ролью торговли как отрасли, формировавшей первоначальный капитал, тесно связанной с промышленностью, средствами и путями сообщения, финансами и другими сферами экономики.

Нынешнее вторичное вхождение в рыночные отношения создает по-своему уникальную ситуацию для исследователей, занимающихся социально-экономической проблематикой истории дореволюционной России. Многообразный исторический опыт развития страны во второй половине XIX – начале XX в. имеет не опосредованное, а прямое практическое значение для понимания сути происходящего реформирования государства и общества, выработки соответствующих социально-экономических программ и конкретных механизмов их реализации.

Важен и другой момент. В отечественной истории многие проблемы экономики пореформенной России получали достаточную проработку. Однако преобладание в исторических исследованиях сюжетов, учитывавших идеологические установки, способствовали некоторой односторонности данного процесса. В результате экономика страны рассматривалась как необходимый элемент прошлого без необходимого выхода на современность. Многие вопросы выпали из поля зрения историков. Не использовалась в полной мере источниковая база. Произошло заметное смещение знаний и

представлений обо всем, что связано с понятием "рыночная экономика". же торговля в ряде исследований рассматривалась зачастую только качестве материальной основы формирования отраслевого отряда рабочего класса.

Не менее актуален и другой аспект проблемы. В силу своей специфики внутренняя торговля Западной Сибири выступала как выражение общего экономического потенциала региона. От чисто обменных транзитных операций отрасль переходила к торговле продукцией собственного западносибирского производства. Причем функционирование торговой отрасли в регионе имело свои особенности. Через Западную Сибирь проходили грузопотоки во всех направлениях с использованием колесного речного и железнодорожного транспорта. На территории региона и приграничных с Уралом областях были сосредоточены крупные ярмарки являвшиеся для Сибири основными распределительными пунктами ярмарочной торговли.

Западносибирская торговля, несмотря на исторически обусловленное отставание региона от европейской части России, формировалась достаточно динамично, особенно в пореформенный период. Переселенческое движение, рост городского и сельского населения были важными факторами развития, поскольку в широких масштабах увеличивалась база потребления, что стимулировало производство.

Другим не менее важным фактором роста торговли были глубокие перемены в хозяйственной деятельности крестьян: замена натуральной повинности денежной, переход от натурального хозяйства к товарному. Развитие товарно-денежных отношений подталкивало крестьянина на рынок. При этом создавались условия для реализации многих качеств предприимчивого человека в социально-психологическом плане.

В целом российская действительность второй половины XIX — начала XX в. создала благоприятную социально-экономическую среду для торгового развития Западной Сибири. Важнейшие структурно-функциональные изменения на государственном и общественном уровнях, реформы, активная экономическая политика способствовали становлению капитализма: бывшего к тому времени основным фактором экономики страны.

В России сложилась исторически сильная государственная система управления. Государство крепко держало в своих руках экономические рычаги воздействия: таможенные, финансовые (дотации, субсидии, льготное кредитование, налоги) и достаточно эффективно пользовалось ими. Правительством стимулировались и, в определенных случаях, финансировались крупномасштабные народно-хозяйственные проекты, развитие наиболее приоритетных отраслей экономики.

Параллельно создавалась законодательная база рыночной экономики. Произошло, хотя и не в полной мере, сближение реальных потребностей

населения в сфере торговли и хозяйственного законодательства. Были устранены существенные сословные ограничения для промыслово-предпринимательских занятий. Значительному расширению сословной базы торговавших способствовал ряд установлений торгового устава, Положения о пошлинах за право торговли и промыслов, а также других правовых актов. В них упрощалась процедура разрешения на торговлю, предусматривались определенные льготы конкретным сословно-социальным группам населения или отменялось взимание всякого рода платежей. Подобные правила способствовали развитию мелкой розничной торговли. Льготы на право торговли получали вдовы, отставные солдаты и другие категории малоземельных. Протекционистской мерой было положение о праве беспошлинной торговли на всех ярмарках товаром определенного рода (продукты, топливо, строительные материалы и т. п.) и любым товаром на ярмарках пятого разряда, т. е. сроком действия не более семи дней (именно к данному разряду в большинстве своем принадлежали сибирские ярмарки).

Формирование торговли в Западной Сибири, как и во всей стране, шло двумя путями. С одной стороны, организационно складывались товарищества, крупные фирмы, занимавшиеся оптовыми операциями и имевшие магазины и склады во многих городах Сибири. Финансирование, как правило, осуществлялось за счет кредитования товарами, концентрации капитала или кредитования отделениями Государственного и Сибирского, а также общественных банков.

С другой стороны, широко разворачивалась мелочная торговля: постоянная — в лавках, временная — на ярмарках, базарах, торжках. При этом нередко реализовывалась взаимосвязь крупной и мелкой торговли в форме дробления оптовых партий товара для розничной продажи. В северных районах Западной Сибири сохранялась меновая торговля.

Появление парового водного транспорта, строительство и начало эксплуатации железных дорог способствовали укреплению торговых направлений и связей между отдельными уездами и местностями. Многие купцы-хлеботорговцы обзаводились собственными пароходами. Ряд сибирских городов, расположенных на пересечениях различных путей сообщения, превращался в торгово-промышленные, торгово-складочные центры. В среде предпринимателей, объединивших торговый капитал с промышленным производством, росло стремление торговать своей продукцией, что находило поддержку у сибирской администрации.

Тесное соединение западносибирской торговли с производством на уровне крупных и средних предпринимателей (собственно формирование местного торгово-промышленного сектора) способствовало постепенному переходу от временной транзитно-кредитуемой формы торговли к созданию стационарного торгового комплекса с магазинами и лавками, складскими помещениями и другими структурными образованиями торговой отрасли.

Этот процесс сопровождался внутренней продажей и вывозом не только сырья, но и товаров собственного производства, собственными инвестициями в торговлю, упорядочением торговых и экономических связей, расширением рыночного пространства.

Особенностью развития торговли в Западной Сибири в пореформенный период было сосуществование ярмарочной торговли со стационарной, причем в расширявшихся масштабах (рост товарооборота и, главным образом, увеличение числа ярмарок). В европейской части страны эти процессы перешли в основном в иную фазу развития. Ярмарки Западной Сибири по своей организационно-экономической и производственной сущности были частью хозяйственного уклада населения региона. В такой органической взаимосвязи они существовали до тех пор, пока действовала традиционная система социально-экономических отношений.

Несмотря на общие закономерности, в западносибирской торговле проявлялись свои особенности, связанные со спецификой социально-экономического положения региона, общественно-психологического состояния населения. Замедленность развития и отставание от общероссийских стандартов в совокупности с этими особенностями предопределяли своеобразный период структурализации интересов сибиряков в рамках начального этапа рыночной экономики. Отсюда — менее четкие проявления общих тенденций развития, больший динамизм, существенные перепады в торговых делах, значительный коммерческий риск.

А.М. Мариупольский (Барнаул)

ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ СПИРТОВОДОЧНОЙ ПРОДУКЦИЕЙ В ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX В.

Оптовая торговля спиртоводочной продукцией являлась важнейшей частью рынка спиртных напитков Западной Сибири на протяжении всей второй половины XIX в. Поскольку к концу указанного столетия крупнейшие города Западной Сибири превратились из чисто административных центров в торгово-промышленные, вполне закономерным явлением стало возрастание роли именно городской оптовой торговли вином и спиртом.

Основное количество вина и спирта, как производимого местными винокуренными заводами, так и привезенного из других регионов России, поступало на частные оптовые склады, которые выполняли важную распределительную роль в движении товара от производителя к потребителю. Но с течением времени эта роль стала меняться, а вместе с тем стали происходить и изменения в структуре оптовой виноторговли.

Если в 60-е гг. XIX в. различие между городскими и сельскими оптовыми складами заключалось в основном лишь в объемах торговых оборотов, то к концу столетия картина заметно изменилась. Функции городских оптовых

складов уже не ограничивались только накоплением и распределением. В течение 90-х гг. XIX в. на них сосредоточилась преимущественно вся холодная очистка спирта. Несмотря на то, что способ холодной очистки в те времена был достаточно прост и заключался в пропуске сырого продукта через угольные фильтры, тем не менее, он требовал определенного оборудования и привлечения дополнительной рабочей силы. Подобное могли позволить себе только владельцы городских оптовых складов. Это объяснялось двумя причинами. Во-первых, городские оптовые склады изначально были крупнее, их торговые обороты, а, следовательно, и доходы были выше. Во-вторых, значительная часть товара с этих складов поступала в городские питейные заведения, где требования к качеству товара были значительно выше.

Классическим типом питейного заведения в сельской местности оставался питейный дом, где распивочная торговля осуществлялась из бочек (обычно трехведерной емкости). Городская же раздробительная торговля в структурном отношении отличалась большим разнообразием и включала в себя помимо питейных домов ренсковые погреба, погреба для продажи виноградных вин, трактиры, буфеты (при клубах, театрах, на станциях и т. д.) и рестораны. Поэтому в среде городского населения большим спросом пользовалось очищенное хлебное вино, расфасованное, как правило, в стеклянную посуду. Последняя операция также в основном осуществлялась на оптовых складах.

Таким образом, следует отметить, что в 90-е гг. XIX в. наметился процесс постепенного перепрофилирования городских оптовых складов вина и спирта из чисто торговых заведений в заведения торгово-промышленные, с наличием не только торговых служащих, но и наемных рабочих с определенными профессиональными навыками. Впоследствии этот опыт был учтен при организации казенных складов вина и спирта, многие из которых превратились в крупные промышленные предприятия (например, Барнаульский казенный склад, ныне Барнаульский ликеро-водочный завод).

Во второй половине указанного десятилетия повышение местного потребления и сокращение общего числа складов привели к тому, что средние обороты сохранившихся складов (по оценкам акцизного ведомства) достигли небывалой высоты¹. В 1899 г. в Тобольской губернии насчитывалось 36 оптовых складов вина и спирта с общим оборотом 673 315 ведер в 40⁰, из них в городах – 20 с оборотом 534 186 ведер, что составляло 79,3 % от общего показателя. В Томской губернии в том же году насчитывалось 92 оптовых склада вина и спирта, из них 29 находились в городах, а их оборот составил 638 074 ведер в 40⁰, или 62,8 %².

В 1899 г. в Западной Сибири холодная очистка вина и спирта производилась на 89 (65 % от общего числа), т. е. помимо городских эту

операцию осуществляли примерно 35 % сельских оптовых складов, расположенных в крупных волостных центрах.

Среди владельцев городских оптовых складов в Западной Сибири в конце XIX в. можно выделить компанию "Платонов и Судовская" (1897 г. владельцы имели 4 оптовых склада в городах), наследников А.Ф. Поклевского-Козелл (4 склада), Н.М. Давыдовскую (4 склада), братьев Ерофеевых (3 склада) и т. д.³

Таким образом, в конце XIX столетия в оптовой виноторговле в Западной Сибири происходили важные количественные и качественные изменения, которые прежде всего касались городских оптовых складов вина и спирта.

¹ Статистика производств, облагаемых акцизом и гербовых знаков за 1899 г. СПб., 1901. С. 127.

² Там же. Приложения. С. 47.

³ Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Адрес-календарь Российской империи: в 2-х т. СПб., 1900. Т. 1. С. 2864, 2881-2897, 2906-2907, 2910-2911, 2913-2914, 2916, 2918-2924, 2926.

О.А. Тяпкина (Барнаул)

СТРУКТУРА ЗАНЯТИЙ НАСЕЛЕНИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПО ПЕРЕПИСИ 1897 Г.

Среди множества проблем истории городов актуальным является изучение отраслевой структуры занятий городского населения, которое позволяет не только расширить представление о социальной сфере жизни города, но и подойти к решению более общих проблем, таких как разработка типологии городских поселений, выявление уровня развития городов, которые до сих пор не имеют однозначного решения в отечественной историографии.

Одним из важнейших аспектов изучения урбанизационных процессов в России в период капитализма является история формирования и особенности развития городской сети в провинции, и в частности, в Западной Сибири, где ко второй половине XIX в. сформировалась городская сеть с преобладанием в ней малых городов. К ним мы отнесли городские поселения, численность жителей в которых не превышала в тот период 10 тыс. человек. Таковыми являлись 14 "официальных" городов Западной Сибири: Березов, Ишим, Каинск, Кузнецк, Мариинск, Нарым, Сургут, Тара, Туринск, Тюкалинск и Ялуторовск, а также Бийск, Колывань и Курган, которые в конце XIX в. хотя и "перешагнули" 10-тысячный рубеж, однако до определенного времени обладали набором черт, характерных для остальных малых городов.

Единственным источником, содержащим наиболее достоверные и сопоставимые сведения по структуре занятий жителей данных городов,

является Первая всеобщая перепись населения 1897 г. Несмотря на ряд недостатков, отмеченных как дореволюционными, так и советскими историками, она является важнейшим источником, который позволяет сравнить данные о численности сословных групп с числом людей, занятых той или иной деятельностью, и выявить степень соответствия между сословной принадлежностью и реальными занятиями горожан. Это ярко иллюстрирует начавшийся процесс размыwania сословий и формирования сословно-классовой структуры общества в ходе так называемой профессионализации, под которой понимается "консолидация представителей отдельных профессий в профессиональные организации с целью коллективного отстаивания своего общественного статуса и контроля за той сферой рынка, где данная профессиональная группа осуществляет свои функции".¹

Несмотря на мощный исследовательский потенциал, материалы переписи еще не в полной мере разработаны в исторической науке, хотя многие исследователи прямо или косвенно использовали и пользуются ее данными.² Цель нашей статьи – охарактеризовать структуру занятий самостоятельного населения малых городов Западной Сибири по переписи 1897 г. и выявить некоторые особенности социально-экономического развития малых городов в данный период.

В среднем по малым городам преобладали лица, занятые частной службой, выполняющие поденную работу – 23,6 %³, что практически равно общесибирскому показателю – 23,9 %.⁴ Численность занятых в этой сфере жителей является важным показателем уровня развития капиталистических отношений в городах. Именно в эту группу вливались представители различных сословий, в основном крестьян и мещан, которые оставили свои традиционные занятия и зарабатывали себе на жизнь, выполняя временную работу, занимаясь частной службой. По отдельным городам по количеству занятых эта группа преобладала в 7 городах из 14: Березове, Каинске, Кузнецке, Мариинске, Таре, Тюкалинске и Ялutorовске.

Второе место в целом по малым городам принадлежало группе лиц, занятых в промышленности, – 20,1 %, но в таких городах, как Бийск, Ишим, Колывань, Курган и Туринск промышленные занятия преобладали над остальными. Поскольку перепись учитывала всех людей, занятых в промышленности, то в эту группу могли попасть и владелец мануфактуры и кустарь-одиночка, поэтому судить об уровне развития промышленности в малых городах, исходя только из этих данных, нельзя. Однако если сравнить их с общесибирскими (22,2 %) и общероссийскими (29,6 %)⁵ показателями, то в малых городах он был ниже, что объективно отражало отставание их социально-экономического развития от более крупных городов.

К третьей группе по числу занятых в ней горожан относились сельскохозяйственные занятия, которая в среднем по малым городам

составляла 14,5 %, что превышало не только общесибирский (6,9 %), но и тем более общероссийский (5,0 %) ⁶ показатели. Доля лиц, занимающихся сельским хозяйством преобладала в основном в северных городах — Нарыме (45,7 %), Сургуте (43,7 %) и Березове (22,8 %), поскольку в эту группу занятий помимо хлебопашества и скотоводства входили такие промыслы, как рыболовство, охота и т. д. Наименьший процент занятых в сельском хозяйстве наблюдался в городах Каинске (3,4 %), Кургане (3,7 %), Таре (4,0 %), Мариинске (5,9 %), что объяснялось, с одной стороны, отсутствием благоприятных условий для ведения сельского хозяйства, а с другой стороны, падением значения этого рода занятий среди других. В целом значительный процент лиц, занятых в сельском хозяйстве, отражал и до конца завершившийся процесс общественного разделения труда между городом и деревней, который был наиболее характерен именно для малых городов и составлял одну из специфических черт их развития.

Торговля по средним показателям занимала лишь четвертое место в ряду занятий жителей малых городов. По отдельным городам высокий показатель лиц, занятых торговлей, наблюдался в Бийске (11,2 %), Кургане (11,0 %), Ишиме (9,2 %), Таре и Тюкалинске — по 9,1 %. Наименьший процент лиц данной группы был в Туринске, Березове, Колывани и Сургуте. По сравнению с общесибирскими данными по всем городам Сибири, в малых городах процент населения, занятого в торговле, был немного ниже (соответственно 11,2 % и 8,2 %), что объяснялось существованием в то время таких крупных торговых центров, как Томск, Иркутск, Омск, Барнаул. В целом, доля самостоятельного населения, занятого в торгово-промышленной сфере (к которой В.И. Ленин отнес промышленность, торговлю, транспорт, также частную службу и поденщиков), в малых городах составляла 54,2 %, то время как в целом по городам Сибири она достигала 61,8 %.

Характерной особенностью структуры занятий малых городов был высокий средний показатель лиц, лишенных свободы и имевших лишь неопределенные, либо неизвестные занятия — 7,5 %, в целом по Сибири составлял 5,6 %, а по России — 2,5 %. ⁷ Это объяснялось тем, что Сибирь традиционно являлась местом ссылки, в особенности ее небольшие города, такие как Березов, Ялуторовск, Тюкалинск и другие. С этим, очевидно, связан тот факт, что именно в этих городах сосредоточивался наибольший контингент военных.

Более низкий процент лиц, занятых в административной сфере, был обусловлен тем, что среди малых городов большинство являлось уездными, иногда заштатными и никогда губернскими, что стало причиной более низкого процента этой группы лиц по сравнению с общесибирским показателем — 9,1 и 12,0 % соответственно. Оставшиеся 5,0 % населения составляли лица свободных профессий, а также работающие в медицине, служители культа.

В целом структура занятий городского населения по переписи 1897 г. ярко отразила процесс обуржуазивания малых городов и тесно связанный с ним процесс размывания сословий. Несмотря на то, что сельскохозяйственные занятия имели существенное значение для жителей малых городов, в некоторых из них промышленные занятия начинают играть первостепенную роль. Ярким свидетельством развития буржуазных отношений в городах являлось наличие значительной группы людей, занятых службой по найму. Таким образом, перепись 1897 г. отразила факт превращения малых городов из военно-административных пунктов в города, выполняющие торговые и промышленные функции.

¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1. С. 142.

² Ленин В.И. Полн. Собр. Соч., т. 3.; Иванов Л.М. О сословно-классовой структуре городов капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 312–340; Скубневский В.А. Городское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул, 1990. С. 98–119; Бражевская Е. Национальный состав Казахстана по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г. // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей. Томск, 2000. С. 73–80; и др.

³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 78. Тобольская губерния. СПб., 1905. С. 150–155; Т. 79. Томская губерния. СПб., 1904. С. 148–151 (Подсчет наш. – О.Т.).

⁴ Здесь и далее общие данные по Сибири взяты из статьи Скубневского В.А. Городское население по материалам переписи...

⁵ Иванов Л.М. Указ. соч. С. 328.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

А.К. Кириллов (Новосибирск)

СОСТАВ КЛИЕНТОВ ГОРОДСКИХ БАНКОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)*

Одной из важнейших характеристик любого кредитного учреждения, помогающего оценить его нишу на рынке, является направленность выдаваемых им кредитов, состав его клиентов. Рассмотрение этого вопроса применительно к городским общественным банкам поможет понять, каким

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 02-01-00344а.

образом им удавалось сосуществовать со значительно более крупным Государственным и акционерными банками.

Прежде всего, городские банки кредитовали в основном местное население. Причиной тому стал ограниченный размер их капиталов, формировавшихся преимущественно за счёт городских бюджетов. Даже законодательстве на протяжении большей части периода (в 1862–1912 гг.) действовала норма о том, что векселя местных жителей принимаются, при прочих равных, преимущественно перед векселями иногородних. Своё преимущественное право пользоваться банком отстаивали и сами горожане, заинтересованные в кредите. Соответствующие высказывания можно обнаружить в документах местных ревизионных комиссий и городских дум. Купцы, составлявшие большинство и в тех, и в других, указывали, что жители других городов, если им нужен кредит, могут открывать собственные банки.¹

Одновременно ставились препятствия для пригородных крестьян, по закону имевших право кредитоваться в городских банках. Впрочем, сокращение кредитов для крестьян имело и объективную причину в виде трудности взыскания по просроченным крестьянским долгам (в связи как удалённостью их хозяйств от города, так и с некоторыми законодательными особенностями). Названные причины обусловили направленность городских банков на местных горожан.

Деятельность их в значительной степени определялась влиянием правительства, имевшего своё мнение относительно целей и задач данного вида кредитных учреждений. Оно заключалось в восприятии городских банков как учреждений для широких кругов населения. Иллюстрацией может служить ответ министра финансов в 1892 г. на ходатайство Тарской городской думы о закрытии местного банка из-за сокращения его прибылей. Отказываясь утвердить ходатайство, министр, в частности, указал, что "кредиты даются в основном мелкие, следовательно, банк вполне удовлетворяет цели своего учреждения — оказывать содействие в развитии и поддержке местной мелкой промышленности, а не крупной торговли местных торговых людей, потребностям коих отвечают преимущественно коммерческие банки".²

Улавливая настроение правительства и потребности горожан, думские гласные и ревизоры в большинстве случаев выступали с такой же точкой зрения (хотя встречаются и предложения ограничить кредит представителей неторговых слоёв). Однако, во-первых, сами же ревизоры зачастую затрагивали этот вопрос в связи с противоречием политики правления банка названным принципам. Во-вторых, можно полагать, что в ряде случаев эти заявления отражают борьбу за банки между различными группировками ("партиями") купцов, стремившимися любыми средствами опорочить соперника и перехватить власть в банке. Показателен и всеобщий протест со

стороны банкиров после введения в 1883 г. ограничения кредита для одного заёмщика (в размере 10 % собственного капитала банка). Таким образом, можно утверждать, что руководящим соображением для руководителей городских банков являлась всё же коммерческая выгода, и лишь в меньшей степени — стремление обеспечить кредитом мелких заёмщиков.

Такой вывод ставит нас перед вопросом, действительно ли городские банки являлись источником кредита для небогатых горожан. Оценить состав их клиентуры в первом приближении можно по составу банковских балансов. Значимыми в данном случае будут являться три статьи, каждая из которых связана с определённым слоем заёмщиков.

Во-первых, это ломбардные ссуды (ссуды под залог ценных вещей). Законодатели, учитывая, что к ломбардному кредиту "прибегают преимущественно наиболее нуждающиеся слои населения, для которых кредит вообще затруднён, и пользование им в других формах даже совершенно невозможно"³, старались подтолкнуть городские банки к развитию данной формы кредитования. Однако последняя так и не получила значительного развития. Мало того — привычным явлением было открытие местными властями городского ломбарда, несмотря на существующий уже городской банк, или выдача последним думе кредита на развитие операций ломбарда. Нежелание городских банков заниматься кредитом под ценные вещи обусловлено тем, что последний, с учётом издержек по выдаче ссуды, являлся менее прибыльной операцией по сравнению с другими видами кредита. В условиях превышения спроса на капиталы над их предложением это заставляло банкиров отказываться от ломбардной операции и, таким образом, от кредитования самых мелких заёмщиков.

Значительную роль в активах городских банков играли ссуды под недвижимость, уступавшие только учёту векселей. Состав горожан, использовавших этот вид кредита, тоже просматривается довольно отчётливо. В некоторой части это — купцы, уже исчерпавшие вексельный кредит. В основном же — городские обыватели (мещане), не ведущие торговли и занимающие деньги на хозяйственные нужды. При этом они являлись обладателями добротной недвижимости: не всякий дом принимался в залог банком.

Наконец, больше всего кредитов выдавалось путём учёта векселей. По данному виду есть более подробная статистика, которая позволяет полнее, чем в предыдущих случаях, охарактеризовать состав клиентов на начало 1914 г. Оказывается, что численно преобладали домовладельцы, то есть простые горожане, не ведущие торговли и нуждавшиеся в кредите на непроизводительные расходы. Однако основную часть вексельного кредита держали в руках предприниматели. Состав последних характеризует показатель средней задолженности клиентов по вексельному кредиту. Большинство заёмщиков данной группы пользовалось кредитом в пределах

1 тыс. руб. (значительная часть из них — даже в пределах 300 руб.). Заёмщики, имеющие задолженность более 5 тыс. руб., — явление редкое; выше 25 тыс. руб. — исключительное, и то лишь в крупнейших банках. Таким образом, вексельным кредитом в городских банках пользовались прежде всего средние и мелкие предприниматели, а также зажиточные обыватели.

Главной задачей банков является кредит, однако для полноты картины скажем несколько слов и о составе вкладчиков. Законодательство, начиная с 1862 г., ограничивало нижний размер вклада 50 рублями. Но главной причиной отказа мелким вкладчикам было всё то же неудобство работы с мелкими клиентами. В качестве показательного примера можно привести отказ руководства Тюменского банка воспользоваться изменением законодательства в 1912 г. и понизить наименьший размер вклада с 50 до 25 руб. Купцы объяснили, что слишком мелкие вклады, не принося существенной пользы банку, лишь усложняют счетоводство.⁴ Для сравнения можно привести в пример государственные сберегательные кассы, вклады в которых ограничивались потолком в тысячу рублей; при этом стоимость самой дешёвой марки для вклеивания в сберегательную книжку составляла 1 копейку. Подробные данные о составе вкладов в городские банки, которыми мы располагаем для 1913 г., подтверждают мысль о том, что и вкладчики городских банков принадлежали к средним слоям.

Приведённые факты позволяют определить городские банки региона как кредитные учреждения для средних слоёв горожан. Крупных клиентов отсекал законодательно установленный потолок личного кредита. С другой стороны, не очень привлекательным оказалось для банкиров обслуживание мелких заёмщиков, стремившихся к ломбардному кредиту. Таким образом, городские банки работали для двух основных групп. В первую можно включить средних и мелких предпринимателей. Ко второй — обывателей, занимавших деньги на непроизводительные цели, однако имевших достаточно солидную недвижимость, чтобы она могла служить обеспечением ссуды, и уровень доходов, позволявший уплатить хотя бы проценты за пользование займом. Другими словами, городские банки можно назвать кредитными учреждениями среднего класса.

¹ См., например, РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 872. Л. 35 об., 40 об.

² ТФ ГАТюмО. Ф. 152. Оп. 35. Д. 463. Л. 161

³ РГИА. Ф. 1158. Оп. 1, 1911 г. Д. 337а. Л. 25 об.

⁴ ГАТюмО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 258. Л. 24–27 об.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ЗЕМЛЯЧЕСТВА В ТОМСКЕ В НАЧАЛЕ XX В.

Наличие в Томске в начале XX в. высших учебных заведений и особого социального слоя — студенчества — определяло и наличие самостоятельных студенческих организаций, представлявших собой явное проявление инициативы "снизу" и игравших поэтому немаловажную роль общественной жизни региона. Вообще студенческие землячества как объединения уроженцев одной территории (города, губернии, края сложились вместе с развитием в России системы высшего образования. Так уже в XIX в. действовали землячества студентов-сибиряков в Петербурге, Москве, Казани и других вузовских городах. Но с появлением высших учебных заведений в сибирском городе Томске сюда устремился поток молодых людей из различных мест Зауралья и европейской части России, которые объединялись по территориальному признаку в омское, екатеринбургское, иркутское и другие землячества.

Они действовали в Томске наряду с другими корпоративными студенческими органами — советом курсовых старост, научными и самообразовательными кружками и пр. Но согласно "Временным правилам" от 11 июня 1907 г. все студенческие представительные органы были запрещены. По распоряжению Министерства народного просвещения от 16 мая 1908 г. законными считались только те студенческие объединения, чьи уставы были утверждены Советами профессоров. В этих условиях сравнительно массовыми организациями в высших учебных заведениях оставались только землячества.

Формально землячества являлись экономическими объединениями, но редакция журнала "Сибирские вопросы" в обращении, опубликованном в газете "Омский телеграф", отмечала, что "сибирские землячества всегда принимали горячее участие в общеполитической борьбе и играли видную роль в студенческом движении"¹.

В 1907 г. в Томском университете действовало 24 землячества. Они, с одной стороны, занимались поиском заработка для своих членов. Например, в 1910 г. томское землячество при университете создало первую студенческую артель при бесплатной библиотеке, где студенты работали гардеробщиками и швейцарами. С другой стороны, землячества оказывали материальную помощь студентам, выдавая, главным образом, ссуды на оплату обучения.

Основные направления деятельности студенческих объединений можно проследить на примере омского землячества, которое действовало в Томске с 1906 г. и фактически объединяло студентов университета и технологического института (около 60 человек), являвшихся выходцами из Омска. Главное место в его работе занимала материальная взаимопомощь путем выдачи ссуд

и покупки учебников. Но серьезной проблемой для землячества являлся слабый возврат ссуд. Так, за 5 лет существования омского землячества им было выдано ссуд на 2 798 руб. 81 коп., а возврат ссуд составил только 10 %². Средства землячество получало в первую очередь от проведения вечеров и концертов в Омске, которые устраивались совместно всеми омскими землячествами, существовавшими в вузовских городах России, а выручка делилась между ними. Сибирская печать отмечала, что помощь землячества студентам в Томске была больше, чем помощь Общества вспомоществования учащимся вузов.

Студенческие землячества в Томске оказывали помощь не только своим членам. Например, известным томским меценатом П.И. Макушиным, открывшим в Томске Дом науки, было получено письмо от студентов университета, в котором говорилось: "Студенты-иркутяне, глубоко сочувствуя возникновению первой свободной школы в Сибири, не могут оставаться равнодушными и, желая хоть чем-нибудь помочь оборудованию Дома науки, посылают собранные между собой 19 руб. в фонд на устройство библиотеки в Доме науки"³.

Подъем патриотических настроений в годы Первой мировой войны затронул все студенческие организации, в том числе и сибирские землячества, которые стали активно заниматься благотворительной деятельностью. Ими было принято решение перечислять не менее 10 процентов своих доходов, получаемых от проведения вечеров, "на нужды войны". Но все же и в годы войны материальная поддержка своих членов оставалась главным направлением в работе землячеств, поскольку число необеспеченных студентов из года в год возрастало.

В итоге из разрешенных студенческих организаций, как отмечала газета "Сибирская жизнь", к началу 1917 г. только землячества сохранили признаки активной деятельности. Другие же студенческие организации — благотворительные или научные — либо совсем заглохли, либо владели жалкое существование. Причина, по мнению газеты, заключалась в сокращении числа студентов в связи с призывом в армию, а также в подозрительном отношении к организациям вузовской молодежи со стороны администрации⁴.

¹ Омский телеграф. 1911. 11 янв.

² Омский вестник. 1912. 10 июня.

³ Омский вестник. 1913. 25 сент.

⁴ Сиб. жизнь. 1917. 25 февр.

ИСТОРИЯ НОВОНИКОЛАЕВСКА В ТРУДАХ Л.М. ГОРЮШКИНА

Среди нескольких сотен научных трудов выдающегося исследователя истории Сибири Л.М. Горюшкина немалая часть книг и статей посвящена исследованию возникновения и развития Новониколаевска.

Несмотря на относительную молодость города, его история уже давно привлекает внимание исследователей. Сначала в справочных изданиях¹, а затем в немногочисленных статьях, опубликованных в дооктябрьский период², содержатся сведения о поселках в районе станции Обь, краткая характеристика поселка Новониколаевска. По мере развития исторической науки на востоке страны появляются новые исследования по истории города. Статья Н.П. Литвинова – первый опыт систематического обобщения событий и процессов, происходивших в городе в дооктябрьский период³. В первые годы Советской власти основное внимание уделялось изучению революционного движения в Новониколаевске⁴. В период после Великой Отечественной войны интерес к Новосибирску, сыгравшему значительную роль в обеспечении победы, существенно возрос. Следует отметить экономико-географические и краеведческие работы Н.Н. Протопопова⁵. В них история города в дооктябрьский период рассматривается как вводная часть к характеристике Новосибирской области и Новосибирска в советское время.

Со второй половины 50-х гг. XX в. наряду с краеведами, журналистами, участниками событий в работу по изучению истории Новосибирска досоветского периода включились специалисты-историки. Значительно обогатилась источниковая база исследований, были введены в оборот документы Новосибирского партийного и государственного архивов, государственных архивохранилищ Москвы, Ленинграда, Томска, Барнаула и Омска. В конце 70-х гг. XX в. появился первый обобщающий труд по истории Новониколаевска⁶. Руководителем авторского коллектива, подготовившего эту работу, стал Л.М. Горюшкин. Начиная с 60-х гг., он преподавал на гуманитарном факультете НГУ и руководил спецсеминаром по истории Сибири дооктябрьского периода, в частности по истории Новониколаевска. Пройдя различные этапы поиска и систематизации материала, вчерашние студенты успешно защитили дипломы. Но семинар (теперь уже неофициальный) продолжал работу, итогом которой стала книга "Новосибирск в историческом прошлом". Авторы значительно расширили источниковую базу исследования, введя в оборот документы семи центральных и местных архивов, свыше 20 досоветских и десятка советских периодических изданий, воспоминаний, многочисленных сборников документов и статистических сведений.

В этой книге впервые рассматривается история города в целом с 1893 по апрель 1917 г. В ней содержатся сведения об экономическом развитии Новониколаевска в период с 1907 по 1914 гг., в годы первой мировой войны; приводятся данные о деятельности городской социал-демократической организации. Особую ценность представляют разделы, посвященные культурному развитию: о состоянии библиотек, о зарождении театрального искусства и первых кинотеатрах, о гастролях в Новониколаевске выдающихся артистов (например, В.Ф. Комиссаржевской, солистов итальянской миланской оперы) и др. Впоследствии материалы данного исследования были использованы при подготовке книги, опубликованной к 90-летию Новосибирска⁷. Эти издания способствовали формированию основ научной истории Новосибирска досоветского периода, и в этом несомненная заслуга Л.М. Горюшкина.

В качестве ключевых проблем, которые необходимо было исследовать, создавая полную картину истории Новосибирска досоветского периода, Л.М. Горюшкин видел следующие:

- решить дискуссионные вопросы, прежде всего о времени возникновения Новосибирска;
- исследовать динамику и состав его населения;
- проанализировать экономические и другие взаимосвязи с центром страны и сибирскими городами;
- обобщить данные о деятельности политических партий на территории Новониколаевска;
- изучить зарождение и развитие в Новониколаевске театрального искусства, кинематографа и других сфер культуры;
- издать новые документальные публикации⁸.

Многие из поставленных задач Л.М. Горюшкину удалось решить. До сих пор не утихает дискуссия о времени возникновения Новосибирска, о том, какой населенный пункт считать исходной точкой. Об этом писали еще в начале 70-х гг. XX в. Ю.С. Булыгин и М.М. Громыко высказали сомнение в правильности датировки рождения города временем начала строительства железнодорожного моста через Обь⁹. Они рассматривают с. Кривошеково, возникшее в конце XVIII в., как населенный пункт, "из которого вырос г. Новосибирск", а время после строительства моста как "новый период в развитии города — период собственно городской истории Новониколаевска"¹⁰. Справедливо отмечая заслугу авторов в постановке вопроса о недопустимости отрыва истории Новосибирска от предшествующей истории края и окружающих деревень, Л.М. Горюшкин утверждает, что Кривошеково не может считаться исходной ячейкой рождения города¹¹. Старинные сибирские села Кривошеково, Мало-Кривошеково, Бугры, Криводановка были включены решением ВЦИК в городскую территорию лишь в 1930 г. Вопрос о населенных пунктах на

территории будущего города, по мнению Л.М. Горюшкина, нуждается в дальнейшем исследовании. Что же касается даты возникновения Новониколаевска как самостоятельного населенного пункта, то для ее уточнения Л.М. Горюшкин обращался к материалам РГИА (Санкт-Петербург). В фондах Комитета Сибирской железной дороги, Переселенческого управления и изыскательского дела, Западно-Сибирской железной дороги имеются данные обследования районов строительства железной дороги, в том числе и на берегу Оби. Они позволяют уточнить дату и место возникновения Новониколаевска, дают сведения о строительстве железнодорожного моста и поселка, его первом названии и др. Как известно, в конце апреля – начале мая 1893 г. рабочие, приступившие к подготовительным работам по сооружению железнодорожного моста, заложили поселок в устье р. Каменки. Одновременно с этим в районе нынешнего железнодорожного вокзала готовились строительные площадки под будущую станцию, депо и мастерские, возводились первые служебные и жилые помещения¹². Только такой подход, основанный на комплексном анализе исторических источников, позволяет с большой долей уверенности говорить о начальной дате истории Новосибирска.

Л.М. Горюшкин начал работу по изучению населения Новониколаевска, деятельности наиболее заметных личностей начального этапа его истории: Н.Г. Гарине-Михайловском, о первом старосте Новониколаевского поселка И.Г. Титлянове, о владельце типографии в Новониколаевске Н.П. Литвинове¹³ и др. К 100-летию со дня основания города по руководством Л.М. Горюшкина был подготовлен документальный труд, в котором в виде хроники представлены события истории Новосибирска с 1893 г.¹⁴ В 80-е годы ученый участвовал в создании научно-популярных краеведческих работ, посвященных памятным местам Новосибирска¹⁵.

В своих многочисленных работах Л.М. Горюшкин построил фундамент для будущих исследований. Его несомненной заслугой является выявление, систематизация и публикация источников, позволяющих по-новому взглянуть на досоветский период истории Новосибирска, в частности, попытаться исследовать генезис элементов гражданского общества, зарождавшихся в Новониколаевске в конце XIX в.

¹ Энциклопедический словарь. Издатели Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Эфрон (СПб.). СПб., 1897. Т. XXI. Стб.285.; Путеводитель по Сибирской железной дороге. М.; СПб., 1902. С. 143.; Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 285–360.

² Николаев В. Городское дело в Сибири // Сибирские записки. 1916. № 2.

³ См.: Весь Новониколаевск: Адресно-справочная книга на 1924–1925 гг. Новониколаевск, 1925.

⁴ Вегман В. 1905 г. в Новониколаевске // Сибирские огни. 1925. № 4–5. С.174–179; Мучник Г. Воспоминания подпольщика: (эпоха 1905 года) // Сибирские огни. 1925.

№ 5. С. 43–44; Тетерин Н. Новониколаевск в февральскую революцию // Северная Азия, 1927. Кн. I; и др.

⁵ Протопопов Н.Н. Новосибирская область. Новосибирск, 1946; Он же. Новосибирская область: природа и хозяйство. Новосибирск, 1948; Он же. Город Новосибирск и Новосибирская область. Новосибирск, 1948; Он же. Наш город Новосибирск: Библиотечка школьника-краеведа. Новосибирск, 1951.

⁶ Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Цепляев Л.Н. Новосибирск в историческом прошлом. Новосибирск, 1978.

⁷ Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А. Так начинался Новосибирск: Конец XIX – начало XX вв. Новосибирск, 1983.

⁸ Горюшкин Л.М. Изучение истории Новосибирска дооктябрьского периода // Изучение Сибири в советскую эпоху, Бахрушинские чтения. 1987 г. Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск, 1987. С. 165.

⁹ Булыгин Ю.С., Громыко М.М. К истории возникновения Новосибирска // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественные науки. 1971. № 6. С. 89.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Цепляев Л.Н. Новосибирск в историческом прошлом.

¹² См.: Там же; Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А. Так начинался Новосибирск: Конец XIX – начало XX вв. Новосибирск, 1983; Горюшкин Л.М. Как начинался Новосибирск // Вечерний Новосибирск. 1982. 22 января; Он же. Город основали рабочие // Советская Сибирь. Новосибирск, 1983. 24 июля; Он же. Рождение города (к 90-летию основания г. Новосибирска) // Наука в Сибири. 1983. 16 июня; и др.

¹³ Горюшкин Л.М. Первые жители Новониколаевска (1893–1894 гг.) // Известия СО РАН. Серия История, филология и философия. 1993. Вып. 1. С. 45–51; Он же. Разносторонне по-русски даровит (к 130-летию со дня рождения Н.Г. Гарина-Михайловского) // Вечерний Новосибирск. 1982. 22 февраля; Он же. Перед народом был честен (Очерк об И.Г. Титлянове) // Советская Сибирь. 1992. 11 марта; Он же. Редактор и предприниматель (Очерк о Н.П. Литвинове) // Советская Сибирь. 1992. 11 марта.

¹⁴ Новосибирск. 100 лет. События и люди, Отв. ред. Л.М. Горюшкин. 1993.

¹⁵ Памятники Новосибирска. Новосибирск, 1980; Памятники Новосибирска. 1982; Памятники Новосибирской области. Новосибирск, 1989; и др.

О.Н. Устьянцева (Кемерово)

ЦЕРКОВНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ПРИХОДЫ НОВНИКОЛАЕВСКА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В конце XIX – начале XX в. быстрыми темпами идёт процесс хозяйственного освоения Сибири, одновременно осуществляется переселенческое движение¹. Вследствие этого в сибирских епархиях наблюдается быстрый рост православного населения. В 1896 г. было открыто

движение по Сибирской железной дороге через Новониколаевск. С этого момента быстрыми темпами увеличивается население, и в начале XX в. Новониколаевск превращается в крупный промышленный центр Сибири. Параллельно с этими изменениями ведётся бурное церковное строительство. Возведение первого храма начинается одновременно с обустройством железной дороги и города. Строительство финансировалось из разных источников: император Николай II (11 000 руб.), московские благотворители – купцы (супруги) И.Д. и А.З. Баявы (15 000 руб.), средства, собранные по подписке, открытой инженером Сибирской железной дороги Н.Н. Межениновым, но главным образом деньги фонда имени императора Александра III². 29 октября 1899 г. состоялось освящение Александро-Невского храма. Новая церковь была каменной с колокольной и имела три престола: главный – Св. Благоверного князя Александра Невского, правый – Святителя и Чудотворца Николая, левый – Св. Великомученика Георгия Победоносца. Собор стал первым каменным зданием Новониколаевска³. В начале XX в. в городе был освящён целый ряд церквей: 1901 – Покровская, 1.10.1907 – Воскресенская (кладбищенская), 21.01.1908 – Казанская⁴. Все они были деревянными и строились, в основном, за счёт средств прихожан и пожертвований. В 1909 г. в Новониколаевске насчитывалось уже пять церквей, из них три приходских, одна кладбищенская и одна домовая. Штат городских церквей, определённый Св. Синодом, состоял из шести священников, одного диакона и шести псаломщиков, был полностью укомплектован, причём на должностях священников служили два протоиерея. Все священнослужители получили полное семинарское образование⁵.

В 1910 г. образуется отдельное благочиние г. Новониколаевска, в которое кроме городских приходов вошли и близлежащие сельские (Бугринский, Верх-Тулинский, Бердский, Верх-Коенский). На должность благочинного был назначен протоиерей Николай Антонович Завадовский, настоятель Александро-Невского храма. Выбор епархиальных властей был неслучаен. Н.А. Завадовский прошёл длинный служебный путь и зарекомендовал себя как хороший и энергичный священник. Был неоднократно награждён, в том числе наперсным крестом Св. Синода, серебряной медалью памяти императора Александра III, орденами св. Анны 3 и 2 степени. 30.08.1904. возведён в сан протоиерея⁶. На него возлагалась сложная задача – организовать и обустроить благочиние. 6.04.1913 была освящена Вознесенская церковь, при которой открыли самостоятельный приход⁷. Приходская жизнь православного г. Новониколаевска накануне первой мировой войны представлена в таблице.

Состав приходов, церквей и причтов г. Новониколаевска в 1914 г.⁸

Название прихода	Название церквей, престолов	Число прихожан		Состав причта			Содержание причта
		муж.	жен.	Священ.	Диакон.	Псалом.	
Казанский (жители г. Новониколаевска и д. Усть-Иня)	Казанской иконы Божьей Матери	2708	2694	2	1	2	Доходы от треб
Вознесенский	Вознесения Господня	2437	2514	1	-	1	Доходы от треб
Александроневский	Св. Благоверного князя Александра Невского; Святителя и Чудотворца Николая; Св. Великомученика Георгия Победоносца	2390	2420	2	1	2	Доходы от треб
Воскресенский	Воскресения Христова	1875	1914	2	1	2	Доходы от треб и вклад в 50 р. на вечное поминание
Покровский	Покрова Пресвятыя Богородицы	810	875	1	-	1	Доходы от треб

Приходы города были большими, три имели около и более пяти тысяч прихожан, один более двух с половиной и один более полутора тысяч. В двух приходах был утверждён одноштатный причт, в трёх двухштатный. Государственное жалование причтам не было назначено. В двух приходах (Казанском и Воскресенском) к 1914 г. так и не были построены причтовые дома. В начале XX в. приходские церкви осуществляли и культурно-просветительскую деятельность. При Александроневском и Вознесенском храмах функционировали церковно-приходские попечительства⁹, а при Казанском и Покровском – церковно-приходские школы¹⁰.

¹ Об этом подробнее см.: Горюшнин Л.М. Переселенческое движение и сельское хозяйство Сибири во второй половине XIX – начало XX вв. Новосибирск, 1989.

² Томские епархиальные ведомости. 1898. № 8. Отдел неофициальный.

³ Горбачёв Б.Т., Журин Н.П. Собор Александра Невского – первое каменное здание Новониколаевска // Памятники истории и культуры Сибири. Новосибирск, 1978.

⁴ ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4344. Л. 15, 26, 42.

⁵ Там же. Оп. 3. Д. 4728. Л. 3 об.-4.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 4675. Л. 4-5.

⁷ Там же. Д. 4344. Л. 42.

⁸ Таблица составлена нами по: ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4344. Л. 2-64 и Справочная книга по Томской епархии. Томск, 1914.

⁹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 7. Д. 786. Л. 73, 107.

¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 4344. Л. 16 об., 57.

Л.Н. Воробцова (Новосибирск)

ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ НОВНИКОЛАЕВСКА: ЧИСЛЕННОСТЬ, СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)

Возникнув на месте рабочих поселков при строительстве Транссибирской магистрали, Новониколаевск лишь в 1903 году получил статус безуездного города. Но, занимая очень выгодное географическое положение, он быстро превратился в один из главных транспортных и торгово-промышленных центров Сибири.¹ Здесь уже к началу XX в. сформировалась одна из наиболее "влиятельных и экономически сильных групп сибирских предпринимателей"². К сожалению, точное их число установить сложно, но в настоящий момент мы располагаем некоторыми данными о происхождении и деятельности 834 чел., действовавших в городе в 1894–1914 гг.

По сословной принадлежности первыми можно назвать представителей купечества. На рубеже веков в Новониколаевск переселяются и "переносят сюда центр своей деятельности из ближайших сел и городов"³ такие купцы, как Жернаковы, Маштаковы, Суриковы, Базыльников В.И., Беликов Т.И., Корольковы, Кулаев, Островский А.А., Пастухов А.В., Патушинский А.С., Яренский С.М. и др.⁴ Одновременно заметно снижается доля купечества таких сибирских городов, как Барнаул, Бийск, Колывань. Постепенно в Новониколаевск перебираются и представители купечества европейских городов, например, из Царицына 1-й гильдии купцы Туркины, двинский 1-й гильдии купец А.И. Каган, царицынский 2-й гильдии купец И.Ф. Дьяков, Н.М. Кетов. В купеческое сословие стремились вступить и многие из разбогатевших крестьян как Сибири, так и Европейской России, несмотря на выход закона о государственном промысловом налоге 1898 г., "когда заниматься коммерцией можно было и не выбирая гильдейских свидетельств".⁵ Здесь можно назвать крестьян С.Н. Белогорлова, Ельдештейнов, К.А. Полякова, Т.С. Лобастова.

Число купцов, торгующих по гильдейским свидетельствам в Новониколаевске, если верить статистике, в 1896 г. было 60 чел., а общая цифра всех торгующих равнялась 168 чел.⁶ Ряд справочных изданий, того времени дает следующие сведения о численности купеческого сословия в

городе: 1908 г. – 1022 чел., 1909 г. – 1045 чел., 1910 г. – 417 чел., 1911 г. – 70 чел., 1912 г. – 540 чел., 1913 г. – 836 чел., 1916 г. – 70 чел., 1917 г. – 1294 чел. Но, по мнению ряда историков, это скорее всего неточные цифры из-за "столь резкого перепада численности".⁷ По нашим же данным из выявленных 834 предпринимателей Новониколаевска купцов было 120 чел., т. е. 14,4 %, из них 12 чел. (10 %) вышли из Европейской России, 108 чел. (90 %) приехали из других городов Сибири. По образовательному уровню большинство из них имели либо начальное, либо среднее образование, высшее имели 5 чел., домашнее – 2 чел., неграмотными были 2 чел. Что касается происхождения новониколаевских купцов, то из них только 30 чел., или 25 %, были потомками купцов, а 2–3 поколения купцов насчитывали 9 чел., из дворян вышло 2 чел., или 1,6 %. Но и эти данные не полны, так как в некоторых случаях нет сведений о происхождении купцов. Если же брать статистику только тех, чье происхождение известно, то получится из 54 чел. – 56,6 % – потомки купцов, 20,8 % – выходцы из мещан, 22,8 % – из крестьян.

В это время существовала в городе и особая категория – это личные и потомственные граждане, звание почетного гражданина было выше купеческого, но ниже дворянского, и давало ряд привилегий его обладателю.⁸ В Новониколаевске почетными гражданами стали И.М. и А.М. Луканины, И.Д. Жильцов, М.Д. Фальков, Н.Е. Жернаков, В.Б. Фредерикс и др.

Одной из крупнейших сословных групп, являвшейся основой формирования новониколаевских предпринимателей, было мещанство – городские средние слои, "преимущественно средние и мелкие торговцы и промышленники, "кустари".⁹ Так, из мещан происходили Луканины – 9 чел. (Уфа), Мелихов, Лапшин (Рыльск), братья Кетовы (Шадринск), Копылов (Чистополь). По предварительным подсчетам, около 40 % всех крупных предпринимателей были выходцами из мещан. При этом 38 % чел. мещанского сословия приехали в Новониколаевск из Европейской России, 62% из Сибири. Образовательный уровень – в основном низшее и среднее образование, неграмотных нет, с высшим образованием было только 2 чел.

Крестьянское происхождение имели такие крупные предприниматели Новониколаевска, как братья В.С. и И.С. Корольковы, Т.С. Лобастов и др., при этом удельный вес выходцев из крестьян в составе предпринимателей даже выше, чем в среднем по Сибири (в Новониколаевске – 30 %, по Сибири – 25,3 %). Объяснить это можно тем, что здесь они испытывали гораздо меньше конкуренции, чем в старых торгово-промышленных центрах.¹⁰ Кроме того, необходимо учитывать и то, что часть мещан тоже была крестьянского происхождения. Предприниматели крестьянского происхождения, приехавшие из Европейской России, составляли 74 %, из Сибири – 26%. Их образовательный уровень был низок: в основном – начальное образование, а несколько человек были вообще неграмотными.

Четвертая сословная группа – дворяне, но в Сибири, в отличие от европейской России, их было мало. Так, в Новониколаевске предпринимательством занималось 9 чел. выходцев из дворянского сословия. Среди них действительный статский советник К.Ф. Леншкович, его жена, А.Г. Токовин, действительный статский советник В.П. Злоказов, граф А.Г. Кайзерлинг и др.

По национальному составу предприниматели Новониколаевска были также неоднородны. Помимо русских представителей, которые составляли основную их часть, есть много людей других национальностей: украинцев, поляков, евреев, татар. Были и иностранные подданные – 9 чел.

Сведения о новониколаевских предпринимателях неполные из-за плохой сохранности источников, они охватывают примерно 30 % общего числа. Из них большинство составляли местные уроженцы, при этом, если купечество на 90 % было представлено сибирскими уроженцами, то крестьяне примерно на 74 % были выходцы из европейской России. Образовательный уровень был недостаточно высок: высшее образование имели единицы, в основном это было начальное образование, а среди купцов и мещан – начальное и среднее.

¹ Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия Новониколаевска (Новосибирска) в период капитализма. // Из истории Алтая. Томск. 1975. С. 68.

² Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири. (XVII – нач. XX в.) Барнаул, 1999. С. 124.

³ Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая (вторая половина XIX – нач. XX века). Барнаул, 2001. С. 64.

⁴ АУФСБ НСО. Д. 7256. Т. 1. Л. 142-149; ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4526. Л. 16; Д. 4542. Л. 57; ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2646. Л. 4.

⁵ Скубневский В.А. и др. Указ. соч. С. 64.

⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3708. Л. 31, 46.

⁷ Скубневский В.А. и др. Указ. соч. С. 65.

⁸ Там же. С. 62.

⁹ Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975. С. 55.

¹⁰ Там же. С. 59.

Д.М. Шиловский (Новосибирск)

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО НОВНИКОЛАЕВСКА

До конца 80-х гг. в многочисленных публикациях по истории сибирских городов вопросы состояния преступности и деятельности правоохранительных органов не поднимались. О полиции, вернее, действиях ее сотрудников, вспоминали лишь при освещении революционного

движения, и создавалось впечатление, что повседневные усилия чинов полиции сводились к карательным акциям по борьбе с ним. Сложившееся положение нарушил Л.М. Горюшкин, который, разрабатывая историю Новониколаевска, остановился на некоторых аспектах функционирования городского полицейского управления (создание, штаты, взаимоотношения с муниципальными органами), а также выявил отдельные яркие эпизоды из повседневной жизни блюстителей порядка (дело полицмейстера Висмана, массовые бунты в конце 1916 г.)¹.

Первым полицейским приставом пос. Новониколаевского приказом томского губернатора от 17 марта 1897 г. был назначен коллежский секретарь И. Копейкин, а его помощником — отставной хорунжий Оренбургского казачьего войска Г. Лебедев. По службе они подчинялись томскому уездному исправнику. После получения в 1903 г. статуса безуездного города в Новониколаевске создается городское полицейское управление (НГПУ), в состав которого входили три участка: Центральный, Вокзальный и Закаменский во главе с участковыми приставами и их помощниками. Каждый участок делился на два околотка во главе с околоточными надзирателями, которым подчинялись городовые полицейские служители. Один из пяти городских назначался старшим. Распоряжением томского губернатора от 2 октября 1907 г. в Новониколаевске создается вневедомственное подразделение ночной охраны, на рубеже 1916–1917 гг. организуется сыскное отделение (уголовный розыск). Кроме того, в состав НГПУ входила городская пожарная команда. По нормам один городской полагался на 400–500 городских жителей, реально же, из-за нехватки средств, нормы не выполнялись. Так, в 1911–1913 гг. при численности жителей в 60 тыс. чел. в штате управления имелось 15 пеших и 33 конных городских.

Полиция в дореволюционной России рассматривалась правительством не только как правоохранительная структура, но и как низовая часть местного административного аппарата в целом. В компетенцию городской полиции входили вопросы хозяйственной жизни, соблюдение санитарных норм и контроль над благоустройством улиц. Так, в Новониколаевске в 1915 – начале 1917 гг. действовала комиссия по реквизиции масла и мяса для действующей армии под председательством полицмейстера Г.П. Бухартовского. Поддержание правопорядка осуществлялось путем назначения суточного наряда во главе с одним из приставов в здании НГПУ и организации круглосуточных обходов и объездов (конными городскими) территории города, а также выделением постоянных нарядов в места "скопления" горожан (театр, парки, рынки).

Финансирование полицейских органов частично осуществлялось за счет городского бюджета. Например, в смете новониколаевской городской думы на 1917 год из общей суммы запланированных расходов в 2 654 992 руб., на содержание НГПУ выделялось 270 580 руб. или 10 %². Денежные оклады

чинов полиции были невысокими: для рядового звена – 25 и 35 руб. в месяц соответственно для пешего и конного городского, 600 руб. в год для пристава и 900 руб. для полицмейстера. Кроме того, служащие и их семьи могли рассчитывать на разовые выплаты. В 1910 г. городская дума доплачивала полицмейстеру за руководство ночной охраной 900 руб., а в 1911 г. выделила 100 руб. на похороны убитого городского.

Несоответствие должностной ответственности и материального обеспечения, наряду со многими другими причинами, приводили к печальным последствиям. Прогрессировали взяточничество, грубость, попустительство и прямое нарушение закона. В 1909 г. активисты местного отдела Союза русского народа собрали 113 заявлений лиц, пострадавших от произвола чинов НГПУ и обратились к главе губернии с просьбой назначить расследование. В 1910 г. решением томского губернатора Н.Л. Гондатти создается соответствующая комиссия, работа которой получила широкую огласку в местной и центральной прессе. Следствие выявило многочисленные злоупотребления, сводящиеся: 1. живущие в городе евреи должны были платить за право проживания от 20 до 200 руб. в месяц; 2. полицейские покрывали деятельность нелегальных домов терпимости; 3. владельцы мелких лавок и пивных точек платили им фиксированную дань в размере от 5 до 20 руб. в месяц; 4. за отсутствие вида на жительство в городе взыскивался штраф в размере 100 руб., хотя стоимость регистрации составляла 15 коп. В 1914 г. состоялся судебный процесс над руководством НГПУ. Обвиняемые: полицмейстер В.П. Висман, приставы А.В. Чукреев, Ф.В. Курницкий, околоточные надзиратели В.В. Пацановский и М.Н. Дубогрей были приговорены выездной сессией Омской судебной палаты к 8 месяцам арестантских рот каждый.

Вместе с тем следует указать, что служба в правоохранительных органах и тогда была связана с риском для жизни. Так, сообщая о подавлении в Новониколаевске массовых беспорядков 9 ноября 1916 г., томский губернатор доносил министру внутренних дел: "При столкновении чинов полиции с толпою пострадали: полицмейстер города, получивший 4 ушиба камнями, из них два в голову; пристав Центрального участка Попов, которому нанесена рана в голову и несколько ушибов; околоточные надзирателя: Климович и Дворецкий, раненные в голову, Баус в живот и руку; городские: Ковалько, Бундин, Яковлев, Алексеев, Гапошкин и Шамейлов, также получили по несколько ушибов"³.

¹ Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Цепляев Л.Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978; Новосибирск: 100 лет. События. Люди, Под ред. Л.М. Горюшкина. Новосибирск, 1993.

² ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 253. Л. 33, 52.

³ ГАНО. Ф. Д-5. Оп. 2. Д. 390. Л. 6.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АУ ФСБ НСО	Архив управления Федеральной службы безопасности по Новосибирской области
ГАИО	Государственный архив Иркутской области
ГАКК	Государственный архив Красноярского края
ГАКО	Государственный архив Курганской области
ГАНО	Государственный архив Новосибирской области
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАТО	Государственный архив Томской области
ГАТюМО	Государственный архив Тюменской области
ЗСО РГО	Западно-Сибирский филиал Русского географического общества
НАРС(Я)	Национальный архив Республики Саха (Якутия)
РГВА	Российский государственный военный архив
РГИА	Российский государственный исторический архив
СОРГО	Сибирский отдел Русского географического общества
ТФ ГАТюМО	Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области
УГА РК	Центральный государственный архив Республики Казахстан
ЦДНННОО	Центр документации новейшей истории Омской области
ЦХАФКХ	Центр хранения архивных фондов Алтайского края
ЦХИДНИКК	Центр хранения и документации новейшей истории Красноярского края

Голишева Л.А., Соловьева В.А., Черняк М.Э., Черняк Э.И. Историки по зову души: И.М. Разгон и Л.М. Горюшкин – учитель и ученик	4
Щербин Н.М., Шелегина О.Н., Запорожченко Г.М. Персональный фонд Л.М. Горюшкина в музее СО РАН	13
Пронин В.И. Проблемы аграрного рынка Сибири в научном наследии Л.М. Горюшкина	14
Скубневский В.А. Вопросы истории предпринимательства в трудах Л.М. Горюшкина.	21
Аграрное освоение Сибири и её специфика	26
Шиловский М.В. Л.М. Горюшкин о специфике колонизации и переселения в Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв. и дальнейшая разработка этой проблемы отечественными историками .	26
Соловьева Е.И., Сидорчук О.Н. Проблемы исследования местного самоуправления западносибирской деревни в XX в.	31
Кузнецов И.С. Коллективизация и судьба российского и сибирского крестьянства	34
Ильиных В.А. Единоличники Западной Сибири (конец 1920-х – начало 1940-х гг.): социальные процессы, стратификация	37
Николаев А.А. Крестьянская община и маслодельная кооперация в Сибири: историографический аспект	41
Якимова И.А. Некоторые проблемы пореформенной крестьянской общины в Сибири в трудах историков-сибиреведов 60–90-х гг. XX в. .	45
Котович Л.В. Принятие управленческих решений по обстоятельствам сельскими сходами Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.	48
Рышков В.М. Сельское ростовщичество, кооперация, община: к вопросу об их взаимодействии в Сибири в первое двадцатилетие XX в.	50
Барсуков В.Л. Аграрный вопрос в России начала XX века и возможности его разрешения	54
Тулеуова Б.Т. Аграрное освоение центрального Казахстана и казахское общество во второй половине XIX – начале XX вв.	56
Строгова Е.А. Середина деревня (о семейном строе приленских крестьян конца XVIII в.)	58
Мамсик Т.С. Бердская волость по материалам окладной книги 1822 г.	60
Фурсова Е.Ф. Русские первопоселенцы Сузунского района Новосибирской области (применение метода интеграции архивно-этнографических источников)	64

Татарникова А.И. Сеть поселений в Томской губернии по данным «Списков населённых мест» второй половины XIX – начала XX в. . . .	67
Родигина Н.Н. Непосредственные исследователи переселенческого движения об особенностях общинного самоуправления в Сибири во второй половине XIX в.	69
Корнильева Е.И. Влияние переселений второй половины XIX – начала XX в. на промысловое освоение Сибири в исследованиях историков послеоктябрьского периода	71
Смирнова Л.Н. Участие сибирского крестьянства в обсуждении организации земского самоуправления в Сибири	74
Байжуманова Н.К. К вопросу о роли собирательства в хозяйственном укладе кумандинцев в конце XIX – начале XX в.	75
Новашов А.В. Томские епархиальные ведомости о переселенческой политике П.А. Столыпина	76
Недзелюк Т.Г. П.А. Столыпин о значимости поддержки Переселенческим управлением переселенцев-католиков в Сибири. . . .	78
Хасенова Ж.О. О введении подворного и хуторского хозяйства на переселенческих участках Акмолинской области в начале XX в. (к постановке вопроса)	79
Казаков Е.Э. Лидер кооперативного движения А.Н. Балакшин. . . .	81
Тяпкин М.О. Лесная стража Алтайского округа в 1911–1917 гг. . . .	83
Поляков С.Е. Реакция крестьянства Алтайского округа на политический кризис 1917 г.	86
Дежурова Л.Н. Поселок Корниловский.	89
Герман Е.Н. «Урало-сибирский» метод хлебозаготовок: рождение и практика в кампанию 1928/1929 г.	91
Мелентьева А.Ц. Усиление налогового давления на единоличников в 1938 г.	94
Карпунина И.Б. Хлебозаготовительная кампания 1946 г. в Алтайском крае.	96
Социально-политические процессы и культура региона	100
Ремнев А.В. Еще раз о месте Сибири в составе Российской империи	100
Дамешек Л.М. «Сибирские инородцы» в имперской стратегии власти XVIII - начала XX вв.	105
Казарян П.Л. Л.М. Горюшкин и проблемы исследования истории ссылки в Сибири.	108
Пайчадзе С.А. Л.М. Горюшкин и реализация проекта изучения истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока.	111
Матханова Н.П. Участие женщин в управлении в Сибири XIX века	113
Дамешек И.Л. Дефиниция «окраина»: история и современное состояние (к постановке проблемы)	115

Зубов В.Е. Изменение социального состава государственных служащих в конце XIX – начале XX вв.	118
Крылова Т.Д. Причины побегов ссыльных во второй половине XIX в. в Сибири.	121
Макарчук С.В. Съезды представителей городов Сибири: партийная инициатива периода первой мировой войны.	122
Ноздрин Г.А. Дискуссионные проблемы истории сибирских организаций партии социалистов-революционеров.	127
Курусканова Н.П. Нелегальная печать социал-демократов и эсеров о сибирском крестьянстве.	129
Селиверстов С.В., Кузгумбаева Ж.С. К вопросу о политическом менталитете региональной общественности в начале XX в. (Г.Н. Потанин и банкет 12 января 1905 г. в Томске)	132
Родионов Ю.П. В.А. Караулов: штрихи к политической биографии	134
Воложанина Е.Е. Всероссийский крестьянский союз в модернизации России: от иллюзии к реальности.	137
Шекшеев А.П. Многоликость крестьянского бандитизма 1920-х годов (на материалах приенисейского региона)	140
Модоров Н.С. Религиозно-национальные и межэтнические отношения в горном Алтае: состояние, проблемы, пути их преодоления.	144
Волкова В.Н. Культурно-просветительные общества Сибири и формирование книжных потребностей населения (вторая половина XIX – начало XX вв.)	147
Дегальцева Е.А. “Третий сектор” в дореволюционной Сибири.	149
Попов Д.И. К вопросу о деятельности культурно-просветительных организаций в Сибири после поражения первой российской революции.	152
Воробьев В.В. К вопросу о регламентации выхода повременных изданий в городах Сибири в 1905 г.	154
Пиков Г.Г. Неизвестная страница сибирского востоковедения (М.Н. Суровцов)	157
Эрлих В.А. Сибирские дореволюционные издания о развитии экономики в крае.	161
Ушакова О.В. Организация трезвенной работы в западносибирских епархиях в 1907–1914 гг.	163
Волгин И.В. Оценка американскими и британскими авторами уровня народного просвещения в России и Сибири в конце XIX – начале XX в.	165
Чупахина Е.А. Высшие женские курсы по публикациям русских журналов 1870–80-х гг.	168
Бахтин В.К. Сибирь накануне и в годы первой мировой войны: итоги изучения.	171

Добровольский А.В. Влияние Комуча на политические позиции эсеров Сибири.	271
Звягин С.П. Член Западно-сибирского комиссариата	173
М.Я. Линдберг.	176
Кокоулин В.Г. Некоторые вопросы историографии гражданской войны на Дальнем Востоке (1991–2002 гг.)	178
Волчо Е.В. Празднование восьмого марта в 1920–1930-е гг. в западной Сибири.	181
Ушакова С.Н. Некоторые особенности "модернизационной" идеологии 1930-х гг.	184
Миненков Д.Д. Причины и обстоятельства первого призыва тылоополченцев в Сибири в 1930 г.	186
Кладова Н.В. Следственные дела репрессированных: исторический источник в постнеклассической научной парадигме	189
Борзенков А.Г. Роль революционных и ленинских идеалов в идейных спорах и аналитических исканиях молодежи на востоке России (1961–1991 гг.)	193
Щеглова Т.К. Историческое наследие Алтая: формы и методы изучения и сохранения (из опыта работы)	197
Города Сибири в период капитализма	202
Толочко А.П. Городское самоуправление в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. (к историографии и проблематике темы) ..	202
Ивонин А.Р. Бюджеты городов Западной Сибири в дореформенную эпоху.	205
Зиновьев В.П. Современная отечественная историография индустриального развития Сибири в XIX – начале XX в.	208
Букин С.С., Тимошенко А.И. Проект транспортного освоения Сибири в конце XIX в.	213
Катионов О.Н. Отражение истории Московско-Сибирского тракта в сибирской историографии.	215
Муканова Г.К. Особенности возникновения и развития городов Степного края в XVIII – начале XX вв.	218
Петров П.П. Основание «государева города на Лене реке» (к 370-летию города Якутска)	219
Гончаров Ю.М. Основные тенденции демографического развития городской семьи Сибири во второй половине XIX – начале XX в.	223
Баяндин В.И. Последние рекруты Томской губернии.	226
Ерёмина Л.А. Деятельность органов городского самоуправления Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. по развитию торговли и промышленности.	229
Литягина А.В. Городское хозяйство в Сибири в конце XIX – начале XX вв.	232

Разумов О.Н. О соотношении и особенностях российского и иностранного компонентов в акционировании горной промышленности Сибири и Дальнего Востока (1895–1917 гг.).	235
Запорожченко Г.М. Взаимодействие деревни и города в процессе кооперативного строительства в Сибири (конец XIX – начало XX вв.)	237
Островский Л.К. Польское население городов Сибири (1890–1920-е гг.)	240
Андрющенко Б.К. Специфика торговли в Западной Сибири в пореформенный период (1861–1914 гг.)	242
Мариупольский А.М. Оптовая торговля спиртоводочной продукцией в городах Западной Сибири в конце XIX в.	245
Тяпкина О.А. Структура занятий населения малых городов Западной Сибири по переписи 1897 г.	247
Кириллов А.К. Состав клиентов городских банков Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.)	250
Ищенко О.В. Студенческие землячества в Томске в начале XX в. . .	254
Ус Л.Б. История Новониколаевска в трудах Л.М. Горюшкина.	256
Устьянцева О.Н. Церковное строительство и приходы Новониколаевска в конце XIX – начале XX в.	259
Воробцова Л.Н. Предприниматели Новониколаевска: численность, социальный состав (конец XIX – начало XX в.)	262
Шиловский Д.М. Правоохранительные органы дореволюционного Новониколаевска.	264
Список сокращений.	267

Компьютерный набор и верстка *А. К. Кириллова*
 Редактор *С. В. Исакова*

Подписано в печать 19.08.2002 г.
 Формат 60×84 1/16. Офсетная печать.
 Уч.-изд. л. 15. Тираж 200 экз.
 Заказ № 382

Лицензия ЛР № 021285 от 6 мая 1998 г.
 Редакционно-издательский центр НГУ
 630090, Новосибирск-90, ул. Пирогова, 2.

